ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ ПРАВА.

II.

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННАГО ПРАВОСОЗНАНІЯ.

П. Новгородцева.

АННУЛИРОВАНО
АННУЛИРОВАНО
АННУЛИРОВАНО

МОСКВА.
1909.

Пров. 1958

Библиотека ООН
Академия Наук СССР
053
39

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1909 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ представляетъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, задуманнаго подъ общимъ заглавіемъ: «Введеніе въ философію права». Въ первую часть его, которая будетъ озаглавлена «Возрожденіе естественнаго права», войдутъ съ значительными дополненіями двѣ уже напечатанныхъ мною ранѣе статьи: «Нравственный идеализмъ въ философіи права» и «Государство и право». Второй частью является настоящій трудъ. Третья часть, подъ спеціальнымъ заглавіемъ: «Объ общественномъ идеалѣ» послужитъ продолженіемъ второй и завершеніемъ всего изслѣдованія въ его цѣломъ. Я выпускаю вторую часть ранѣе другихъ, такъ какъ она, находясь въ связи съ остальными, имѣетъ и самостоятельное значеніе.

Къ этимъ внѣшнимъ указаніямъ относительно выпускаемой книги я хотѣлъ бы присоединить общее разъясненіе о первоначальномъ замыслѣ, въ связи съ которымъ она возникла. Лѣтомъ 1905 года я предполагалъ написать статью на тему «Оправданіе права», избравъ отправной точкой для этой статьи отрицательный взглядъ на право, нашедшій яркое выраженіе у Л. Н. Толстого. Въ противоположность этому взгляду я имѣлъ въ виду показать значеніе правовыхъ началъ для цѣлей нравственнаго развитія. Занявшись изслѣдованіемъ этого вопроса, я пришелъ однако къ убѣжденію, что современныя сомнѣнія въ значеніи права имѣютъ глубокіе корни въ новѣйшей эволюціи правовыхъ идей, что они питаются тѣмъ кризисомъ, который переживаетъ современное правосознаніе. Конечно, сомнѣнія въ правѣ высказывались и ранѣе, но въ наше время они пріобрѣтаютъ особый симпто-

матическій характеръ, свидѣтельствующій о нѣкоторыхъ важныхъ и существенныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи правового государства. Когда я сталъ на эту точку зрѣнія, факты и свидѣтельства, подтверждавшіе ее, представились мнѣ въ такомъ изобили, что предо мною сразу нарисовалась картина, которую я старался изобразить въ этой книгѣ. Лѣтомъ 1905 года я уже написалъ первыя страницы своего труда, въ которыхъ основной взглядъ, проходящій черезъ всю книгу, выраженъ съ достаточной ясностью [1]).

Читатель, который ознакомится съ настоящимъ сочиненіемъ, быть можетъ найдетъ, что и въ немъ сохранились слѣды первоначальнаго замысла, что оно также представляетъ своего рода «оправданіе права». Этотъ сложный вопросъ можетъ однако получить надлежащее освѣщеніе лишь въ связи съ анализомъ ученій, принципіально отрицающихъ право и государство. Я предполагаю выполнить эту задачу въ слѣдующей части своего изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что читатель вынесетъ изъ моей книги то же убѣжденіе, которое сложилось и у меня въ результатѣ изученія предмета,—что кризисъ современнаго правосознанія не колеблетъ идеи права, а только расширяетъ ея содержаніе и ставитъ ей новыя задачи.

24 іюля 1908 г.
Юрьевъ-Дерптъ.

Внѣшнія условія печатанія этой книги, появлявшейся предварительно отдѣльными частями въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», задержали ея выходъ въ свѣтъ до конца текущаго года. Сравнительно съ текстомъ, напечатаннымъ въ журналѣ, въ настоящее изданіе внесены нѣкоторыя исправленія.

24 декабря 1908 г.
Москва.

---

[1]) Эти страницы, составившія введеніе въ настоящій трудъ (стр. 1—16), были напечатаны въ 1906 г. въ журналѣ «Вопросы фил. и псих», кн. 84.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III — IV

Оглавленіе . . . . . V — XII

Вступительныя замѣчанія. Отношеніе понятій: кризисъ современнаго правосознанія и возрожденіе естественнаго права (1—2) . . . . . 1 — 2

Введеніе.

Отзывъ Л. Н. Толстого о правовыхъ реформахъ и нравственномъ прогрессѣ. Связь этого отзыва съ глубочайшими сомнѣніями современнаго правосознанія (3—5). Идеальныя задачи правового государства по взглядамъ его провозвѣстниковъ Апоѳеоза права въ философіи Канта и Гегеля. Аналогичное отношеніе къ правовымъ учрежденіямъ въ древней Греціи. Отношеніе къ правовому государству Платона и Аристотеля (5—11). Перемѣна воззрѣній на право и правовое государство въ наши дни. Утрата вѣры во всемогущую силу правовыхъ началъ. Кризисъ правосознанія. Правовая идея и нравственныя требованія (11—16) 2 — 16

ГЛАВА I.

Кризисъ теоріи правового государства.

I. Идея народнаго суверенитета. Доктрина Руссо . . . . . 17— 37

Идея гармоніи общественныхъ отношеній. Опытъ XIX вѣка. Идея народнаго суверенитета, какъ основа теоріи правового государства (17—19). Постановка вопроса у Руссо. Общая воля, какъ результатъ естественнаго согласія отдѣльныхъ интересовъ и какъ

Стр.

неизмѣнный элементъ, присущій частнымъ волямъ (20 — 29). Практическія затрудненія къ образованію истинной народной воли. Условія осуществленія народнаго суверенитета. Значеніе теоріи Руссо (29—37).

II. Доктрина Руссо и наказы 1789 г. . . 37 — 47

Опытъ примѣненія идеи народной воли въ заявленіяхъ французскихъ наказовъ 1789 г. Критическое и оппозиціонное значеніе этой идеи. Затрудненія при опредѣленіи положительныхъ началъ, вытекающихъ изъ народной воли (37—43). *Свободное образованіе народной воли, какъ основное требованіе теоріи.* Неопредѣленность народной воли. Неосновательность вѣры въ возможность легкаго обнаруженія народной воли. Общая воля, какъ принципъ народнаго единства (43—47).

III. Кризисъ теоріи народнаго суверенитета . . . . . 47 — 60

Кризисъ теоріи Руссо, какъ крушеніе идеи справедливаго государства, основаннаго на гармоніи общественныхъ отношеній. Постановка политической проблемы у Руссо и оригинальность въ ея разрѣшеніи (47—52). Два основныхъ предположенія теоріи Руссо; легкость выраженія общей воли и справедливость общей воли. Отступленіе отъ этихъ предположеній въ XIX вѣкѣ. Отзывы Брайса, А. Леруа-Болье и Альфреда Фулье. Перемѣна воззрѣній на значеніе народной воли. Общее объясненіе происшедшей перемѣны: трудность осуществленія справедливой общей воли (52—58). Связь идеи народнаго суверенитета съ теоріей правового государства и съ ея позднѣйшими выраженіями (58—60).

IV. Руссо и Монтескье . . . . . 61 — 76

Отвлеченный характеръ идеи общей воли; ея недостаточность въ приложеніи къ дѣлу государственнаго устроенія. Вліяніе Руссо на идеи дѣятелей революціонной эпохи. Ограниченіе этого вліянія противодѣйствующимъ вліяніемъ Монтескье (61—66). Противорѣчіе ученій Монтескье и Руссо. Мабли и Сійесъ. Вопросъ о единствѣ революціонной доктрины. Пункты расхожденія Монтескье и Руссо. Идея неотчуждаемой народной воли и принципъ представительства (66—76).

Стр.

V. Отступленіе отъ идей Руссо въ эпоху революціи . . . . . 76—113

Признаніе представительства и отрицаніе императивныхъ мандатовъ. Конституція 1791 г. Уравненіе правъ народнаго представительства съ правами всего народа. Слабое распространеніе идеи непосредственнаго народнаго управленія (76—81). Неполное проведеніе идей Руссо въ конституціи 1793 года: докладъ Эро де Сешелля. Вліяніе Монтескье. Взглядъ на депутатовъ у Руссо и въ эпоху революціи. Воззрѣніе Сійеса Разъясненіе этого воззрѣнія у Эсмена. Принципальное отступленіе отъ теоріи народной воли. Современныя воззрѣнія (Беджгота, Орландо, Лабанда) (82 — 96). Ограниченіе избирательнаго права въ революціонную эпоху. Взгляды Камиля Демулэна и Сійеса. Агитація противъ цензоваго избирательнаго права; отраженіе въ ней завѣтовъ Руссо. Идея референдума. Отношеніе къ ней Національнаго Собранія. Предложеніе д'Андре и формула Тронше. Вопросъ о пересмотрѣ конституціи (96—104). Вопросъ объ избирательномъ цензѣ. Національное Собраніе. Конституція III года республики (104—108). Признаніе самостоятельнаго значенія народнаго представительства. Теоретическія основанія этого признанія. Отвлеченное и внѣшнее отраженіе идеи народнаго суверенитета въ конституціяхъ революціонной эпохи (108—113)

VI. Позднѣйшая форма доктрины народнаго суверенитета . . . . . 113—119

Коренное отличіе позднѣйшей теоріи общей воли отъ доктрины Руссо. Идея автоматическаго образованія общей воли и идея борьбы за содержаніе общей воли. Мысль о раскрытіи общей воли черезъ народное представительство. Дѣйствительное значеніе народнаго представительства. Несостоятельность исправленной теоріи народнаго суверенитета (113—119).

VII. Общественное мнѣніе и политическія партіи . . . . . 120—140

Невозможность точнаго выраженія народной воли. Характеръ общественнаго мнѣнія. Пассивная роль большинства и руководящая роль немногихъ въ образованіи общественнаго мнѣнія. Неустойчивость общественнаго мнѣнія. Отсутствіе въ немъ положительныхъ указаній относительно конкретныхъ подробно-

Стр.

стей и путей политической жизни. Органы общественнаго мнѣнія ставятъ своей цѣлью не столько выраженіе общественнаго мнѣнія, сколько образованіе его (120—131). Вліяніе политическихъ партій. Взглядъ Руссо на необходимость самостоятельнаго участія каждаго въ образованіи общей воли. Позднѣйшая практика партійныхъ организацій; господство партійной „машины". Наблюденія Брайса и Острогорскаго Необходимость партійныхъ организацій въ правовомъ государствѣ и необходимость дисциплины въ партійныхъ организаціяхъ (132—140).

VIII. Представительство и народная воля . . . . . 140—172

Самостоятельное положеніе народнаго представительства по отношенію къ народу. Теорія Сійеса. Взглядъ Мирабо на представительство, какъ на копію народа. Анализъ народнаго представительства со стороны количественныхъ соотношеній. Мажоритарная и пропорціональная системы (140 — 150). Анализъ представительства съ качественной стороны. Отношеніе депутата къ избирателямъ. Неясность и противорѣчивость взглядовъ избирателей. Мнѣніе Іеллинека о неразрѣшимости проблемы справедливаго избирательнаго права. Рѣшенія представительныхъ собраній въ ихъ отношеніи къ волѣ народной (151—160). Внутреннія отношенія членовъ представительныхъ собраній по ихъ значенію и вѣсу для общихъ рѣшеній. Вліяніе партій. Новѣйшая эволюція парламентаризма. Указанія Дайси, Брайса и Сиднея Лоу. Смыслъ совершившейся перемѣны; усиленіе исполнительной власти въ связи съ установленіемъ болѣе непосредственной связи ея съ народомъ. Усиленіе власти избирателей (160—172).

IX. Референдумъ и народная воля . . 172—200

Референдумъ съ точки зрѣнія соотвѣтствія его народной волѣ. Преимущества референдума. Мнѣніе Курти. Борьба за референдумъ въ Швейцаріи. Дебаты въ Сенъ-Галленѣ. Воззрѣнія Дюга. Главныя разнорѣчія защитниковъ представительства и сторонниковъ референдума. Мнѣніе Вельти (172—183). Конкретныя данныя относительно дѣйствія референдума. Вычисленія Штюсси. Референдумъ факультативный и обязательный и народная иниціатива съ точки зрѣнія проявленія въ нихъ народной воли. Мысль Штюсси о

Стр.

свободной инициативѣ. Естественные предѣлы непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. Сохраняющееся значеніе представительства. Референдумъ и народный суверенитетъ (184—200).

X. Идея совершенства учрежденій. Свободная организація общественнаго мнѣнія . . . . . 200—209

Попытки исправленія существующихъ учрежденій. Предложеніе Бенуа. Идея автоматизма учрежденій. Мысль о свободной внѣпарламентской инициативѣ. Свободное образованіе народной воли. Фактическое выраженіе народной воли и ея идеальныя основанія (200—209).

XI. Справедливость и общая воля. Принципъ большинства . . . . . 209—232

Вопросъ о принципіальномъ значеніи общей воли въ теоріи Руссо. Большинство и меньшинство у Руссо и его послѣдователей. Принципъ большинства въ исторической перспективѣ (209—216) Отношеніе къ принципу большинства вождей Національнаго Собранія. Взгляды Сійеса и Мирабо. Этическая и политическая точка зрѣнія въ оцѣнкѣ принципа большинства. Невозможность ограничиться количественными опредѣленіями. Воззрѣніе Эсмена (216—227). Теорія Бентама; утвержденіе качественныхъ преимуществъ большинства. Связь съ принципами утилитаризма (228—232).

XII. Границы народной воли. Права личности . . . . . 233—239

Выводы Токвиля. Возможность противорѣчія народной воли и правъ личности. Значеніе большинства, какъ политическаго фактора (233—239).

XIII. Заключеніе. Необходимость перехода отъ принципа народнаго суверенитета къ принципу личности . . . . . 240—244

Историческое значеніе теоріи народнаго суверенитета. Требованіе слянія власти съ народомъ и переходъ къ идеѣ зависимости власти отъ народа. Народный суверенитетъ, какъ идея Теорія Эсмена. Общій интересъ и общая воля. Понятіе личности (240—244).

Стр.

ГЛАВА II.

Кризисъ теоріи индивидуализма.

I Французскій индивидуализмъ конца XVIII вѣка. Доктрина Руссо . . . . . 245—258

Идея народнаго суверенитета и принципъ личности, какъ двѣ основы теоріи правового государства Взглядъ Анри Мишеля на кризисъ индивидуализма. Внутренняя эволюція индивидуализма (245—248). Основа индивидуалистической доктрины XVIII в. Совпаденіе личности съ государствомъ. Отношеніе старой индивидуалистической доктрины къ идеѣ неотчуждаемыхъ правъ Практическое безсиліе идеи неотчуждаемыхъ правъ въ эпоху революціи. Послѣдующая судьба индивидуализма XVIII в. (249—258).

II. Опредѣленіе личности въ нѣмецкой философіи . . . . . 258—274

Опредѣленіе личности въ ея общей и отвлеченной основѣ. Совпаденіе воззрѣній Руссо и Канта. Опредѣленія Гегеля (258 — 268). Опредѣленія Фейербаха, Маркса и Лассаля. Связь этихъ опредѣленій съ основаніями старой индивидуалистической доктрины (268—274).

III. Англійскій индивидуализмъ. Теорія экономической свободы . . . . 274—280

Доктрина Адама Смита и Бентама. Отсутствіе въ этой доктринѣ проблемы личности въ подлинномъ смыслѣ слова (274—277). Воззрѣнія Бастіа. Его взглядъ на проповѣдь братства. Вѣра въ силу свободы. Сопоставленіе съ теоріей Руссо (277—280).

IV. Развитіе въ индивидуализмѣ начала свободы . . . . . 280—308

Двѣ линіи ученій, развивающихъ начала индивидуализма. Развитіе начала свободы. Бенжаменъ Констанъ; свобода индивидуальная и политическая. Токвиль: противорѣчіе равенства и свободы. Вильгельмъ Гумбольдтъ, вопросъ о границахъ дѣятельности государства. Осложненіе проблемы свободы. Джонъ Стюартъ Милль; *протестъ противъ равенства во имя свободы* Выводы Константина Леонтьева (280—298). Демократизація европейскихъ обществъ и новыя индивидуалистическія исканія. Обобщенія Рихарда Гаманна.

Стр.

Взглядъ Зиммеля. Начало индивидуальности въ его отношеніи къ общественнымъ условіямъ жизни. Уравненіе и обособленіе лицъ. Сложность отношенія между равенствомъ и свободой. Нивеллирующая роль высокой культуры. Отсутствіе гармоніи между личностью и окружающимъ ее культурнымъ цѣлымъ. *Причины этого лежатъ не въ строѣ правового государства, а въ болѣе глубокихъ условіяхъ культурнаго развитія* (299—308)

V. Развитіе въ индивидуализмѣ начала равенства. Новый англійскій либерализмъ . . . . . 309—344

Прежнее пониманіе равенства. Равенство и свобода въ ихъ взаимоотношеніи. Равенство матеріальное Ученіе Бабефа и его послѣдователей. Возраженіе Прудона (309 — 314) Новый англійскій либерализмъ. Отзывъ Асквита. Сущность перемѣны; новое пониманіе свободы и равенства Статьи Этерлей-Джонса и Джорджа Росселя о новомъ либерализмѣ. Моментъ зарожденія новаго теченія. Программа соціальныхъ реформъ въ либеральномъ министерствѣ 1892—1895 гг. Розбери и Асквитъ, какъ лидеры новаго теченія Историческіе процеденты; указанія Дайси, Гобгауза, Бенна (314—328). Изложеніе основаній современнаго либерализма въ книгѣ Самюэля. Разрывъ съ прежней индивидуалистической доктриной. Равенство исходнаго пункта и право на достойное человѣческое существованіе. Старые взгляды. Воззрѣнія Б. Н. Чичерина. Затруднительность точнаго опредѣленія понятій равенства исходнаго нункта и возможности наилучшей жизни. *Новая программа либерализма обозначаетъ новую стадію въ развитіи правового государства.* Сложность новыхъ задачъ либеральной программы. Идея воспитанія. Утвержденія Гальдена (328—344)

VI. Новый французскій либерализмъ. Столкновеніе началъ равенства и свободы . . . . . 345—367

Кризисъ либерализма въ изображеніи Анри Мишеля. Переходъ къ новому либерализму. Споры объ основаніяхъ либерализма въ 1902 и 1903 гг. Статьи въ журналѣ „Revue de Métaphysique et de Morale“ о кризисѣ либерализма Новое пониманіе свободы и равенства. Воззрѣнія Пароди и Жакоба на сложность новой программы. Опасеніе перейти границу (345—354) Воз-

Стр.

можность опасныхъ выводовъ изъ новыхъ воззрѣній. Борьба за духовное уравненіе на почвѣ единой культуры. Требованіе „общей души“ для всѣхъ. *Отрицаніе свободы во имя равенства и единства.* Связь современныхъ воззрѣній съ идеями Руссо. „Общественный договоръ“ Руссо освѣщаетъ стремленія современной демократіи къ нравственному единству. Отзвуки теократическаго идеала. Мысль Болавона о необходимости возрожденія идей Руссо. Возраженія съ точки зрѣнія свободы личности. *Опасная сторона новаго либерализма коренится въ общихъ законахъ культурнаго развитія.* Невозможность для государства преодолѣть основныя стремленія и противорѣчія культуры (354—367).

VII. Идея общественнаго воспитанія. Доктрина солидарности . . . . . 367—391

Распространенность идеи воспитанія въ современной французской литературѣ. Взглядъ Клемансо въ его спорѣ съ Жоресомъ. Формула А. Леруа-Болье. *Связь новаго лозунга съ программой социальныхъ реформъ* (367—370). Доктрина солидарности. Неясность и противорѣчивость этой доктрины у французскихъ писателей. Воззрѣнія Дюги и Буржуа. Анализъ доктрины. *Ея существенный элементъ — идея воспитанія* (370—381). Соотношеніе нравственнаго и правового элементовъ. Отношеніе новыхъ идей къ основаніямъ индивидуализма. Новый смыслъ старой дилеммы: „люди или учрежденія?“ Отступленіе отъ прежней апоѳеозы государства. Сходство исканій современной политической мысли съ древнегреческими ученіями о государственномъ воспитаніи. Предѣлы воспитательнаго вліянія (381—391).

VIII. Заключеніе. Сущность кризиса современнаго правосознанія . . 391—393

Сохраненіе старыхъ началъ съ расширеніемъ ихъ содержанія. Характеръ политической эволюціи XIX вѣка. Современное положеніе правового государства. Исканіе иныхъ выходовъ (391—393).

Основной темой моихъ предшествующихъ очерковъ [1]) служилъ вопросъ о необходимости возрожденія естественнаго права. Вопросъ этотъ возникъ у меня подъ вліяніемъ изученія общихъ началъ философіи права и въ результатѣ внимательнаго ознакомленія съ тѣми научными теченіями, которыя были противопоставлены школѣ естественнаго права въ XIX вѣкѣ. Первые доводы, которые казались мнѣ говорившими въ пользу возрожденія этой школы, были чисто методологическаго и отвлеченнаго характера; и когда мнѣ приходилось развивать естественно-правовыя начала, я основывался по преимуществу на методологическихъ и общефилософскихъ данныхъ, стараясь выяснить логическую неизбѣжность идеи естественнаго права и философскую правомѣрность того движенія, которое связано въ наши дни съ возрожденіемъ этой идеи. Но чѣмъ болѣе углублялся я въ изученіе своего предмета и чѣмъ болѣе широкій кругъ вопросовъ затрогивалъ въ этомъ изученіи, тѣмъ болѣе я убѣждался въ томъ, что методологическое движеніе въ пользу возрожденія естественнаго права является лишь формой для болѣе глубокаго явленія, которое я не могу назвать иначе какъ *кризисъ современнаго правосознанія*. Подобно тому, какъ въ прежнее время расцвѣтъ естественно-правовыхъ началъ совпадалъ обыкновенно съ коренным измѣненіемъ самыхъ основъ правосознанія, такъ и въ наши дни поворотъ къ отвлеченной идеѣ естественнаго права знаменуетъ собою нѣкоторый глубокій процессъ въ жизни и мысли современныхъ

[1]) См. въ особенности мои статьи: „Нравственный идеализмъ въ философіи права“ (въ „Проблемахъ идеализма“. М. 1902 г.) и „Государство и право“ (въ журн. „Вопросы философіи и психологіи“ 1904 г.).

обществъ. Господствующія ученія юриспруденціи еще продолжаютъ повторять старыя начала; но современное нравственное сознаніе въ своихъ требованіяхъ къ праву значительно ушло впередъ. Старыя формулы и формы, старыя вѣрованія, заимствованныя еще отъ XVIII вѣка, не удовлетворяютъ никого болѣе; тамъ и здѣсь высказываются новыя требованія, чувствуется потребность новыхъ началъ, но эти требованія и начала не только не сложились въ цѣльную теорію, но и самая почва для нихъ еще не расчищена ниспровергающей критикой старыхъ понятій. Однако, съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ формахъ все яснѣе и яснѣе обозначаются признаки и предвѣстья новыхъ ученій, которыя несутъ съ собою выходъ изъ кризиса современнаго правосознанія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, этотъ кризисъ не означаетъ полнаго отреченія отъ старыхъ основъ. Идея права остается попрежнему непоколебимой, но содержаніе ея расширяется, и ея основныя требованія представляются гораздо болѣе сложными и высокими. Новыя перспективы открываются впереди, и берегъ, который представлялся достигнутымъ, оказывается не болѣе, какъ временной остановкой по пути вѣчныхъ исканій.

Я полагаю, что лучшимъ введеніемъ въ предметъ настоящаго очерка послужитъ характеристика тѣхъ новыхъ признаковъ и предвѣстій, которые свидѣтельствуютъ о современномъ кризисѣ, и съ этого я начинаю.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ концѣ 1904 года, въ то время, какъ въ Россіи съ такой горячей вѣрой въ силу правовыхъ формъ ожидали новой и рѣшительной побѣды права надъ произволомъ, великій писатель земли русской произнесъ суровый приговоръ надъ всѣми этими ожиданіями и надеждами. „Цѣль агитаціи земства, — такъ писалъ онъ въ отвѣтъ на запросъ одной американской газеты, — ограниченіе деспотизма и установленіе представительнаго правительства. Достигнутъ ли вожаки агитаціи своихъ цѣлей или будутъ только продолжать волновать общество,—въ обоихъ случаяхъ вѣрный результатъ всего этого дѣла будетъ отсрочка истиннаго соціальнаго улучшенія, такъ какъ истинное соціальное улучшеніе достигается только религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя предъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, — что можно замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, Франціи, Англіи и Америкѣ“.

Американская газета получила въ отвѣтъ на свой запросъ гораздо болѣе, чѣмъ ожидала: она спрашивала о значеніи, цѣли и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ земской агитаціи въ Россіи, а Л. Н. Толстой отвѣтилъ въ такой общей и безусловной формѣ, что его утвержденія относились одинаково къ Франціи, Англіи и Америкѣ, ко всѣмъ культурнымъ странамъ и ко всѣмъ правовымъ государствамъ. То, чѣмъ гордятся эти государства подъ именемъ усовершенствованныхъ правовыхъ формъ,—таковъ смыслъ его отвѣта,—

есть на самомъ дѣлѣ иллюзія, отклоняющая отъ истиннаго прогресса. Общественныя потрясенія и кровавая борьба, жертвы и страданія, въ результатѣ которыхъ добыты современныя конституціи и декларацiи правъ,—все это было напрасно и ненужно; весь путь, пройденный передовыми государствами и увлекающій нынѣ русское общество, есть неправильный и ложный путь къ пагубной цѣли.

Эти утвержденія по смыслу своему должны бы были явиться настоящимъ громовымъ ударомъ; тѣмъ болѣе характернымъ слѣдуетъ признать тотъ пріемъ, который они встрѣтили въ русскомъ обществѣ. Слова Толстого однихъ удивили, другихъ обрадовали, но, повидимому, никого не задѣли за живое, никого не заставили глубоко задуматься и во всякомъ случаѣ не вызвали тѣхъ горячихъ споровъ, которые обыкновенно выпадаютъ на долю сужденій передового вождя русской мысли. Русское общество, увлеченное могущественной потребностью историческаго созиданія, отвѣтило равнодушіемъ и молчаніемъ на отвлеченный морализмъ доктрины непротивленія злу. Такъ сама жизнь произвела оцѣнку теоріи, которая оказалась въ полномъ противорѣчіи съ непосредственнымъ чутьемъ дѣйствительности и съ голосомъ нравственнаго сознанія, поставленнаго предъ неотложными задачами жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ для русскаго общества рѣчь шла о завоеваніи элементарныхъ и основныхъ условій гражданскаго благоустройства, для него непонятно и не интересно было ученіе о неважности внѣшнихъ юридическихъ формъ. Измѣненіе внѣшнихъ формъ—вѣдь это означаетъ въ Россіи свободу для каждаго развиваться и расти, думать и говорить, вѣровать и молиться, свободу жить и дышать; это значитъ освобожденіе отъ тѣхъ угнетающихъ условій, которыя насильственно задерживали ростъ народной жизни и довели ее до неслыханныхъ ужасовъ всеобщаго нестроенія. Проповѣдывать русскимъ, что внѣшнія формы жизни не важны, все равно, что людямъ, настрадавшимся отъ долгаго пребыванія въ тѣсномъ и душномъ

помѣщеніи, говоритъ, что для нихъ не важно перейти въ свѣтлый и просторный домъ. Конечно, жить въ свѣтломъ домѣ не значитъ имѣть все, что нужно для полноты человѣческаго существованія; но во всякомъ случаѣ это такое наглядное и безспорное благо, цѣнность котораго нѣтъ необходимости доказывать и защищать.

Но западные народы уже пользуются этимъ благомъ; они не могутъ противопоставить ученію Толстого непосредственное чувство людей, задыхающихся отъ недостатка воздуха и свѣта; и если обвинительный приговоръ нашего моралиста направленъ и противъ нихъ, очевидно, вопросъ ставится гораздо глубже и серьезнѣе. Очевидно, онъ лежитъ за предѣлами конкретныхъ стремленій русскаго освободительнаго движенія и имѣетъ болѣе общее и всеобъемлющее значеніе. И дѣйствительно, чѣмъ болѣе мы обдумываемъ мысли Толстого въ той общей и отвлеченной формѣ, въ которой онѣ высказаны, тѣмъ яснѣе становится намъ, что здѣсь затрогиваются нѣкоторыя глубочайшія сомнѣнія современнаго правосознанія. Сколь бы ни казалась односторонней и радикальной общая точка зрѣнія великаго писателя, тѣмъ не менѣе нельзя не задуматься надъ его суровымъ отзывомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы спросимъ себя, какъ возможенъ былъ этотъ приговоръ надъ современнымъ правомъ и государствомъ, мы не будемъ въ состояніи отвѣтить на него однимъ пожатіемъ плечъ или снисходительной улыбкой. Не можетъ быть сомнѣнія, что отзывъ Толстого былъ бы немыслимъ, если бы современное государство представляло собою ясный образъ достигнутаго совершенства. Очевидно, возможность такихъ приговоровъ обусловливается наличностью нѣкоторыхъ неудовлетворенныхъ запросовъ и неосуществившихся стремленій, вызывающихъ ропотъ протеста, осужденіе критики. И это несоотвѣтствіе между идеальными цѣлями современнаго государства и настойчивостью непрекращающихся исканій заставляетъ насъ внимательнѣе отнестись къ рѣзкимъ осужденіямъ современнаго политическаго быта. Мы не можемъ

сослаться на то, что подобныя осужденія исходятъ изъ неправильнаго основного взгляда и предъявляютъ къ политикѣ требованія, которыхъ она никогда не имѣла въ виду. Мы хорошо знаемъ, что новое государство въ своихъ теоретическихъ заявленіяхъ нерѣдко ставило себя именно на ту высоту моральныхъ задачъ, съ которой его осуждаетъ Толстой.

Политическая теорія современнаго государства сложилась впервые въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху восторженныхъ ожиданій предстоящаго преобразованія жизни. Привѣтственныя славословія и горячія надежды встрѣтили зарожденіе „царства разума“, какимъ казалось новое государство его первымъ теоретикамъ и поклонникамъ. Сорокъ лѣтъ спустя нѣмецкій философъ говорилъ объ этомъ зарожденіи, какъ о „великолѣпномъ восходѣ солнца“ [1]). Еще болѣе восторженно встрѣчали наступленіе новой эры непосредственные ея провозвѣстники, которые живо чувствовали тягостное ярмо стараго порядка и съ свѣтлой радостью смотрѣли въ будущее. Свобода, равенство и братство отнынѣ должны воцариться въ новомъ государствѣ, которое разъ навсегда устранитъ старую неправду и водворитъ между людьми справедливость и свободу. При этомъ провозвѣстники революціи думали не только объ измѣненіи внѣшнихъ формъ: они мечтали о возрожденіи народной жизни, о созданіи новаго народа на мѣсто прежняго. Руссо классически выразилъ это убѣжденіе въ своихъ знаменитыхъ словахъ: „тотъ, кто беретъ на себя дать учрежденія извѣстному народу, долженъ чувствовать себя въ состояніи измѣнить, такъ сказать, человѣческую природу, превратить каждое лицо, составляющее само по себѣ совершенное и самобытное цѣлое, въ часть болѣе обширнаго цѣлаго, отъ котораго это лицо должно получить нѣкоторымъ образомъ свою жизнь и свое бытіе; онъ долженъ измѣнить человѣческую природу, чтобы придать ей болѣе силы, замѣнить зависи-

[1]) Гегель въ „Philosophie der Geschichte“.

мымъ и нравственнымъ существованіемъ то физическое и самобытное существованіе, которое всѣ мы получили отъ природы“ [1]). Воодушевленные идеями Руссо, дѣятели революціи мечтали именно объ этомъ возрожденіи человѣческой природы. „Надо,—говорилъ Билье-Варенн.—возсоздать нѣкоторымъ образомъ народъ, который хотятъ привести къ свободѣ, необходимо уничтожить старые предразсудки, измѣнить старыя привычки, усовершенствовать извращенныя привязанности, ограничить излишнія нужды, исторгнуть закоренѣлые пороки“.—„Мы хотимъ,—заявлялъ Робеспьеръ,—замѣнить эгоизмъ моралью, честь честностью, обычаи принципами, приличія обязанностями, тиранію моды господствомъ разума, презрѣніе къ несчастію презрѣніемъ къ пороку, заносчивость гордостью, тщеславіе величіемъ духа, любовь къ деньгамъ любовью къ славѣ, хорошую компанію хорошими людьми, интригу заслугой, остроуміе геніальностью, скуку удовольствій очарованіемъ счастья, мелочность знатныхъ величіемъ человѣка, народъ любезный, легкомысленный и несчастный народомъ великодушнымъ, могущественнымъ и счастливымъ, т-е. всѣ пороки и смѣшныя стороны монархіи всѣми добродѣтелями и чудесами республики“ [2]). „Tous les miracles de la république“—это выраженіе политической программы Робеспьера правильно передаетъ настроеніе эпохи: тогда вѣрили именно въ чудеса республики, и прежде всего въ чудо всеобщаго нравственнаго обновленія. „Итакъ, придетъ этотъ моментъ,—предсказывалъ Кондорсе—когда солнце будетъ освѣщать на землѣ только людей свободныхъ, не признающихъ другого владыки кромѣ ихъ разума“ [3]). Эти надежды и ожиданія провозвѣстниковъ и вождей революціи нашли свое отраженіе и въ конституціонныхъ хартіяхъ. Знаменитая декларація правъ человѣка и гражданина есть не что иное, какъ торжественное

[1]) Contrat social, L. II. ch. VII.

[2]) Ср. цитаты у Taine, Les origines de la France contemporaine. T. III. (pp. 78—81). Paris, 1896.

[3]) Condorcet, Tableau des progrès de l'esprit humain. Dixième époque.

возвѣщеніе новаго міра, въ которомъ „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ“, „начало всякаго суверенитета покоится въ народѣ“, „законъ есть выраженіе общей воли“. Провозгласивъ всенародно „естественныя неотчуждаемыя и священныя права человѣка“, авторы декларации были убѣждены, что это будетъ способствовать „поддержанію конституціи и счастью всѣхъ“. Ибо, какъ разъясняютъ они въ своихъ вступительныхъ словахъ— „незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и испорченности правительствъ“ [1]). Совершенно въ томъ же духѣ республиканская конституція 1848 г. ставила своей цѣлью, „путемъ послѣдовательнаго и неизмѣннаго дѣйствія учрежденій и законовъ вести всѣхъ гражданъ къ состоянію все болѣе возвышенному нравственности, просвѣщенія и благосостоянія“ [2]). Это не были только словесныя украшенія конституціонныхъ хартій: во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ выражалась подлинная вѣра въ спасительную силу политическихъ учрежденій. Всѣ они исходили изъ мысли, что правовое государство имѣетъ достаточно средствъ, чтобы обезпечить въ обществѣ свободу, равенство и братство, водворить въ немъ внутреннее согласіе и единство, создать среди людей совершенныя нравственныя отношенія. Въ сознаніи той эпохи, которой дано было утвердить начала правового государства, право являлось вѣнцомъ и завершеніемъ культурнаго развитія или, какъ думалъ Кантъ, конечной цѣлью всемірной исторіи. Это была своего рода апоѳеоза права, исходившая изъ вѣры въ его божественное предназначеніе на землѣ. Гегель только претворялъ эту вѣру въ яркіе философскіе символы, когда онъ называлъ государство „земнымъ богомъ“, „воплощеніемъ нравственной идеи“. Въ его философіи основной взглядъ эпохи на правовое государство получаетъ самое законченное вы-

1) Duguit et Monnier, Les constitutions et les principales lois politiques de la France, Paris, 1898, p. 1—2.

2) Duguit et Monnier. p 233.

раженіе. Государство признается носителемъ мірового духа,—основаніемъ и завершеніемъ нравственной жизни. Отсюда безусловная обязанность каждаго принадлежать къ государству, въ которомъ только и можно получить нравственное развитіе. Подобно тому какъ въ церковномъ ученіи помощь церкви признается необходимой для нравственнаго спасенія лицъ, такъ въ философіи Гегеля эта роль нравственнаго посредничества и воспитанія выпадаетъ на долю государства; причемъ высшимъ выраженіемъ государственной идеи признается правовое государство новаго времени.

Исторія сохранила для насъ другой классическій примѣръ подобной апоѳеозы правового государства, относящійся къ блестящей эпохѣ греческой гражданственности. Когда аѳиняне осуществили у себя—въ возможныхъ для того времени предѣлахъ—начала законности, равенства и свободы, имъ казалось, что они стоятъ на вершинѣ общественнаго развитія. „Мы имѣемъ такое государственное устройство, которое не заимствуетъ отъ чужихъ учрежденій; скорѣе мы сами служимъ образцомъ для другихъ и никому не подражаемъ... Изъ нынѣшнихъ государствъ только наше выдерживаетъ испытаніе и возносится надъ собственной славой... Создавши могущество, ознаменованное громкими дѣяніями и достаточно засвидѣтельствованное всѣми, мы будемъ предметомъ удивленія для современниковъ и потомства: намъ нѣтъ нужды въ Гомерѣ-панегиристѣ и ему подобныхъ людяхъ, пѣсни которыхъ могутъ доставить минутное наслажденіе, но затѣмъ легко могутъ быть опровергнуты правдой событій“ — такъ восхваляется государство Аѳинянъ въ знаменитой рѣчи Перикла, приводимой у Ѳукидида. Периклу представляется важнымъ, что аѳинское народоправство, „основанное на большинствѣ, а не на меньшинствѣ“, сочетаетъ въ себѣ равенство всѣхъ передъ закономъ съ предпочтеніемъ дѣйствительныхъ способностей, свободу отъ принужденія съ уваженіемъ къ общимъ установленіямъ, занятіе государственными дѣлами съ домашними заботами, взглядъ на богатство, какъ на средство для дѣя-

тельности, съ признаніемъ, что „быть бѣднымъ вовсе не стыдно, а стыдно только не умѣть выбиться изъ бѣдности съ помощью труда“ [1]). Въ этомъ изображеніи аѳинскаго государства все представляется законченнымъ, гармоническимъ и совершеннымъ. И что же? Опытъ одного поколѣнія былъ достаточенъ, чтобы поколебать эту гордую самоувѣренность. Свобода, равенство, законный порядокъ, возвѣщенные реформаторами греческаго государства, не принесли съ собою ожидаемаго успокоенія. Глубокія общественныя противорѣчія, вытекавшія изъ экономическихъ неравенствъ, новыя осложненія государственной жизни разрывали красивый образъ свободной политіи, предносившійся Периклу и его современникамъ; и для людей ближайшаго поколѣнія не было вопроса болѣе жгучаго, болѣе насущнаго, какъ вопросъ о единомысліи—περὶ ὁμονοίας. Поставленный самою жизнью, этотъ вопросъ заставлялъ настойчиво и страстно искать новаго общественнаго уклада, новыхъ учрежденій и формъ, способныхъ прочнѣе скрѣпить узы распадавшейся гражданственности. Политическая мысль выработала цѣлый рядъ проектовъ государственнаго преобразованія [2]), но аѳинское государство не могло провести въ жизнь результаты этой напряженной работы мысли; оно погибло, раздираемое внутренней враждой классовъ, не разрѣшивъ той задачи всеобщаго примиренія, о которой такъ страстно мечтали его философы и публицисты. И если мы обратимся къ величайшимъ представителямъ греческой мысли, къ Платону и Аристотелю, чтобы узнать, какой урокъ вынесли они изъ наблюденій надъ исторіей греческихъ государствъ, мы найдемъ у нихъ одно и

[1]) Цитирую по переводу подъ редакціей Шамонина и Петрушевскаго въ сборникѣ статей „Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны“. Выпускъ I. М. 1896 г.

[2]) Только теперь, благодаря изслѣдованіямъ Pöhlmann'a, Geshichte des antiken Kommunismus. Munchen 1893—1901, Dummler'a, Prolegomena zu Platons Staat. Basel 1891 и друг. мы можемъ судить о напряженности этихъ исканій, которыя свидѣтельствовали о новыхъ воззрѣніяхъ греческаго общества на общественную справедливость.

то же знаменательное заключеніе: однихъ отвлеченныхъ началъ равенства и свободы еще не достаточно для установленія гармоніи общественныхъ формъ; для этого необходимы болѣе прочныя скрѣпы общественной жизни: нужно дружеское общеніе, братство, отреченіе отъ частныхъ интересовъ, подчиненіе ихъ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ. Различіе между Платономъ и Аристотелемъ въ данномъ случаѣ касается только степени требованій: страстный радикализмъ Платона настаиваетъ на полномъ общеніи жизни, на безусловномъ единомыслии, тогда какъ умѣренная точка зрѣнія Аристотеля требуетъ только обузданія страсти къ пріобрѣтенію и установленія дружественнаго единенія (φιλία) общественныхъ классовъ. У того и другого идеалъ общественной справедливости требовалъ восполненія отвлеченнаго начала права новымъ этическимъ содержаніемъ.

Но не тотъ же ли опытъ выносимъ мы изъ развитія новой исторіи? Намъ нѣтъ нужды приводить здѣсь горячія тирады противъ современнаго государства сторонниковъ анархизма и соціализма; достаточно указаній на то, что не только въ политической литературѣ, но и въ общемъ сознаніи совершается несомнѣнный поворотъ во взглядахъ на политическіе идеалы недавняго прошлаго. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ внимательнѣйшихъ наблюдателей современной политики, Лекки, „одной изъ характерныхъ чертъ нашего времени является отсутствіе какого-либо политическаго идеала, способнаго возбуждать сильный энтузіазмъ“ [1]). Нѣтъ болѣе того пламеннаго преклоненія, тѣхъ безграничныхъ надеждъ, которыя внушало наступленіе демократической эры въ концѣ XVIII вѣка, нѣтъ той неотразимой привлекательности, которую имѣли для сосѣднихъ странъ французскія политическія движенія въ 1830 и 1848 гг. Въ обществѣ и въ широкихъ народныхъ массахъ замѣчается извѣстное равнодушіе къ чисто политическимъ вопросамъ. Politics is no longer popular—политика болѣе не популярна, говорятъ

1) W. E. H. Lecky, Democracy and liberty. New edition. London 1899, p. 43.

въ Англіи, и то же явленіе наблюдается въ другихъ передовыхъ государствахъ,—во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ [1]). Правовое государство въ томъ видѣ, какъ оно возвѣщено было французской революціей—перестаетъ быть предметомъ безусловнаго поклоненія [2]) и самое право, какъ созидательное начало общественной жизни, лишается того ореола всеисцѣляющаго средства, которое оно имѣло въ глазахъ поколѣній, воспитанныхъ на преданіяхъ французской революціи. Чѣмъ было для нихъ право и правовое государство? „Земнымъ богомъ", „высшей цѣлью всемірной исторіи". Чѣмъ является оно для нашего времени?—„этическимъ минимумомъ", обезпеченіемъ элементарныхъ условій общежитія, или какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ юристовъ, „гусинымъ виномъ соціальной жизни, aqua ordinaria". Я не хочу ссылаться здѣсь на другія опредѣленія, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться общепризнанными, иначе мнѣ пришлось бы упомянуть, что для болѣе радикальнаго взгляда государство представляется „холоднымъ чудовищемъ", какъ для Ницше, или „неизбѣжнымъ зломъ", какъ для нѣкоторыхъ послѣдователей Влад. Соловьева.

Можно спорить о причинахъ этой перемѣны воззрѣній, можно такъ или иначе опредѣлять ея возможныя послѣдствія, но самое явленіе остается безспорнымъ. Кто рѣшится теперь оспаривать, что свѣтлыя мечты первыхъ провозвѣстниковъ правового государства далеко не осуществились въ ихъ первоначальныхъ замыслахъ? Кто станетъ отрицать, что въ политической жизни дѣйствительно наступило нѣкоторое разочарованіе? Сколько разъ въ послѣдніе годы намъ рисовали картину современнаго политическаго

---

[1]) Ostrogorsky, La démocratie et l'organisation des partis politiques. Paris 1903, I, 584, II, 339—340.

[2]) A. V. Dicey въ статьѣ своей „The Referendum" (въ журналѣ „The Contemporary review" London 1890. V. 57, p. 500) относитъ къ опыту истекшаго столѣтія невозможность „для добросовѣстнаго мыслителя думать, что въ мірѣ воображаемомъ или дѣйствительномъ можно открыть какую-либо совершенную конституцію, способную служить образцомъ для исправленія недостатковъ существующихъ государственныхъ формъ".

быта и каждый разъ кончали эти изображенія если не безнадежнымъ отчаяніемъ, то во всякомъ случаѣ тихой грустью о несовершенствахъ и недостаткахъ современной политики. Мэнъ и Лекки, Брайсъ и Острогорскій, Принсъ и Бенуа суть только болѣе выдающіеся представители того настроенія, которое тамъ и здѣсь, въ тысячѣ формъ и выраженій проявляется въ жизни современныхъ обществъ.

Поверхностная и тенденціозная публицистика ретрограднаго толка поспѣшила объяснить этотъ поворотъ, какъ свидѣтельство банкротства парламентаризма, какъ признакъ возврата къ старымъ политическимъ формамъ. Странное самообольщеніе! Исторія не повторяется, и того, что пережито однажды, не вернуть никакими чарами реакціоннаго знахарства. Смыслъ переживаемаго нами поворота политическихъ понятій имѣетъ гораздо болѣе глубокое значеніе: мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что это—кризисъ правосознанія.

Но каждый разъ, когда говорятъ о кризисѣ въ области идей, это можетъ обозначать одно изъ двухъ: или полное крушеніе какихъ-либо прежнихъ понятій, или ихъ готовящееся преобразованіе. Въ томъ и другомъ случаѣ кризисъ обозначаетъ періодъ сомнѣній и неопредѣленности, которыя должны смѣниться или безнадежной утратой старыхъ вѣрованій, или напряженностью новыхъ исканій и новаго творчества. Если бы въ самомъ дѣлѣ намъ пришлось удостовѣриться, что идея правового государства безусловно осуждена жизнью и что странный капризъ исторіи заставляетъ культуру возвратиться вспять, къ ея исходному пункту, это было бы, конечно, смертью для политическихъ идеаловъ недавняго прошлаго. И наоборотъ, если мы убѣдимся, что ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ, мы будемъ въ правѣ заключить, что въ данномъ случаѣ можно говорить не о безнадежной утратѣ, а только о новыхъ исканіяхъ. Конечно, лишь подробный анализъ отдѣльныхъ идей, составлявшихъ фундаментъ теоріи правового государства, можетъ уполномочить насъ рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону, но уже по нѣкоторымъ общимъ признакамъ

и указаніямъ мы могли бы заключить, какого рода кризисъ мы имѣемъ предъ собою.

Одно слово, одно понятіе сразу даетъ намъ нѣкоторый ключъ, для того чтобы правильно подойти къ разсматриваемому явленію Въ той самой Франціи, которая съ такой пламенной вѣрой провозгласила идею правового государства, среди традиціонныхъ словъ политическаго лексикона все чаще и громче слышится одинъ лозунгъ, болѣе новый, чѣмъ другіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый популярный изъ всѣхъ. Я говорю о понятіи *солидарности* Со времени Огюста Конта—одного изъ горячихъ критиковъ политическаго идеала французской революціи, это понятіе служитъ высшей заповѣдью, послѣднимъ завѣтомъ французской публицистики и соціологіи. Нельзя не сказать, что понятіе солидарности въ обычномъ словоупотребленіи далеко не всегда отличается надлежащей опредѣленностью; нерѣдко оно служитъ лишь средствомъ политической фразеологіи, скрывающей недостатокъ конкретныхъ указаній въ неопредѣленности многообѣщающихъ символовъ и словъ. Но такъ или иначе, въ этомъ понятіи всегда заключается призывъ къ единенію и согласію, какъ лучшей опорѣ общественной жизни. Какъ замѣчаетъ Буржуа, въ „настоящее время слово „солидарность“ попадается на каждомъ шагу въ политическихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Сначала, повидимому, его употребляли какъ простой варіантъ третьяго члена республиканскаго девиза: братство. Оно все болѣе и болѣе замѣняло его. Смыслъ, который придаютъ этому слову писатели, ораторы и общественное мнѣніе, съ каждымъ днемъ выясняется полнѣе, глубже и обширнѣе“. Буржуа высказываетъ при этомъ убѣжденіе, что это не простое новое слово или капризъ языка: это вмѣстѣ съ тѣмъ „новая идея, являющаяся указателемъ эволюціи всеобщей мысли“ [1]). Сколь высокое

---

[1]) L. Bourgeois, Solidarité. 3-me édition. Paris, 1902; русск. пер. Леонъ Буржуа, „Солидарность“. Переводъ Б. Никитина. М., 1899. Ср. Marion, De la solidarité morale. Deuxième édition. Paris 1883. Marion называетъ свою тему—leplus neuf des sujets et le plus vivant. См. у него ссылку на Ренувье и Секретана.

значеніе придается понятію солидарности въ новѣйшей французской литературѣ, мы можемъ судить хотя бы изъ недавней попытки Дюги ввести это понятіе въ юридическую науку, въ качествѣ верховнаго принципа права и государства. По мнѣнію Дюги[1]), въ этомъ заключается потребность не только теоріи, но и самой жизни. Въ традиціонныхъ ученіяхъ о государствѣ онъ видитъ опасныя предвѣстія возможной соціальной борьбы, и въ этомъ взглядѣ скрывается предчувствіе—можетъ быть не вполнѣ ясное для самого писателя, что не только юридическія и политическія понятія, но и самыя основы общественной жизни требуютъ расширенія и преобразованія.

И не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ знаменательнаго совпаденія; подобно тому, какъ въ древней Греціи въ моментъ обостренія соціальной вражды понятія ὁμόνοια и φιλία были выдвинуты въ качествѣ завѣтовъ новой общественности, такъ теперь для французской мысли начало солидарности представляется средствомъ къ укрѣпленію основъ гражданскаго общества, къ восполненію принциповъ равенства и свободы.

Но то, что мы отмѣтили, какъ характерное явленіе для французской мысли, въ другихъ формахъ и въ другихъ проявленіяхъ замѣчается повсюду. Повсюду можно открыть сомнѣніе въ старыхъ юридическихъ понятіяхъ и стремленіе наполнить ихъ новымъ содержаніемъ. Прежняя вѣра во всемогущую силу правовыхъ началъ, въ ихъ способность утвердить на землѣ свѣтлое царство разума, отжила свое время. Опытъ XIX столѣтія показалъ, что право само по себѣ не въ силахъ осуществить полное преобразованіе общества. Но въ то время какъ для однихъ этотъ опытъ служитъ поводомъ къ отрицанію всякаго значенія права, для другихъ онъ является свидѣтельствомъ необходимости восполнить и подкрѣпить право новыми началами, расширить его содержаніе, поставить его въ уровень

---

[1]) Duguit, L'état, le droit objectif et la loi positive. T. I. Paris, 1901.

съ вѣкомъ, требующимъ разрѣшенія великихъ соціальныхъ проблемъ. Европейскія общества нисколько не перестали цѣнить благъ правового государства, но они требуютъ теперь большаго. Не назадъ, а впередъ обращены взоры творцовъ, и то что открывается, какъ идеалъ для будущаго, есть новый и высшій шагъ въ развитіи правосознанія.

Но каковы бы ни были различные выводы и взгляды, высказываемые въ настоящее время въ связи съ общимъ кризисомъ правосознанія, среди всѣхъ различій возможно, повидимому, усмотрѣть одно общее убѣжденіе, не всегда ясно сознаваемое, но легко отгадываемое въ общемъ настроеніи эпохи: правовое государство не есть вѣнецъ исторіи, не есть послѣдній идеалъ нравственной жизни; это не болѣе, какъ подчиненное средство, входящее какъ частный элементъ въ болѣе общій составъ нравственныхъ силъ. Отсюда недалекъ и слѣдующій выводъ, что право по отношенію къ полнотѣ нравственныхъ требованій есть слишкомъ недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральныхъ началъ.

Теперь-то мы начинаемъ понимать странныя съ перваго взгляда утвержденія Льва Толстого. Его отрицательное отношеніе къ праву есть характерный признакъ времени: это ученіе о пагубномъ вліяніи права на развитіе нравственности отражаетъ въ преувеличенномъ видѣ современныя сомнѣнія въ отношеніи къ правовой идеѣ. Въ крайней формѣ и въ невѣрномъ освѣщеніи здѣсь воспроизводится основная критическая идея нашего времени о недостаточности правовой культуры съ точки зрѣнія повышенныхъ требованій нравственнаго сознанія. Для Толстого предъ огромной задачей нравственнаго совершенствованія стушевывается скромная по виду роль правовой организаціи; право представляется ему скорѣе помѣхой, чѣмъ залогомъ нравственнаго прогресса. Это—крайность, которая является, однако, лишь однимъ изъ проявленій общаго движенія въ сторону критики существующихъ правовыхъ основъ.

ГЛАВА I.

Кризисъ теоріи правового государства.

I. Идея народнаго суверенитета. Доктрина Руссо.

Если бы надо было найти нѣкоторую общую идею, одухотворяющую старое представленіе о правовомъ государствѣ, то такой идеей слѣдуетъ, конечно, признать понятіе о естественной гармоніи общественныхъ отношеній. Для оптимистически настроенной и радостно возбужденной мысли конца XVIII вѣка всѣ начала общественной жизни представляются находящимися въ естественномъ и гармоническомъ соотношеніи, обезпечивающемъ ихъ легкое осуществленіе въ жизни. Равенство и свобода, общественное благо и личный интересъ, справедливый законъ и народная воля, требованія права и подчиняющаяся имъ дѣйствительность, все это понятія близкія, родственныя и настолько покрывающія другъ друга, что въ разумно устроенномъ государствѣ они связаны между собою неразрывной связью и неизбѣжно предполагаютъ одно другое. Какъ понять намъ теперь, въ началѣ XX вѣка, знаменитую задачу Руссо: „найти форму устройства, въ которой каждый, соединяясь съ другими, повиновался бы однако только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ прежде". Мы скажемъ теперь, что это—задача неразрѣшимая и невозможная, что въ качествѣ члена общества человѣкъ ограничивается въ своей свободѣ и подчиняется правиламъ, которыя могутъ и противорѣчить его волѣ. Для XVIII вѣка вопросъ Руссо вполнѣ практическій и правильный, ожидающій столь

же благопріятнаго разрѣшенія, сколь счастливой является самая его постановка.

Что остается намъ отъ этихъ простыхъ и ясныхъ схемъ, о которыхъ приходится вспоминать, какъ о сладкомъ снѣ политической мысли? Невольно завидуешь этому изящному и гармоническому построенію старой науки, которая уже видѣла себя въ обладаніи драгоцѣнныхъ ключей къ общественному миру и счастью. Суровый опытъ XIX вѣка безпощадно разбилъ всю эту изящную простоту старыхъ схемъ и снова поставилъ мысль предъ глубиной жизненныхъ противорѣчій, надѣливъ и самую науку сомнѣніями и вопросами, осторожностью выводовъ и сложностью отвѣтовъ. Опытъ жизни открылъ, что идеальныя начала правового государства не только не могли быть немедленно осуществлены, но еще и заключали въ себѣ, вмѣсто полной гармоніи, извѣстный антагонизмъ, который вообще дѣлалъ ихъ неосуществимыми въ чистомъ и безусловномъ выраженіи. Богатый и поучительный опытъ! По своему значенію онъ равняется исключительной важности тѣхъ началъ, которыхъ онъ долженъ былъ послужить испытаніемъ.

Я хочу здѣсь разсмотрѣть результаты этого опыта, поскольку ихъ можно прослѣдить въ ихъ вліяніи на основныя начала стараго естественнаго права, составлявшаго политическую философію XVIII вѣка. Все заставляетъ начать этотъ анализъ съ той главной идеи, во имя которой была совершена французская революція, съ идеи народнаго суверенитета. Но тотъ, кто хочетъ имѣть ключъ къ пониманію этой идеи, долженъ обратиться къ „Общественному договору“ Руссо.

Немного найдется книгъ, болѣе вліятельныхъ, болѣе имѣвшихъ власть надъ умами. Еще недавно „Общественный договоръ“ сопоставляли по вліянію съ евангеліемъ, говоря, что послѣ евангелія не было произведенія болѣе вліятельнаго. Это было несомнѣнно политическое credo своего времени, которое легло въ основу политической теоріи XIX вѣка. До сихъ поръ господствующей философской идеей госу-

дарственнаго права остается провозглашенная Руссо идея народнаго суверенитета. Внѣ этого мы видимъ или отдѣльные опыты новыхъ построеній, какъ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей—у д'Эйхталя, Дюги, Бенуа, или же полную философскую безпомощность, какъ въ нѣмецкой наукѣ, которая отвергла принципъ народнаго суверенитета, но не нашла для себя другого основанія и осталась висящей въ воздухѣ [1]). Что касается практическаго значенія этого принципа, самаго важнаго изъ всѣхъ провозглашенныхъ французской революціей, то и здѣсь ему принадлежала такая же господствующая роль. Какъ замѣчаетъ Эсменъ, „французскія конституціи, при всѣхъ своихъ различіяхъ, всѣ кромѣ хартіи 1814 г., признавали его и брали его за основаніе. Онъ мало-по-малу обошелъ весь міръ; и тамъ, гдѣ онъ устанавливался, онъ вызывалъ глубокія измѣненія въ учрежденіяхъ, происшедшихъ изъ другого источника и одновременно принятыхъ современными націями, т.-е. въ представительномъ правленіи и парламентаризмѣ“ [2]). Для практики, какъ и для теоріи правового государства идея народнаго суверенитета представляла центральный движущій нервъ, живую душу всѣхъ выводовъ и построеній. Гармоническій образъ этой идеи, жившей въ сердцахъ прежнихъ практиковъ и теоретиковъ, сообщалъ соотвѣтствующую гармонію и всему представленію о правовомъ государствѣ, ставилъ для него ясную и понятную цѣль. Камиль Демуленъ, находившійся подъ непосредственнымъ обаяніемъ вѣры въ народный суверенитетъ, нашелъ счастливое выраженіе для этой вѣры, когда по одному частному поводу онъ замѣтилъ: „народъ высказался: этого достаточно; никакія возраженія, никакое veto невозможны противъ его суверенной воли. Его воля всегда законна: это—самъ законъ“ [3]).

---

[1]) По вопросу о нѣмецкой теоріи государства см. мою статью: „Государство и право“—въ „Вопрос. фил. и психол.“, кн. 74.

[2]) Эсменъ, „Общія основанія конституціоннаго права“. Переводъ подъ редакціей В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб., 1898, стр. 123.

[3]) Cam. Desmoulins, La France libre. Oeuvres Paris 1874, p. 82.

По мнѣнію Эсмена, своей могущественной силой принципъ народнаго суверенитета обязанъ тому, что онъ представляетъ собою „идею простую, отвѣчающую коренящимся въ глубинѣ человѣческой души инстинктамъ справедливости и равенства". Какъ увидимъ далѣе, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы это была идея простая, но нельзя не признать, что своимъ могущественнымъ вліяніемъ она въ значительной мѣрѣ была обязана тому упрощенію, которое получила у Руссо. Эту идею, столь же древнюю, какъ и политическая наука, онъ представилъ въ яркой и увлекательной формѣ, способной зажигать сердца; онъ придалъ ей обаяніе торжественнаго и священнаго лозунга, призваннаго переродить міръ.

Когда теперь, въ спокойствіи анализирующей мысли, съ готовыми вопросами и сомнѣніями новаго вѣка мы перечитываемъ „Общественный договоръ", на фонѣ этого торжественнаго провозглашенія мы замѣчаемъ другой рядъ мыслей, какъ бы невольно вторгающихся въ общую гармоническую картину; и чѣмъ болѣе мы собираемъ эти разрозненныя мысли въ одно цѣлое и взвѣшиваемъ ихъ въ совокупности, тѣмъ болѣе приходимъ къ одному неожиданному заключенію. Руссо не только далъ увлекательное построеніе народнаго суверенитета, но онъ же и разбилъ стройный образъ этой идеи жестокимъ ударомъ неумолимой логики, столь же присущей его мысли, сколько пламенный энтузіазмъ былъ присущъ его темпераменту. Для увлеченныхъ современниковъ Руссо этотъ второй рядъ мыслей исчезалъ и скрывался за пышными завѣтами его „Общественнаго договора", но для позднѣйшей критики онъ долженъ служить первымъ поводомъ къ сомнѣніямъ и первымъ шагомъ къ новому построенію.

Задача, которую поставилъ себѣ Руссо, была не только увлекательной, но и великой задачей, разрѣшить которую было бы величайшимъ счастіемъ для человѣчества. Съ геніальнымъ чутьемъ, его отличавшимъ, Руссо поставилъ вопросъ въ такомъ освѣщеніи, въ какомъ онъ никогда не

ставился ранѣе. Тысячу разъ до него говорили о народномъ суверенитетѣ, какъ о верховномъ началѣ государственной жизни, и существенное значеніе его трактата заключается не въ томъ, что онъ снова повторилъ эту идею. Народный суверенитетъ, народная воля,—это увлекательно въ принципѣ и многообѣщающе въ идеальномъ представленіи,—но это лишь начало, а не конецъ теоріи, которая предназначена къ практическому осуществленію. Сказать, что народная воля должна быть поставлена на смѣну исторической власти, устранить старый предразсудокъ о божественномъ уполномочіи династій, царствующихъ независимо отъ воли народной, Божіей милостью,—это было великимъ предвозвѣщеніемъ новой демократической эры, безспорнымъ по существу и яснымъ по содержанію. Но спорность и неясность идеи начинаются тотчасъ же, какъ только мы ставимъ вопросъ на почву дальнѣйшаго практическаго воплощенія ея въ жизни. Народная воля должна быть закономъ,—это ясно; но какъ найти народную волю, кого считать призваннымъ къ ея выраженію, какъ выразить ее въ законѣ, который одинаково для всѣхъ былъ бы безспорнымъ воплощеніемъ велѣній народныхъ, какъ самоочевидная истина и неопровержимая справедливость. Какъ устроить, чтобы однажды выраженная народная воля была для всѣхъ священной и непререкаемой, способной всѣмъ внушать уваженіе, вызывать подчиненіе не за страхъ, а за совѣсть, въ силу очевидныхъ достоинствъ своего выраженія и въ виду внутренняго превосходства своего содержанія? Таковы вопросы, счастливое разрѣшеніе которыхъ было бы равносильно открытію драгоцѣннѣйшаго секрета политическаго искусства. И вотъ Руссо со смѣлостью пророка и реформатора поставилъ эти вопросы для того, чтобы дать имъ разрѣшеніе, ни въ комъ не вызывающее сомнѣній и съ математическою точностью отвѣчающее на существеннѣйшее ихъ содержаніе.

Вопросы были поставлены, разрѣшеніе дано; энергическими и увѣренными штрихами зарисовывая противорѣчія

и пробѣлы, Руссо начерталъ образъ съ виду цѣльный и прекрасный Но, какъ мы уже сказали, это лишь обманчивая видимость, и на самомъ дѣлѣ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что проблема народной воли остается столь же загадочной, какъ и прежде. Болѣе того. изъ трактата Руссо мы можемъ вывести и дальнѣйшее заключеніе: вопросъ о народной волѣ и не можетъ быть рѣшенъ съ той ясностью, какъ думалъ славный ея проповѣдникъ; проблема народной воли и должна остаться загадкой Уже у Руссо стройная теорія правового государства разбилась о такой подводный камень, котораго ни преодолѣть, ни миновать она была не въ силахъ. Для того, чтобы подтвердить наши заключенія, постараемся провѣрить основанія, изъ которыхъ они вытекаютъ.

Прежде всего мы должны установить, что въ ученіи Руссо идея народнаго суверенитета была именно тѣмъ главнымъ основаніемъ, на которомъ покоится все. „Я хочу отыскать,—такъ начинаетъ онъ свой трактатъ,—нѣтъ ли въ гражданскомъ строѣ какого-либо правила управленія законнаго и твердаго“, и онъ находитъ, что такимъ правиломъ слѣдуетъ признать только одно—подчинить управленіе суверенной волѣ или, что то же, законодательному верховенству народа. Всѣ формы правленія лишь тогда законны и справедливы, когда онѣ признаны народомъ; демократія, аристократія или монархія могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, полезны и законны, но лишь тогда, если онѣ вытекаютъ изъ верховной воли народа.

Слѣдуя воззрѣнію своего вѣка и самъ укрѣпляя это воззрѣніе, Руссо полагаетъ, что суверенная воля народа является не только правомѣрнымъ источникомъ всякой власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнымъ ея освященіемъ. „Суверенная власть по одному тому, что она есть, есть всегда все то, чѣмъ она *должна* быть“—le souverain, par cela seul qu'il est, est toujours tout ce qu'il doit être“ (L. I. ch. VII). Почему?— На это Руссо отвѣчаетъ въ духѣ того гармоническаго воззрѣнія, которое питаетъ счастливую увѣ-

ренность въ возможности полнаго совпаденія частнаго интереса съ общимъ „образуясь изъ частныхъ лицъ, которыя ее составляютъ, суверенная власть не можетъ имѣть интереса, противоположнаго ихъ интересу; вслѣдствіе этого она не нуждается въ гарантіяхъ по отношенію къ подданнымъ: невозможно, чтобы организмъ захотѣлъ вредить своимъ членамъ“ (ibid). Общая воля всегда справедлива и всегда стремится къ общей пользѣ (L. II. ch III). Она не можетъ отягчить подданныхъ ограниченіями, безполезными для общенія: она не можетъ даже этого хотѣть (L. II, ch. III). Сколь ни является она абсолютной, священной и неприкосновенной, она не переходитъ и не можетъ перейти границъ, положенныхъ общими соглашеніями (L. VI, ch IV). Вотъ общее воззрѣніе Руссо, проходящее какъ господствующій мотивъ черезъ всѣ его частныя положенія: справедливая, священная, непререкаемая воля народа, непогрѣшимая въ своихъ дѣйствіяхъ и даже въ своихъ желаніяхъ. Такова вѣра, которой Руссо увлекалъ свой вѣкъ, заставляя и другихъ вѣрить, что государство, построенное на общей волѣ, можетъ стать священнымъ отраженіемъ незыблемой правды. Но какъ узнать эту волю, эту святыню, которая живетъ въ народѣ, какъ простая истина, призванная господствовать среди людей? Очевидно, опредѣлить условія и способы проявленія этой воли есть коренная задача правильной политики.

Итакъ, въ чемъ же заключается общая воля, въ которой всѣ могли бы признать дѣйствительное выраженіе народныхъ желаній? Есть только одна возможность обнаружить такую безспорно общую и одинаково для всѣхъ убѣдительную волю: въ общемъ согласіи всѣхъ относительно общихъ предметовъ. Это и есть то выраженіе общей воли, на которое прежде всего указываетъ Руссо. Согласіе частныхъ интересовъ дѣлаетъ возможнымъ общеніе, и оно же является основой для общей воли. „Почему общая воля является всегда правильной, почему всѣ хотятъ постоянно счастья каждаго изъ нихъ, если не потому, что среди нихъ

нѣтъ ни-кого, кто не прилагалъ бы къ себѣ этого слова: „*каждый*", и кто не думалъ бы о себѣ, подавая голосъ за всѣхъ? Общая воля, чтобы быть таковою, должна быть общей по своему предмету, какъ и по своему существу; она должна исходить отъ всѣхъ, чтобы примѣняться ко всѣмъ" (L. II., ch. IV). Но какъ возможно это согласіе? Въ дѣйствительности интересы, какъ и взгляды людей различны; слагая частныя воли, различныя между собою, мы ничего не получимъ, кромѣ разнообразія частныхъ интересовъ, и въ этомъ случаѣ, по опредѣленію Руссо, мы будемъ имѣть не общую волю, а только волю всѣхъ—la volonté de tous, которая есть не что иное, какъ сумма частныхъ воль. „Но отнимите отъ этихъ воль то, въ чемъ онѣ различаются—плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и тогда въ результатѣ получится общая воля—la volonté générale" (L. II., ch. III).

Нельзя не сказать, что это единственное условіе, при которомъ можно было бы получить общую волю, пріемлемую одинаково для всѣхъ. Если бы во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ возможно было найти нѣчто общее среди различія частныхъ воль, если бы возможно было всегда установить согласіе интересовъ (l'accord des intérêts) отдѣльныхъ членовъ общенія, тогда легко было бы и найти общую волю, и вывести вытекающіе изъ нея законы. Но всегда ли это бываетъ? Единство проистекаетъ ли только изъ согласія и совпаденія частныхъ интересовъ, или основывается также и на взаимной связи этихъ интересовъ, почерпающей свою силу именно изъ ихъ различій и въ виду ихъ возможнаго объединенія? Не слѣдуетъ ли скорѣе сказать, что въ общеніи лицъ не менѣе, чѣмъ сходство ихъ потребностей и цѣлей имѣетъ значеніе и различіе ихъ между собою, ищущее своего высшаго сочетанія? Эти вопросы, поставленные и утвердительно разрѣшенные позднѣйшей философіей права, не возникаютъ для Руссо: въ его умѣ живетъ ясный образъ естественной гармоніи интересовъ, и отсюда его представленіе объ общей волѣ. Во вся-

комъ случаѣ, показавъ намъ то единственное условіе, при которомъ общую волю можно было бы найти, такъ сказать, съ математической точностью и простотой, Руссо обнаружилъ всю невозможность столь легкаго разрѣшенія проблемы. Внимательный анализъ его сочиненія показываетъ, что, не отступая отъ своего взгляда и даже настаивая на немъ, онъ чувствовалъ, однако, всю трудность его практическаго осуществленія въ жизни.

Во-первыхъ, что касается полнаго согласія интересовъ и единодушія отдѣльныхъ воль, совершенно очевидно, что это возможно лишь въ мечтѣ и идеѣ, но немыслимо въ дѣйствительности. Для Руссо это настолько ясно, что единодушія воль онъ требуетъ только въ одномъ случаѣ, по отношенію къ закону, образующему гражданское общество, и не потому, что здѣсь легче всего предположить возможность единогласія, въ виду неизбѣжной необходимости для каждаго жить въ обществѣ, а потому, что актъ этого образованія есть наиболѣе добровольный, какой только можно представить: „такъ какъ человѣкъ рождается свободнымъ и является самъ себѣ господиномъ, никто не можетъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, подчинить его безъ его согласія“ (L. IV, ch. II). Не слѣдуетъ ли отсюда, что въ другихъ случаяхъ общее согласіе всѣхъ не только менѣе возможно, но и менѣе необходимо? И дѣйствительно, Руссо прямо говоритъ, что для другихъ законовъ достаточно общей подачи голосовъ: „для того, чтобы воля была общей, не всегда нужно, чтобы она была единогласной (unanime), но необходимо, чтобы всѣ голоса были сочтены; всякое формальное исключеніе нарушаетъ общность“ (L. II, ch. II, note). Это, конечно, даетъ практическій выходъ, но цѣною серьезнаго теоретическаго затрудненія. Вѣдь основное правило относительно силы общественныхъ требованій гласитъ, что эти требованія лишь потому обязательны, что они взаимны: каждый законъ при изданіи своемъ предполагаетъ согласіе всѣхъ, кто долженъ ему затѣмъ подчиняться; это — необходимое условіе его

справедливости. Для того, чтобы примирить значеніе этого правила съ неизбѣжными практическими отступленіями отъ него, остается одно изъ двухъ: или вовсе не считать несогласныхъ, полагая, что они какъ бы выбываютъ изъ общества, или же считать согласіе на подачу голоса равносильнымъ съ общимъ одобреніемъ закона. Руссо прибѣгаетъ и къ тому, и къ другому выходу. Предвидя, что и самый законъ объ образованіи общества, однажды принятый всѣми, можетъ впослѣдствіи найти своихъ противниковъ, онъ замѣчаетъ: если со времени принятія этого закона онъ будетъ встрѣчать возражателей, это не лишаетъ силы договоръ, но только препятствуетъ считать ихъ въ числѣ гражданъ, среди которыхъ они будутъ чужими (L. IV, ch. II). Такой выходъ, конечно, вполнѣ понятенъ по отношенію къ лицамъ, не желающимъ принимать на себя узъ даннаго общенія; но онъ не можетъ быть примѣнимъ къ другимъ законамъ: лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ несогласіе съ тѣмъ или другимъ закономъ давало бы поводъ къ выходу изъ числа гражданъ. Поэтому для всѣхъ другихъ случаевъ Руссо знаетъ другой выходъ, столь знаменитый искусственностью своего діалектическаго построенія. „За исключеніемъ первоначальнаго договора, голосъ большинства всегда обязываетъ всѣхъ прочихъ: это слѣдствіе самаго договора. Но, спрашивается, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ сообразоваться съ волей, которая не есть его воля; какимъ образомъ возражающіе свободны, если они подчинены законамъ, на которые не дали своего согласія. Я отвѣчаю, говоритъ Руссо, что вопросъ плохо поставленъ. Гражданинъ даетъ свое согласіе на всѣ законы, даже и на тѣ, которые принимаются помимо его воли, и даже на тѣ, которые его наказываютъ, если онъ осмѣливается нарушить какой-либо изъ нихъ. Постоянная воля всѣхъ гражданъ государства есть общая воля; благодаря именно ей, они—граждане и свободны. Когда предлагаютъ извѣстный законъ въ собраніи народномъ, то у гражданъ

спрашиваютъ собственно не о томъ, одобряютъ ли они данное предложеніе или отвергаютъ его, а о томъ, согласно оно или нѣтъ съ общей волей, которая есть и ихъ воля; каждый, подавая свой голосъ, высказываетъ свое мнѣніе по этому предмету, и изъ подсчета голосовъ выводится объявленіе общей воли. Если одерживаетъ верхъ мнѣніе, противоположное моему, это не доказываетъ ничего иного, кромѣ того, что я ошибался и принималъ за общую волю то, что на самомъ дѣлѣ не было ею. Если бы взяло верхъ мое частное мнѣніе, я сдѣлалъ бы не то, что хотѣлъ сдѣлать, и именно въ этомъ случаѣ я не былъ бы свободенъ. (L. IV, ch. II).

Какъ часто упрекали Руссо за это мѣсто, находя въ немъ діалектическую игру мысли и даже непростительную софистику [1]). На самомъ дѣлѣ, очевидная для насъ искусственность этого построенія не имѣетъ ничего общаго съ софистической изворотливостью. Все заставляетъ думать, что ходъ мысли Руссо отличается въ данномъ случаѣ полной искренностью и серьезностью. Ключъ къ пониманію этого мѣста содержится въ послѣдней фразѣ: „если бы взяло верхъ мое частное мнѣніе, я сдѣлалъ бы не то, что хотѣлъ сдѣлать“. Дѣло въ томъ, что частное мнѣніе Руссо понимаетъ, какъ нѣчто, противоположное общему и даже исключающее его. Съ другой стороны *общее мнѣніе, какъ и общая воля, представляются ему не въ видѣ колеблющагося результата, происходящаго изъ столкновенія и борьбы частныхъ мнѣній и волъ, а въ видѣ неизмѣннаго элемента, общаго всѣмъ частнымъ волямъ и одинаково присущаго каждой изъ нихъ.* Отъ этого именно она является волей *постоянной* — „la volonté constante de tous les membres de l'Etat“ (L. IV. ch. II). Ее ничто не можетъ

[1]) Упреки этого рода составляютъ своего рода литературную традицію. См. и у новѣйшихъ авторовъ, Jellinek, Das Recht der Minoritaten. Wien. 1898, S. 12. Ad Prins, De l'Esprit du gouvernement démocratique. Bruxelles et Leipzig. 1906, P. 107; Duguit, Droit constitutionel. Paris, 1907, P 33.— Я думаю, что предлагаемое мною толкованіе даетъ возможность правильнѣе понять это мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основную идею „Общественнаго договора“.

исказить или поколебать—elle est toujours constante, inaltérable et pure (L. IV, ch. I). Подобно неизмѣнному и единственно возможному результату алгебраическаго уравненія, она можетъ получить лишь одно опредѣленіе: или это будетъ общая воля, или не общая, car la volonté est générale ou elle ne l'est pas (L. II, ch. II). Понятно поэтому, что принимая участіе въ голосованіи относительно общей воли, каждый стоитъ передъ альтернативой:—или правильно отгадать содержаніе этой воли и счастливо присоединить свой голосъ къ голосу тѣхъ, кто вѣрно ее понимаетъ, или же впасть въ ошибку и стать на сторону тѣхъ, кто не сумѣлъ отличить общую волю отъ частной. И столь же понятно, что при опредѣленіи общей воли, какъ неизмѣннаго элемента частныхъ воль, естественно предположить, что она будетъ правильнѣе понята большинствомъ [1]). Предполагая непосредственную вразумительность для всѣхъ счастливо найденной большинствомъ общей воли и искреннюю преданность каждаго общему благу, могъ ли Руссо допускать, чтобы отдѣльныя лица, послѣ рѣшающаго голосованія, упорствовали въ своихъ неправильныхъ мнѣніяхъ или же хотѣли навязать обществу свою частную волю. Вспомнимъ слова Камиля Демулена, столь удачно изъясняющія мысль Руссо: „народъ высказался, этого достаточно; никакія возраженія, никакія veto невозможны противъ его суверенной воли; она всегда законна: это самъ законъ".

Такъ выясняется для насъ, что предполагаемая софистика Руссо въ сущности совершенно правильная и единственно возможная цѣпь выводовъ изъ его основного взгляда. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ безусловно послѣдователенъ и правъ. Но болѣе того: вопросъ, который онъ затронулъ

[1]) Только при этомъ предположеніи и возможно построеніе Руссо, признающее за большинствомъ значеніе рѣшающаго авторитета. Самъ Руссо выражаетъ эту мысль съ полной ясностью. Изложивши свой взглядъ на естественное подчиненіе меньшинства большинству, онъ прибавляетъ: „ceci suppose, il est vrai, que tous les caracteres de la volonté générale sont encore dans la pluralité: quand ils cessent d'y être, quelque parti qu'on prenne, il n'y a plus de liberté". (L. IV, ch. II).

въ данномъ случаѣ, есть вопросъ чрезвычайно важный и глубокій, и слѣдовало бы скорѣе упрекать новѣйшихъ теоретиковъ за легкое отношеніе къ этому вопросу, чѣмъ Руссо за неправильное его разрѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если стоять на точкѣ зрѣнія народнаго суверенитета, то недостаточно еще ссылаться на голый фактъ господствующаго значенія большинства: необходимо также подтвердить его нравственное право на это господство. Почему большинство обязываетъ меньшинство? Почему—говоря словами Руссо—свободный гражданинъ долженъ подчиняться законамъ, на которые онъ не далъ своего согласія? Какъ увидимъ далѣе, новѣйшая теорія народнаго суверенитета не даетъ на эти вопросы удовлетворительнаго отвѣта и даже не всегда сознаетъ необходимость ихъ постановки Руссо въ этомъ отношеніи былъ выше своихъ послѣдователей.

Теорія общей подачи голосовъ, которую мы только что разобрали, даетъ возможность Руссо объяснить подчиненіе народному сувернитету лицъ, несогласныхъ съ его велѣніями. Идея общей и общеобязательной воли какъ будто бы спасена, но фактъ остается фактомъ: приходится допустить возможность противорѣчій и разногласій въ предѣлахъ общественныхъ союзовъ, и Руссо въ достаточной мѣрѣ обладалъ чувствомъ реальнаго, чтобы видѣть всю практическую ихъ неизбѣжность. „Общая воля всегда постоянна, незыблема и чиста“—это онъ утверждалъ съ начала и до конца; это было то новое евангеліе, которое онъ проповѣдывалъ и предъ которымъ онъ требовалъ смиренія отъ исторической дѣйствительности. Но, обдумывая приложеніе своихъ началъ къ практической жизни, онъ не могъ не признать, что цѣлый рядъ обстоятельствъ постоянно противодѣйствуетъ торжеству общей воли. „Общая воля всегда справедлива и всегда стремится къ общей пользѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сужденія народа всегда были столь же правильны. Каждый хочетъ всегда своего блага, но не каждый ясно видитъ его. Народъ нельзя

испортить, но его можно обмануть, и тогда кажется, что онъ хочетъ зла" (L. II, ch. III). Что же можетъ обезпечить правильное выраженіе народной воли? И какъ, вообще говоря, народъ можетъ вступить на путь правильнаго законодательства? „Кто дастъ ему необходимое предвидѣніе для того, чтобы заранѣе составлять свои рѣшенія и опубликовывать ихъ? и какъ сумѣетъ онъ обнародовать ихъ въ минуту необходимости? Какимъ образомъ слѣпая толпа, которая часто не знаетъ, чего она хочетъ, потому что она рѣдко знаетъ, что для нея хорошо, осуществитъ сама по себѣ дѣло столь великое и трудное, какъ система законодательства?.. Общая воля всегда справедлива, но мнѣніе, которое ею руководитъ, не всегда бываетъ просвѣщеннымъ. Надо заставить это мнѣніе видѣть предметы такими, каковы они есть, иногда такими, какъ они должны ему казаться, указать ему добрый путь, котораго оно ищетъ, предохранить его отъ соблазна частныхъ желаній, обратить его вниманіе на время и мѣсто, уравновѣсить привлекательность выгодъ близкихъ и осязаемыхъ опасностью бѣдствій отдаленныхъ и скрытыхъ (L. II, ch. VI).

Можно ли было лучше изобразить затрудненія и помѣхи на пути къ образованію истинной воли народной и лучше понять условія для ея планомѣрнаго проявленія? Руссо требуетъ воплощенія въ законахъ общей воли, справедливой и неизмѣнной, но на практикѣ онъ видитъ предъ собою лишь волю *всѣхъ*, измѣнчивую и непостоянную въ своихъ частныхъ желаніяхъ, и какъ бы въ порывѣ отчаянія онъ говоритъ: „нужны боги, чтобы дать законы людямъ". Но независимо отъ указанныхъ затрудненій, онъ знаетъ и еще бо̀льшія. Хорошіе законы, воплощающіе истинно-общую волю, не вездѣ возможны. „Тысячи народовъ блистали на землѣ, которые никогда не могли бы допустить у себя хорошихъ законовъ; и даже тѣ, которые могли бы ихъ имѣть, въ теченіе всего своего существованія имѣли для этого время слишкомъ короткое. Большая часть народовъ, такъ же какъ и людей, покорны только въ юности и становятся

неисправимыми въ старости. Разъ обычаи установились и предразсудки укоренились, это—опасная и напрасная задача стараться ихъ измѣнить" (L. II. ch. VIII). „Свобода не есть плодъ, произрастающій во всѣхъ климатахъ, и не каждому народу она приходится по силамъ. Чѣмъ болѣе обдумываешь это положеніе, установленное Монтескье, тѣмъ болѣе чувствуешь его истину, чѣмъ болѣе его опровергаешь, тѣмъ болѣе имѣешь поводовъ найти для него новыя доказательства" (L. III. ch VIII).

Но и тамъ, гдѣ общая воля полагается въ основу государственнаго устройства, она постоянно находится въ опасности. Дѣло въ томъ, что приводить въ исполненіе общую волю поручается правительству, дѣйствующему по уполномочію верховной власти народа. Но, по естественному соотношенію вещей, правительство само стремится сосредоточить власть въ своихъ рукахъ. „При совершенномъ законодательствѣ частная или индивидуальная воля должна быть равной нулю, воля правительства—весьма подчиненной, воля общая или верховная—господствующей и служащей правиломъ для всѣхъ другихъ. По естественному порядку, напротивъ, эти различныя воли становятся тѣмъ болѣе дѣятельными, чѣмъ болѣе онѣ сосредоточены. Такимъ образомъ, общая воля всегда самая слабая, воля правительства занимаетъ второе мѣсто и воля индивидуальная—первое изъ всѣхъ (L. III, ch. II). Отсюда проистекаетъ неизбѣжный антагонизмъ между ними: „Какъ частная воля безпрестанно дѣйствуетъ противъ общей, такъ правительство употребляетъ постоянныя усилія противъ суверенитета". И чѣмъ болѣе совершается захватъ верховной власти, тѣмъ болѣе государство склоняется къ гибели. (L. III, ch. XI). Такова неизбѣжная участь всѣхъ государствъ, и не слѣдуетъ пытаться осуществить невозможное и льстить себя надеждою придать дѣлу рукъ человѣческихъ прочность, которой человѣческія произведенія имѣть не могутъ" (ibid).

Изъ приведенныхъ мѣстъ съ очевидностью вытекаетъ, что

Руссо слишкомъ хорошо сознавалъ препятствія къ осуществленію въ жизни верховной воли народа въ ея истинной сущности и правдѣ. И, однако, съ твердостью человѣка, убѣжденнаго въ безспорности своей идеи, онъ говоритъ: народная воля должна господствовать въ политикѣ! Это не былъ только стиль, который, по предположенію Эсмена, заставлялъ умы воспринимать лишь простыя формулы этой „въ сущности хрупкой и даже схоластической доктрины", скрывая отъ нихъ ея ограниченія и разъясненія [1]). Власть этой доктрины, гораздо болѣе цѣнной и практической, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ,—въ глубинѣ и энтузіазмѣ ея основного убѣжденія. Да, да и да,—читаемъ мы между строкъ „Общественнаго договора"—народъ можно обмануть и направить на ложный путь, его не всегда можно склонить къ истинѣ, и тѣмъ не менѣе народная воля должна господствовать. Необходимо найти средства для поддержанія суверенитета, необходимо обезпечить бдительность общей воли и ея неизмѣнное господство надъ частной, и изложивши всѣ свои ограничительныя и скептическія замѣчанія, Руссо обращается къ этой главной задачѣ своего трактата.

„Такъ какъ суверенъ не имѣетъ другой силы, кромѣ законодательной власти, и такъ какъ законы суть лишь подлинныя выраженія общей воли, то суверенная воля можетъ дѣйствовать только тогда, когда народъ собранъ. Народъ собранъ—скажутъ на это—какая химера! Это химера теперь—отвѣчаетъ Руссо; но это не было химерой двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Развѣ природа людей измѣнилась съ тѣхъ поръ? Границы возможнаго въ явленіяхъ нравственнаго порядка менѣе узки, чѣмъ мы это думаемъ: ихъ суживаютъ наши слабости, наши пороки, наши предразсудки. Низкія души не вѣрятъ въ великихъ людей, жалкіе рабы насмѣшливо улыбаются при словѣ свобода.—Восходя къ

1) Esmein, Éléments de droit constitutionel, 4-me edition. Paris 1906. P. 201, note 1. Duguit, L'Etat, les gouvernants et les agents. Paris 1903. P. 58: ...«doit au style merveilleux de Jean-Jacques...»

первоначальнымъ эпохамъ въ жизни народовъ, можно найти, что большая часть древнихъ правительствъ, даже монархическихъ, имѣли народныя собранія. Какъ бы тамъ ни было, но этотъ одинъ безспорный фактъ отвѣчаетъ на всѣ затрудненія: заключеніе отъ существующаго къ возможному мнѣ кажется правильнымъ (L. III, ch. XII).

Удостовѣряя такимъ образомъ возможность полновластныхъ народныхъ собраній, Руссо требуетъ для поддержанія неприкосновенности верховной власти народа, чтобы эти собранія созывались не только въ томъ чрезвычайномъ случаѣ, когда необходимо установленіе общественнаго союза, но періодически и постоянно, „такъ чтобы въ опредѣленный день народъ созывался согласно закону, безъ необходимости какого-либо формальнаго созыва“. И чѣмъ болѣе правительство имѣетъ силы, тѣмъ чаще должна давать себя знать суверенная власть. „Но, скажутъ мнѣ,—это возможно лишь для одного города; а что дѣлать, когда въ государствѣ ихъ нѣсколько. Слѣдуетъ ли тогда раздѣлить суверенную власть? или же сосредоточить ее въ одномъ городѣ и подчинить ему все остальное? „Ни то, ни другое,—отвѣчаетъ Руссо,—ибо то и другое противно принципамъ. Я отвѣчу еще,—прибавляетъ онъ,—что всегда оказывается бѣдствіемъ соединять нѣсколько городовъ въ одну общину; желая образовать такой союзъ, не слѣдуетъ льстить себя надеждой избѣжать естественнаго неудобства... Во всякомъ случаѣ, если невозможно свести государство къ должнымъ границамъ, есть еще одинъ выходъ: не допускать въ немъ образованія столичнаго города, заставить правительство поперемѣнно имѣть свое мѣстопребываніе въ каждомъ городѣ, и собирать въ нихъ поочередно штаты страны. Населите равномѣрно территорію,—заключаетъ свой совѣтъ Руссо,—распространите на ней повсюду одни и тѣ же права и повсюду внесите изобиліе и жизнь; такимъ образомъ государство сдѣлается сразу и самымъ сильнымъ и наилучше управляемымъ“ (L. III, ch. XIII).

Изъ всего этого вытекаетъ, что для осуществленія народ-

наго полновластія Руссо предполагаетъ совершенно исключительныя условія: тѣсные предѣлы небольшой государственной единицы, государства-города, вродѣ греческихъ общинъ или швейцарскихъ республикъ, жизнь которыхъ представляется ему въ образѣ добраго согласія и патріархальной простоты: всѣ чувствуютъ себя здѣсь единымъ организмомъ, „въ которомъ всѣ части государства сильны и просты, правила ясны и вразумительны, въ которомъ нѣтъ противорѣчивыхъ и спутаныхъ интересовъ, и общее благо всегда обнаруживается съ очевидностью и требуетъ только здраваго смысла, чтобы быть замѣченнымъ“ (L. IV, ch. I). Тотъ выходъ, который новые народы находятъ для выраженія народнаго верховенства,—систему народнаго представительства,—Руссо, совершенно послѣдовательно съ своей точки зрѣнія отвергаетъ. Передача представителямъ верховной власти означала бы въ его глазахъ подмѣну общей воли, въ образованіи которой непремѣнно должны участвовать всѣ, волей частной; это было бы отчужденіемъ народнаго суверенитета, по существу своему неотчуждаемаго. Поэтому, принимая все это во вниманіе, Руссо приходитъ къ слѣдующему выводу: „я не вижу, чтобы отнынѣ возможно было суверенной власти сохранить среди насъ свои права, если государство не будетъ слишкомъ мало“ (L. III, ch. XV) Онъ предвидѣлъ возраженіе, что небольшому государству трудно будетъ существовать вслѣдствіе внѣшнихъ опасностей, и въ головѣ его былъ цѣлый планъ, какъ сочетать внѣшнее могущество большого народа съ легкимъ управленіемъ и добрыми порядками маленькаго государства (ibid.). Руссо не успѣлъ изложить намъ свой планъ, но совершенно ясно, что этотъ планъ требовалъ бы коренного переустройства всѣхъ существующихъ большихъ государствъ; и это переустройство, по мысли его, должно бы было коснуться не только учрежденій и законовъ, но также и нравовъ. Онъ мечталъ о такомъ опрощеніи жизни, при которомъ люди въ непоколебимой простотѣ обычаевъ и желаній являлись бы недоступными для обманчивыхъ

увлеченій и утонченныхъ потребностей. „Миръ, единство и равенство—враги политическихъ тонкостей. Людей прямыхъ и простыхъ трудно обмануть именно по причинѣ ихъ простоты· приманки и утонченные поводы не оказываютъ на нихъ никакого вліянія; они даже недостаточно хитры, чтобы быть обманутыми. Когда видишь у самаго счастливаго народа міра крестьянъ, управляющихъ государственными дѣлами подъ дубомъ и поступающими всегда мудро, можно ли удержаться отъ того, чтобы не презирать утонченностей другихъ народовъ, которые дѣлаютъ себя знаменитыми и несчастными съ такимъ искусствомъ и съ такой таинственностью. Въ государствѣ, управляемомъ такимъ образомъ, нѣтъ нужды въ многихъ законахъ, и по мѣрѣ того, какъ становится необходимымъ обнародованіе новыхъ, эта необходимость замѣчается всѣми. Первый, кто ихъ предлагаетъ, высказываетъ лишь то, что чувствовали уже другіе; здѣсь нѣтъ нужды ни въ особыхъ домогательствахъ, ни въ краснорѣчіи, для того чтобы провести въ законѣ то, что каждый уже рѣшилъ дѣлать, какъ только будетъ обезпечено, что другіе будутъ дѣйствовать такъ же, какъ и онъ (L. IV, ch. I).

Только что приведенное мѣсто имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для оцѣнки теоріи Руссо: оно проливаетъ новый свѣтъ на его ученіе объ общей волѣ. Мы окончательно убѣждаемся теперь, что *общность воли представлялась Руссо въ видѣ совершеннаго единства желаній, обезпеченнаго полнымъ единствомъ жизни и ничѣмъ невозмутимой простотой настроеній и чувствъ* [1]). Справедливость законовъ, принимаемыхъ всѣми,

---

[1]) Попытка Б. А. Кистяковскаго найти „болѣе широкій и внутренній смыслъ“ ученія Руссо объ общей волѣ, находящая себѣ поддержку въ соотвѣтствующихъ взглядахъ Іеллинека, даетъ новыя данныя для пониманія этого ученія, но данныя формально-логическаго характера. Цѣлостное и конкретное содержаніе этого ученія рѣзко отличающее его отъ современныхъ воззрѣній, можетъ быть понято только изъ сопоставленія всѣхъ отдѣльныхъ взглядовъ Руссо и изъ общаго духа его „Contrat social“. Нельзя, однако, не согласиться съ г. Кистяковскимъ, что новыя изслѣдованія Гаймана и Липмана не раскрываютъ всей глубины ученій Руссо. См. Kistiakowsky, Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin, 1899. S. 156, Note. I.

вытекаетъ здѣсь изъ общаго согласія взглядовъ, изъ однообразія положеній и потребностей. Общая воля является вмѣстѣ и волею всѣхъ. Счастливая гармонія царствуетъ въ этомъ общеніи, въ которомъ единство, равенство и миръ служатъ естественными послѣдствіями патріархальной простоты жизни. Но какъ только общественная связь начинаетъ ослабляться, какъ только частные интересы начинаютъ давать себя чувствовать и небольшія общественныя группы начинаютъ влiять на общество въ цѣломъ, общій интересъ затемняется и встрѣчаетъ возраженія. „Единодушіе не царствуетъ болѣе при голосованіи, общая воля не является болѣе волею всѣхъ; поднимаются возраженія, споры, и лучшее мнѣніе не проходитъ безъ преній". Наконецъ, когда государство приближается къ гибели и общественная связь перестаетъ жить въ сердцахъ, когда худшій эгоизмъ дерзко украшаетъ себя священнымъ именемъ общаго блага, тогда общая воля безмолвствуетъ... „Значитъ ли это,—спрашиваетъ въ заключеніе Руссо,—что она уничтожена или извращена?—Нѣтъ, она всегда остается постоянной, незыблемой и чистой—elle est toujours constante, inaltérable et pure—но она подчиняется другимъ, которыя одерживаютъ надъ нею верхъ. (L. VI, ch. II).

Эта фраза Руссо объ общей волѣ: elle est toujours constante, inaltérable et pure—замѣчательная и классическая фраза. Она напоминаетъ другое знаменитое изреченіе—Галилея—e pur si muove, и все-таки она движется. Пусть „резонеры"—какъ иронически выражается Руссо—говорятъ что хотятъ; пусть жизнь создаетъ препятствія для торжества общей воли и грозитъ ея искаженіемъ и все-таки это—„постоянная, неизмѣнная и чистая воля", и все-таки она должна господствовать. Это было то убѣжденіе, которое преобразовало политику, подобно тому какъ убѣжденіе Галилея въ свое время преобразовало физику. Никогда ни прежде, ни послѣ теорія народнаго суверенитета не развивалась съ такимъ своеобразнымъ сочетаніемъ яснаго сознанія затруднительности ея воплощенія въ жизни и глубочай-

шаго убѣжденія въ необходимости этого воплощенія; ибо для Руссо безусловно ясно одно: другого основанія для правильной политики и справедливыхъ законовъ не существуетъ. Мы можемъ восхищаться силою великаго дерзанія, заключеннаго въ книгѣ Руссо, страстью ея революціоннаго порыва, но вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ несомнѣнно, что великій вдохновитель новой политики сообщилъ ей такой догматъ, который могъ быть принятъ на вѣру и силою этой вѣры совершать чудеса, но не могъ ни получить полнаго воплощенія въ жизни, ни выйти неизмѣннымъ изъ испытанія теоретической мысли.

II. Доктрина Руссо и наказы 1789 года.

Судьба хотѣла, чтобы теорія Руссо была подвергнута первому испытанію еще наканунѣ французской революціи. Я говорю объ опытѣ примѣненія идеи народной воли въ заявленіяхъ французскихъ наказовъ 1789 г. Конечно, тогда, какъ и позднѣе, не могло быть и рѣчи о тѣхъ исключительно счастливыхъ условіяхъ, которыя, съ точки зрѣнія Руссо, были необходимы для торжества общей воли. Невозможно было повернуть назадъ колесо исторіи и возвратить культурнымъ народамъ Европы блаженную простоту первобытныхъ временъ. Одно это должно было внушить сторонникамъ народнаго суверенитета мысль о томъ, что искать идеала народной воли въ собраніяхъ швейцарскихъ крестьянъ было по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразно. Для тѣхъ, кто хотѣлъ утвердить эту идею, предстоялъ путь иной и гораздо болѣе трудный: надо было, такъ сказать, вырвать ее изъ разноголосицы частныхъ мнѣній, изъ противорѣчія интересовъ, изъ противоборства страстей; надо было показать, что она сохраняетъ свою силу и тогда, когда мы будемъ ее понимать не какъ готовый плодъ первобытнаго единства, а какъ сложный результатъ исканій и борьбы, дающійся только напряженнымъ усиліямъ мысли и воли. Но если условія примѣненія идеи народной воли въ практиче-

ской жизни не соотвѣтствовали замыслу Руссо, то первый же опытъ ея примѣненія давалъ новое освѣщеніе самому существу этой идеи. Наказы 1789 г. ясно обнаруживаютъ, что независимо отъ своего положительнаго содержанія, независимо отъ раскрытія этого содержанія въ опредѣленныхъ требованіяхъ момента, идея народной воли представляетъ собою могущественную критическую и оппозиціонную силу. Первое опредѣленіе, которое вытекаетъ изъ этой идеи, есть понятіе объединенія отдѣльныхъ элементовъ народа въ нѣкоторомъ высшемъ общеніи интересовъ и стремленій. Но это опредѣленіе имѣетъ скорѣе идеальный и критическій характеръ, чѣмъ конкретный и положительный. Какія отдѣльныя положительныя требованія изъ него вытекаютъ для даннаго момента, это не можетъ быть ясно съ перваго взгляда и непосредственно. Зато совершенно ясно, что изъ него вытекаетъ *отрицаніе* своекорыстныхъ стремленій власти, несправедливыхъ привилегій господствующихъ классовъ, неравенства положеній, угнетенія однихъ въ пользу другихъ. Еще менѣе ясно, кто именно долженъ быть выразителемъ народной воли. При невозможности осуществить идею всенародныхъ собраній по теоріи Руссо, приходится прибѣгнуть къ началу представительства, но и здѣсь могутъ быть разногласія въ вопросѣ о системѣ представительства. Всѣ эти затрудненія тотчасъ же обнаружились, какъ только зашла рѣчь о переустройствѣ Франціи по началу народной воли. Что это переустройство должно быть дѣломъ народа или выраженіемъ воли народа, это было очевидно для всѣхъ. Весь существующій строй былъ поставленъ предъ судилищемъ идеи народа, и объ эту идею послѣдовательно разбивались всѣ старыя учрежденія. Но если всѣмъ наказамъ приходилось апеллировать къ этой идеѣ и во имя ея отвергать старыя учрежденія, то не всѣ они сходились въ указаніи путей новаго строительства и въ опредѣленіи способовъ выраженія народной воли. Историческое прошлое Франціи не выработало на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ началъ. Старые генеральные шта-

ты были построены на сословномъ началѣ, что разбивало народъ на обособленныя группы, противорѣчило идеѣ народнаго единства и создавало лишь затрудненія при переходѣ къ новому строю. Сверхъ того, генеральные штаты не представляли собою чего-либо строго опредѣленнаго ни по своей организаціи, ни по способу своего дѣйствія, ни по предѣламъ своей компетенціи [1]). Но такъ или иначе французскимъ избирателямъ при составленіи наказовъ приходилось установить, въ какомъ отношеніи будутъ стоять къ идеѣ націи созываемые Генеральные Штаты. Могутъ ли они считаться органомъ народной воли, какъ единственное представительное собраніе, которому приходилось говорить отъ имени народа? Или же волю народную будетъ выражать все собраніе народа, согласно теоріи Руссо, что при данныхъ условіяхъ означало совокупность всѣхъ избирателей. Взгляды наказовъ по этому вопросу двоятся, и въ то время какъ одни наказы съ полной опредѣленностью заявляютъ, что „Генеральные Штаты—органъ народной воли", другіе съ такой же опредѣленностью, а иногда и съ нѣкоторой рѣзкостью высказываютъ ту мысль, что депутаты—только „приказчики и повѣренные избирателей — только истолкователи ихъ воли". Изъ этого послѣдняго взгляда вытекло стремленіе связать депутатовъ не только общими указаніями, но и наперед установленными статьями, которыя должны были затѣмъ непремѣнно быть приняты въ собраніи Штатовъ. Такъ же двойственно понималось отношеніе народной воли къ королевской власти: тогда какъ одни полагали, что „штаты состоятъ изъ короля и депутатовъ трехъ сословій", и что воля народная вытекаетъ изъ совокупности этихъ двухъ элементовъ, другіе противопоставляли народъ королю, причемъ полагали, что учредительная власть принадлежитъ народу или его представителямъ, не дѣлая при этомъ никакихъ оговорокъ относительно королевской власти. Но при всемъ различіи взгля-

[1]) В. Герье. Идея народовластія и французская революція 1789 г. М. 1904 г. Стр. 408 (Статья: Понятія о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г.)

довъ, на первое мѣсто силою вещей выдвигался тотъ органъ народнаго представительства, который по историческимъ условіямъ призванъ былъ къ выраженію общественнаго мнѣнія, и если новая идея народной воли не могла отразиться на способѣ выбора депутатовъ, который оказался связаннымъ съ сословными разграниченіями, то она не замедлила проявить свое вліяніе въ вопросѣ объ организаціи самаго представительнаго собранія.

Въ этомъ отношеніи прежде всего важно было опредѣлить: останется ли также сословной и организація собранія, соотвѣтственно старымъ феодальнымъ традиціямъ, или же сословный характеръ выборовъ будетъ сглаженъ въ общемъ собраніи штатовъ, которые въ такомъ случаѣ могли бы явиться объединеннымъ организмомъ народнаго представительства. Какъ и естественно было ожидать, привилегированныя сословія, дворянство и духовенство, стояли ближе къ старымъ традиціямъ и въ большинствѣ случаевъ высказывались за подачу голосовъ по сословіямъ. Болѣе заинтересованные въ сохраненіи существующаго строя и своего привилегированнаго положенія, они стремились вложить въ новое понятіе народной воли старое историческое содержаніе. Представленіе свое о народѣ они заимствовали изъ стараго времени. Они понимали подъ народомъ совокупность различныхъ сословій, отдѣленныхъ другъ отъ друга по своему положенію и по степени почета. Они настаивали на томъ, что это понятіе народа, освященное временемъ и преданіемъ, и есть настоящій фундаментъ для дальнѣйшаго существованія Франціи, „до тѣхъ поръ,—прибавляли нѣкоторые,—пока народъ не прикажетъ иначе“. Въ противоположность двумъ высшимъ сословіямъ, третье сословіе стояло за слияніе всѣхъ въ поголовномъ голосованіи. И здѣсь были исключенія и отступленія отъ общаго взгляда, но преобладающее мнѣніе было совершенно ясно. Представители третьяго сословія какъ бы чувствовали себя представителями новаго духа и новыхъ историческихъ задачъ. Иногда они склонны были даже считать себя за единствен-

ныхъ выразителей народной воли, въ виду того, что „третье сословіе по существу составляетъ народъ“. Во всякомъ случаѣ они не хотѣли, чтобы голоса ихъ депутатовъ, по численности своей равнявшіеся голосамъ двухъ другихъ сословій, были заглушены при системѣ сословнаго голосованія, ибо при этомъ условіи, какъ замѣчаетъ одинъ наказъ, „нельзя было бы осуществить преобразованій и голосованіе было бы напрасно“. Понятіе народной воли связывалось здѣсь съ тѣми новыми вѣяніями и стремленіями, на почвѣ которыхъ выросло вскорѣ великое революціонное движеніе. Такимъ образомъ, по вопросу о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ народной волей и какъ получить ея болѣе точное выраженіе, мнѣнія радикально расходились: у каждой группы избирателей въ этомъ отношеніи были свои представленія, и каждая изъ нихъ основывала эти представленія на соображеніяхъ общаго характера о лучшемъ будущемъ Франціи. Представители феодальныхъ традицій полагали, что преобразованіе стараго сословнаго представительства нарушитъ „то мудрое равновѣсіе между государемъ и народомъ, которое одно можетъ предотвратить злоупотребленія произвольной власти и буйство анархіи“; носители новыхъ началъ утверждали, что сохраненіе старой системы помѣшаетъ необходимымъ преобразованіямъ. Одни заимствовали свои представленія о народѣ изъ прошлаго и со страхомъ ожидали перемѣнъ, другіе мечтали о новомъ французскомъ народѣ, — народѣ будущаго, котораго они одни хотѣли быть вѣрными истолкователями. Кто долженъ былъ разрѣшить это коренное разногласіе и на чьей сторонѣ была правда? По теоріи Руссо, единственной рѣшающей инстанціей въ данномъ случаѣ должно бы было явиться общее собраніе народа, но, согласно собственнымъ разъясненіямъ Руссо, слѣдовало признать, что въ обстановкѣ Франціи того времени, при крайнемъ дробленіи общества, опросъ всего народа—даже если бы можно было его осуществить—не могъ бы привести къ желательнымъ результатамъ и обнаружить силу

народнаго согласія: напротивъ, онъ далъ бы тѣ же разнорѣчивыя показанія, при чемъ на сторонѣ каждаго мнѣнія могло бы оказаться весьма значительное число голосовъ. Новѣйшій историкъ французской революціи, разбирая указанныя противорѣчія наказовъ и упрекая представителей различныхъ сословій и партій въ томъ, что они „по своимъ соображеніямъ сочиняли органъ для предполагаемой *національной* воли, для того, чтобы во имя націи осуществить *свою* программу", замѣчаетъ: „всѣ эти избиратели забыли о существенномъ значеніи монархіи въ ея идеальномъ смыслѣ, забыли о томъ, что народъ имѣетъ въ монархѣ постояннаго, стоящаго выше сословій и партій представителя національной воли. Къ посредничеству короля и надлежало обратиться" [1]). Этотъ взглядъ на разрѣшеніе проблемы народной воли, предполагая за монархомъ счастливое свойство быть постояннымъ представителемъ этой воли, въ сущности лишь замѣняетъ патріархальный романтизмъ Руссо романтизмомъ феодальнымъ: тамъ и здѣсь воля народа представляется, какъ готовый плодъ его жизни, который непосредственно дается тѣмъ, кто предназначенъ его хранить Народу въ идеальномъ смыслѣ противопоставляется здѣсь монархія въ идеальномъ смыслѣ при чемъ совершенно упускается изъ вида, что если монархія и должна служить символомъ народнаго единства, то это единство не есть неизмѣнное достояніе жизни, ключи отъ котораго находятся въ рукахъ монарха: тамъ, гдѣ оно есть, оно имѣетъ характеръ подвижнаго равновѣсія, въ разные моменты колеблющагося туда и сюда и вѣчно ищущаго для себя новаго выраженія. Эти исканія и колебанія отражаются и на волѣ монарха, который является такимъ образомъ центромъ отраженнымъ, а не самобытнымъ, еще болѣе ожи-

---

[1]) В. И. Герье: „Идея народовластія и французская революція". Стр. 483 и 481. Взглядъ почтеннаго историка представляетъ собою цѣлое міросозерцаніе, которое не разъ находило для себя защитниковъ въ XIX в. См мои разъясненія по этому поводу въ отвѣтъ на замѣчанія В. И Герье въ журн. „Вопросы фил. и псих" Кн. 89. М. 1907 г. (письмо въ редакцію).

дающимъ указаній отъ народа, чѣмъ дающимъ ихъ ему. Не было ничего удивительнаго, если французскія сословія на вопросъ короля объ устроеніи Франціи пожелали сами отвѣтить на то, о чемъ ихъ спрашивали, вмѣсто того, чтобы заранѣе предоставить все посредничеству короны. И столь же естественно было, что, мечтая о всенародномъ характерѣ государственнаго строительства, каждая группа предлагала, однако, свою программу, соотвѣтственно своимъ идеальнымъ представленіямъ о будущемъ и о характерѣ народной воли. Никто и ничто, кромѣ свободнаго состязанія отдѣльныхъ мнѣній и кромѣ ихъ внутренняго превосходства, подтвержденнаго объективнымъ историческимъ опытомъ, не могли рѣшить, на чьей сторонѣ была правда. Эту правду надо было отгадать и найти, и естественно, что каждый отгадывалъ ее по-своему. Отсюда для теоріи народной воли вытекалъ одинъ чрезвычайно важный результатъ: за невозможностью видѣть въ какомъ-либо лицѣ или собраніи подлинное и безспорное выраженіе этой воли, находящейся въ постоянномъ процессѣ своего образованія, слѣдовало не связывать ее непремѣнно съ какимъ-либо органомъ, приписывая ему свойство непогрѣшимости, а только обезпечить процессъ свободнаго образованія этой воли и свободнаго ея выраженія. Дальнѣйшая исторія Франціи показала, что народное представительство, даже при условіи несовершенной избирательной системы, можетъ явиться дѣйствительнымъ выраженіемъ голоса народа, если оно не встрѣчаетъ къ этому внѣшнихъ препятствій. Генеральные Штаты 1789 г., избранные на старыхъ феодальныхъ основаніяхъ, превратились въ подлинное Національное Собраніе, которое призвано было провозгласить начала возрожденія Франціи и не одной Франціи. Таковъ былъ мощный зовъ времени, такова сила объективной логики событій, что собраніе умѣло отыскать въ своемъ творчествѣ народную волю, открывая тайники ея и для себя, и для самого народа. Не въ легкомъ и простомъ воспроизведеніи готовыхъ и для всѣхъ очевидныхъ началъ

познается народная воля, а именно въ исканіи и творчествѣ; ибо воля эта не есть готовый фактъ, а лишь задача или руководящая норма, которая въ своемъ положительномъ содержаніи нерѣдко оказывается загадкой, уравненіемъ со многими неизвѣстными, таинственной и неопредѣленной величиной.

Таковъ былъ результатъ, который можно было вывести изъ затрудненій и противорѣчій французскихъ наказовъ, поставившихъ своей цѣлью согласовать свои заявленія съ требованіями народной воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда и изъ ученія Руссо, и изъ перваго опыта примѣненія его на практикѣ можно было бы вывести и еще одно чрезвычайно важное заключеніе. Если воля народная каждый разъ есть искомая, а не данная величина, и если опредѣленіе, которое ей даютъ, никогда не можетъ быть окончательнымъ, а всегда является только приблизительнымъ, о ней нельзя сказать, чтобы въ какомъ бы то ни было выраженіи она представляла собою „постоянную, неизмѣнную и чистую“ волю. Никогда эта воля не бываетъ устойчивой и самодовлѣющей величиной: она измѣнчива и подвижна, она колеблется и дробится, она постоянно находится въ процессѣ образованія. Какъ во всякомъ живомъ и подвижномъ психическомъ процессѣ, истина въ ней не дана, а только задана и ищется, и потому въ каждый моментъ этого процесса въ немъ можно встрѣтить на ряду съ чутьемъ истины, ошибки и недоразумѣнія, и на ряду съ опредѣленными и правильными сужденіями, много неяснаго и смутнаго. Никто лучше Гегеля не выразилъ съ этой стороны природы общественнаго мнѣнія и образующейся въ его нѣдрахъ общей воли: „въ общественномъ мнѣніи,—говорилъ онъ,—заключено все ложное и истинное; найти въ немъ истинное есть задача великаго человѣка. Кто говоритъ и выполняетъ для своего времени то, чего оно хочетъ, есть великій человѣкъ своего времени. Онъ дѣлаетъ то, что составляетъ внутреннюю природу и существо его времени; кто же не умѣетъ презирать общественнаго мнѣнія, какъ онъ слы-

шитъ его здѣсь и тамъ, тотъ никогда не достигнетъ великихъ результатовъ". Общественное мнѣніе, которое „слышится здѣсь и тамъ"—это та эмпирическая разноголосица отдѣльныхъ мнѣній, volonté de tous по терминологіи Руссо, изъ которой настоящую общую волю надо извлечь, стараясь найти въ ней элементы дѣйствительно общіе и отбросить все случайное, смутное и неправильное. Гегель связываетъ этотъ процессъ съ дѣятельностью великихъ людей, и это вѣрно, поскольку нахожденіе общихъ элементовъ и руководящихъ началъ совершается чрезъ отдѣльныхъ лицъ; но общей волей найденные ими элементы становятся лишь тогда, когда они дѣйствительно соотвѣтствуютъ потребности общества и когда общество узнаетъ въ нихъ то, чего само желаетъ. Иногда вожди и герои общественныхъ движеній провозглашаютъ и такія идеи, которыя идутъ впереди эмпирическаго разнообразія отдѣльныхъ взглядовъ еще не созрѣвшаго общественнаго мнѣнія, которыя вносятъ свѣтъ, создаютъ и творятъ; но всегда необходимо, чтобы эти идеи увлекли за собою другихъ и получили печать общественнаго признанія.

Изъ всего этого вытекаетъ, наконецъ, и еще одинъ существенный результатъ, имѣющій особенное значеніе для нашего анализа. Мы замѣтили выше, что идея народнаго суверенитета была положена въ основу правового государства. Вѣра въ возможность легкаго обнаруженія народной воли была однимъ изъ условій оптимистическихъ надеждъ старой политической теоріи. Надо только прислушаться къ голосу народа, уловить его чистое и нелицепріятное выраженіе, и законы станутъ справедливыми, граждане свободными, общеніе совершеннымъ. Но въ существѣ этого взгляда кроется ошибка: право не можетъ быть вѣрной копіей и фотографическимъ снимкомъ народной воли по той простой причинѣ, что эта воля, если брать ее какъ руководящее начало политики, есть не столько фактъ, сколько идея. Общественное мнѣніе есть лишь путь къ образованію правильнаго закона, путь трудный и тернистый,

идти по которому значитъ не столько находить, сколько искать, и во всякомъ случаѣ не столько находить совершенную истину, сколько улавливать ея временный и колеблющійся образъ. И для того, кто усвоилъ эту точку зрѣнія, политика все болѣе и болѣе представляется сложной и трудной, страшно далекой отъ той гармоніи общественныхъ соотношеній, въ которую вѣрили въ XVIII вѣкѣ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ выводовъ и заключеній, въ качествѣ обобщающаго послѣдствія изъ нихъ, могло бы возникнуть предположеніе, что вмѣстѣ съ старымъ пониманіемъ принципа народной воли слѣдуетъ устранить и самый этотъ принципъ Есть ли въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь основаніе говорить объ общей волѣ народа, когда мы знаемъ, что въ дѣйствительности подъ этой общей волей скрывается разногласіе частныхъ мнѣній, цѣлая совокупность колеблющихся и мѣняющихся настроеній и воль, борющихся за преобладаніе, подобно тому, какъ самъ народъ есть совокупность отдѣльныхъ группъ, различныхъ и борющихся между собою? Народная воля, народный духъ, народное убѣжденіе, не обладаютъ ли всѣ эти понятія оттѣнкомъ стариннаго романтизма? Не заключаютъ ли они въ себѣ предположеніе о единствѣ мыслящаго и хотящаго субъекта и не приводятъ ли они къ олицетворенію принципа, существующаго лишь въ отвлеченіи? Нельзя не признать, что теоретическія и—быть можетъ еще болѣе—практическія злоупотребленія идеей народной воли весьма поколебали довѣріе къ ней въ наукѣ. Но не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ знаменательное указаніе, что, несмотря на все это, въ общемъ сознаніи и обычномъ словоупотребленіи неистребимо живетъ понятіе народной воли. „Таково мнѣніе всей страны“, „таковъ голосъ народный“—вотъ выраженія, которымъ и въ наше время принадлежитъ не только широкое право гражданства, но и могущественное

---

[1]) Hegel, Philosophie des Rechts 3 Aufl. S. 404.

творческое значеніе Подъ этимъ знаменемъ и теперь распространяются великія прогрессивныя идеи и совершаются великія общественныя завоеванія. И сколько бы ни говорили о классовой враждѣ, о противорѣчіи общественныхъ интересовъ, нельзя уничтожить этого факта, что пока народъ представляетъ изъ себя извѣстное единство, въ немъ живетъ сознаніе общей связи. Глубочайшій смыслъ ученія Руссо заключается именно въ томъ, что въ наличности этого сознанія оно усматриваетъ основу существованія государства. Какъ ни далеко ушли мы отъ старой идеи о совершеннѣйшей гармоніи общественныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что извѣстное совпаденіе различныхъ интересовъ и стремленій столь же необходимо для существованія общества, сколь неизбѣжно въ немъ противорѣчіе и противоборство отдѣльныхъ силъ. Руссо былъ совершенно правъ, когда онъ говорилъ, что общеніе гибнетъ, если воля всѣхъ беретъ перевѣсъ надъ общей волей.

Но если идея общей воли должна быть сохранена, то въ какомъ видѣ и съ какимъ значеніемъ? Мы всего лучше отвѣтимъ на этотъ вопросъ, если прослѣдимъ тѣ горькія разочарованія и сомнѣнія, чрезъ которыя прошла теорія общей воли послѣ Руссо. Что уцѣлѣло отъ пламенныхъ мечтаній XVIII вѣка? Предъ нами налицо результаты процесса, имѣющаго всѣ признаки если не полной законченности, то во всякомъ случаѣ разносторонней поучительности. Разсмотрѣть основные моменты этого процесса значитъ уяснить себѣ тотъ кризисъ, который теорія Руссо пережила въ XIX вѣкѣ.

III. Кризисъ теоріи народнаго суверенитета.

Кризисъ теоріи Руссо въ XIX вѣкѣ не былъ только крушеніемъ идеи народнаго суверенитета: это было вмѣстѣ съ тѣмъ крушеніе идеи справедливаго государства, гармонически сочетающаго свободу и равенство отдѣльныхъ лицъ

съ господствомъ и всемогуществомъ общей воли. Вопросъ, который поставилъ Руссо въ политикѣ, можно сравнить съ тѣмъ вопросомъ, который Кантъ поставилъ въ философіи. Какъ возможны синтетическія сужденія a priori,— что означаетъ какъ возможно твердое познаніе—спрашивалъ Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума". Подобно ему, Руссо спрашиваетъ въ „Общественномъ договорѣ": „нѣтъ ли въ гражданскомъ строѣ какого-либо правила управленія законнаго и твердаго" [1]), что въ его изложеніи значитъ: какъ возможно справедливое государство. И подобно тому, какъ Кантъ отвѣчаетъ на основной вопросъ теоріи познанія указаніемъ необходимыхъ формальныхъ условій, при наличности которыхъ твердое познаніе становится возможнымъ, такъ Руссо разрѣшалъ основной политическій вопросъ указаніемъ тѣхъ формальныхъ условій, которыя необходимы для осуществленія справедливаго государства. Многіе политическіе мыслители до Руссо задавались этимъ вопросомъ и отвѣчали на него обыкновенно начертаніемъ конкретнаго образа совершеннаго государственнаго устройства. Указывали нормальное число гражданъ и подробности ихъ жизни, какъ это дѣлалъ Платонъ; требовали особенно благопріятнаго географическаго положенія и особой экономической организаціи, какъ Томасъ Моръ; или же настаивали на осуществленіи опредѣленныхъ формъ государственнаго устройства, какъ дѣлали писатели, придававшіе рѣшающее значеніе политическимъ учрежденіямъ. Читатели „Общественнаго договора" знаютъ, что Руссо не говоритъ ни о чемъ этомъ. Онъ отлично понимаетъ, что „свобода не есть плодъ, произрастающій во всѣхъ климатахъ", но онъ далекъ отъ того, чтобы пріурочивать идеальныя опредѣленія къ какимъ-либо конкретнымъ условіямъ, естественнымъ, экономическимъ, политическимъ, или инымъ.

---

[1]) Je veux chercher si, dans l'ordre civil, il peut y avoir quelque règle d'administration légitime et sûre—таковы начальныя слова „Contrat social" (L I, préambule).

Онъ даетъ лишь общую формальную схему, которая, по его мысли, можетъ быть осуществлена при различныхъ условіяхъ [1]). Такъ, напримѣръ, онъ одинаково допускаетъ различныя формы управленія· демократію, аристократію, монархію. Но всѣ эти формы лишь тогда законны, если онѣ согласуются съ общей волей народа и если онѣ имѣютъ въ виду высшее благо всѣхъ, которое должно быть цѣлью всякой системы законодательства и которое сводится къ двумъ главнымъ предметамъ: *свободѣ* и *равенству* (L. II, ch. XI). Общая воля народа, осуществляющая свободу и равенство всѣхъ — вотъ необходимое формальное условіе, внѣ котораго нѣтъ справедливаго государства, въ этомъ именно и заключается то правило управленія, котораго искалъ Руссо — „une règle d'administration légitime et sûre". Своимъ геніальнымъ чутьемъ Руссо проникъ въ самую глубь политической проблемы, и въ этомъ заключается непреходящее значеніе его трактата, болѣе важное, чѣмъ то, которое ему придаютъ обыкновенно: быть отраженіемъ и евангеліемъ своей эпохи.

Особенность и оригинальность „Общественнаго договора" заключалась, однако, не только въ глубокомысленной постановкѣ вопроса, но и въ знаменательномъ его разрѣшеніи. Обычнымъ типомъ построеній общественнаго идеала является тотъ, который былъ классически намѣченъ Пла-

---

[1]) Противъ этого не можетъ служить возраженіемъ, что, по мнѣнію Руссо, для осуществленія идеальнаго строя народъ не долженъ быть ни слишкомъ старымъ, ни слишкомъ изнѣженнымъ, простымъ, естественнымъ и единодушнымъ. Всѣ эти и подобныя требованія относятся не къ конкретнымъ условіямъ общественнаго устройства, а къ духовнымъ свойствамъ и задаткамъ народа, безъ которыхъ онъ не можетъ не только осуществить идеальныхъ основъ справедливаго порядка, но даже и понять ихъ цѣнность и значеніе. Нерѣдко утверждали, что Руссо относилъ свое идеальное построеніе только къ малымъ государствамъ и считалъ его неосуществимымъ для большихъ, но это — чистое недоразумѣніе, опровергаемое текстомъ «Общественнаго договора». Не говоря о томъ, что Руссо указываетъ извѣстный выходъ для государствъ, которыхъ нельзя свести къ надлежащимъ границамъ (L. III, ch. XIII), онъ разумѣетъ, конечно, не что иное какъ извѣстную форму федерализма, когда говоритъ о „возможности согласовать внѣшнее могущество

тономъ: исходя отъ представленія объ извѣстномъ объективномъ началѣ справедливости, предлагаютъ осуществить его въ обществѣ актомъ мудраго и благодѣтельнаго управленія. Какъ говорилъ Платонъ, спасеніе государства заключается въ томъ, чтобы правители сдѣлались философами или философы правителями. Справедливость и мудрость приходятъ сверху, съ вершинъ человѣческаго генія. Таково было нерѣдко убѣжденіе многихъ великихъ политиковъ и реформаторовъ. Руссо какъ бы переворачиваетъ этотъ взглядъ въ самомъ его основаніи. Онъ предполагаетъ, что справедливость можетъ быть осуществлена только черезъ общую волю всѣхъ гражданъ. При устроеніи общества нужно прежде всего исходить изъ общей воли, изъ общественнаго договора, и все остальное приложится само собою. и справедливость, и равенство, и свобода, и всѣ блага общественной жизни. Въ этомъ утвержденіи заключалась мысль и глубокая, и важная. Безспорно, что идеальнымъ общеніемъ слѣдуетъ признать лишь то, гдѣ законъ общественной жизни сдѣлался по древне-греческому выраженію νόμος ἔμψυχος, законъ живущій въ душѣ каждаго. Самая высшая справедливость, осуществленная противъ воли подчиняющихся ей лицъ, является принужденіемъ, и если объективныя начала справедливости не сдѣлаются общимъ сознаніемъ, онѣ не могутъ овладѣть жизнью до конца и вполнѣ. Въ то время какъ многіе увлекались идеалами просвѣщеннаго абсолютизма и благодѣтельныхъ реформъ сверху, Руссо съ необычайной силой понялъ и сказалъ: для того, чтобы идти до конца въ дѣлѣ справедливаго устроенія общества, надо основать его на общей волѣ, на общемъ признаніи. Это была идея смѣлая и блестящая. Какъ

большого народа съ легкой политикой и добрымъ порядкомъ малаго государства“ (L. III, ch. XV). Въ „Gouvernement de Pologne“ (ch. V), это выражается съ полной ясностью: „Presque tous les petits États, républiques et monarchies indifféremment, prosperent par cela seul, qu'ils sont petits... Appliquez-vous à étendre et à perfectionner le système des gouvernements fédératifs, le seul qui réunisse les avantages et des grands et des petits États..

бы ослѣпленный откровеніемъ генія, великій Кантъ покорно повторяетъ за Руссо: „законодательная власть можетъ принадлежать только соединенной волѣ народа. Какъ источникъ всякаго права, она никому не должна причинять несправедливости; но это всегда возможно, если кто-либо постановляетъ рѣшенія относительно другихъ. Только тогда, когда каждый распоряжается самъ собою, онъ не можетъ быть несправедливымъ къ себѣ, согласно общему правилу: „volenti non fit injuria“ [1]).

Противъ этого можно было бы, конечно, возразить, что ставить справедливость всецѣло въ зависимость отъ общаго признанія такъ же немыслимо, какъ невозможно и осуществить ее противъ общей воли. Какъ міръ не долженъ погибнуть для того, чтобы торжествовала справедливость, такъ и справедливость не должна была бы исчезнуть, если бы этого захотѣлъ весь міръ. Но немыслимость подобныхъ отвлеченныхъ противоположеній съ очевидностью показываетъ, что между справедливостью и общимъ признаніемъ должно существовать опредѣленное соотношеніе и извѣст-

---

[1]) Rechtslehre, § 46 —Въ своемъ сочиненіи „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“ (M., 1901), я старался показать, что въ философіи Канта идеалъ Руссо подкрѣпляется ученіемъ объ автономіи воли и въ концѣ концовъ превращается въ отвлеченную норму, требующую не всенароднаго участія въ законодательствѣ, а законодательства въ духѣ всего народа Кантъ формулируетъ идею общественнаго договора въ такихъ выраженіяхъ sondern dieser Vertrag ist eine blosse Idee der Vernunft, die aber ihre unbezweifelte (praktische) Realitat hat: namlich jeden Gesetzgeber zu verbinden, dass er seine Gesetze so gebe, als sie aus dem vereinigten Willen eines ganzen Volkes haben entspringen konnen... (см статью „Ueber den Gemeinspruch: das mag in der Theorie ..). Современные кантианцы въ этомъ отношеніи близко примыкаютъ къ Канту. Такъ, напримѣръ, „Gemeinschaft frei wollender Menschen“ у Штаммлера также предполагаетъ, что „Regelung im Sinne einer allgemeingültigen Berücksichtigung eines jeden Rechtsunterworfenen geschieht, so dass ein jeglicher so behandelt und bestimmt wird, wie er, als frei gedacht, wollen muss“. (См. болѣе подробныя ссылки въ соч. „Кантъ и Гегель“, стр. 152, прим. 1). Идеалъ „Gemeinschaft frei wollender Menschen“, какъ и „republicanische Verfassung“ Канта и какъ иныя понятія этого рода, встрѣчающіяся у другихъ кантіанцевъ, представляютъ лишь своеобразное выраженіе основной идеи „Contrat social“ и вмѣстѣ съ тѣмъ ея философское и практическое преобразованіе.

ная гармонія. Для того, чтобы стать закономъ жизни, справедливость должна проникнуть въ сознаніе людей, а общее сознаніе для того, чтобы привести къ прочнымъ отношеніямъ, должно проникнуться справедливостью. Величайшая мысль въ ученіи Руссо заключалась именно въ томъ, что онъ указывалъ на необходимость гармоническаго соотношенія справедливости и общей воли для устроенія справедливаго государства. Такимъ образомъ онъ нашелъ то, чего искалъ, и вопросъ о справедливомъ государствѣ разрѣшился для него въ предположеніи, которое можно выразить такъ: справедливое государство будетъ осуществлено, если общая воля и справедливость найдутъ въ немъ гармоническое примиреніе. Но вѣдь эта формула выражала въ концѣ концовъ только высшую мечту, таившуюся въ глубинѣ многихъ великихъ политическихъ движеній. Руссо лишь придалъ ей ясное выраженіе и заострилъ радикализмъ скрывавшихся въ ней требованій. Онъ понялъ ее не какъ отдаленный идеалъ, а какъ лозунгъ для немедленнаго осуществленія. Сознаніе безконечности стремленій, раскрывавшееся съ высоты этого идеала, замѣнилось у него надеждой близкаго и прочнаго достиженія.

Источникомъ и подкрѣпленіемъ этой надежды являлись два основныхъ предположенія, на которыхъ основана была теорія Руссо: одно изъ нихъ относилось къ возможности ея немедленнаго осуществленія, другое обезпечивало ей нравственное значеніе и идеальное оправданіе. Эти два предположенія можно выразить такъ:

1) *Что общую волю, какъ опредѣленный и постоянный элементъ, присущій волѣ отдѣльныхъ лицъ, легко найти и выразить въ законахъ;*

2) *что въ господствѣ общей воли и заключается торжество справедливости, ибо общая воля есть сама справедливость и всегда является тѣмъ, чѣмъ она должна быть.*

Изъ этихъ двухъ положеній и вытекалъ практическій выводъ: утвердите государство на общей волѣ, и все остальное приложится вамъ. Таковъ былъ практическій смыслъ

теоріи народнаго суверенитета. На этомъ именно была утверждена вѣра въ правовое государство, призванное осуществить общую волю въ учрежденіяхъ и законахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло немногимъ болѣе вѣка, но за этотъ сравнительно короткій срокъ воззрѣнія радикально перемѣнились. „Очевидная слабая сторона управленія, руководствующагося общественнымъ мнѣніемъ,—свидѣтельствуетъ Брайсъ, заключается въ трудности выяснить это мнѣніе“ [1]). Таково первое поученіе, почерпаемое нами изъ новѣйшаго политическаго опыта. Второе поученіе еще болѣе значительно и важно. Въ наше время объ общей волѣ не говорятъ уже, какъ о неизмѣнной справедливости, не называютъ ее абсолютной, священной и неприкосновенной. Вмѣсто классическаго опредѣленія Руссо: elle est toujours constante, inaltérable et pure, для современной эпохи является столь же классическимъ и характернымъ опредѣленіе А. Леруа-Болье: народное голосованіе даетъ всегда только голосъ народный, только то, что есть въ народѣ, „le suffrage universel ne sera jamais que l'expression de la voix populaire. De quelque façon qu'on l'interroge, il n'en sortira jamais que ce que la nation contient [2]). Нечего и думать о томъ,—поясняетъ Альфредъ Фулье,—чтобы голосованіе большинства необходимо заключало въ себѣ истину и справедливость; это просто— среднее мнѣніе, l'opinion la plus moyenne. За невозможностью лучшаго, приходится довольствоваться

---

1) Bryce, The American Commonwealth. New-York. 1903 Vol II, p. 354, см. русскій переводъ, III часть, стр. 108. (М. 1890—переводъ съ перваго изданія).

2) Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1898. T. XLIX, p. 450. (Изъ преній по вопросу объ организаціи всенароднаго голосованія.) Чрезвычайно любопытно сопоставить въ этомъ отношеніи взгляды двухъ различныхъ эпохъ. Въ XVIII вѣкѣ о волѣ народа говорили: „de quelque manière qu'une nation veuille, il suffit qu'elle veuille. Toutes les formes sont bonnes, et sa volonté est toujours la loi suprême“. Въ наши дни о волѣ народа говорятъ: „de quelque façon qu'on l'interroge, il n'en sortira jamais que ce que la nation contient“. Первое утвержденіе принадлежитъ Сійесу, второе—А. Леруа-Болье. Невольное совпаденіе въ формѣ только сильнѣе подчеркиваетъ рѣшительное противорѣчіе въ содержаніи. Леруа-Болье, самъ того не подозрѣвая, далъ антитезу старой формулѣ Сійеса.

здѣсь тѣмъ, что Декартъ называлъ *une morale de provision*, моралью предусмотрительности. Мораль скромная и долженствующая внушать скромность тѣмъ, кто ею пользуется, потому что это мораль посредственности [1]).

Гегель сравнивалъ зарожденіе современнаго государства съ великолѣпнымъ восходомъ солнца. Практика жизненнаго обихода низвела его существованіе къ сумеркамъ обыденной жизни. Передовые мыслители Франціи, той Франціи, въ которой нѣкогда властно раздавались многообѣщающіе завѣты Руссо, теперь проповѣдуютъ прежде всего— скромность. Горячая вѣра въ общую волю, какъ въ непререкаемую и святую истину, которая всегда есть то, чѣмъ она *должна быть*, смѣнилась скромнымъ сознаніемъ, что общая воля есть только то, что она *есть*, и что она никогда не можетъ дать болѣе того, что въ ней есть. Вмѣсто вѣры въ мистическую непогрѣшимость общей воли нашему вѣку досталось сознаніе ея реальныхъ несовершенствъ. Это не значитъ, чтобы начало общей воли утратило всякое значеніе. Нѣтъ, попрежнему оно сохраняетъ значеніе въ высшей степени важное и, если угодно, руководящее. Но вмѣсто того, чтобы быть *безусловнымъ этическимъ принципомъ*, какимъ хотѣли его видѣть въ XVIII вѣкѣ, въ наше время оно является только *руководящимъ политическимъ факторомъ*. Съ нимъ необходимо считаться, какъ съ важнѣйшимъ условіемъ нормальнаго теченія государственныхъ дѣлъ, но въ немъ нельзя видѣть высшаго критерія законодательныхъ актовъ. Таково воззрѣніе, вытекающее изъ опыта жизни.

Какъ совершилась эта перемѣна взглядовъ? Отвѣтомъ на это послужитъ дальнѣйшее изложеніе, но прежде чѣмъ къ нему перейти, я хотѣлъ бы съ самаго начала намѣтить нѣкоторыя руководящія начала, которыя помогутъ намъ освѣтить какъ факты, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, такъ и принципы, стоящіе съ ними въ связи. Мы указали выше,

---

[1]) Alf. Fouillée, La philosophie du suffrage universel въ Revue des deux mondes 1884. T. LXV, 1 Septembre, pp. 112—113.

что ни одно изъ основныхъ предположеній Руссо не выдержало испытанія практики, и послѣдовавшее разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе заманчивыя перспективы открывались вначалѣ. Надежды и ожиданія „Общественнаго договора“ утверждались не только на вѣрѣ въ близкое торжество справедливой общей воли, но также и на убѣжденіи въ возможности сдѣлать это торжество прочнымъ и обезпеченнымъ. Руссо обѣщалъ создать политику не только справедливую, но и легкую, доступную для всѣхъ и каждаго, дѣйствительно народную и простую,—политику, не требующую ни усилій, ни ухищреній, прозрачно-ясную въ своихъ положеніяхъ и безошибочную въ своихъ результатахъ. Такой именно смыслъ имѣло его ученіе о волѣ народа, нахожденіе которой онъ считалъ задачей почти математической, задачей простого ариѳметическаго подсчета: отбросьте плюсы и минусы, устраните крайности, которыя взаимно уничтожаются, и остатокъ покажетъ общую волю. При нормальныхъ условіяхъ, думалъ онъ,—„необходимость новыхъ законовъ замѣчается всѣми, и первый, кто ихъ предлагаетъ, высказываетъ лишь то, что чувствовали уже другіе“. Эта легкая политика—la police aisée,—о которой мечталъ Руссо, явилась бы поистинѣ „великой государственной мудростью, которая нашла философскій камень и замѣняетъ трудъ государственнаго дѣятеля работой непогрѣшимой машины“ [1]). Но возможно ли это? Возможно ли устранить трудъ политиковъ по призванію, трудъ исканій и размышленій, направленныхъ къ нахожденію общей воли изъ противорѣчія частныхъ стремленій? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе разрѣшается отрицательно, чѣмъ яснѣе раскрывается внутренняя сложность идеи общей воли. Представляя собою скорѣе задачу или руководящую норму, чѣмъ наглядный жизненный фактъ, эта идея на самомъ дѣлѣ не могла ни получить немедленнаго осуществленія въ жизни, ни

[1]) Употребляю здѣсь слова, сказанныя по аналогичному поводу однимъ изъ выдающихся соотечественниковъ Руссо болѣе поздняго времени, практическимъ политикомъ Вельти.

явиться основаніемъ для той легкой и безошибочной политики, о которой мечталъ Руссо. А гармоническое сочетаніе общей воли и справедливости, которое подразумѣвалось его теоріей, подкрѣпляя и оправдывая теорію народнаго суверенитета, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе относило ее къ тѣмъ предѣльнымъ и конечнымъ цѣлямъ, которыя, подобно недосягаемымъ звѣздамъ, могутъ направлять въ пути, но сами остаются недостижимыми. Руссо предполагалъ, что господство общей воли обезпечиваетъ торжество справедливости, и основной смыслъ этого предположенія заключался въ томъ, что справедливый законъ долженъ утверждаться на всеобщемъ признаніи, такъ чтобы всѣ одинаково хотѣли его и чтобы каждый, соглашаясь со всѣми, „повиновался бы, однако, только самому себѣ“. Такая задача, будучи идеальной цѣлью общенія, встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія для немедленнаго осуществленія. Основать государство на общемъ согласіи, на общей волѣ всѣхъ представляется наилучшей и высшей опорой справедливости. Но для того чтобы воля, царящая въ обществѣ, была дѣйствительно общей, необходимо, *чтобы всѣ и каждый равнымъ образомъ и съ одинаковой силой хотѣли и могли опредѣлять свою судьбу, чтобы всѣ одинаково умѣли хотѣть, чтобы всѣ были равно надѣлены даромъ воли.* Только въ этомъ случаѣ общій законъ могъ бы явиться волей каждаго, и оправдалось бы положеніе: volenti non fit injuria. Но стоитъ обдумать это условіе во всей глубинѣ заключающихся въ немъ требованій, чтобы признать, что осуществленіе его предполагаетъ идеалъ, въ безконечности лежащій и не поддающійся непосредственному воплощенію въ жизни. Быть можетъ, именно процессъ образованія общей воли всего болѣе обнаруживаетъ, насколько трудно достигнуть, чтобы она отражала въ себѣ, какъ въ фокусѣ, совокупность всѣхъ индивидуальныхъ воль. Въ обществѣ далеко не всѣ заявляютъ себя съ равной силой; на ряду съ руководящей мыслью и волей иниціаторовъ и вождей мы замѣчаемъ пассивное подчиненіе или явное равнодушіе и безразличіе остальныхъ. Съ другой стороны,

продукты общественнаго взаимодѣйствія никогда не являются простой совокупностью или суммой отдѣльныхъ сознаній и воль: изъ этого взаимодѣйствія образуются своеобразные результаты, „которые въ сознаніи отдѣльнаго человѣка или совсѣмъ не могли бы возникнуть, или по крайней мѣрѣ не могли бы достигнуть того развитія, какого они достигаютъ при взаимодѣйствіи индивидуумовъ [1]). Общая воля есть нѣчто вырастающее изъ взаимоотношенія отдѣльныхъ воль и въ извѣстной степени противоположное имъ и возвышающееся надъ ними.

Но осуществленіе справедливой общей воли встрѣчаетъ затрудненіе и другого рода. Въ самомъ этомъ понятіи нѣтъ той естественной гармоніи, которую предполагалъ Руссо: справедливость не обусловливается однимъ фактомъ общаго согласія, и одна общность воли не создаетъ еще справедливаго порядка. Допустимъ, что дѣйствительно можно было бы согласить всѣхъ въ общемъ желаніи, значило ли бы это, что такое желаніе будетъ непремѣнно соотвѣтствовать идеалу справедливости. Достоинство воли, какъ индивидуальной, такъ и общей, опредѣляется не однимъ свойствомъ ея самостоятельности, а той цѣлью, которую она себѣ ставитъ А это значитъ, что гармонія общей воли и справедливости не есть фактъ, само собою разумѣющійся и предустановленный, а цѣль, которая должна быть достигнута. Въ этой цѣли общая воля находитъ для себя высшую норму и границу, а въ стремленіи къ ней свою постоянную задачу, разрѣшеніе которой по самому свойству этой задачи относится въ безконечную даль.

Но если въ самыхъ глубокихъ и основныхъ стремленіяхъ своихъ теорія общей воли оказалась безсильной претвориться въ дѣйствительность и въ лучшемъ случаѣ могла лишь послужить основаніемъ къ построенію конечнаго политическаго идеала, то жизнь все же извлекла изъ нея

---

[1]) Цитирую здѣсь слова Вундта въ Völkerpsychologie Bd. I, Th. I, S. 9. См. эту и другія аналогичныя цитаты у Лосскаго, О народовластіи „Новый Путь“ 1904 г., декабрь, стр. 411–415.

извѣстные практическіе выводы. Эти выводы далеко не соотвѣтствовали широкому замыслу Руссо и въ концѣ концовъ нашли для себя иное теоретическое обоснованіе, но такъ или иначе они несомнѣнно получили свою первоначальную силу при могущественной поддержкѣ доктрины „Общественнаго договора“ Практическая жизнь не могла подтвердить предположеній Руссо ни относительно легкаго нахожденія общей воли, ни относительно неизмѣнной гармоніи, существующей между этой волей и справедливостью. Но самая идея общей воли, при всей своей неопредѣленности и неясности, имѣла огромное преобразовательное значеніе въ смыслѣ измѣненія отношеній между властью и народомъ, и въ этомъ своемъ значеніи она явилась гранью между старымъ порядкомъ и новымъ. Какъ очень удачно указываетъ Джемсъ Стифенъ, различіе стараго и новаго политическихъ воззрѣній заключается въ томъ, что первое разсматриваетъ правящихъ, какъ высшихъ сравнительно съ подданными, какъ мудрыхъ и хорошихъ по характеру своего положенія, какъ законныхъ вождей и руководителей всего народа, не подлежащихъ критикѣ и осужденію, тогда какъ второе воззрѣніе беретъ правящихъ, какъ простыхъ агентовъ и слугъ, а подданныхъ какъ господъ, полныхъ мудрости и доброты и вынужденныхъ только поручать свою власть такъ называемымъ правителямъ, за невозможностью для всего народа самому пользоваться ею: критика и сужденіе о власти является правомъ, которое принадлежитъ всѣмъ [1]). Никакая другая теорія не выразила этого новаго воззрѣнія съ такой яркостью и силой, какъ теорія „Общественнаго договора“. И несомнѣнно, что отсюда именно получила свое самое сильное подкрѣпленіе позднѣйшая теорія правового государства, которая учитъ, что „престижъ конституціонной государственной власти заключается не въ недосягае-

---

1) Sir James-Fitzjames Stephen, History of the Criminal Law of England. London, 1883 VII, p. 229. Полностью цитата приведена у Мэна, „Опыты о народномъ правленіи“, первая глава.

мой высотѣ, а въ томъ, что она находитъ поддержку и опору въ народѣ", что „опираться на народъ является ея основной задачей и цѣлью, такъ какъ сила, прочность и устойчивость ея заключается въ народной поддержкѣ [1])". Связь этого воззрѣнія съ теоріей народнаго суверенитета безспорна, но въ наше время идея о необходимой солидарности власти и народа находитъ свое обоснованіе не въ ученіи о непогрѣшимости общей воли, а въ особомъ представленіи о государствѣ, какъ о юридическомъ лицѣ, въ которомъ народъ является основнымъ элементомъ, имѣющимъ значеніе не только объекта власти, но также и субъекта ея. Власть есть лишь органъ цѣлаго, внѣ котораго она не имѣетъ значенія и въ интересахъ котораго она получаетъ свои полномочія. Въ этомъ воззрѣніи понятіе народной воли сохраняетъ огромное значеніе, какъ символъ солидарности власти и народа и какъ выраженіе государственнаго единства. Но при этомъ предполагается, что воля народа, поскольку онъ является организованнымъ юридическимъ лицомъ, имѣетъ свои органы. Народъ, разсматриваемый, какъ государство, есть прежде всего организація, а каждая организація неизбѣжно предполагаетъ извѣстное устроеніе элементовъ, выдѣленіе органовъ изъ общей массы, противопоставленіе и подчиненіе однихъ другимъ. Какъ бы ни была эта организація демократической по своимъ основаніямъ, она всегда и неизбѣжно требуетъ органовъ, выдѣленныхъ изъ совокупности гражданъ, и сколько бы ни создавали гарантій для установленія зависимости этихъ органовъ отъ народа, на практикѣ они всегда будутъ имѣть извѣстное право распоряженія и усмотрѣнія, извѣстную самостоятельность. Надъ всѣмъ этимъ построеніемъ современной теоріи, конечно, возвышается идея государства, какъ цѣлаго, идея солидарности и единенія власти съ народомъ. Но всѣ эти понятія берутся здѣсь въ скром-

---

[1]) См опредѣленія Б А. Кистяковскаго въ его статьѣ: „Государство правовое и соціалистическое". Вопр. фил. и псих., кн. 85.

ной формулировкѣ руководящихъ началъ на трудномъ и длинномъ пути осуществленія идеи справедливости. Существеннымъ отличіемъ этого взгляда является то, что онъ не ожидаетъ немедленнаго претворенія въ дѣйствительность идеальныхъ началъ, онъ не ждетъ отъ жизненной практики законченной гармоніи и даже принципіально исключаетъ мысль о такой гармоніи изъ представленія о неустанномъ развитіи и свободномъ состязаніи человѣческихъ силъ. Въ этомъ смыслѣ идеалъ справедливаго государства, гармонически сочетающаго начала равенства и свободы съ господствомъ общей воли, представляется оставленной и пережитой мечтой. Но развитіе въ духѣ справедливости и всеобщей солидарности попрежнему остается руководящей цѣлью политики.

Лучшимъ подтвержденіемъ высказанныхъ здѣсь положеній служитъ исторія тѣхъ политическихъ опытовъ, которые вдохновлялись теоріей Руссо. Эта исторія представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ послѣдовательныхъ разочарованій въ возможности осуществить идею народнаго суверенитета въ томъ видѣ, въ какомъ она предносилась ея знаменитому провозвѣстнику. Въ сущности, обо всей теоріи Руссо можно было бы сказать то, что говоритъ о ней Эсменъ по одному частному поводу (по вопросу объ ея отношеніи къ монархіи): „придуманная Руссо комбинація допустима лишь при условіи признанія присущихъ ей принциповъ, и никогда она не примѣнялась на практикѣ и не была испробована“ [1]).

Тотъ искусъ, черезъ который прошла теорія Руссо, мы разсмотримъ въ двухъ направленіяхъ. Мы покажемъ сначала, какъ мало оправдалось его убѣжденіе, что общая воля есть ясная и легко опредѣлимая норма, устрояющая политическую жизнь, чтобы затѣмъ разъяснить, сколь мало эта воля сама по себѣ можетъ быть признана чистой и безспорной справедливостью.

---

[1]) Esmein, Eléments de droit constitutionel, 4-me édition. Paris 1906, p. 218.

IV. Руссо и Монтескье.

Народная воля представляетъ собою чистую справедливость, которую легко найти и воплотить въ законахъ—таковъ былъ одушевляющій мотивъ всей доктрины Руссо. Соберите народъ, узнайте его общую волю, и вы будете знать, что дѣлать,—таковъ общій планъ, который вмѣстѣ съ нимъ исповѣдывала его эпоха: на общей волѣ утверждается справедливое государство. Однако, уже первый опытъ примѣненія идеи общей воли при составленіи наказовъ обнаружилъ, что эта идея по самому своему существу представляется далеко не столь ясной и простой, чтобы изъ нея сразу и легко можно было извлечь необходимыя положительныя указанія. Но наказы составляли лишь программу для будущаго устроенія Франціи, и идея народной воли могла еще сохраниться въ нихъ въ своей теоретической неприкосновености. Иную задачу представляло дѣйствительное осуществленіе предположеннаго переустройства: здѣсь-то и должна была обнаружиться положительная сила руководящаго начала. Руссо предполагалъ, что при нормальныхъ условіяхъ общая воля сама собою проявляется въ законахъ: „здѣсь нѣтъ нужды ни въ особыхъ домогательствахъ, ни въ краснорѣчіи, для того чтобы провести въ законѣ то, что каждый уже рѣшилъ дѣлать, какъ только будетъ обезпечено, что другіе будутъ дѣйствовать такъ же, какъ и онъ“. Эта вѣра въ непосредственное самообнаруженіе общей воли способствовала тому, что въ своемъ главномъ произведеніи Руссо въ сущности не далъ никакого плана политической организаціи и указалъ для нея лишь общія формальныя условія. Будучи гимномъ и панегирикомъ общей воли, его „Общественный договоръ“ болѣе посвященъ тому, чтобы устранить препятствія къ обнаруженію общей воли, чѣмъ тому, чтобы указать положительные пути къ ея проявленію. И вслѣдствіе этого понятіе общей воли остается въ сущности голымъ принципомъ, съ которымъ связывается только одно положительное требованіе,—

требованіе участія всѣхъ въ актахъ суверенной власти. Отсюда ясно, съ какими затрудненіями встрѣтилась теорія Руссо въ своемъ приложеніи къ дѣлу государственнаго устроенія. Въ ней не было самаго главнаго, что было для этого нужно, не было конкретныхъ указаній относительно той организаціи, при посредствѣ которой можно было бы обезпечить торжество общей воли. Было совершенно естественно, что практическіе послѣдователи Руссо сами попытались дать эти указанія. Но такъ какъ при этомъ они неизбѣжно должны были считаться съ практическими условіями жизни, а эти условія далеко не соотвѣтствовали основнымъ предположеніямъ теоріи „Общественнаго договора", то неудивительно, что жизнь восприняла отъ теоріи скорѣе общіе лозунги, чѣмъ практическую программу.

Существуетъ мнѣніе, что самое крупное примѣненіе идеи Руссо представляетъ великая Французская революція [1]), что вліяніе Руссо въ эпоху революціи было всемогуще [2]). Мы

---

[1]) Это мнѣніе, какъ само собою разумѣющееся, воспроизводится постоянно, и надо сказать безъ дальнѣйшаго анализа и должныхъ оговорокъ. См. напр. С. А. Котляревскій, „Конституціонное государство" Спб. 1907 стр. 16.

[2]) P. Janet, Histoire de la science morale et politique. Troisième édition Paris, 1887 T II. p. 458: L'influence de J. J. Rousseau a donc été toute-puissante sur les actes essentiels et fondamentaux de la révolution. Въ другихъ выраженіяхъ то же мнѣніе высказываетъ Taine, Les origines de la France contemporaine, la Révolution T. I, p. 277: „За исключеніемъ двухъ или трехъ отступленій, допущенныхъ благодаря непослѣдовательности и сохраненію внѣшней стороны королевской власти, Національное Собраніе довело во всемъ до конца свой принципъ, который въ то же время есть принципъ Руссо». Мнѣніе Тэна тѣмъ болѣе любопытно, что оно признаетъ опредѣляющее вліяніе Руссо именно въ тотъ моментъ, въ который его чаще всего отрицаютъ,—въ періодъ Національнаго Собранія.—Можно привести также утвержденіе Bluntschli (Geschichte der neueren Staatswissenschaft III. Aufl. Munchen und Leipzig, 1881, S. 363). „кто знаетъ сочиненіе Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ политической теоріи французской революціи". Блюнчли также думаетъ, что во всѣхъ существенныхъ вопросахъ всѣ вожди революціи, въ томъ числѣ и Мирабо (всего болѣе склонявшійся къ инымъ взглядамъ), слѣдовали за радикальнымъ ученіемъ Руссо" (ibid). Мнѣніе Жанэ о преобладающемъ вліяніи Руссо въ эпоху революціи во всякомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ грѣшитъ школьной отвлеченностью и произвольнымъ схематизмомъ, какъ господствовавшая въ его время и оспариваемая имъ теорія, что доброе вліяніе Монтескье

не найдемъ, поэтому, болѣе подходящаго примѣра, для того чтобы изслѣдовать, въ какой степени его начала могли стать созидательными основами государства.

Прислушиваясь къ языку послѣдователей Руссо въ эту эпоху, читая ихъ восторженные отзывы о силѣ и правдѣ народной воли, можно подумать, что они стоятъ всецѣло на почвѣ „Общественнаго договора" и видятъ предъ собою его счастливое осуществленіе. Прежде всего всѣ они постоянно говорятъ объ общей волѣ, или волѣ народа, какъ источникѣ всѣхъ властей и законовъ. Великій лозунгъ „Общественнаго договора": „la volonte générale" постоянно на устахъ у ораторовъ Національнаго Собранія [1]). О немъ упоминаютъ какъ о политической аксіомѣ, которая разумѣется сама собой. Отдѣльныя попытки критическаго отношенія къ понятію общей воли [2]) не находятъ отзвука, и изъ рѣчей депутатовъ терминъ: „la volonté générale" переходитъ въ тексты декларацій и конституцій революціонной эпохи [3]).

Столь же безспорнымъ, какъ это понятіе, представлялось и то священное значеніе, которое приписывалось ему у Руссо. Мы приводили выше отзывъ Камиль Демулэна о неизмѣнной закономѣрности общей воли, противъ которой не можетъ быть возраженій [4]). Въ томъ же духѣ говоритъ самый видный теоретикъ революціонной эпохи Сійесъ: „народная воля не нуждается ни въ чемъ иномъ, кромѣ своей наличности, для того чтобы быть всегда законной; она

досталось исключительно на долю Національнаго Собранія, гдѣ оно и было всемогущимъ, тогда какъ вредное воздѣйствіе Руссо безпрепятственно обнаружилось въ Конвентѣ Эту теорію еще въ 1891 г. повторилъ Beudant, Le droit individuel et l'état. Paris 1891, p. 150.

[1]) „Ces expressions si souvent répétées, la volonté générale"—какъ выразился Мунье въ засѣданіи 4 сентября 1789 г. См. Archives parlementaires, T. VIII. p. 563. Paris, 1875.

[2]) Такую попытку мы находимъ, напримѣръ, въ только что цитированной рѣчи Мунье во время преній о королевскомъ veto.

[3]) См Déclaration des droits y Duguit et Monnier, Constitution du 3 sept. 1791, art. 6 (p 2); Constitution du 24 juin 1793, art 4. (p. 67); Constitution du 5 fructidor An III, art. 6. (p. 79).

[4]) „Вопр. Фил. и Псих.", кн. 84, стр. 49.

источникъ всякой законности... Какимъ бы способомъ народъ ни проявлялъ свою волю, достаточно того, что онъ ее проявляетъ; всѣ способы хороши, и его воля всегда верховный законъ“ [1]).

Но еще болѣе, чѣмъ эта восторженная фразеологія, подтвержденіемъ практическаго значенія идей Руссо являются реальные факты. Съ тѣхъ поръ какъ идея народной воли такъ ярко проявилась въ качествѣ руководящаго лозунга, въ наказахъ 1789 г., она не перестаетъ служить высшей политической заповѣдью въ эпоху революціи. Во имя ея Генеральные Штаты объявили себя Національнымъ Собраніемъ, во имя ея они произнесли клятву не расходиться, пока не выработаютъ конституціи, во имя ея они порвали съ основами стараго порядка и провозгласили начала переустройства Франціи. Когда депутаты говорили о волѣ народа, это звучало, какъ высшая санкція, возлагающая на нихъ безспорныя и повелительныя обязанности. Та же идея воли народной является теоретическимъ основаніемъ переворотовъ, которые слѣдовали далѣе, и верховнымъ принципомъ конституцій, которыми завершались эти перевороты. Критическая и оппозиціонная сила принципа народной воли сказалась здѣсь во всей своей полнотѣ. Въ этомъ смыслѣ Жанэ правъ, когда онъ говоритъ, что французскую революцію сдѣлалъ „Contrat social“ [2]): надъ всей французской революціей, надъ всѣмъ стремительнымъ ходомъ ея царитъ одна идея, и это была идея народной воли.

Въ виду всего сказаннаго, казалось бы, правы и тѣ, которые говорятъ о всемогущемъ вліяніи Руссо на революцію. И однако, всматриваясь внимательно въ политическія идеи революціонной эпохи, изучая ближе и подробнѣе ихъ содержаніе, мы должны придти къ заключенію, что на са-

---

[1]) Sieyès, Qu'est-ce que le Tiers État? Ch. V.

[2]) Само собою разумѣется, что это утвержденіе надо понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще можно говорить о вліяніи идей на ходъ событій, поскольку идеи являются направляющими и руководящими началами движенія.

момъ дѣлѣ при внѣшнемъ усвоеніи общихъ лозунговъ и терминовъ Руссо, здѣсь было въ сущности постоянное внутреннее противорѣчіе съ его доктриной, постоянная борьба съ его идеями. Не такъ давно Іеллинекъ доказалъ всю неправильность взгляда, приводившаго въ связь съ „Общественнымъ договоромъ“ декларацію правъ человѣка и гражданина. Но этотъ взглядъ составляетъ лишь частный выводъ изъ общаго положенія о всемогущемъ вліяніи Руссо на идеи революціи [1]). Противорѣчіе „Contrat social“ съ деклараціей правъ представляется болѣе рѣшительнымъ и яркимъ, въ другихъ случаяхъ оно не такъ замѣтно, тѣмъ болѣе что оно является здѣсь и не столь полнымъ, въ виду внѣшняго усвоенія идей Руссо И все же доктрина революціи, во всѣхъ стадіяхъ ея развитія, все равно будемъ ли мы брать 89-й годъ или 93-й, Національное Собраніе или Конвентъ, не есть доктрина Руссо.

Во все время своего господства надъ умами второй половины XVIII столѣтія эта доктрина встрѣчала сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны другихъ могущественныхъ теченій мысли, которыя вносили въ нее чрезвычайно важныя ограниченія. Если бы мы захотѣли свести эти противодѣйствующія теченія къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ началамъ, мы должны были бы назвать прежде всего два такихъ начала: принципъ неотчуждаемыхъ правъ личности и принципъ представительства.

Что понятіе неотчуждаемыхъ правъ личности не вытекало изъ доктрины Руссо, а противорѣчило ей, это въ настоящее время можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ. Хотя Руссо и выводилъ абсолютизмъ народной воли изъ потребностей личности, но вся его система была принципіальнымъ отрицаніемъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ, подобно тому какъ эти права принципіально исключали абсолютное народоправство. Французская революція провозгласила одновременно и то, и другое: и народный суверенитетъ, и неотчу-

---

[1]) Janet, Histoire de la Science politique, T. II, pp. 455—458.

ждаемыя права личности. Но это значило только, что она принимала доктрину Руссо съ такими ограниченіями, которыя открывали возможность усвоенія и другихъ началъ, находившихся съ ней въ противорѣчіи.

Еще болѣе существеннымъ — въ смыслѣ вліянія на переустройство государственныхъ учрежденій — является тотъ рядъ ограниченій и поправокъ, который вытекаетъ изъ идеи представительства. И въ этомъ отношеніи теоретики революціонной эпохи склонны были сближать начала, по существу различныя и даже противорѣчивыя. Между тѣмъ,— какъ ясно будетъ изъ дальнѣйшаго,—начало представительства въ томъ видѣ, какъ оно было осуществлено практически, совершенно видоизмѣняло и политическія предположенія Руссо, и его философскія предпосылки. Дѣйствіе этого начала было тѣмъ сильнѣе, что оно опиралось на авторитетъ другого ученія, столь же уважаемаго и властнаго, но болѣе ранняго по своему вліянію и ранѣе успѣвшаго завоевать для себя исключительное положеніе въ литературѣ. Это было ученіе Монтескье. Кажется, никому и никогда не приходило въ голову отрицать параллельное вліяніе „Духа Законовъ“ на ряду съ вліяніемъ „Общественнаго договора“; но тѣ, кто говоритъ о всемогущемъ значеніи Руссо во время революціи, склонны стирать разницу между нимъ и Монтескье и видѣть у нихъ чуть ли не полное тождество основныхъ взглядовъ [1]). Между тѣмъ не только въ частныхъ выводахъ, но и въ исходныхъ положеніяхъ ученіе Монтескье стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ Руссо. Если главнымъ основаніемъ для преобразованія доктрины народнаго суверенитета были практическія условія жизни, то теоретической санкціей этого преобразованія было ученіе Монтескье. А сущность этого ученія была такова, что вліяніе его врѣзывалось клиномъ въ основныя положенія Руссо и парализовало силу выте-

1) Janet, o. c. Comparaison des théories politiques de Montesquieu et de J. J. Rousseau, pp. 465—477.

кавшихъ изъ нихъ послѣдствій. Въ концѣ концовъ изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ различныхъ ученій образовалось нѣкоторое среднее ученіе, которое и было настоящей доктриной революціи. Теоретическими представителями его являются, если угодно, Мабли и Сійесъ, но ни въ какомъ случаѣ не Руссо и не Монтескье. Мабли и Сійесъ заимствовали отдѣльные элементы для своихъ ученій одинаково у Монтескье и у Руссо, но они сочетали эти элементы такимъ образомъ, что получилось дѣйствительно нѣчто новое и единое. Въ этомъ смыслѣ справедливо говорятъ о единствѣ революціонной доктрины. Какъ правильно замѣтилъ еще Эдмъ Шампіонъ, въ XVIII вѣкѣ склонны были скорѣе сближать, чѣмъ противопоставлять Руссо и Монтескье: „ихъ ученики не образовывали двухъ школъ, но соединялись въ одну, въ которой обоимъ учителямъ воздавались равныя похвалы. Руссо нѣсколько разъ говорилъ о Монтескье въ выраженіяхъ, которыя дѣлали это сближеніе легкимъ и естественнымъ. Во всѣ моменты революціи ихъ называли рядомъ, какъ авторитеты, между которыми царитъ совершенное согласіе“ [1]). Неудивительно, если въ XVIII вѣкѣ, когда дѣло шло не о теоретическихъ тонкостяхъ доктринъ, не замѣчали противорѣчія тамъ, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ было: это именно и привело къ тому своеобразному сочетанію Монтескье и Руссо, которое составило сущность революціонной доктрины [2]). О Мабли было замѣчено

---

[1]) Edme Champion, Esprit de la révolution française Paris, 1887 p. 29.

[2]) Само собою разумѣется, что единство получившагося результата ничего еще не говоритъ въ пользу единства или тождества тѣхъ источниковъ, которые послужили для него основой. Нельзя поэтому не признать въ высшей степени трудной ту задачу, которую поставилъ себѣ М. М. Ковалевскій, взявшись доказать,—подобно тому, какъ это ранѣе его сдѣлалъ Janet,—что между Монтескье и Руссо въ сущности нѣтъ разницы. „Я позволю себѣ усомниться въ томъ,—говоритъ почтенный ученый,—чтобы между двумя школами, школою Монтескье и школою Руссо, дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится“... („Происхожденіе современной демократіи“. Т. I, части III, IV. М. 1899 г., стр. 331) Вслѣдъ за тѣмъ М. М. Ковалевскій доказываетъ, что Руссо не отрицалъ раздѣленія властей Но доказать это еще не значитъ установить, чтобы онъ былъ сто-

недавно, что „значеніе его сводится къ обращенію отвлеченныхъ принциповъ Руссо въ практически примѣнимую доктрину“ [1]); то же можно было бы повторить и о Сійесѣ [2]).

ронникомъ той теоріи, которая выражается въ классическомъ положеніи Монтескье: „pour qu'on ne puisse abuser du pouvoir, il faut que par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pouvoir“. Безграничность и непогрѣшимость законодательной власти исключаетъ въ теоріи Руссо необходимость и даже возможность какихъ-либо сдержекъ. (См. статью проф. Алексѣева „Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье“, отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ права“, февраль-мартъ 1905 г.) Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. М. Ковалевскій и самъ признаетъ, что Мабли, „ближайшій истолкователь идей женевскаго мыслителя, отступаетъ отъ его ученія настолько, насколько оно противорѣчитъ превозносимой Монтескье и его школой системѣ представительства. Его примѣру слѣдуютъ безразлично и ближайшіе къ революціи политическіе писатели. Они принимаютъ первоначальныя посылки Руссо и отвергаютъ дѣлаемые имъ выводы“ (стр. 359—360); „такимъ образомъ ученіе Руссо о неотчуждаемости народнаго суверенитета не нашло послѣдователей въ ближайшихъ къ революціи публицистахъ и не нарушило поэтому цѣльности и единства доктрины, осуществленіемъ которой задались дѣятели 89 года“ (стр. 361) Это именно и требовалось доказать: ученіе о неотчуждаемости народнаго суверенитета составляетъ центръ въ ученіи Руссо, точно такъ же, какъ превозносимая Монтескье и его школой система представительства является существенной особенностью этой послѣдней школы; и въ то же время то и другое стоитъ въ такомъ коренномъ противорѣчіи, что только пожертвовавъ чѣмъ-либо однимъ можно было получить цѣльную доктрину изъ сочетанія идей обоихъ писателей. Ошибочное сближеніе идей Монтескье и Руссо не помѣшало М. М. Ковалевскому дать прекрасный анализъ вліянія Монтескье на принципы 89 года и рѣшительно ослабить положеніе Тэна, что „Національное Собраніе довело во всемъ до конца свой принципъ, который въ то же время есть принципъ Руссо“.

[1]) М. М. Ковалевскій, op. cit., стр. 359. См. о Мабли извѣстныя статьи В. И Герье въ „Русск. Мысли“, ноябрь 1883 г., въ „Вѣстникѣ Европы“, январь 1887 г., въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, томъ XVIII (35 полутомъ).

[2]) О Сійесѣ можно сказать, какъ и о Мабли, что въ цѣломъ его идеи мало изучены, несмотря на большую извѣстность его отдѣльныхъ взглядовъ. Между тѣмъ Сійесъ, на ряду съ Мабли, имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ формулированія „того средняго политическаго тона, который былъ осуществленъ революціей 1789 года и въ общихъ чертахъ донынѣ сохранился въ учрежденіяхъ Франціи“ (привожу здѣсь слова проф. Герье о Мабли, „Вѣстн. Европы“, янв. 1887 г., стр. 125). Вліяніе Сійеса было болѣе непосредственнымъ, такъ какъ онъ находился въ средѣ Національнаго Собранія, какъ и позднѣе въ средѣ Конвента и Совѣта пятисотъ. Рѣчи, произнесенныя имъ въ качествѣ депутата, нерѣдко носятъ характеръ теоретическихъ раз-

Но нельзя не прибавить, что это видоизмѣненіе доктрины „Общественнаго договора“ въ сущности являлось полнымъ ея преобразованіемъ. Потребность практическаго примѣненія тотчасъ же приводила къ отступленію отъ строгихъ началъ теоріи народнаго суверенитета.

Въ высшей степени интересно прослѣдить общій составъ той доктрины, которая главнымъ образомъ черезъ Мабли и Сійеса перешла въ законодательныя собранія революціонной Франціи. Высшимъ принципомъ, какъ и у Руссо, здѣсь остается начало общей или народной воли. То священное и непререкаемое значеніе, которое придается этой волѣ, ясно показываетъ, что это понятіе взято въ данномъ случаѣ у пламеннаго пророка народной воли Руссо [1]). Но по вопросу о томъ, кто и какъ долженъ выражать народную волю, ученіе Мабли и Сійеса рѣшительно склоняется въ сторону Монтескье. Для нашего изложенія этотъ пунктъ представляется особенно важнымъ и требующимъ болѣе подробныхъ разъясненій.

сужденій по тѣмъ или другимъ вопросамъ, и неудивительно, если въ современныхъ учебникахъ по государственному праву (см. напр. учебники Дюги и Эсмена) Сійесъ постоянно упоминается, какъ первый теоретикъ по различнымъ вопросамъ конституціоннаго права. Въ свое время онъ былъ неизмѣнно „оракуломъ третьяго сословія“, какъ выразился о немъ Дюмонъ. Знаменитый Мирабо называлъ его своимъ учителемъ, и въ особенности въ 1789 г. онъ былъ въ великомъ почетѣ (tout se réunissait pour le respecter, l'honorer, l'admirer“, пишетъ о немъ Андре Шенье). См. ссылки у Edme Champion, въ его введеніи къ новому изданію „Qu'est ce que le Tiers Etat? Paris, 1888. И въ нѣмецкой литературѣ авторитетъ Сійеса стоитъ высоко: Ricker считаетъ его „отцомъ современной теоріи народнаго представительства“ (см. Die rechtliche Natur der modernen Volksvertretung. S. 17).

[1]) Какъ извѣстно, понятіе volonté générale встрѣчается и въ Esprit des lois, но только какъ отвлеченный и академическій терминъ, совершенно лишенный того характера новаго откровенія, которымъ онъ облекается у Руссо. Вотъ это мѣсто изъ „Духа Законовъ“, конечно, извѣстное всѣмъ, кто внимательно изучалъ знаменитую XI книгу этого сочиненія: „Les deux autres pouvoirs (рѣчь идетъ здѣсь о властяхъ законодательной и исполнительной) pourraient plutôt être donnés à des magistrats ou à des corps permanents, parce qu'ils ne s'exercent sur aucun particulier, n'étant, l'un, que la volonté générale de l'État, et l'autre, que l'exécution de cette volonté générale“. Замѣтимъ, что здѣсь говорится объ общей волѣ не народа, а *государства*, что крайне характерно для Монтескье.

Исходнымъ началомъ для Руссо было представленіе объ индивидуальныхъ правахъ гражданъ, которые въ силу первобытнаго договора образуютъ союзъ общенія. Идеи Руссо вытекли не изъ цѣлей наилучшей общественной организаціи, не изъ цѣлей прочнаго политическаго устроенія государства, а исключительно и единственно изъ задачи обезпечить свободу и равенство гражданъ. Какъ онъ самъ говорилъ, онъ хотѣлъ „найти такую форму устройства, въ которой каждый, соединяясь съ другими, повиновался бы однако только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ и прежде". Если въ концѣ концовъ вмѣсто искомой свободы лицъ получалось полное подчиненіе суверенному народу, то это дѣлалось все же во имя отдѣльныхъ лицъ: въ этомъ Руссо видѣлъ наивысшее торжество равенства и свободы. Исходное начало было не общественное, не политическое, а личное, индивидуалистическое. Вотъ почему Руссо готовъ былъ предложить полное переустройство большихъ государствъ, для того чтобы и здѣсь, удовлетворяя потребности внѣшней защиты, вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть справедливаго устроенія отдѣльныхъ лицъ. Участіе каждаго въ суверенной власти и непосредственное отправленіе всѣмъ народомъ законодательныхъ функцій было для него такой же аксіомой, какъ и убѣжденіе въ непогрѣшимости и незыблемости общей воли.

Въ совершенно иномъ направленіи развивается ученіе Монтескье. Сторонникъ свободныхъ учрежденій, панегиристъ англійскихъ порядковъ, онъ всегда выступаетъ не только какъ гражданинъ, но и какъ политикъ. На ряду съ индивидуальными правами лицъ и съ гражданской свободой у него постоянно является, въ качествѣ другого руководящаго мотива,—*политическая возможность* и сила націи, какъ цѣлаго (la force de la nation), и этотъ другой мотивъ оказывается у него перевѣшивающимъ и рѣшающимъ. Соотвѣтственно съ этимъ мѣняется и вся политическая теорія [1]).

[1]) Въ сущности все сочиненіе Монтескье „De l'Esprit des lois" представляетъ собою изслѣдованіе различныхъ политическихъ возможностей.

У Монтескье, по сравненію съ Руссо, мы чувствуемъ не только иной темпераментъ, но и совершенно иное политическое міросозерцаніе.

Начать съ того, что исходнымъ основаніемъ политики признается у Монтескье не общественный договоръ, не взаимное согласіе, а объективный законъ справедливости. Конечно, и Руссо не отрицаетъ, что „все хорошее и согласное съ порядкомъ является такимъ по природѣ вещей и независимо отъ человѣческихъ соглашеній". „Справедливость исходитъ отъ Бога, онъ одинъ ея источникъ",— поясняетъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „однако, если бы мы могли получать ее съ такой высоты, мы не нуждались бы ни въ правительствѣ, ни въ законахъ. Безъ сомнѣнія, есть одна всеобщая справедливость, проистекающая исключительно изъ разума, но эта *справедливость, чтобы имѣть возможность осуществляться среди насъ, должна быть взаимной*" (L. II, ch. VI). Послѣднія слова ясно показываютъ, что реальное содержаніе справедливости и ея осуществленіе ставится у Руссо всецѣло въ зависимость отъ взаимнаго соглашенія и общественнаго договора. Новѣйшій комментаторъ Руссо Болавонъ совершенно правильно разъясняетъ точку зрѣнія „Contrat social", когда онъ толкуетъ приведенное мѣсто слѣдующимъ образомъ: „въ абсолютномъ смыслѣ представленія о справедливости независимы отъ всякаго соглашенія и могли предшествовать гражданскому состоянію, но въ смыслѣ относительномъ и реальномъ одинъ только общественный договоръ даетъ этимъ представленіямъ реальное бытіе, придавая имъ обязательный и взаимный характеръ" [1]). Отсюда съ ясностью обнаруживается, что въ

---

[1]) См. J. J. Rousseau, Du contrat social, nouvelle édition par Georges Beaulavon, Paris 1903. P. 166; русскій переводъ подъ редакціей Жуковскаго Спб., 1907 стр. 70). Болавонъ вѣрно усматриваетъ въ VI главѣ 2 книги скрытую полемику противъ Монтескье. При сопоставленіи этой главы (de la loi) съ соотвѣтствующими главами „Духа законовъ"—первой, второй и третьей первой книги, становится очевиднымъ, что Руссо имѣлъ въ виду эти главы, когда онъ писалъ свою шестую главу.

идеѣ своей о необходимой гармоніи справедливости и общей воли Руссо переносилъ центръ тяжести на второе изъ этихъ понятій; это и являлось, какъ указано выше, оригинальной особенностью его теоріи. Напротивъ, Монтескье, принимая исходнымъ началомъ понятіе о естественномъ законѣ справедливости, предшествующемъ всякимъ положительнымъ законамъ, въ согласіи съ этимъ закономъ видитъ основную цѣль политики, и соотвѣтственно съ этимъ идея общей воли получаетъ у него подчиненное значеніе. Отношеніе Монтескье къ идеѣ народной воли съ особой яркостью обнаруживается изъ слѣдующихъ его словъ, которыя находятся въ той самой VI главѣ XI книги, гдѣ излагаются принципы англійской свободы.

„Такъ какъ въ свободномъ государствѣ каждый человѣкъ, который считается имѣющимъ свободную душу, долженъ управляться самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы народъ въ цѣломъ имѣлъ законодательную власть; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено со многими неудобствами въ малыхъ, то надо, чтобы народъ дѣлалъ черезъ своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать самъ.

Нужды своего города всегда знаешь лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судишь лучше, чѣмъ о способности другихъ своихъ соотечественниковъ. Не слѣдуетъ поэтому, чтобы члены законодательнаго корпуса брались изъ всего народа вообще; но надо, чтобы въ каждомъ главномъ пунктѣ жители избирали своего представителя.

Большое преимущество представителей заключается въ томъ, что они способны обсуждать дѣла. Народъ совершенно къ этому не пригоденъ: это и является однимъ изъ большихъ неудобствъ демократіи

Нѣтъ необходимости, чтобы представители, получивъ общую инструкцію отъ тѣхъ, кто ихъ выбралъ, получали также и особую инструкцію относительно каждаго дѣла, какъ это имѣетъ мѣсто въ собраніяхъ Германіи. Правда,

такимъ образомъ слово депутатовъ болѣе выражало бы голосъ народа; но это привело бы къ безконечнымъ проволочкамъ и сдѣлало бы каждаго депутата господиномъ всѣхъ другихъ; а въ случаяхъ чрезвычайныхъ вся сила націи могла бы быть остановлена капризомъ. (L. XI, ch. VI).

Все здѣсь отъ перваго слова и до послѣдняго въ высшей степени интересно. Законодательная власть въ ученіи Монтескье является не общей волей народа, а общей волей государства (la volonté générale de l'État). Поэтому выражать эту волю должны тѣ, кто къ этому болѣе способенъ и такъ, какъ это болѣе полезно для государства. Нужды нѣтъ, что можно указать порядокъ, при которомъ „слово депутатовъ болѣе выражало бы голосъ народа", если съ точки зрѣнія государственной это недопустимо, слѣдуетъ предпочесть этому порядку иной, чтобы не пострадалъ ходъ государственныхъ дѣлъ и не потерпѣла ущерба „сила націи". „Необходимо, чтобы дѣла шли"—говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ—„и чтобы они шли извѣстнымъ ходомъ ни слишкомъ медленнымъ, ни слишкомъ быстрымъ. Но народъ всегда проявляетъ или слишкомъ много дѣятельности, или слишкомъ мало. Иногда сотней тысячъ рукъ онъ опрокидываетъ все; а иногда сотней тысячъ ногъ онъ движется, какъ насѣкомыя" (L. II, ch. II).

Надо ли говорить, насколько все это переноситъ насъ въ иной міръ идей, сравнительно съ тѣмъ, который намъ знакомъ изъ „Общественнаго договора". Мы увидимъ далѣе, какъ эти положенія Монтескье повліяли на революціонную доктрину и какъ нерѣдко они воспроизводились у дѣятелей революціонной эпохи. Народъ въ этомъ воззрѣніи перестаетъ быть сувереномъ: онъ становится лишь основнымъ элементомъ государственной жизни. Теорія народовластія замѣняется системой представительства. Единственно, въ чемъ народъ долженъ принимать участіе, это въ избраніи представителей, что „вполнѣ соотвѣтствуетъ его уровню", въ остальномъ, и особенно тамъ, гдѣ надо принимать актив-

ныя рѣшенія, народъ оказывается „совершенно неспособнымъ“ (L. XI, ch. VI).

Итакъ, выражать общую волю должны избранники народа. Высказывая эту мысль, Монтескье думаетъ, что актъ народнаго избранія наилучшимъ образомъ указываетъ тѣхъ, кто долженъ законодательствовать. И здѣсь то авторъ „Духа законовъ“ вноситъ свой вкладъ въ то теченіе XVIII вѣка, которое возлагало всѣ надежды на опросъ страны. Соберите избранниковъ народныхъ, и въ ихъ мнѣніи вы найдете выходъ изъ затрудненій· эта увѣренность съ особенной силой была поддержана ученіемъ Монтескье.

„Народъ удивительно выбираетъ тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить часть своего авторитета. Ему приходится опредѣлять свой выборъ такими обстоятельствами, которыхъ онъ не можетъ не знать, такими фактами, которые бросаются въ глаза. Онъ знаетъ очень хорошо, что такой-то человѣкъ часто бывалъ на войнѣ и имѣлъ такіе-то и такіе-то успѣхи; онъ очень способенъ поэтому выбрать генерала. Онъ знаетъ, что такой-то судья прилеженъ, что многіе уходятъ изъ суда, довольные имъ, и что его не склонили къ подкупу: здѣсь достаточно основаній, чтобы народъ выбралъ претора. Онъ пораженъ великолѣпіемъ и богатствами гражданина: этого достаточно, чтобы онъ могъ выбрать эдила. Все это такія обстоятельства, о которыхъ народъ узнаетъ гораздо лучше въ общественныхъ мѣстахъ, чѣмъ монархъ въ своемъ дворцѣ. Но сумѣетъ ли народъ вести дѣла, быть освѣдомленнымъ о мѣстѣ, обстоятельствахъ, времени, и сумѣетъ ли онъ воспользоваться всѣмъ этимъ? Нѣтъ, этого онъ не сумѣетъ“ (L. II. ch. II).

Нельзя не видѣть особенностей этой точки зрѣнія, которая признаетъ за народомъ умѣнье цѣнить заслуги и различать способности, но не считаетъ народъ въ массѣ способнымъ къ законодательству и управленію. Вѣра въ непосредственную правду народа здѣсь замѣняется совершенно другой вѣрой, въ чутье народа къ лицамъ, въ его умѣнье выбирать способныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ въ

политическую мудрость представительства. Это была точка зрѣнія, совершенно отличная отъ той, которую защищалъ Руссо. Но позднѣйшіе писатели и прежде всего Мабли и Сійесъ сумѣли сочетать эти два различныхъ взгляда въ одну доктрину: они удержали, въ качествѣ верховнаго лозунга, идею Руссо—понятіе народнаго суверенитета, общей воли народа, но органомъ выраженія общей воли, согласно ученію Монтескье и повинуясь практическимъ условіямъ жизни, они признали народное представительство. Отъ Монтескье они взяли его практическую идею, но съ этой идеей они соединили вѣру Руссо въ непогрѣшимость и правду народной воли [1]). Таково было своеобразное сплетеніе отдѣльныхъ элементовъ въ этой новой доктринѣ, которая, какъ это ясно видно теперь, не есть доктрина ни Руссо, ни Монтескье, и представляетъ собою нѣчто новое и оригинальное.

Что идея народнаго суверенитета и общей воли народа, да еще воли непогрѣшимой и непререкаемой, была совершенно чуждой ученію Монтескье, это не подлежитъ спору. Мы уже отмѣтили выше, что онъ говорилъ собственно объ общей волѣ не народа, а государства. Столь же чуждъ ему былъ и пафосъ Руссо, связанный съ идеей народовластія. Но съ другой стороны и для Руссо была совершенно непріемлема та идея представительства, которую высказывалъ Монтескье. Отрицаніе представительной системы вытекало изъ самыхъ основъ „Общественнаго договора“, и не слѣдуетъ думать, чтобы Мабли или Сійесъ, принимая эту идею, вносили лишь незначительную поправку въ теорію народнаго суверенитета: нѣтъ, это былъ въ сущности разрывъ съ этой теоріей, скрытый для самихъ авторовъ

---

[1]) Это въ особенности слѣдуетъ сказать о Сійесѣ, главномъ выразителѣ революціонной доктрины въ ея первоначальномъ видѣ Среди дѣятелей революціи были и лица, скептически относившіяся къ народному представительству, принимавшія его только какъ неизбѣжный практическій выходъ, какъ, напр., Рабо Сентъ-Этьенъ (см. цит. соч. проф. Ковалевскаго, стр. 360). Но преобладающимъ убѣжденіемъ было несомнѣнно воззрѣніе Сійеса.

ея внѣшнимъ сохраненіемъ общаго принципа. Достаточно вспомнить, въ сколь рѣшительныхъ и категорическихъ выраженіяхъ Руссо отвергалъ идею представительства. „Верховная власть—говорилъ онъ—не можетъ быть представлена по той же причинѣ, по которой она не можетъ быть отчуждена; она существенно заключается въ общей волѣ, а воля не допускаетъ представительства: она или та же самая или другая, тутъ нѣтъ середины. Депутаты народа поэтому не его представители и не могутъ быть ими, они только исполнители его порученій и ничего не могутъ рѣшить окончательно. Ни одинъ законъ, не одобренный лично народомъ, не имѣетъ значенія; это даже и не законъ. Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ, но онъ очень ошибается; онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; какъ только они избраны, онъ рабъ, онъ ничто“ (L. III. ch. XV.) Въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ представительство отрицается въ самомъ своемъ существѣ: „воля не допускаетъ представительства“. Категоричность этого утвержденія такова, что его можно или принять, или отвергнуть: никакія смягчающія и примирительныя толкованія тутъ немыслимы. И тотъ, кто утверждаетъ, что воля народа можетъ быть представлена, въ сущности оставилъ точку зрѣнія неотчуждаемаго народнаго суверенитета и перешелъ къ иному взгляду. Это мы и находимъ у теоретиковъ и дѣятелей революціонной эпохи. Намъ слѣдуетъ теперь показать, что и практически, и теоретически воззрѣнія, которыми они руководствовались, стояли въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ началами „Общественнаго договора“.

V. Отступленіе отъ идей Руссо въ эпоху революціи.

Было бы, конечно, трудно ожидать, чтобы представители народа, вошедшіе въ составъ Національнаго Собранія и съ самаго начала объявившіе себя управомоченнымъ орга-

номъ общей воли [1]), стали сомнѣваться въ томъ началѣ, на которомъ были основаны ихъ полномочія. То обстоятельство, что они залагали основы правового государства, будучи членами представительнаго собранія и живо сознавая свои преобразовательныя задачи, кореннымъ образомъ отразилось на ихъ взглядахъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшающимъ моментомъ для Національнаго Собранія явилось отношеніе къ вопросамъ объ императивныхъ мандатахъ. Какъ мы говорили выше [2]), еще въ наказахъ взглядъ на роль, предстоявшую Генеральнымъ Штатамъ, двоился; одни наказы съ полной опредѣленностью заявляли, что „Генеральные Штаты—органъ народной воли"; другіе съ такой же опредѣленностью говорили, что депутаты—только „приказчики и повѣренные избирателей, только истолкователи ихъ воли". Было ясно, однако, что для той огромной преобразовательной работы, которой ожидали отъ созванныхъ представителей, невозможно было поставить ихъ въ рабскую зависимость отъ полученныхъ инструкцій и создать такимъ образомъ непреодолимое препятствіе для свободнаго обсужденія предстоявшихъ имъ дѣлъ. Этой зависимости не хотѣлъ допустить и король, какъ онъ высказалъ это въ декларации, прочитанной въ знаменитомъ „королевскомъ засѣданіи" 23 іюня 1789 г. [3]) Вопросъ объ императивныхъ мандатахъ возбуждался затѣмъ нѣсколько разъ. Въ засѣданіяхъ 7 и 8 іюля, по почину Талейрана, возникли пренія по этому вопросу, которыя ясно обнаружили, что Собраніе относится къ императивнымъ мандатамъ совершенно отрицательно [4]). Для всѣхъ была несомнѣнна полная невозможность правильной работы при обязательности мандатовъ, возложенныхъ на представителей. Отрицаніе императив-

---

[1]) См. Archives parlem. I Série T. VIII, p. 127. Ср. болѣе позднее выраженіе Сійеса о полномочіяхъ Національнаго Собранія, ibid., p. 595.

[2]) Вопр. Фил. и псих., кн. 84, стр. 39

[3]) Archives parlem. I Série T. VIII p. 143. Art. 6. Sa Majesté déclare и т. д.

[4]) Archives parlem. I Série T. VIII pp. 200 et suiv., 207 et suiv. См. подробности у Dandurand, Le mandat impératif, Paris 1896 pp., 56 et suiv.

ныхъ мандатовъ нашло для себя теоретическое обоснованіе въ особенности у Сійеса, и было узаконено декретомъ 22 декабря 1789 года, отмѣнившимъ какъ связывающія инструкціи, такъ и отозваніе депутатовъ избирателями. Укрѣпившись въ значеніи и авторитетѣ, Національное Собраніе чувствовало себя единственнымъ управомоченнымъ органомъ общей воли. Еще до объединенія всѣхъ сословій въ Національное Собраніе, въ отдѣльномъ засѣданіи третьяго сословія 17 іюня въ резолюціи, принятой по предложенію Сійеса, говорилось .. il n'appartient qu'à elle (cette assemblée) d'interprêter et de présenter la volonté générale de la nation [1]). Въ сентябрѣ того же года Сійесъ говорилъ, какъ о признанномъ и безспорномъ началѣ: гдѣ, какъ не въ Національномъ Собраніи, искать воли націи? [2]) Очевидно, въ этомъ воззрѣніи принципъ общей воли понимался совершенно иначе, чѣмъ въ теоріи „Общественнаго договора". Платя дань отвлеченному признанію этого принципа и даже признавая, вслѣдъ за Руссо, необходимость общаго согласія всѣхъ для образованія общественнаго союза [3]), вожди Національнаго Собранія тотчасъ же прибавляли, вслѣдъ за Монтескье, что въ большихъ государствахъ непосредственное участіе всѣхъ въ законодательствѣ невозможно и общая воля можетъ выражаться въ

---

[1]) Archives parlem. ibid. T. VIII, p. 127.

[2]) Ibid, p. 595.

[3]) Это признаютъ напримѣръ, Сійесъ (une association politique est l'ouvrage de la volonte unanime des associés. Arch parlem. T. VIII, p. 260) и Мирабо (il n 'est dans toute association politique qu' un seul acte, qui par sa nature exige un consentement supérieur à celui de la pluralité: c'est le pacte social qui, de lui même étant entièrement volontaire, ne peut exister sans un consentement unanime" ibid. p. 299). Требованіе единогласія для образованія общества Мирабо основывалъ на аргументѣ, заимствованномъ изъ „Contrat social", но Мирабо, какъ и Сійесъ, забывали, что не требуя для другихъ случаевъ единогласія, Руссо настаивалъ однако для всѣхъ законодательныхъ актовъ на всеобщемъ голосованіи, какъ это слѣдуетъ изъ его категорическаго утвержденія: „pour qu'une volonté soit générale, il n'est pas toujours nécessaire qu'elle soit unanime, mais il est nécessaire, que toutes les voix soient comptées; toute exclusion formelle rompt la généralite (L. II, ch II. note).

нихъ какъ самими гражданами, такъ и ихъ представителями [1]) Въ качествѣ очевидной истины, начало представительства было выражено также и въ текстахъ конституцій этой эпохи, причемъ воля народныхъ представителей

---

[1]) Это положеніе было формулировано Сійесомъ (въ его докладѣ, прочитанномъ въ конституціонной комиссіи 20 и 21 іюля 1789 года) и затѣмъ не разъ повторялось другими депутатами. У Сійеса указанное положеніе формулируется въ 26 ст. предложенной имъ декларации правъ человѣка и гражданина: „La loi ne peut être que l'expression de la volonté générale. *Chez un grand peuple*, elle doit être l'ouvrage d'un corps de représentants choisis pour un temps court médiatement ou immédiatement par tous les citoyens qui ont à la chose publique intérêt avec capacité. .—Archives parlem. T. VIII, p. 261). Приведу здѣсь также однохарактерныя утвержденія другихъ депутатовъ. Такъ у Рабо Сентъ-Этьенъ послѣ общаго положенія, что законы должны проистекать изъ согласія всѣхъ, мы находимъ ограниченіе этого положенія: *si la société... est trop nombreuse* pour être rassemblée en totalité, elle peut donner des pouvoirs de consentir pour elle à des représentants librement élus, nommés et délégués par elle . Arch. parl. T. VIII, pp. 406—407. Точно также Мунье, высказавъ какъ, „безспорную истину", что начало суверенитета покоится въ нации, прибавляетъ mais la nation ne peut se gouverner elle même. Jamais aucun peuple ne s'est reservé l'exercice de tous les pouvoirs. Tous les peuples pour être libres et heureux, ont été obligés d'accorder leur confiance à des délégués... Dans plusieurs républiques, il est vrai, le peuple s'est réservé le droit de donner en corps son consentement aux lois proposées par ses magistrats; *mais ce droit n'a pu être mis en usage que dans les petits Etats*.. Изъ дальнѣйшаго видно, что Мунье считаетъ этотъ порядокъ непосредственнаго законодательства народа, доступный для небольшихъ государствъ, не только не образцовымъ, но напротивъ соединеннымъ съ массой серьезныхъ неудобствъ. См. Arch. parlem. T. VIII, p. 555 Мунье былъ однимъ изъ тѣхъ, у которыхъ особенно чувствуется вліяніе „Духа законовъ". См. его интересный докладъ, Arch. parlem. T. VIII, pp. 407 et suiv., особенно p. 409 —Указаніе на необходимость представительства для большихъ націй мы находимъ также у Мирабо. Указавъ на то, что для каждаго политическаго союза нужны двѣ способности (deux pouvoirs) хотѣть и дѣйствовать, онъ продолжаетъ: *chez une grande nation*, ces deux pouvoirs ne peuvent être exercés par elle même; de là la nécessité des représentants du peuple pour l'exercice de la faculté de vouloir, ou de la puissance législative... ibid. p. 538 —Укажемъ, наконецъ, на одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ демократической идеи Петіона, который также видѣлъ въ представительствѣ неизбѣжную необходимость для большихъ государствъ: „pourquoi les peuples se choisissent ils des représentants? c'est que la difficulté d'agir par eux mêmes est presque toujours insurmontable; car *si ces grands corps* pouvaient être constitués de manière à se mouvoir facilement et avec régularité, des délégués seraient inutiles; je dirai plus, ils seraient dangereux. Ibid. p. 582.

просто уравнивалась съ волей всѣхъ гражданъ. Такъ въ декларации правъ человѣка и гражданина, вошедшей въ конституцію 1791 г., въ ст. 6 говорится: „законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ его образованіи или лично или черезъ своихъ представителей". Такія же опредѣленія содержатся въ конституціи 1793 г. (26 ст. декларации правъ) и въ конституціи 5 фруктидора III года республики; въ послѣдней съ особенной ясностью высказывается положеніе, что „законъ есть общая воля, выраженная большинствомъ *или гражданъ или ихъ представителей*" (ст. 6) [1]. Но помимо такихъ положительныхъ утвержденій, уравнивающихъ права представителей съ правами всего народа, въ конституціяхъ революціонной эпохи содержатся и утвержденія отрицательнаго характера содержащія указанія, что народъ „*не можетъ* законодательствовать *иначе какъ чрезъ своихъ представителей*". Такъ въ одной изъ статей конституции 1791 года говорится: „нація, отъ которой одной исходятъ всѣ власти, *не можетъ пользоваться ими иначе, какъ черезъ делегацію*", и далѣе въ слѣдующей статьѣ: „законодательная власть делегирована Національному Собранію, составленному изъ представителей..." [2] Насколько вообще была мало распростра-

---

1) Duguit et Monnier, p 7. Titre III (des pouvoirs publics). Art. 2 и Art. 3.

2) Интересно сравнить любое изъ этихъ положеній съ тѣмъ, что говорилъ Руссо, чтобы видѣть ихъ рѣзкое и бросающееся въ глаза противорѣчіе.

Déclaration des droits.

Art. 6. La loi est l'expression de la volonté générale Tous les citoyens ont droit de concourir personnelement, ou par leurs représentants, à sa formation.

Constitution du 3 Septembre 1791. Titre III, Art. 2. La nation, de qui seule émanent tous les pouvoirs, ne peut les exercer que par délégation... Art 3. Le pouvoir législatif est délégué à une Assemblée nationale composee de représentants temporaires...

Du Contrat Social.

L. III., ch. XV... la volonté ne se représente point.. Toute loi que le peuple en personne n'a pas ratifiée est nulle; ce n'est point une loi.

L. III, ch. XII. La loi n'étant que la déclaration de la volonté générale, il est clair que, dans la puissance législative, le peuple ne peut être représenté.

нена мысль о непосредственномъ управленіи народа, это явствуетъ изъ того обстоятельства, что даже въ то время, когда населеніе Франціи склонялось къ демократическимъ формамъ и республиканскому образу правленія, всѣ, повидимому, были согласны въ томъ, что слѣдуетъ установить *представительную* республику. По изысканіямъ Олара, мысль, что народъ можетъ и долженъ непосредственно осуществлять свою верховную власть, была высказана лишь однимъ изъ членовъ избирательнаго собранія департамента Сены и Уазы. Онъ предложилъ установить мандатъ, согласно которому депутаты „должны были требовать, чтобы народъ осуществлялъ свою верховную власть самъ, а не черезъ посредство делегатовъ“. Объ отношеніи собранія къ этому предложенію можно судить по тому, что оно не было даже подвергнуто обсужденію [1]).

Интересно также отмѣтить, что хотя въ эту болѣе позднюю эпоху якобинцы и высказывали требованіе въ духѣ Руссо, чтобы „суверенный народъ какъ можно менѣе былъ отчуждаемъ отъ своей верховной власти“, но единственнымъ результатомъ, который отсюда выводили и который можно было считать болѣе общепринятымъ въ якобинскихъ кругахъ, было требованіе всенароднаго голосованія законовъ, по крайней мѣрѣ учредительныхъ. По словамъ Олара, такое требованіе часто повторялось въ отношеніи къ конституціи, которую долженъ былъ выработать Конвентъ. Но, напримѣръ, другое послѣдствіе въ духѣ „Общественнаго договора“ требованіе смѣняемости депутатовъ по волѣ избирательныхъ собраній не находило себѣ сочувствія среди большинства демократическихъ группъ. Якобинцы склонялись къ этому въ принципѣ; но и они признавали трудность практическаго осуществленія этого принципа, вытекавшую изъ того соображенія, что разъ избранный депутатъ перестаетъ быть уполномоченнымъ своего департамента

---

[1]) Aulard, Histoire politique de la révolution française. Paris 1899. p. 257, note 2; русск. пер. стр. 311, прим. 2.

и становится представителемъ всего французскаго народа [1]).

Наивысшимъ торжествомъ идей Руссо считается періодъ господства Конвента. Дѣйствительно, ни одна изъ конституцій революціонной эпохи не стояла ближе къ „Общественному договору", чѣмъ конституція 24 іюня 1793 года. О политическомъ характерѣ этой конституціи можно судить по той оцѣнкѣ, которую она получила уже въ ближайшіе годы у своихъ противниковъ и сторонниковъ. 23 іюня 1795 г. въ докладѣ, прочитанномъ въ Конвентѣ по поводу пересмотра конституціи, Буасси д'Англа говорилъ: „мы старались сохранить изъ конституціи 1793 года все, что могло быть полезно... но мы считаемъ своимъ долгомъ сказать вамъ, что эта конституція не что иное, какъ формальное сохраненіе всѣхъ элементовъ безпорядка... организація анархіи" [2]). А въ то же время въ народномъ воображеніи конституція 1793 года, приняла характеръ какого-то „мистическаго, магическаго текста, евангелія демократіи" [3]). Задача этой конституціи, какъ ее характеризовалъ докладчикъ конституціонной комиссіи Конвента Эро де Сешелль, заключалась въ томъ, чтобы какъ можно полнѣе провести идею народнаго суверенитета. Совершенно въ духѣ „Общественнаго договора" Эро де Сешелль говорилъ, что депутаты могутъ представлять народъ только въ правительственныхъ распоряженіяхъ, а не въ законахъ, которые должны быть повергаемы на санкцію народа, „откуда слѣдуетъ съ очевидностью, что французское правительство представительно лишь постольку, поскольку въ извѣстныхъ случаяхъ народъ не можетъ дѣйствовать самъ" [4]). Соот-

---

[1]) Aulard, o. c. pp. 257—258; русск. пер. стр 311—312.

[2]) Réimpression de l'ancien Moniteur, XXVI, pp. 81 et suiv

[3]) Aulard, Histoire politique de la révolution française. Paris 1901. P. 307.

[4]) Réimpression de l'ancien Moniteur, XVI, p. 617.—Ссылаясь здѣсь и ниже на докладъ Эро де Сешеля, я не могу не замѣтить, что репутація человѣка невѣжественнаго, утвердившаяся за нимъ и основанная на письмѣ его къ библіотекарю Дезонэ о законахъ Миноса, „которые должны находиться въ собраніи греческихъ законовъ", едва ли можетъ быть признана заслуженной.

вѣтственно съ этимъ, и въ конституцію были введены постановленія, что законы не издаются, а только предлагаются Законодательнымъ корпусомъ и затѣмъ въ видѣ законопроектовъ (lоі prorosée) разсылаются по всѣмъ общинамъ республики [1]). На возраженіе, что, быть можетъ, достаточно представлять народу только законы конституціонные, а въ отношеніи къ остальнымъ ждать его протестовъ (ses réclamations), Эро отвѣчаетъ: „было бы оскорбленіемъ народа расчленять различные акты суверенитета".

Мы видимъ, что передъ нами въ полной неприкосновенности терминологія „Общественнаго договора", и на этотъ разъ какъ будто бы идеи Руссо дѣйствительно торжествуютъ, тѣмъ болѣе, что ст. 28 конституціи 1793 г. признаетъ за народомъ постоянное право пересмотра, обновленія и измѣненія конституціи, а ст. 35 упоминаетъ о правѣ возстанія, какъ вытекающемъ изъ неотчуждаемаго народнаго суверенитета: „когда правительство нарушаетъ права народа, возстаніе для народа и для каждой части его есть самое священное право и самая безусловная обязанность" [2]). Однако и въ этомъ опытѣ построить конституцію на началахъ Руссо составители ея встрѣтились—говоря словами Эро де Сешеля—съ „физической невозможностью этого достигнуть". И здѣсь пришлось отступить отъ строгихъ началъ теоріи: „природа вещей, непреодолимыя препятствія къ осуществленію, истинные интересы народа предписывали эту жертву;

Какъ предполагаетъ Оларъ, это письмо является, повидимому, мистификаціей. Судя по различнымъ произведеніямъ Эро де Сешеля, его скорѣе слѣдуетъ признать образованнымъ человѣкомъ съ утонченной эрудиціей (Aulard, o. c., p. 297). Что касается въ частности доклада Эро по поводу проекта конституціи 1793 года, то онъ свидѣтельствуетъ не только о литературномъ талантѣ, но и объ извѣстныхъ спеціальныхъ познаніяхъ автора. Во всякомъ случаѣ этотъ докладъ является чрезвычайно цѣнной характеристикой конституціи якобинцевъ.

[1]) Constitution du 24 juin 1793, Art. 53, 58 (Duguit et Monnier, p. 73).

[2]) Привожу конецъ этой статьи по тексту, принятому въ изданіи Duguit et Monnier (p. 69) на основаніи рукописи Musée des Archives. Въ официальномъ текстѣ, напечатанномъ въ свое время, стояли слова: „le plus sacré et le plus indispensable des devoirs.

ибо недостаточно служить народу: никогда не слѣдуетъ его обманывать“ [1]). Въ этихъ любопытныхъ словахъ доклада Эро не трудно прочесть, что отступленіе отъ теоріи вызывалось въ данномъ случаѣ не одними непреодолимыми затрудненіями, но также и желаніемъ соблюсти не столько волю народа, сколько его интересы. Принявъ за правило, что „никогда не слѣдуетъ обманывать народъ“, составители конституціи 1793 года внесли въ нее извѣстный духъ осторожности и предусмотрительности, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи видятъ не безъ основанія слѣды недовѣрія къ народу и народоправству. Говорить о томъ, что доктрина Руссо легла въ основу этой конституціи, можно только съ самыми серьезными оговорками.

Мы видѣли уже, что согласно проекту конституціонной комиссіи 1793 года „Французское правительство должно было быть представительнымъ постольку, поскольку народъ не можетъ дѣйствовать самъ“ [2]). Предполагалось, что представительное собраніе будетъ имѣть право самостоятельныхъ рѣшеній только въ области административныхъ распоряженій [3]). Нельзя не сказать, однако, что къ этой

---

[1]) Réimpression de l'ancien Moniteur, XVI, p. 616.

[2]) Если въ этомъ случаѣ докладъ имѣлъ въ виду оправдать извѣстныя отступленія отъ Руссо, то надо сказать, что подобное оправданіе прямо приводило къ Монтескье, который также говорилъ: „Le peuple qui a la souveraine puissance doit faire par lui même tout ce qu'il peut bien faire; et ce qu'il ne peut pas bien faire, il faut qu'il le fasse par ses ministres“. Esprit des lois. L. II, ch. II Или въ другомъ мѣстѣ: „il faut que le peuple fasse par ses représentants tout ce qu'il ne peut faire par lui même“. L. XI, ch. VI.

[3]) Согласно 55 ст. Конституціи, подъ особымъ наименованіемъ административныхъ распоряженій понимаются акты Законодательнаго Корпуса, касающіеся: ежегоднаго установленія контингента сухопутныхъ и морскихъ силъ;—разрѣшенія или запрещенія прохода иностранныхъ войскъ черезъ французскую территорію;—введенія иностранныхъ морскихъ силъ въ гавани республики;—мѣръ общественной безопасности и спокойствія;—ежегоднаго и временнаго распредѣленія пособій и общественныхъ работъ;—порядка для изготовленія монетъ всякаго рода,—непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ;—мѣстныхъ и частныхъ мѣръ, относящихся къ извѣстному управленію, къ извѣстной общинѣ или къ извѣстному роду общественныхъ работъ;—защиты территоріи;—утвержденія трактатовъ,—назначенія и смѣщенія главноко-

области были отнесены и такіе предметы, которые обычно входятъ въ сферу законодательной власти. II комиссія, вырабатывавшая проектъ конституціи. не только сознавала, но и подчеркивала, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о простомъ исполненіи закона. Эро де Сешелль прямо заявляетъ, что депутаты, какъ представители народа, не должны уравниваться съ простыми агентами его, ибо представительство, какъ онъ думаетъ, относится не къ исполненію воли народа, а къ болѣе важнымъ актамъ [1]). Это стояло въ полномъ противорѣчіи съ доктриной Руссо, утверждавшей категорически, что депутаты не могутъ быть представителями народа и ничего не должны рѣшать окончательно (L. III, ch. XV). Очевидно, основанія конституціи 1793 г отражаютъ на себѣ не только вліяніе „Общественнаго договора"; идея представительства, укрѣпленная въ умахъ того времени самой практикой жизни, невольно вторгалась въ систему идей иного порядка. И не можетъ быть сомнѣнія, что конституцію 1793 г. мы должны характеризовать, какъ сочетаніе начала непосредственнаго народоправства съ началомъ представительства [2]). Это своеобразное сочетаніе мы находимъ между прочимъ и въ основаніяхъ той избирательной системы, которую устанавливаетъ конституція якобинцевъ. Какъ поясняетъ Эро, составители конституціи исходили изъ мысли, что при выбо-

---

мандующихъ арміями;—привлеченія къ отвѣтственности членовъ Совѣта и должностныхъ лицъ;—преслѣдованія замѣшанныхъ въ заговорахъ противъ общественной безопасности республики;—всякаго измѣненія въ частичномъ распредѣленіи французской территоріи;—національныхъ наградъ. (Duguit et Monnier, p. 73).

[1]) Привожу здѣсь подлинныя слова изъ доклада Эро по этому поводу: „consequemment à notre opinion de ne faire nommer directement et immédiatement par le peuple que les députés et le jury national et non pas les agents de ses volontés, nous n'avons pas voulu que le conseil (exécutif) reçut sa mission au premier degré de la base populaire.. On ne représente pas le peuple dans l'exécution de sa volonte. Le conseil ne porte donc aucun caractere de représentation"... Réimpression de l'ancien Moniteur. XVI, pp. 617—618.

[2]) См. Duguit et Monnier, Notices historiques (предъ текстомъ конституціи) p. XXXIII.

рахъ представителей слѣдуетъ имѣть въ виду „общую волю, которая въ принципѣ недѣлима“, поэтому они хотѣли, „чтобы возможно было составлять только одинъ списокъ для всего народа“, или говоря иначе, чтобы весь народъ составлялъ одну избирательную коллегію, которая могла бы подавать свои голоса за весь списокъ депутатовъ. Несомнѣнно, что такой порядокъ болѣе соотвѣтствовалъ бы принципу недѣлимой общей воли. Однако, въ виду практическихъ затрудненій, пришлось отъ этого отказаться и „прибѣгнуть къ средству самому естественному и самому простому... при помощи котораго можно приблизиться, насколько это возможно, къ общей волѣ“ [1]). Такимъ средствомъ Эро считаетъ раздѣленіе страны на большіе избирательные округа по количеству населенія и производство въ нихъ выборовъ по спискамъ. Но этотъ порядокъ въ извѣстной степени приближается къ системѣ Монтескье, которая была основана не на принципѣ недѣлимой общей воли, а на потребности болѣе сознательнаго избранія. Такъ или иначе конституція 1793 года, очевидно, допускала самыя серьезныя отступленія отъ теоріи непосредственнаго народоправства. Но болѣе того: нѣкоторыя особенности этой конституціи заставляютъ признать, что авторы ея не питали полнаго довѣрія къ политическимъ способностямъ народа. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о тѣхъ условіяхъ, которыя были установлены ими для референдума. Каждый законопроектъ, согласно 58 ст. конституціи, разсылается предварительно во всѣ общины республики; но въ силу ст. 59 законопроектъ становится закономъ, „если черезъ сорокъ дней послѣ разсылки въ большинствѣ департаментовъ десятая часть правильно созванныхъ первичныхъ избирательныхъ собраній каждаго департамента не заявитъ протеста“. Такимъ образомъ здѣсь не предполагался референдумъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, т.-е. всенародное голосованіе по законодательнымъ вопросамъ. Судьба

---

[1]) Réimpression de l'ancien Moniteur, XVI, p. 617.

законопроектовъ ставилась въ зависимость отъ активности самихъ избирателей, которые, въ случаѣ если бы они этого захотѣли, могли заявить протестъ. Но для силы такого заявленія необходимо было, чтобы оно объединило около себя въ большинствѣ департаментовъ не менѣе одной десятой первичныхъ избирательныхъ собраній. Это было требованіе, не всегда легко исполнимое; первоначальная редакція 59 ст. въ этомъ отношеніи не шла такъ далеко: она говорила не о десятой части избирательныхъ собраній, а объ одномъ или нѣсколькихъ собраніяхъ въ большинствѣ департаментовъ, что, конечно, значительно облегчало возможность отклоненія народомъ проектовъ Законодательнаго Корпуса. Другая любопытная особенность того же рода въ конституціи 1793 г. заключается въ томъ, что она сохраняетъ двухстепенные выборы для избранія должностныхъ лицъ и судей уголовныхъ и кассаціонныхъ. Эро де Сешель разъясняетъ, что это сдѣлано въ интересахъ самого же народа: „народъ долженъ признать, что большую часть времени онъ не въ состояніи избирать". Но во что превращается въ такомъ случаѣ—спросимъ мы вмѣстѣ съ Дюги—непогрѣшимость народнаго суверенитета [1]). Очевидно, идеи Руссо сочетаются здѣсь съ воззрѣніями совершенно иного порядка Но и въ этомъ видѣ онѣ не получили практическаго значенія, такъ какъ конституція 1793 г. осталась простой демонстраціей и никогда не была примѣнена на практикѣ.

Разсмотрѣвъ основанія конституцій революціонной эпохи, мы должны были придти къ заключенію, что вліяніе Руссо

---

[1]) Duguit, L'Etat, les gouvernants et les agents. Paris 1903, p. 100. На двойственный характеръ конституціи 1793 года указываютъ также Aulard, o. c., pp. 306—307; русск. пер. 370—371 и Esmein, Eléments de droit const. 4-me édition, pp. 325—326. Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр, по вопросу объ условіяхъ опротестованія законовъ, Конвентъ усилилъ ограниченія, предложенныя комиссіей. Что якобинская конституція во многихъ случаяхъ была менѣе демократической, чѣмъ жирондистская, совершенно законченная въ проектѣ, но не дошедшая до разсмотрѣнія Конвента, это достаточно разъясняетъ Aulard.

отразилось на нихъ лишь отчасти и въ самомъ существенномъ и основномъ пунктѣ—о формѣ выраженія общей воли—уступило другому болѣе могущественному вліянію. Начало представительства, принятое за основу государственнаго переустройства, означало въ сущности переходъ къ совершенно иному взгляду на народный суверенитетъ, чѣмъ тотъ, который былъ высказанъ у Руссо. Это былъ переходъ ко взгляду Монтескье.

Прежде чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему изложенію, постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько далеко шелъ этотъ разрывъ съ началами „Общественнаго договора". Мы видѣли до сихъ поръ его послѣдствія; выяснимъ теперь его основанія. Говоря иначе, поставимъ вопросъ болѣе коренной и глубокій: въ какой степени теорія представительства согласуется съ теоріей народнаго суверенитета? Во время французской революціи, какъ и послѣ того, это согласованіе предполагалось само собою разумѣющимся. Несмотря на горячія возраженія Руссо противъ представительства, никому изъ теоретиковъ революціонной доктрины не приходило въ голову, что они отступаютъ отъ теоріи народной воли, когда защищаютъ самостоятельность представительныхъ собраній. Однако, достаточно вспомнить подлинный смыслъ доктрины Руссо, чтобы видѣть, сколь далеко шла въ данномъ случаѣ линія расхожденія двухъ взглядовъ.

Депутаты народа—говорилъ Руссо—не могутъ быть его представителями: они лишь исполнители его порученій и ничего не могутъ рѣшать окончательно. Изъ этого положенія вытекаетъ, что полномочіе депутата лишь тогда можетъ быть согласовано съ народнымъ суверенитетомъ, когда депутаты слѣдуютъ во всемъ указаніямъ народной воли, и не имѣя самостоятельнаго значенія, исполняютъ чужую волю. Соотвѣтственно съ этимъ, какъ выборы, такъ и обязанности депутатовъ должны получить совершенно особый характеръ. Что касается выборовъ, то идеѣ единой общей воли всего болѣе соотвѣтствовало бы избраніе всей сово-

купности депутатовъ всѣмъ народомъ въ единомъ и нераздѣльномъ актѣ голосованія, при которомъ вся страна превращается въ одинъ избирательный округъ. Таково было совершенно вѣрное предположеніе конституціонной комиссіи Конвента 1793 года, о которомъ мы знаемъ изъ доклада Эро де Сешеля. При такомъ избраніи личность избираемаго теряетъ значеніе: голосуютъ за извѣстные взгляды, которые, будучи одобрены всѣмъ народомъ, получаютъ характеръ общей воли. Избранные депутаты не имѣли бы въ такомъ случаѣ другой цѣли, кромѣ того чтобы осуществить одобренную народомъ программу. Связанность ихъ воли императивнымъ мандатомъ и возможность ихъ отозванія, въ случаѣ нарушенія мандата, не встрѣчала бы при этомъ тѣхъ обычныхъ возраженій, которыя вытекаютъ изъ отрицанія зависимости депутатовъ отъ *своего* округа, въ виду ихъ задачи быть представителями *всего* народа. Если для каждаго депутата избирательный округъ совпадаетъ со всей совокупностью избирателей, если вся страна составляетъ только одинъ округъ (collège unique) и избираетъ всѣхъ депутатовъ, то очевидно, подчиняясь императивнымъ мандатамъ своихъ избирателей, депутаты вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ и волю всего народа.

Описанная система избранія, являясь наиболѣе совершеннымъ способомъ для передачи народной воли въ ея чистомъ и неприкосновенномъ видѣ, въ сущности устраняетъ *идею выбора,* съ которой связывается понятіе выдѣленія изъ общей массы лучшихъ и болѣе способныхъ. Подъ именемъ выборовъ тутъ происходитъ въ сущности *не избраніе лицъ, а одобреніе программъ.* Изъявленіе воли народной выражается въ непосредственномъ указаніи ея желаній, личность избранника не играетъ никакой роли, онъ предназначается только къ тому, чтобы быть передаточнымъ пунктомъ для возложенныхъ на него порученій [1]).

---

[1]) Сійесъ называетъ такихъ представителей des porteurs de votes, des courriers politiques. Archives parlementaires, T. VIII., p. 594.

Все это предполагаетъ, что народная воля представляетъ собою настолько опредѣленную величину, что изъ нея можно почерпнуть готовыми всѣ необходимыя опредѣленія и что всѣ граждане одинаково могутъ ее передать, безъ усилій и исканій, какъ наглядный фактъ, котораго нельзя не видѣть и невозможно исказить. Это именно то предположеніе, которое подразумѣвается теоріей Руссо, изображающей процессъ образованія законовъ уже извѣстными намъ чертами: „первый, кто ихъ предлагаетъ, высказываетъ лишь то, что чувствовали уже другіе; здѣсь не нужно ни особыхъ домогательствъ, ни краснорѣчія, для того чтобы провести въ законѣ то, что каждый уже рѣшилъ дѣлать, какъ только будетъ обезпечено, что другіе будутъ дѣйствовать такъ же, какъ и онъ".

Послѣ ознакомленія съ теоріями революціонной эпохи, мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что только что изложенный взглядъ на представительство, единственно примиримый съ доктриной Руссо, не нашелъ въ ней признанія. Отдѣльныя попытки къ нему приблизиться прошли безслѣдно и разбились о затруднительность своего осуществленія. И принципъ единаго избирательнаго округа, и требованіе императивнаго мандата, и идея отозванія депутатовъ, все это высказывалось въ эпоху революціи. Но побѣду одержали другіе взгляды, которые вытекали изъ совершенно иной точки зрѣнія.

Никто лучше Сійеса не выразилъ въ свое время той центральной идеи, которая въ это время положена была въ основу представительной системы. Въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ Національномъ Собраніи 7 сентября 1789 г. и до сихъ поръ обычно цитируемой въ сочиненіяхъ по государственному праву, онъ высказалъ мысли, въ высшей степени характерныя и интересныя. Разъясняя сущность представительной системы, онъ между прочимъ замѣтилъ, что при этой системѣ граждане довѣряются нѣкоторымъ изъ своей среды; не отчуждая своихъ правъ, они поручаютъ другимъ осуществленіе ихъ, для общей пользы

они избираютъ представителей, «*гораздо болѣе чѣмъ они сами способныхъ понимать общій интересъ и соотвѣтственно съ этимъ истолковывать ихъ собственную волю*» [1]). Подчеркнутыя мною слова сразу переносятъ насъ на почву взглядовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ основами „Contrat social". Задача представительства полагается не въ томъ, чтобы выражать уже готовую и ясную народную волю, а въ томъ, чтобы ее находить и истолковывать. Для этой цѣли необходимы болѣе способные, и выборъ имѣетъ цѣлью найти этихъ способныхъ Согласно съ этимъ, за депутатами признается полная свобода въ выраженіи своихъ взглядовъ. „Для депутата нѣтъ и не можетъ быть повелительнаго мандата или даже какого-либо положительнаго желанія, кромѣ желанія націи, онъ связанъ совѣтами своихъ прямыхъ избирателей лишь постольку, поскольку эти совѣты будутъ соотвѣтствовать желанію націи. Но *гдѣ же можетъ быть это желаніе, гдѣ можно его узнать, если не въ самомъ Національномъ Собраніи?* Волю своихъ довѣрителей депутатъ откроетъ не изъ справокъ съ отдѣльными наказами, если таковые имѣются. *Дѣло идетъ здѣсь не о томъ, чтобы подсчитать результатъ демократическаго голосованія, а о томъ, чтобы предлагать, выслушивать, сговариваться, измѣнять свои взгляды, чтобы образовать сообща общую волю*". Сійесъ энергично подчеркиваетъ тотъ взглядъ, что въ самой природѣ представительнаго собранія заключается необходимость самостоятельнаго и свободнаго образованія рѣшеній. „Въ самыхъ строгихъ демократіяхъ—думаетъ онъ—воля не образуется каждымъ про себя и заранѣе, чтобы потомъ извлечь отсюда общую волю. Когда собираются, то для того, чтобы обсуждать, чтобы узнать мнѣніе другъ друга, чтобы воспользоваться взаимнымъ освѣдомленіемъ, чтобы согласовать частныя желанія, видоизмѣнить и примирить ихъ, наконецъ чтобы получить результатъ, общій для большинства. Я спрошу теперь: то, что представлялось бы нелѣпымъ въ демократіи самой строгой и самой недовѣр-

---

[1]) Archives parlem. I série. T. VIII, p. 594.

чивой, должно ли служить правиломъ для представительнаго собранія. Несомнѣнно, что депутаты находятся въ Національномъ Собраніи не для того, чтобы возвѣщать здѣсь уже готовую волю ихъ прямыхъ избирателей, но для того, чтобы обсуждать и голосовать свободно, согласно ихъ *настоящему* мнѣнію (d'après leur avis *actuel*), освѣщенному всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который Собраніе можетъ доставить каждому" [1]).

Трудно было съ большей ясностью и отчетливостью выразить тотъ взглядъ на представительство, который соотвѣтствовалъ его существу и съ тѣхъ поръ сдѣлался господствующимъ. Отсутствіе въ народѣ ясной и убѣдительной для всѣхъ общей воли, необходимость самостоятельнаго и свободнаго ея образованія путемъ совмѣстнаго обсужденія въ представительномъ собраніи, избраніе болѣе способныхъ для нахожденія и истолкованія общей воли—таковы основные пункты этого взгляда. Какъ разъясняетъ точку зрѣнія Сійеса современный ученый Эсменъ, „прямое участіе народа въ законодательствѣ неудовлетворительно по существу въ томъ смыслѣ, что огромное большинство гражданъ, будучи вполнѣ способно выбирать представителей сообразно съ ихъ извѣстными убѣжденіями и направлять такимъ образомъ законодательство и управленіе, неспособно производить оцѣнку законовъ или законопроектовъ, которые были бы подвергаемы его разсмотрѣнію. Ему не достаетъ для этого, какъ указывалъ Сійесъ, двухъ необходимыхъ условій: образованія, чтобы понимать эти проекты, и досуга, чтобы ихъ изучать" [2]).

Но что же въ такомъ случаѣ остается отъ теоріи народнаго суверенитета? Какимъ образомъ устранено основное возраженіе Руссо, что воля не допускаетъ представительства? Мы тщетно искали бы у Сійеса соотвѣтствующихъ

---

[1]) Archives parlem. ibid. p. 595.

[2]) Esmein, Eléments de droit constitutionel. 4-ème édition Paris, 1906. Pp. 314—315.

возраженій [1]), но мы можемъ найти ихъ въ позднѣйшей литературѣ. Эсменъ, на котораго мы только что ссылались, какъ на продолжателя взглядовъ Сійеса, представилъ по этому поводу разъясненія въ высшей степени поучительныя. Приведя извѣстныя соображенія противъ непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ, Эсменъ замѣчаетъ: „остается еще аргументъ правового характера, основной аргументъ Руссо. Законъ вмѣстѣ съ народнымъ суверенитетомъ есть выраженіе общей воли, а воля по своей природѣ не передается. Но опредѣленіе Руссо не вполнѣ точно, оно заключаетъ въ себѣ злоупотребленіе словами. Законъ необходимо долженъ исходить отъ народа, въ томъ смыслѣ, что суверенный народъ одинъ можетъ создавать законы или довѣрять власть создавать ихъ; но невѣрно то, что законъ необходимо и просто является прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ общей воли, формулированнымъ точнымъ образомъ большинствомъ гражданъ. Законъ, прежде всего, есть норма справедливости и общаго блага. Если онъ обязательно имѣетъ своимъ основаніемъ авторитетъ суверенной власти, то никто не долженъ имѣть права сказать, чтобы суверенная власть могла преднамѣренно устанавливать несправедливые или вредные законы, и та система правленія, которая, вполнѣ признавая народъ постояннымъ источникомъ всякой власти, сумѣетъ наилучшимъ образомъ обезпечить, что подобные законы больше не будутъ приниматься не только bona fide, но и по ошибкѣ,—такая система будетъ наилучшая и наиболѣе законная. Даетъ ли представительное правленіе болѣе, чѣмъ прямое, шансовъ для полученія законодательства справедливаго, полезнаго, раціональнаго? Къ этому сводится весь вопросъ, и рѣшеніе его, какъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію“ [2]).

[1]) У Сійеса мы находимъ, напротивъ, прямое утвержденіе, что въ извѣстныя эпохи является совершенно правильнымъ представительство воли, при которомъ уже нельзя говорить о реальной общей волѣ См Qu'est ce que le Tiers Etat, édition critique par Edme Champion, p. 66: „ce n'est plus la volonté commune *réelle* qui agit, c'est une volonté commune *représentative*“.

[2]) Esmein, Eléments de droit constit pp. 315—316. См русскій пер. подъ ред. Дерюжинскаго, стр. 196.

„Законъ прежде всего есть норма справедливости и общаго блага, и та система управленія лучше, которая болѣе способна обезпечить изданіе законовъ справедливыхъ, полезныхъ, раціональныхъ"—это, конечно очень серьезное возраженіе противъ теоріи Руссо, но такое возраженіе, которое не исправляетъ, а совершенно устраняетъ основную идею „Общественнаго договора". Для Руссо законъ прежде всего есть выраженіе общей воли, и только въ этомъ случаѣ онъ является нормой справедливости; довѣрить кому-либо выраженіе общей воли невозможно, потому что воля не передается. Эсменъ и не утверждаетъ, что воля передается; онъ говоритъ о передачѣ власти, а не воли. Но это значитъ, что понятіе общей воли утрачиваетъ у него значеніе верховнаго принципа; выше этого ставится норма справедливости и общаго блага. И если стать на эту точку зрѣнія, то не видно, почему бы законы долженъ былъ создавать самъ народъ: гораздо правильнѣе довѣрить ихъ составленіе тѣмъ, кто болѣе способенъ понимать справедливость и общее благо.

Не можетъ быть сомнѣнія, что отъ теоріи народной воли здѣсь не остается и слѣда и что эта точка зрѣнія имѣетъ всѣ черты сходства съ ученіемъ Монтескье, а не Руссо. Если бы не ограничиваясь указаніями Эсмена, мы обратились къ тому, какъ смотрятъ другіе изъ новѣйшихъ писателей на представительство, то мы нашли бы здѣсь взгляды столь же характерные и столь же радикально расходящіеся съ ученіемъ Руссо. Вотъ напримѣръ формула Беджгота, выдающагося истолкователя англійской конституціи шестидесятыхъ годовъ: „Принципъ народнаго правленія состоитъ въ томъ, что верховная власть, дѣйствительная власть рѣшать политическіе вопросы, принадлежитъ не непремѣнно или обычно всему народу, или ариѳметическому большинству, а людямъ *выборнымъ*, избраннымъ и лучшимъ людямъ: таковъ принципъ въ Англіи и во всѣхъ свободныхъ странахъ"[1]). Современный италь-

[1]) Беджготъ, Англійская конституція, русск пер, стр. 89.

янскій писатель Орландо видитъ въ этомъ предоставленіи власти болѣе способнымъ связь съ „принципами, приложимыми *ко всякой формѣ правительства*“, и сводящимися къ слѣдующимъ началамъ „1) соціальные элементы должны оказывать важное и постоянное вліяніе на государственныя дѣла; 2) осуществленіе политическихъ функцій должно принадлежать наиболѣе способнымъ“. Значеніе представительства онъ усматриваетъ въ томъ, „что выборъ *наиболѣе способныхъ* вмѣсто того, чтобы быть предоставленъ случаю или порученъ назначенію монарха, присваивается непосредственно гражданамъ. Слѣдовательно, избраніе есть *не делегація полномочій, а указаніе на способности*“. Согласно съ этимъ, Орландо истолковываетъ современную теорію народнаго представительства такимъ образомъ, что „представительные корпусы современныхъ государствъ суть не пассивные органы избирателей, но имѣютъ *собственную* и независимую жизнь; вмѣсто того, чтобы представлять собою среднее умственное развитіе избирательнаго корпуса, они немного выше его, такъ какъ они составляются изъ лучшихъ элементовъ, находящихся въ политической средѣ націй въ данный моментъ“ [1]). Ту же идею независимости депутатовъ мы находимъ въ нѣмецкой теоріи, которая—въ своемъ господствующемъ теченіи—признаетъ полную независимость депутатовъ отъ избирателей; все отношеніе ограничивается выборомъ. Полномочія свои депутаты получаютъ изъ конституціи. Къ этому сводится воззрѣніе Лабанда.

Таково пониманіе представительной системы, которое отъ Сійеса и до нашихъ дней господствуетъ въ литературѣ. Но ясно, что эта система есть отрицаніе идеи народнаго суверенитета. Здѣсь отрицаются всѣ основы теоріи Руссо:

---

[1]) Орландо, Принципы конституціоннаго права, русск пер. М., 1907, стр. 57. Какъ говоритъ по тому же поводу Saripolos, представительство не имѣетъ въ виду только передавать мнѣніе избирателей· „c'est une selection des meilleurs en vue de s'occuper librement et d'une façon indépendante, du bien général“. Онъ считаетъ поэтому правильнымъ называть представителей „воспитателями“ народа. Saripolos, La démocratie et l'élection proportionelle, p. 534.

и вѣра въ безусловное превосходство народной воли,—этому противопоставляются преимущества правленія болѣе способныхъ; и ученіе о непередаваемости воли—оно замѣняется идеей о передачѣ представителямъ полномочій говорить за народъ, въ силу довѣрія къ нимъ народа, и, наконецъ, вѣра въ возможность непосредственнаго самообнаруженія общей воли—она уступаетъ мѣсто идеѣ о трудномъ и сложномъ процессѣ исканій, въ результатѣ котораго добывается общая воля. Задача представителя, съ этой точки зрѣнія и въ идеальномъ своемъ выраженіи, есть тяжкій и великій трудъ. Не легкая перспектива отражать и передавать уже готовыя мнѣнія, а трудная обязанность творить и осуществлять сложную политическую программу во имя народа и въ интересахъ цѣлаго,—вотъ что составляетъ сущность депутатскаго полномочія. Понятіе постоянной и неизмѣнной одинаково для всѣхъ убѣдительной и обязательной общей воли, о которой мечталъ Руссо, замѣняется здѣсь другимъ понятіемъ—объ общей волѣ, какъ о загадочномъ и искомомъ началѣ, которое опредѣляется не механическимъ сложеніемъ частныхъ воль, а особымъ процессомъ его отгадыванія и созиданія.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что теорія представительства, какъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, такъ и по своимъ основаніямъ, является совершенно самостоятельной системой воззрѣній, имѣющей лишь самыя общія точки соприкосновенія съ доктриной „Общественнаго договора“. Въ самомъ главномъ и основномъ она является прямымъ отступленіемъ отъ этой доктрины.

Возвращаясь теперь снова къ воззрѣніямъ революціонной эпохи, мы должны сказать, что разсмотрѣннымъ только что отступленіемъ отъ теоріи Руссо дѣло здѣсь не ограничилось. Тѣ, которые призывали безпрестанно общую волю въ качествѣ послѣдняго основанія своихъ предположеній, допустили вскорѣ и другое нарушеніе тѣхъ требованій, которыя были высказаны въ „Общественномъ договорѣ“. Я имѣю въ виду установленіе ограниченнаго права го-

лосованія, исключавшее изъ числа голосующихъ цѣлый разрядъ гражданъ. Оларъ въ достаточной мѣрѣ доказалъ, что въ 1789 г. во Франціи господствовало убѣжденіе, что управлять государствомъ и пользоваться политическими правами призваны лишь болѣе состоятельные граждане. Наиболѣе демократическими теоретиками были въ то время тѣ, которые желали включить въ составъ полноправныхъ гражданъ всѣхъ собственниковъ безъ изъятія и даже всѣхъ несобственниковъ, зарабатывавшихъ достаточно для того, чтобы быть свободными людьми. Бѣдные же исключались изъ состава политическаго общества [1]). Нечего и говорить о томъ, что такое исключеніе стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями „Общественнаго договора", который не признаетъ никакого различія богатыхъ и бѣдныхъ и всячески предостерегаетъ противопоставлять одну часть гражданъ другой [2]). Сторонники иного взгляда чувствовали потребность оправдать свою точку зрѣнія и даже представить ее въ видѣ необходимаго исправленія теоріи Руссо. Такъ, напримѣръ, Камиль Демуленъ пытался ввести ограниченіе числа полноправныхъ гражданъ собственниками въ число условій первобытнаго договора. „Люди, которые впервые соединились въ общество, увидѣли вскорѣ, что первоначальное равенство не можетъ долго удержаться, что въ собраніяхъ, которыя послѣдуютъ за первымъ, не всѣ члены общества будутъ имѣть одинаковый интересъ въ сохраненіи общественнаго договора, обезпечивающаго собственность; и они позаботились поставить низшій классъ гражданъ внѣ возможности нарушить общественный договоръ. Съ этой цѣлью законодатели устранили изъ политическаго союза тотъ классъ людей, которыхъ въ Римѣ называли пролетаріями, какъ способныхъ только производить

---

[1]) Aulard, o. c. pp. 25—26; рус. пер., стр. 33—34.

[2]) Мнѣніе Олара и Эдмъ Шампіона, будто бы Руссо раздѣлялъ взглядъ на необходимость преобладанія средняго класса, почерпнуто главнымъ образомъ изъ „Lettres de la montagne" и не имѣетъ никакого отношенія къ „Contrat Social". См. Aulard, ibid., p. 26.

дѣтей и пополнять общество; они выдѣлили ихъ въ центурію, не имѣвшую вліянія на собранія народа. Удаленная отъ общественныхъ дѣлъ тысячью заботъ и находясь въ постоянной зависимости, эта центурія никогда не можетъ господствовать въ государствѣ. Одно сознаніе своего положенія устраняетъ ея членовъ отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ. Станетъ ли слуга подавать свое мнѣніе вмѣстѣ съ господиномъ, а нищій—вмѣстѣ съ тѣмъ, чья милостыня даетъ ему существовать" [1]). Эти слова были написаны въ іюнѣ 1789 г., а вскорѣ, 20 и 21 іюля того же года Сійесъ прочелъ въ конституціонной комиссіи Національнаго Собранія свой докладъ, въ которомъ онъ приводилъ новые доводы въ пользу ограниченія права голоса. Отстаивая, подобно Руссо необходимость общаго согласія всѣхъ для образованія политическаго союза и подобно ему высказывая требованіе общаго равноправія, онъ находилъ однако, что это требованіе должно ограничиваться правами пассивнаго гражданства· активнымъ гражданиномъ можетъ быть не всякій, и потому не всѣ могутъ быть включены въ число активныхъ гражданъ. Такъ впервые было проведено получившее затѣмъ громкую извѣстность разграниченіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. „Всѣ жители страны,—говорится въ докладѣ Сійеса,—должны пользоваться въ ней правами *пассивнаго* гражданина: всѣ имѣютъ право на защиту ихъ личности, собственности, свободы и проч.; но не всѣ имѣютъ право принимать активное участіе въ организаціи общественной власти, не всѣ являются *активными* гражданами. Женщины, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ положеніи, дѣти, иностранцы, и наконецъ тѣ, которые ничѣмъ не содѣйствуютъ поддержанію общественнаго строя, не должны имѣть активнаго вліянія на общественныя дѣла. Всѣ могутъ пользоваться выгодами общества, но только тѣ, которые содѣйствуютъ общественному устройству, являются какъ бы настоящими акціонерами общественнаго предпріятія. Они

---

[1]) La France libre. Oeuvres de Cam. Desmoulins. Paris, 1874. T. I., p. 85.

одни суть истинные активные граждане, истинные члены общества [1]). Соотвѣтственно съ этимъ Сійесъ требовалъ, чтобы къ участію въ избраніи представителей допускались граждане, которые имѣютъ интересъ въ общественныхъ дѣлахъ и способность къ нимъ (qui ont à la chose publique intérêt avec capacité [2]). Не будемъ слѣдить здѣсь за ходомъ событій, въ результатѣ которыхъ теорія Сійеса получила признаніе въ декретѣ 22 декабря 1789 и въ другихъ однохарактерныхъ декретахъ и затѣмъ въ конституціи 1791 г. [3]). Для насъ достаточно отмѣтить, что постановленіе объ активныхъ гражданахъ, стоявшее въ явномъ противорѣчіи съ декларацією правъ человѣка и гражданина, встрѣтило особенно рѣзкую отповѣдь со стороны тѣхъ, кто становился на точку зрѣнія Руссо. Агитація противъ цензоваго ограниченія избирательнаго права достигла особенной силы въ іюнѣ 1791 г. во время созыва первичныхъ собраній, которыя должны были избрать выборщиковъ для выборовъ въ Законодательное Собраніе. Противники ценза, надѣясь добиться его отмѣны, подняли въ Парижѣ цѣлое движеніе въ пользу всенароднаго голосованія. Съ этой цѣлью произносились рѣчи, распространялись печатныя воззванія и составлялись петиціи къ членамъ Національнаго Собранія. Языкъ этихъ петицій въ высшей степени интересенъ; авторы ихъ, очевидно, хорошо знали „Общественный договоръ“. Постановленіямъ Національнаго Собранія они противополагаютъ основанія теоріи Руссо. Здѣсь-то, въ агитаціонныхъ листкахъ и народныхъ петиціяхъ мы встрѣчаемся съ точнымъ воспроизведеніемъ мыслей „Contrat social“, которыя въ преніяхъ Національнаго Собранія находятъ лишь слабый отзвукъ. Вотъ, напримѣръ, чрезвычайно любопытная петиція, подписанная президентами тринадцати народныхъ клубовъ Парижа.

„Отцы отечества! Люди, подчиняющіеся законамъ, въ

---

[1]) Archives. parlem. ibid., VIII, p. 259.

[2]) ibid., p. 261.

[3]) Подробную исторію вопроса даетъ Aulard, o. c., pp. 60 et suiv.; русск. пер. стр 73 и слѣд.

образованіи которыхъ они не принимали участія и на которые не давали своей санкціи, рабы. Вы объявили, что законъ можетъ быть только выраженіемъ общей воли, а между тѣмъ большинство населенія состоитъ изъ гражданъ, носящихъ странное названіе пассивныхъ. Если вы не назначите дня для универсальной санкціи законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ, если вы не устраните жестокаго разграниченія, установленнаго вашимъ декретомъ о маркѣ серебра [1]) между членами-братьями одного и того же народа, если вы не уничтожите навсегда эти различныя степени избираемости, столь явно нарушающія вашу декларацію правъ человѣка, — отечество въ опасности. 14 іюля 1789 г. Парижъ насчитывалъ 300.000 вооруженныхъ людей; списокъ активныхъ гражданъ, опубликованный муниципалитетомъ, не насчитываетъ и 80.000 ихъ. Сопоставьте эти цифры и судите". Не менѣе любопытенъ текстъ петиціи двухъ парижскихъ избирательныхъ секцій, созванныхъ на первичныя собранія: и здѣсь точно такъ же въ духѣ „Общественнаго договора" заявлялось требованіе: „приготовьте священные дни универсальной санкціи законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ. Довершите лучшее дѣло, какое когда-либо только было совершено. Нѣтъ націи, нѣтъ конституціи, нѣтъ свободы, если среди рождающихся свободными и равными хоть одинъ человѣкъ принужденъ повиноваться законамъ, въ образованіи которыхъ онъ не имѣлъ права участвовать" [2]) Надо ли разъяснять, насколько идеи, выраженныя въ этихъ петиціяхъ и подготовленныя краснорѣчивой пропагандой вождей демократической партіи Марата, Робеспьера, Кондорсе, Люсталло и другихъ, совпадали съ духомъ „Общественнаго договора" [3]). Прибавимъ только

---

[1]) Марка серебра—цензъ для избранія въ депутаты.

[2]) Текстъ этихъ петицій и всѣ необходимыя данныя относительно порядка ихъ составленія приведены у Aulard o. c., pp. 102—105, русск. пер. 125—128.

[3]) Въ этой пропагандѣ принялъ участіе и Камиль Демуленъ, за нѣсколько недѣль до того отстаивавшій вмѣстѣ съ Сіесомъ начало ограниченнаго избирательнаго права.

что въ этой пропагандѣ мысль Руссо о необходимости участія всего народа въ законодательныхъ актахъ получила совершенно опредѣленное выраженіе въ формулѣ клуба кордельеровъ: „народное правительство, т.-е. ежегодная и всеобщая санкція законовъ“ „un gouvernement national c'est à dire la sanction ou ratification universelle et annuelle“. Такъ уже здѣсь основная идея „Общественнаго договора“ была отождествлена съ принципомъ той системы, которая въ настоящее время называется референдумомъ [1]).

Приведенныя нами петиціи и заявленія имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе они показываютъ, насколько ясно чувствовалось тогда многими противорѣчіе между законодательными предположеніями Національнаго Собранія и завѣтами Руссо. Нужды нѣтъ, что имя творца „Общественнаго договора“ лишь изрѣдка упоминалось его сторонниками, какъ напримѣръ, въ той рѣчи Робеспьера, гдѣ онъ съ упрекомъ говорилъ членамъ Національнаго Собранія, что при системѣ ценза Жанъ Жакъ Руссо не попалъ бы въ выборщики, „между тѣмъ какъ онъ просвѣтилъ человѣчество и его могучій и добродѣтельный геній подготовилъ ваши труды“. Вліяніе Руссо чувствуется въ каждой строкѣ заявленій демократическихъ группъ. Но само Національное Собраніе весьма мало было склонно къ тому, чтобы увлекаться подлинными ученіями „Общественнаго договора“. „Универсальная санкція всѣхъ законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ“ вовсе не казалась ему обязательной. Это съ особенной ясностью обнаружилось въ тотъ моментъ, когда зашла рѣчь о санкціи народа для основныхъ законовъ, выработанныхъ Собраніемъ. Дѣло шло о томъ, чтобы получить народное согласіе на учрежденіе новаго порядка, который являлся какъ бы образованіемъ новаго общества. Но когда 30 августа 1791 г. Малуэ потребовалъ, чтобы только

---

[1]) Повидимому, принципъ референдума былъ высказанъ впервые у Люсталло въ 1790 г. и затѣмъ развитъ въ слѣдующемъ году Рене де Жирарденомъ, который провелъ соотвѣтствующую резолюцію у кордельеровъ См. Aulard, o c. pp 82, 146; русск. пер. стр. 100 и 177.

что разсмотрѣнная конституція была предложена къ принятію народу, въ собраніи проявились знаки величайшаго негодованія[1]). Депутаты считали себя достаточно компетентными для того, чтобы безапелляціонно выражать народную волю. Болѣе того: они считали себя въ правѣ поставить преграды, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, для какого-либо иного выраженія народной воли и съ этой цѣлью рѣшили въ самомъ законѣ установить запретъ скораго пересмотра конституціи. Было сдѣлано, между прочимъ, предложеніе назначить тридцать лѣтъ, какъ срокъ, въ теченіе котораго запрещался пересмотръ конституціи. Д'Андре, которому принадлежало это предложеніе, мотивировалъ его необходимостью на болѣе долгое время парализовать происки лицъ, которыя, пользуясь въ силу своихъ крайнихъ взглядовъ наибольшею популярностью, могли бы добиться пересмотра конституціи и можетъ быть перехода къ республикѣ. „Мое предложеніе,—говорилъ д'Андре—даетъ благоразумнымъ людямъ надежду прожить спокойно тридцать лѣтъ“ [2]). Аплодисменты, раздавшіеся въ собраніи вслѣдъ за этой фразой показали, что депутаты сочувственно отнеслись къ мотивировкѣ д'Андре.

Но съ другой стороны раздались и голоса, правда встрѣченные ропотомъ, но опредѣленно заявившіе, что предложеніе д' Андре стоитъ въ противорѣчіи съ понятіемъ народнаго суверенитета [3]).

Противорѣчіе было дѣйствительно слишкомъ ясно, и, несмотря на очевидное сочувствіе предложенію о тридцатилѣтнемъ срокѣ, собраніе не рѣшилось принять постановленіе о невозможности пересмотра конституціи въ теченіе 30 лѣтъ. Выходомъ изъ затрудненія явилась формула Тронше, носившая примирительный характеръ. Эта формула, принятая Собраніемъ, гласила „народъ имѣетъ неоспоримое право пересматривать свою конституцію, когда

[1]) Archives parlementaires. I-re Série, XXX, p. 64.
[2]) Archives parlem, XXX, p. 70.
[3]) Archives parlem., XXX, p. 70

онъ этого захочетъ; но Національное Собраніе объявляетъ, что въ интересахъ народа пріостановить пользованіе этимъ правомъ на 30 лѣтъ". Такъ думали примирить провозглашенную самимъ Собраніемъ идею народнаго суверенитета съ представленіемъ о правѣ Собранія говорить и рѣшать за народъ. Но примиреніе это никакъ нельзя было назвать удавшимся. Въ формулѣ Тронше явно проглядывало убѣжденіе, отличавшее Національное Собраніе, что оно понимаетъ интересы народа лучше. чѣмъ самъ народъ. Это, конечно, наносило идеѣ народнаго суверенитета чувствительный ущербъ.

Однако, Національное Собраніе не удовлетворилось неопредѣленной формулой Тронше. На другой день, 31 августа снова возобновились пренія по тому же вопросу, и въ концѣ концовъ было принято постановленіе, вошедшее затѣмъ и въ конституцію и по существу воспроизводившее первоначальное предложеніе д'Андре. Было постановлено, что пересмотръ конституціи могъ быть произведенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы три послѣдовательныхъ законодательныхъ собранія (а каждое изъ нихъ, согласно конституціи, избиралось на два года) высказались одинаково за измѣненіе одной или нѣсколькихъ статей конституціи [1]). Тридцатилѣтній срокъ такимъ образомъ сокращался, но устанавливалось въ другомъ видѣ запрещеніе для народа пересматривать конституцію въ теченіе извѣстнаго періода.

Едва ли въ чемъ-либо другомъ сказалось въ такой мѣрѣ отступленіе Національнаго Собранія отъ духа „Обществен-

---

[1]) Archives parlem., XXX, p. 117. Ср. Constitution du 3 juin 1791. Ch. V. titre VII Весь этотъ отдѣлъ конституціи 1791 г. представляетъ въ сущности чрезвычайно любопытную попытку устранить понятіе народнаго суверенитета, см. особенно art. 7. Авторы конституціи всецѣло выразили здѣсь свое желаніе сохранить въ неизмѣнности ея основы. Формула Тронше, отдававшая извѣстную дань народному верховенству, включена въ art. 1 съ значительными ограниченіями и слова „le droit imprescriptible de changer sa Constitution" звучатъ въ ней, какъ чисто отвлеченное упоминаніе, такъ какъ рядомъ съ этимъ говорится, что этимъ правомъ своимъ народъ долженъ пользоваться лишь въ указанныхъ границахъ.

наго договора", какъ въ этомъ постановленіи конституціи 1791 года. Это не была только свойственная всѣмъ составителямъ законовъ боязнь за цѣлость ихъ труда, съ любовью задуманнаго и выполненнаго. Здѣсь проявлялось также опасеніе, что народная воля можетъ сбиться въ будущемъ съ правильнаго пути и убѣжденіе, что есть нѣкоторыя начала общественной жизни, которыя выше измѣнчивой народной воли и съ которыми она должна сообразоваться. Мы сейчасъ увидимъ, какъ это же убѣжденіе сказалось при обсужденіи другого вопроса, затронутаго петиціями—объ избирательномъ цензѣ.

Національное Собраніе не было склонно идти въ этомъ отношеніи на сколько-нибудь значительныя уступки. Несмотря на агитацію демократическихъ группъ въ пользу совершенной отмѣны ценза, Собраніе ограничилось лишь отмѣной декрета о маркѣ серебра,—ценза для избранія въ депутаты. Дѣйствіе этого отмѣняющаго постановленія было, однако, отложено на два года, до новаго созыва избирательныхъ собраній, и выборы въ Законодательное Собраніе были произведены при дѣйствіи декрета о маркѣ серебра. Что касается другихъ цензовыхъ ограниченій, относившихся къ избирателямъ и выборщикамъ, то они лишь были болѣе подробно формулированы и составили едва ли не самыя длинныя статьи конституціи 1791 года [1]). Изъ доклада Сійеса, выдержку изъ котораго мы привели выше, намъ знакомы мотивы, заставлявшіе Собраніе держаться системы ценза. Только тѣ, кто содѣйствуетъ поддержанію общественнаго строя, кто соединяетъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ со способностью къ нимъ, могутъ быть активными гражданами—такова была мысль Сійеса. При обсужденіи вопроса о цензѣ въ августѣ 1791 г. эта мысль была въ иныхъ выраженіяхъ повторена Барнавомъ. Отвѣчая Робеспьеру и другимъ демократическимъ ораторамъ, онъ произнесъ рѣчь, которая, судя по громкимъ аплодисментамъ

[1]) Я имѣю въ виду въ особенности art. 7. (Ch 1 Section II) см. Duguit et Monnier, p. 9.

собранія, отвѣчала взглядамъ большинства депутатовъ. „Среди выборщиковъ, — сказалъ Барнавъ—избраніе которыхъ не обусловлено платежомъ налога, равнаго тридцати или сорокадневной рабочей платѣ, избирательная функція осуществляется не рабочимъ, не земледѣльцемъ, не честнымъ ремесленникомъ, которыхъ нужда заставляетъ предаваться непрерывному труду, а людьми, одушевленными и движимыми интригой, вносящими въ первичныя собранія духъ мятежа и желаніе перемѣнъ, которыми они внутренно пожираются; эти люди именно потому, что у нихъ ничего нѣтъ и что они не умѣютъ найти въ честномъ трудѣ недостающихъ имъ средствъ существованія, стремятся создать новый порядокъ вещей, при которомъ интрига могла бы занять мѣсто честности, нѣкоторая доля остроумія—мѣсто здраваго смысла, а частный и всегда дѣятельный интересъ мѣсто общаго и прочнаго общественнаго интереса [1])". „Общій и прочный общественный интересъ" вотъ понятіе, которое, повидимому, наилучшимъ образомъ выражало тотъ принципъ, который, по мнѣнію Національнаго Собранія, долженъ былъ служить ограниченіемъ и сдержкой къ безпрепятственному заявленію народныхъ желаній. Во имя этого принципа принята была система ценза и установлено дѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ; во имя его были поставлены законодательныя преграды для пересмотра конституціи. Но надо ли разъяснять, насколько это политическое понятіе шло въ разрѣзъ съ идеей верховной воли народа въ смыслѣ Руссо? Создавалась совершенно новая перспектива на идею общей воли; эта воля утрачивала свое верховное значеніе и приводилась въ подчиненіе нѣкоторымъ инымъ, стоящимъ надъ нею принципамъ.

Таково было заключительное слово Національнаго Собранія. Событія, послѣдовавшія затѣмъ, шли такимъ лихорадочнымъ темпомъ, что никакія сдержки и ограниченія не могли уже имѣть мѣста. Заботы творцовъ первой французской

---

[1]) Aulard, о. с р. 162, русск. пер., стр. 197.

конституціи о прочности установленнаго ею порядка обратились въ ничто передъ этимъ головокружительнымъ ходомъ исторіи. Законодательное Собраніе, явившееся на смѣну Національному Собранію, принесло клятву въ непоколебимой вѣрности (de fidélité inébranlable) конституціи 1791 года, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя оно нарушило эту конституцію, отрѣшивъ короля отъ исполненія его функцій и принявъ рѣшеніе созвать Національный Конвентъ, который долженъ былъ принять мѣры „для обезпеченія верховной власти народа и царства свободы и равенства". Это отвлеченное указаніе на цѣль предполагавшагося новаго собранія, равно какъ и самое наименованіе его „конвентомъ" (что на политическомъ языкѣ того времени обозначало собраніе для пересмотра конституціи) ясно говорили о томъ, что новые законодатели Франціи рѣшились нарушить тѣ статьи конституціи 1791 года, въ которыхъ устанавлялось запрещеніе назначать пересмотръ конституціи ранѣе, чѣмъ три послѣдовательныхъ законодательныхъ собранія выскажутся въ пользу такого пересмотра. Демократическая волна, захватившая Законодательное Собраніе, заставила его отмѣнить и систему ценза. Было бы, однако, неправильно утверждать, чтобы періодъ господства Законодательнаго Собранія и послѣдовавшаго за нимъ Конвента представлялъ дѣйствительное торжество идеи народнаго суверенитета. Въ этотъ моментъ наивысшаго напряженія революціонныхъ силъ стремительная борьба съ прошлымъ придавала всему политическому движенію скорѣе разрушительный, чѣмъ созидательный характеръ, и напрасно было бы искать здѣсь послѣдовательнаго проведенія какихъ-либо опредѣленныхъ началъ. Главный законодательный памятникъ этой эпохи—конституція 1793 г.—не былъ испробованъ на практикѣ и остался простой демонстраціей и при томъ недостаточно рѣшительной въ пользу принципа народнаго суверенитета. Политическая же практика этой эпохи представляла, какъ справедливо замѣчаетъ Жанэ, скорѣе нарушеніе этого принципа, чѣмъ его признаніе:

здѣсь господствовала „демократическая олигархія, узурпація снизу, деспотическая диктатура, украшенная именемъ народнаго блага“, но не было настоящаго торжества общей народной воли [1]).

Лишь только схлынула революціонная волна, Конвентъ спѣшилъ покончить съ тѣми началами, которыя казались ему „формальнымъ сохраненіемъ безпорядка и господствомъ анархіи“. Характеризуя общее направленіе дѣятелей того времени, Оларъ говоритъ, что они поставили своей задачей „упразднить господство черни въ интересахъ самого народа, отмѣнить всеобщее избирательное право, которое снова подвергло бы Францію игу королей и священниковъ или террористовъ; допуская къ участію въ политической жизни только наиболѣе просвѣщенныхъ гражданъ, они хотѣли основать правительство на разумѣ“ [2]). Соотвѣтственно съ этимъ конституція 5 фруктидора III года республики возстановила цензъ и поставила законодательную дѣятельность въ такія условія, которыя, по мнѣнію ея авторовъ, могли бы обезпечить для нея болѣе зрѣлое и обдуманное направленіе. Такъ обратились снова къ открытому признанію того принципа, который съ самого начала французской революціи ограничивалъ и умѣрялъ дѣйствіе принципа народовластія. То подъ именемъ способности къ участію въ общественномъ устройствѣ, какъ у Сійеса, то подъ видомъ умѣнья оцѣнить прочные общественные интересы, какъ у Барнава, то подъ разными другими названіями и именами постоянно воспроизводится то начало политической способности, которое играло такую роль у Монтескье. Смѣло провозглашая лозунгъ народовластія, призывая народъ взять все въ свои руки, въ то же время не вполнѣ довѣряютъ народу, вспоминаютъ то, что говорили Вольтеръ и Монтескье, что говорилъ иногда самъ Руссо; вспоминаютъ, что интересы культуры и просвѣщенія имѣютъ

---

[1]) Janet, Histoire de la Science politique, II, p. 459.

[2]) Aulard, o. c., p. 572; русск. пер, стр. 690.

свои пути и основы, предъ которыми должна склоняться колеблющаяся народная воля. Этотъ мотивъ недовѣрія къ народу и къ его политическимъ способностямъ слышится все время въ эпоху революціи; онъ ясно виденъ въ дѣятельности Національнаго Собранія, но онъ проглядываетъ и въ эпоху Конвента, у якобинцевъ, и наконецъ, какъ преобладающій мотивъ, какъ результатъ всего предшествующаго опыта, слышится у авторовъ конституціи III года республики.

Мы имѣемъ теперь достаточно данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ принципъ народнаго суверенитета нашелъ свое воплощеніе въ политическихъ идеяхъ революціонной эпохи. Соприкосновеніе съ жизненной практикой, какъ мы видѣли, мгновенно преобразило его. Для того чтобы стать положительнымъ устрояющимъ принципомъ политической жизни, онъ встрѣтился съ потребностью найти организацію для выраженія народной воли, и такой организаціей явилась система представительства. Въ качествѣ дополненія и корректива къ представительству иногда требовалась и примѣнялась система референдума, но при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вносились здѣсь въ эту систему, она могла констатировать лишь фактъ согласія или несогласія народа съ волей представительнаго собранія, которое и получало такимъ образомъ руководящее значеніе. Представительство выдвигалось въ качествѣ свободнаго и управомоченнаго органа для выраженія народной воли и получало именно тотъ характеръ, который такъ рѣшительно отрицалъ за нимъ Руссо.

Въ связи съ этимъ взглядомъ стояли и тѣ частныя послѣдствія, которыя уже въ эпоху революціи совершенно опредѣленно связывались съ понятіемъ представительства. Отрицаніе смѣняемости депутатовъ по усмотрѣнію избирателей, отрицаніе императивнаго мандата, связывающаго волю народныхъ представителей, признаніе, что каждый депутатъ есть представитель всего народа, а не уполномоченный своихъ избирателей—все это вытекало изъ одной об-

щей мысли, изъ одного общаго стремленія разсматривать народное представительство, какъ самостоятельный и свободный органъ для выраженія общей воли. Все это связывалось съ вѣрой въ способность представительства служить органомъ этой воли и ея точнымъ выраженіемъ. Съ этимъ уже тогда сочетался совершенно опредѣленный взглядъ, что представительство есть не только право, вытекающее изъ положенія гражданина, но и обязанность, связывающая и депутата, и каждаго избирателя со всѣмъ обществомъ. Въ особенности члены Національнаго Собранія выражались по этому поводу съ большой энергіей. Извѣстны цитируемыя столь часто слова Барнава: „Качество избирателя есть только общественная функція, на которую никто не имѣетъ права, которую общество распредѣляетъ такъ, какъ повелѣваетъ ему интересъ... Функція избирателя не есть право; каждый осуществляетъ ее ради всѣхъ; активные граждане назначаютъ избирателей для всѣхъ". И это не было частное мнѣніе отдѣльнаго депутата. Какъ справедливо замѣчаютъ Эсменъ и Дюги, это была концепція, которая господствуетъ во всѣхъ конституціяхъ эпохи революціи, кромѣ конституціи 1793 года [1]). Все это въ высшей степени важно и характерно. Очевидно, усвоивъ понятіе представительства, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были усвоить и тотъ взглядъ на него, который вытекалъ изъ самаго существа этой системы. По своей идеѣ представительство является не частнымъ порученіемъ и не личнымъ правомъ, а политической обязанностью. „Когда частный человѣкъ поручаетъ свои дѣла другому, онъ имѣетъ въ виду исполненіе своей личной воли, которую онъ для собственной выгоды или удобства передаетъ повѣренному, заступающему его мѣсто. Послѣдній является здѣсь орудіемъ или средствомъ въ рукахъ другого... Все это немыслимо въ народномъ представительствѣ. На повѣреннаго возлагается не исполненіе частной воли

---

[1]) Esmein, o. c., p. 276, Duguit, L'Etat, les gouvernants et les agents, pp. 89 et suiv.

довѣрителя, а обсужденіе и рѣшеніе общихъ дѣлъ. Онъ имѣетъ въ виду не выгоды избирателей, а пользу государства. Призванный къ участію въ политическихъ дѣлахъ, онъ пріобрѣтаетъ извѣстную долю власти и тѣмъ самымъ становится выше своихъ избирателей, которые, въ качествѣ подданныхъ, обязаны подчиниться его рѣшеніямъ“ [1]). Въ этихъ словахъ Б. Н. Чичерина прекрасно выясняется самая сущность политическаго представительства. Но если такъ, то понятно, что представительство должно сочетаться со способностью къ пониманію общихъ задачъ. Въ этомъ и состоитъ цѣль выборовъ: выдѣлять изъ числа гражданъ тѣхъ, кто лучше другихъ можетъ отстаивать общій интересъ. Такъ именно понималъ систему представительства Монтескье. Предполагается, что представители—люди, стоящіе выше общаго уровня, люди избранные и лучшіе, и въ этомъ смыслѣ былъ правъ Аристотель, считавшій выборъ началомъ аристократическимъ [2]). А за всѣмъ этимъ стоитъ, наконецъ, и дальнѣйшее предположеніе, что воля народная не есть готовый фактъ, который ясенъ для всѣхъ и каждаго и которую любой гражданинъ можетъ выразить такъ же хорошо, какъ и всякій другой, а лишь задача или руководящая норма, положительное содержаніе которой раскрывается лишь тѣмъ, кто способенъ и призванъ ее понимать.

Мы видимъ теперь съ полной очевидностью, что послѣдствія этого взгляда, какъ и его основанія, стояли въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ идеей народнаго суверенитета въ смыслѣ Руссо. Отправляясь отъ мысли, что при нормальныхъ условіяхъ общая воля есть вмѣстѣ и общее убѣжденіе всѣхъ гражданъ, что стоитъ кому-либо предложить новый законъ, чтобы высказать лишь то, что чувствовали уже другіе, Руссо полагалъ, что каждый гражданинъ

---

[1]) Б. Чичеринъ, „О народномъ представительствѣ“. Изд. 2-ое (Библ. для самообразованія. М., 1899), стр. 3—4.

[2]) Не такъ давно эту точку зрѣнія защищалъ Sidgwick (Elements of politics. London, 1897, pp. 616—619), находившій, что представительная система сочетаетъ аристократическое начало съ демократическимъ.

долженъ участвовать во всѣхъ актахъ суверенитета [1]) При этомъ взглядѣ не только не нужно, но и безусловно недопустимо выбирать кого-либо для выраженія общей воли и вручать ему преимущественныя права въ этомъ отношеніи. Это было бы нарушеніемъ свободы и равенства всѣхъ остальныхъ, которые лишь тогда сохраняютъ гражданское полноправіе. когда всѣ одинаково участвуютъ въ суверенной власти. Народная воля, какъ общее убѣжденіе, какъ готовая и совершенно опредѣленная истина, говоритъ о себѣ устами каждаго гражданина, и если бы кто-либо былъ забытъ въ общемъ подсчетѣ голосовъ, это было бы формальнымъ нарушеніемъ справедливой общности голосованія (toute exclusion formelle rompt la généralité).

Но при томъ безусловно отрицательномъ отношеніи къ теоріи Руссо, которое, несмотря на доводы его сторонниковъ, возобладало въ конституціяхъ революціонной эпохи, что же сталось съ идеей народнаго суверенитета и какое значеніе сохранилось за нею въ понятіяхъ этого времени? Если даже и въ конституціи 1793 года организующее значеніе этого принципа сказалось только въ признаніи идеи референдума и если даже и здѣсь съ полной ясностью проявилась руководящая сила начала представительства, это было очень знаменательно. Это означало, что понятіе народнаго суверенитета явилось здѣсь не столько устрояющимъ юридическимъ принципомъ, сколько высшей нравственной санкціей всѣхъ властей и законовъ. Вмѣсто того, чтобы стать непосредственной практикой жизни, безусловно господствующей надъ всѣми политическими учрежденіями, оно превратилось въ отвлеченную норму, въ отдаленный источникъ — fons remota—признаннаго порядка. Для этого новаго положенія народнаго суверенитета нашли и новый терминъ, достаточно туманный для того, чтобы скрыть неясность вытекавшихъ изъ него послѣдствій,

[1]) Руссо говоритъ объ этомъ, какъ о правѣ каждаго, которое разумѣется само собою: „Le simple droit de voter dans tout acte de souveraineté, droit que rien ne peut ôter aux citoyens...“ (Cont. soc., L. IV, ch. I).

терминъ болѣе мистическій, чѣмъ юридическій, болѣе знакомый намъ изъ религіозно-философскихъ концепцій, чѣмъ изъ юридическихъ построеній. Это былъ терминъ эманаціи, исхожденія всѣхъ властей изъ народнаго суверенитета. Какъ кажется, Сійесъ первый въ Національномъ Собраніи, въ своемъ докладѣ конституціонной комиссіи употребилъ этотъ терминъ [1]), который перешелъ затѣмъ въ декларацію правъ и въ конституцію 1791 года [2]). Столь же неопредѣленный характеръ имѣлъ другой терминъ, который употреблялся на ряду съ этимъ: „начало всякаго суверенитета *пребываетъ* (réside) по существу въ націи“ [3]). Болѣе рѣшительно опредѣленіе конституціи 1793 года: „суверенный народъ есть совокупность французскихъ гражданъ“; но въ концѣ концовъ это было все же лишь отвлеченное опредѣленіе, которое съ легкимъ видоизмѣненіемъ безпрепятственно было принято и въ конституцію III года, чуждую демократическихъ пристрастій [4]). Нельзя признать случайнымъ употребленіе этихъ терминовъ: „исходитъ“, „пребываетъ“. Они вполнѣ соотвѣтствовали представленію о народномъ суверенитетѣ, какъ объ отдаленномъ и конечномъ источникѣ, который, не будучи самъ по себѣ дѣятельнымъ

---

[1]) Archives parlementaires, T. VIII, p. 260: Tous les pouvoirs publics, sans distinction, sont une émanation de la volonté générale.—Въ Декларации правъ—Art. 3, въ Конституціи, Titre III, Art. 2 (la nation, de qui seule émanent tous les pouvoirs).

[2]) Въ какомъ смыслѣ уже тогда понимался нѣкоторыми этотъ терминъ, это лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ Мунье: „Меня не заподозрятъ, конечно, въ желаніи отрицать, что всякая власть исходитъ (émane) изъ народа; но единственное послѣдствіе, которое слѣдуетъ почерпнуть изъ этого принципа, заключается въ томъ, что никакое правительство не существуетъ для интереса управляющихъ, ибо если всѣ власти исходятъ изъ народа, то для его счастья необходимо, чтобы онъ не пользовался ими самъ, и чтобы онъ сохранялъ за собою только необходимое вліяніе, для того чтобы препятствовать носителямъ его властей дѣлать изъ нихъ употребленіе, противное его интересамъ“. Archives parlementaires, I-re série, T. VIII, p. 410.

[3]) Декларація правъ—Art. 3. Тотъ же терминъ повторяется въ конституціи III года: „La souveraineté réside essentiellement dans l'universalité des citoyens“. (Art. 17.)

[4]) Constitution du 24 juin 1793, Art. 7.—Constitution du 5 fructidor an III, Art. 2.

и движущимъ началомъ, лишь сообщаетъ присущее и пребывающее въ немъ значеніе исходящимъ отъ него властямъ. Какимъ образомъ сообщаетъ?—На этотъ вопросъ конституціи революціонной эпохи отвѣчаютъ: посредствомъ делегаціи. Но понятіе делегаціи покрывало собою въ политической практикѣ самыя разнородныя явленія. Власть римскихъ императоровъ считалась также результатомъ делегаціи римскаго народа. Теорія делегаціи власти и эманаціи ея авторитета изъ народной воли ставитъ въ сущности народную волю въ положеніе fons remota признанныхъ властей и практически допускаетъ то, чего такъ боялся Руссо—отчужденіе суверенитета, а вмѣстѣ и различныя формы устройства делегированной верховной власти.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ томъ видѣ, въ какомъ теорія народнаго суверенитета была усвоена практикой жизни, она лишь по имени и внѣшнему облику совпадала съ доктриной Руссо: основныхъ идей „Общественнаго договора“ тутъ уже не было, какъ не было ихъ и въ позднѣйшей практикѣ представительныхъ учрежденій XIX столѣтія. Если, однако, и до настоящаго времени видные теоретики государственнаго права продолжаютъ говорить о народномъ суверенитетѣ, то у нихъ этотъ терминъ имѣетъ совершенно особенное и лишь условное значеніе. Теорія народнаго суверенитета въ подлинномъ смыслѣ этого слова никогда не перешла со страницъ „Общественнаго договора“ въ дѣйствительную жизнь.

VI. Позднѣйшая форма доктрины народнаго суверенитета.

Изученіе французской революціонной доктрины убѣдило насъ въ томъ, что уже здѣсь теорія народнаго суверенитета получила такое выраженіе, которое равносильно было отрицанію ея существа. Самая глубокая мысль ученія Руссо—идея о необходимости общаго признанія для утвержденія справедливыхъ законовъ—не была усвоена тѣмъ политическимъ направленіемъ, которое оказалось руководящимъ

и для своего времени, и для послѣдующаго. Вмѣсто этого возобладала и получила широкое распространеніе другая идея,—что подлинная народная воля выражается его представителями, лучшими и болѣе способными выразителями своего народа. Идея представительства по существу своему приводила къ признанію самостоятельности представительныхъ собраній, и на этомъ пути былъ возможенъ полный разрывъ съ началами народнаго суверенитета. Это и совершилось дѣйствительно въ позднѣйшей нѣмецкой теоріи, которая замѣнила идею народнаго суверенитета понятіемъ суверенитета государственнаго. Объединяя власть и народъ въ понятіи государства и покрывая этимъ болѣе общимъ понятіемъ всѣ входящіе въ него элементы, нѣмецкая теорія не имѣла болѣе нужды говорить о народномъ суверенитетѣ. Идея суверенитета или верховенства, согласно этому воззрѣнію, неизбѣжно предполагаетъ государственную организацію, а государственная организація требуетъ установленія полномочныхъ органовъ, выражающихъ волю цѣлаго. Эти органы представляютъ организованный въ государство народъ и являются юридическими выразителями его воли. Таковъ смыслъ господствующей нѣмецкой теоріи представительства. Однако, болѣе близкіе къ Руссо политическіе писатели не рѣшились отбросить его идею народной воли. Напротивъ, они провозгласили ее за основаніе того новаго политическаго воззрѣнія, которое лишь по внѣшности напоминало доктрину „Общественнаго договора“. За народомъ было признано значеніе высшей моральной санкціи, дѣйствительный же авторитетъ былъ перенесенъ на его представителей.

Въ сущности, въ этой новой формѣ, въ которой теорія народнаго суверенитета получила распространеніе, сохранилось только отвлеченное признаніе старой идеи. Самое главное вѣрованіе Руссо,—что народная воля не нуждается для своего выраженія ни въ посредникахъ, ни въ представителяхъ, что подобно свѣту дня, она всегда и непосредственно даетъ о себѣ знать,—это вѣрованіе у позднѣйшихъ

послѣдователей Руссо не встрѣчается. Въ этомъ и заключалось ихъ рѣзкое и коренное различіе отъ Руссо. Въ „Общественномъ договорѣ“ была высказана оригинальная и замѣчательная мысль о возможности утвердить политику на основѣ безошибочнаго и непогрѣшимаго, такъ сказать, автоматическаго дѣйствія общей воли. Послѣдователи Руссо идею *автоматическаго образованія общей воли* замѣнили идеей *психическаго труда исканій и борьбы за содержаніе общей воли.* Въ соотвѣтствіи съ этимъ, самъ собою выдвинулся на первый планъ вопросъ *объ органахъ*, при посредствѣ которыхъ выражается воля народа,—вопросъ несущественный съ точки зрѣнія Руссо, который вѣрилъ въ возможность непосредственнаго самообнаруженія народныхъ желаній

Но для того, чтобы сохранить принципіальную связь съ идеей народнаго суверенитета, послѣдователи Руссо должны были сдѣлать одно допущеніе, въ извѣстной степени оправдывавшее ихъ отступленіе отъ теоріи „Общественнаго договора“. Они должны были допустить, что устами своихъ представителей говоритъ самъ народъ, что органы, уполномоченные къ выраженію народной воли, являются истинными глашатаями народной правды, что черезъ нихъ обнаруживается та самая постоянная и незыблемая общая воля, о которой говорилъ Руссо въ „Contrat social“. Сами представители, вошедшіе въ составъ Національнаго собранія, были всецѣло проникнуты этимъ взглядомъ. Они считали себя призванными найти и установить безспорныя истины, вытекающія изъ воли народа. Принимая декларацію правъ, они были убѣждены, что провозглашаютъ принципы простые и неоспоримые, которые всегда будутъ служить залогомъ „сохраненія конституціи и счастья всѣхъ“. Они стремились оградить выработанную ими конституцію отъ случайныхъ искаженій послѣдующаго времени и съ этой цѣлью включили въ нее постановленія, затрудняющія возможность ея пересмотра. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что мечтательная вѣра въ незыблемую правду общей воли, дающей прочныя основы политической жизни, была все-

цѣло перенесена на представительныя собранія. Въ этомъ отношеніи политическій оптимизмъ эпохи получилъ извѣстное подкрѣпленіе и со стороны Монтескье, утверждавшаго, что народъ удивительно избираетъ своихъ представителей. Долго затѣмъ жили эти идеи, которыя нашли едва ли не самое простое и ясное выраженіе во введеніи къ переизданію Moniteur'a [1]): „нельзя конечно—говорится здѣсь—искоренить совершенно личный интересъ, потому что онъ данъ намъ самой природой и по несчастью взращенъ всѣми нашими учрежденіями; но въ народномъ собраніи онъ никогда не бываетъ очень опаснымъ, потому что согласуется здѣсь вслѣдствіе цѣлаго ряда соображеній съ интересомъ общимъ: а если онъ ему противорѣчитъ, то это является столь наглядно и постыдно несправедливымъ, что личный интересъ стыдится обнаружить себя на глазахъ у всего народа. Нѣтъ человѣка, который могъ бы желать чего-либо иного кромѣ своего счастья, и это справедливо о совокупности лицъ, не менѣе чѣмъ объ отдѣльныхъ лицахъ. Если этой совокупностью является народъ и если представительство его образуется изъ депутатовъ, взятыхъ безразлично изъ всѣхъ классовъ, то единственный союзъ, который будутъ представлять депутаты, это—народъ, и результатъ сужденій такого собранія необходимо составитъ общее счастье". Это было то самое убѣжденіе, о которомъ Джонъ Стюартъ Милль разсказываетъ въ „Автобіографіи", какъ о своей юношеской вѣрѣ, которую онъ раздѣлялъ со своимъ отцомъ. „Въ политикѣ, говоритъ Милль, мы питали почти безграничное довѣріе къ двумъ вещамъ: къ представительному правленію и къ полной свободѣ сужденій. Вѣра моего отца въ силу воздѣйствія разумныхъ основаній на человѣческую мысль—при наличности полной свободы такого воздѣйствія—была весьма велика: онъ думалъ, что все будетъ спасено, если народъ научится читать, если всѣ возможныя мнѣнія

---

[1]) Réimpression de l'ancien Moniteur, introduction historique. Avant-propos de l'édition publiée en l'an IV, p. XXVIII (въ концѣ тома.).

будутъ высказываться предъ нимъ словесно и письменно, и если онъ будетъ проводить воспринятыя имъ мнѣнія посредствомъ выборовъ въ законодательное собраніе [1])".

Въ этихъ словахъ хорошо выраженъ тотъ руководящій мотивъ, который со времени Національнаго Собранія былъ положенъ въ основу теоріи представительнаго государства. Въ иной формѣ и съ иными предпосылками здѣсь повторяется та же идея Руссо о легкомъ нахожденіи общей воли, о ея справедливости и согласіи съ интересомъ всѣхъ и съ общимъ счастьемъ. Въ этомъ отношеніи пафосъ „Общественнаго договора" пережилъ его теоретическія основанія и сохранился у его послѣдователей послѣ того какъ они совершенно видоизмѣнили его доктрину. Мысль о томъ, что общая воля раскрывается въ рѣшеніяхъ представительныхъ собраній, составляетъ опору этой видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но являясь связующимъ звеномъ между этой теоріей и основными предположеніями доктрины „Общественнаго договора", указанная мысль вызываетъ, однако, цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній. Пока остается въ силѣ предположеніе, что народъ выражаетъ свою волю въ рѣшеніяхъ, исходящихъ отъ него непосредственно и съ ясностью несомнѣнно присущихъ ему убѣжденій, утвержденіе, что общая воля, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ народную правду, понятно и естественно. Но какъ только это предположеніе замѣняется другимъ, что за народъ говорятъ его представители, тотчасъ же возникаетъ вопросъ, возможно ли для представителей выражать волю народа съ такою же точностью, съ какой онъ самъ могъ бы выразить ее. Процессъ избранія, порядокъ голосованія, принятіе рѣшеній обезпечиваютъ ли для представительныхъ собраній неизмѣнную вѣрность ихъ народной волѣ? И какъ судить объ этой вѣрности, если сама народ-

---

[1]) John Stuart Mill, Autobiography. Third edition. London 1874. P. 106. Эта и предшествующая цитаты вмѣстѣ съ другими однохарактерными выдержками приведены въ интересномъ сопоставленіи у d'Eichtal, Souveraineté du peuple et gouvernement. Paris, 1895. Pp. 159—163.

ная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этотъ рядъ сомнѣній теорія представительнаго государства не только не можетъ отвѣтить, но при дальнѣйшемъ анализѣ лишь подтверждаетъ ихъ силу. Если бы кто захотѣлъ исходить изъ той мысли, что представительство вѣрно и совершенно отражаетъ волю народа, ему пришлось бы въ концѣ концовъ сказать, что эта задача ни для какого представительства въ мірѣ неосуществима и по существу невозможна. Съ этой точки зрѣнія представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критикѣ и отвергнуть ея правомѣрность. Но такой результатъ заставилъ бы насъ только усомниться въ правильности исходнаго начала. Представительное правленіе является неизбѣжнымъ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія, и отвергать его было бы столь же немыслимо, какъ отрицать судъ, администрацію и другіе элементы правового порядка. Въ системѣ учрежденій правового государства оно является *не одной изъ формъ* его строенія, а *общимъ и необходимымъ элементомъ* его организаціи. Надо, слѣдовательно, предположить, что источникъ своей нравственной силы представительное государство почерпаетъ не въ предположеніи точнаго воспроизведенія народныхъ желаній, а въ какой-либо иной идеѣ; и мнѣ кажется, такой идеей является понятіе организаціи общественнаго мнѣнія при помощи созданія особыхъ органовъ для его выраженія. Задача правового государства заключается въ томъ, чтобы создать солидарность власти съ народомъ; но такъ какъ народная воля не является единой, опредѣленной и ясной и состоитъ изъ совокупности разнородныхъ и часто противорѣчивыхъ желаній, то для того, чтобы руководствоваться ею, надо ее организовать, съ цѣлью свести къ единству. Понятно, что эта организованная воля не можетъ отражать съ точностью всѣхъ желаній, которыя слышатся въ народѣ: въ лучшемъ случаѣ она даетъ только равнодѣйствующую этихъ желаній. И потому отно-

шеніе къ ней народа во всей совокупности его элементовъ не есть отношеніе всеобщаго согласія и удовлетворенія, а только отношеніе признанія и примиренія, нерѣдко болѣе пассивнаго, чѣмъ дѣятельнаго. Съ болѣе высокой точки зрѣнія, такой порядокъ отношеній слишкомъ далекъ отъ идеала всеобщей гармоніи душъ, которая должна отличать совершенное общеніе, и съ этой точки зрѣнія представительное государство есть лишь этапъ на пути дальнѣйшаго развитія. Оно и можетъ быть понято и принято, какъ этапъ и ступень, какъ путь къ высшему и болѣе совершенному порядку отношеній.

Таковъ взглядъ, вытекающій изъ данныхъ современной практики и науки. По сравненію съ прежней теоріей представительства, которая видѣла въ немъ вѣнецъ развитія и конечный политическій идеалъ, этотъ современный взглядъ можетъ показаться результатомъ разочарованія. Несомнѣнно, эта новая точка зрѣнія не питаетъ прежнихъ иллюзій; но тѣмъ болѣе прочную почву создаетъ она для правового государства, ибо эта почва не мечтательная, а реальная. Не въ ореолѣ безусловнаго совершенства, а съ печатью временнаго явленія, подлежащаго дальнѣйшему развитію, предстаетъ здѣсь правовое государство. И тѣмъ вѣрнѣе охраняется оно отъ ударовъ, которые могутъ быть сдѣланы противъ него съ безусловной точки зрѣнія. Для *современнаго* міра это—необходимый и неизбѣжный путь, и этимъ сказано все. Принципъ безусловнаго совершенства, правильно примѣненный, требуетъ только признанія, что это путь, а не конечная цѣль.

Высказанныя здѣсь положенія представляютъ рѣшительное отступленіе отъ ходячей теоріи народнаго суверенитета, какъ мы ее изложили. Намъ предстоитъ теперь доказать, что это отступленіе оправдывается фактами жизни и требованіями науки. Намъ предстоитъ выяснить, что и вторая форма теоріи народнаго суверенитета не выдерживаетъ критики и что на самомъ дѣлѣ представители народа не столько выражаютъ его волю, сколько направляютъ и организуютъ ее.

VII. Общественное мнѣніе и политическія партіи.

Представители народа являются точными выразителями воли народной, черезъ нихъ проявляющейся и господствующей въ государствѣ—таково исходное положеніе видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но обдумывая это положеніе, мы снова чувствуемъ, какъ при свѣтѣ болѣе зрѣлаго политическаго опыта и углубленнаго размышленія съ разныхъ сторонъ опять возникаютъ сомнѣнія и затрудненія, крайне осложняющія основной тезисъ. По прежнему, какъ и во времена Руссо, оптимистическіе сторонники теоріи народнаго суверенитета склонны думать, что общественное мнѣніе есть ясная и легко уловимая величина. Но болѣе, чѣмъ когда-либо, опытъ новѣйшаго времени говоритъ, что общественное мнѣніе есть задача или загадка, которую еще труднѣе выразить, чѣмъ разгадать. Въ 1858 г., въ первомъ изданіи своего трактата „О свободѣ“ Милль писалъ: „въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, какъ и въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, успѣхъ раскрываетъ такіе ошибки и недостатки, которые при неудачѣ остались бы скрытыми отъ наблюденія... Когда демократическая республика распространилась на значительной части земного шара, выборная и отвѣтственная форма правленія сдѣлалась предметомъ наблюденій и критики, которыя отправляются отъ существующаго факта. И тогда-то пришли къ сознанію, что такія фразы какъ „самоуправленіе“ или „власть народа надъ самимъ собою“ не выражаютъ дѣйствительнаго положенія вещей. „Народъ“, который пользуется властью, не всегда тотъ же самый народъ, на который власть простирается; и такъ называемое „самоуправленіе“ не есть управленіе каждаго самимъ собою, а каждаго—всѣми остальными. Къ тому же народная воля на практикѣ представляетъ собою волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной *части*, волю большинства или тѣхъ, кому удастся заставить признать себя за большинство“ [1].

[1] John Stuart Mill, On liberty The second edition, London, 1859, pp 11—12.

Эти замѣчательныя слова мыслителя, вышедшаго изъ школы Бентама, столь горячо отстаивавшей идею народовластія, указываютъ самую слабую сторону теоріи народнаго суверенитета. Народная воля на практикѣ можетъ являться даже не волей большинства, а волей тѣхъ, „кому удастся заставить принимать себя за большинство". Но то, что еще Милль констатировалъ, какъ практику демократическихъ республикъ, не есть простая случайность: это естественное послѣдствіе чрезвычайно сложнаго сочетанія условій, которыя лишь отчасти поддаются исправленію, въ большинствѣ же случаевъ представляютъ непреодолимыя препятствія для достиженія идеальнаго результата.

Говоря объ отраженіи въ законахъ чистой народной воли, Руссо имѣлъ въ виду чистоту *источника* этой воли. Послѣдующая практика выдвинула на первый планъ вопросъ объ *органахъ* для выраженія общей воли и объ ихъ цѣлесообразномъ устроеніи. Но политическій опытъ удостовѣряетъ насъ, что какъ непосредственный источникъ общей воли—общественное мнѣніе народа, такъ и органы его—различные представители и выразители этого мнѣнія, по самой природѣ своей исключаютъ возможность точнаго и яснаго выраженія общей воли. Нашъ дальнѣйшій анализъ и будетъ направленъ къ тому, чтобы разъяснить это положеніе. Мы начнемъ съ источника общей воли, съ общественнаго мнѣнія народа. То, что не разъ уже намъ приходилось высказывать,—что общественное мнѣніе „не есть готовый фактъ, а лишь задача или руководящая норма, которая въ своемъ положительномъ содержаніи нерѣдко оказывается загадкой, уравненіемъ со многими неизвѣстными, таинственной и неопредѣленной величиной",—это слѣдуетъ теперь разъяснить путемъ болѣе точнаго изученія понятія общественнаго мнѣнія.

Идеальнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія слѣдовало бы признать, если бы каждый членъ общества могъ принять участіе въ его образованіи, самостоятельно и свободно внося въ него свою долю опыта и размышленія.

Изъ взаимодѣйствія такихъ свободныхъ и зрѣлыхъ мнѣній могло бы сложиться общее мнѣніе, прочное по своей основѣ и авторитетное по своему содержанію. „Ортодоксальная демократическая теорія,—замѣчаетъ Брайсъ,—предполагаетъ, что каждый гражданинъ продумалъ или долженъ былъ продумать для себя извѣстныя мнѣнія, т.-е. долженъ имѣть опирающійся на аргументы опредѣленный взглядъ на то, въ чемъ нуждается страна, какія начала должны быть примѣнены къ управленію ею и въ руки какихъ людей слѣдуетъ ввѣрить правительственную власть“ [1]). При такомъ предположеніи и общественное мнѣніе, слагающееся изъ мнѣній отдѣльныхъ гражданъ, имѣло бы особую цѣнность. Но тотъ же Брайсъ, изучавшій общественное мнѣніе въ странѣ, въ которой оно, по его словамъ, столь могущественно, какъ нигдѣ, и болѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ быть хорошо изучено, свидѣтельствуетъ на основаніи своихъ наблюденій, что лишь небольшая часть взглядовъ, которыми располагаетъ средній человѣкъ, когда онъ идетъ подавать свой голосъ, выработана имъ самимъ; достаточно сдѣлать опытъ ознакомленія съ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, „чтобы убѣдиться, какъ однообразны мнѣнія во всѣхъ классахъ народа, какъ мало въ идеяхъ каждаго индивидуальнаго и самостоятельно выработаннаго и какъ мало прочности и существеннаго содержанія въ политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ девятнадцати человѣкъ изъ двадцати. При внимательномъ анализѣ этихъ воззрѣній окажется, что они состоятъ изъ двухъ или трехъ предразсудковъ, изъ двухъ или трехъ предубѣжденій въ пользу какого-ни-

---

[1]). Bryce, The american commonwealth. New York, 1903 Vol II, p 250. По вопросу объ общественномъ мнѣніи см. въ особенности соотвѣтствующій отдѣлъ книги Брайса въ его трудѣ объ „Американской республикѣ“ (The American commonwealth. Vol. II Public opinion). Указанный отдѣлъ представляетъ собою едва ли не самое замѣчательное изъ всего, что было написано по этому предмету. Съ выводами Брайса, сдѣланными на основаніи продолжительныхъ наблюденій надъ американской дѣйствительностью, очень интересно сопоставить во многихъ основныхъ пунктахъ совпадающія съ ними заключенія Гольцендорфа, представляющія плодъ болѣе отвлеченныхъ занятій.

будь вождя или какой-нибудь фракціи политической партіи, изъ двухъ или трехъ фразъ, заключающихъ въ себѣ такіе аргументы, которые повторяются безъ предварительной провѣрки". [1]) То заключеніе, къ которому приходитъ Брайсъ на основаніи продолжительнаго изученія проявленій общественнаго мнѣнія въ Америкѣ, не представляетъ чего-либо новаго для политической науки. Задолго до него Гольцендорфъ, посвятившій спеціальный трактатъ изученію общественнаго мнѣнія, точно также утверждаетъ, что большая часть людей, стоящихъ на низшихъ или среднихъ ступеняхъ развитія, охотно усваиваютъ тѣ взгляды на общественныя дѣла, которые имъ всего чаще приходится слышать вокругъ себя или которые высказываются всего громче. Нерѣдко мнѣніе почему-либо представляющееся общимъ, дѣлается такимъ и на самомъ дѣлѣ, и каждый тѣмъ скорѣе пристаетъ къ нему, чѣмъ болѣе сознаетъ трудность выработать личными усиліями самостоятельное политическое убѣжденіе" [2]).

Тѣ выводы, къ которымъ Гольцендорфъ и Брайсъ пришли на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій и наблюденій, могутъ быть провѣрены каждымъ при помощи данныхъ своего опыта. Къ этому явленію пассивнаго воспріятія чужихъ идей и покорнаго подчиненія извнѣ приходящимъ взглядамъ

---

[1]) Bryce, ibid, pp. 249—250 пер., ч. 3, стр. 6.

[2]) Гольцендорфъ, Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Переводъ А. Ѳ. Анненскаго. Спб. 1881, стр. 97—98. Въ недавнемъ сочиненіи Дайси, посвященномъ конкретному вопросу о развитіи общественнаго мнѣнія въ Англіи, находитъ для себя новое подтвержденіе мысль о томъ, что общественное мнѣніе слагается подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ передовыхъ вождей общества. Дайси находитъ даже возможнымъ связывать цѣлыя эпохи въ развитіи общественнаго мнѣнія съ именами нѣкоторыхъ выдающихся мыслителей, какъ напр, Блекстона и Бентама. Съ другой стороны онъ отмѣчаетъ, что господство демократіи вовсе не приноситъ съ собою такого коренного измѣненія законовъ, какого можно было бы ожидать отъ подчиненія ихъ верховенству народной воли. Это наблюденіе показываетъ, что народная воля и общественное мнѣніе не представляютъ собою ясныхъ политическихъ началъ, способныхъ непосредственно и положительно опредѣлять законодательную дѣятельность. См. Dicey, Lectures on the relation between law and public opinion in England. London 1905. См. особ. lectures II и III.

можно относиться такъ или иначе; но нельзя не признать его вполнѣ естественнымъ, вытекающимъ изъ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ условій человѣческой жизни. Политика, какъ общее дѣло, можетъ быть признана обязанностью каждаго, но для того, чтобы выполнить эту обязанность во всю мѣру возлагаемыхъ ею на человѣка задачъ, нужны не только чувство долга, не только спеціальный интересъ, но еще и спеціальныя способности. Политика ставитъ предъ нами не только простые и ясные вопросы, отвѣтъ на которые тотчасъ же готовъ въ умѣ каждаго, но также и проблемы величайшей сложности, для рѣшенія которыхъ требуются извѣстныя спеціальныя познанія. Съ другой стороны, сколь ни представляется важной обязанность гражданина, заставляющая внимательно и вдумчиво относиться къ политическимъ вопросамъ, но въ душѣ человѣка политическому интересу противопоставляются какъ глубоко захватывающіе личные интересы и предпріятія, такъ и высшіе и могущественные идеальные интересы,—религіозные, научные, художественные. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и въ самой политикѣ люди, не участвующіе въ ней непосредственно, гораздо болѣе интересуются общими цѣлями и програмными началами, чѣмъ тактическими средствами и пріемами. Энтузіазмъ, который политика вызываетъ въ человѣкѣ, относится къ высшимъ и конечнымъ ея задачамъ, а не къ практическимъ способамъ ихъ осуществленія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности достиженіе поставленныхъ цѣлей нерѣдко совершается посредствомъ сложной совокупности тактическихъ ходовъ, въ которыхъ можетъ проявляться большое искусство политиковъ по призванію, но которые мало занимаютъ общество въ цѣломъ. Необходимость взаимодѣйствія или борьбы съ другими политическими силами создаетъ для каждой дѣйствующей группы потребность въ тактикѣ. Въ этомъ заключается будничная сторона политики, необходимая какъ средство, какъ черновая работа, но расхолаживающая тѣхъ, кто увлекается высокими политическими задачами.

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ только немногіе дѣятельно участвуютъ въ образованіи того общественнаго мнѣнія, которое имѣетъ въ виду политику во всемъ объемѣ ея цѣлей и средствъ: девятнадцать людей изъ двадцати, какъ говоритъ Брайсъ, не создаютъ, а только воспринимаютъ и распространяютъ общественное мнѣніе; но двадцатый человѣкъ, занимаясь преимущественно общественными дѣлами, создаетъ общественное мнѣніе и руководитъ имъ. На этомъ основано вліяніе выдающихся политиковъ, талантливыхъ журналистовъ, распространенныхъ органовъ прессы, которымъ принадлежитъ руководящее значеніе въ образованіи общественнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ роль широкихъ общественныхъ круговъ въ политической жизни имѣетъ въ общемъ характеръ пассивнаго согласія съ получающими господство идеями. Иногда это даже не столько явное одобреніе, сколько отсутствіе рѣшительнаго протеста; это именно то пассивное признаніе (Anerkennung), въ которомъ нѣмецкій юристъ Бирлингъ хотѣлъ видѣть послѣднюю опору правового порядка вообще. Само собою разумѣется, что и для пассивнаго воспріятія и признанія есть свой предѣлъ: общество нельзя убѣдить въ чемъ угодно; его можно склонить только къ тому, что соотвѣтствуетъ его болѣе глубокимъ потребностямъ и инстинктамъ. Великіе политическіе дѣятели отличаются именно тѣмъ, что они умѣютъ отгадывать скрытыя тенденціи общественной мысли и въ соотвѣтствіи съ поставленными цѣлями ослаблять или усиливать ихъ проявленіе. Однако и самые выдающіеся изъ нихъ—вспомнимъ изъ недавняго прошлаго примѣры Гладстона и Гамбетты—испытывали на себѣ вліяніе этихъ тенденцій, лишь только они ошибались въ учетѣ ихъ дѣйствительной силы.

Изъ всего сказаннаго вытекаютъ и дальнѣйшія чрезвычайно важныя свойства общественнаго мнѣнія. Будучи по способу своего образованія гораздо болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ, общественное мнѣніе, во-первыхъ, не мо-

жетъ быть прочнымъ и устойчивымъ, во-вторыхъ, не можетъ быть опредѣленнымъ и яснымъ и въ-третьихъ, не можетъ охватывать область политическихъ вопросовъ во всей полнотѣ ихъ практической постановки. Для того, кто захотѣлъ бы найти въ немъ твердую почву для рѣшеній, оно во всякомъ случаѣ окажется недостаточнымъ, и безъ другихъ, болѣе прочныхъ критеріевъ, оно скорѣе разочаруетъ, чѣмъ поддержитъ того, кто вздумалъ бы съ нимъ не только считаться, но и во всемъ сообразоваться.

Общественное мнѣніе не можетъ быть прочнымъ и устойчивымъ, если оно вытекаетъ не изъ глубины убѣжденій каждаго, а изъ пассивнаго присоединенія къ распространяющимся идеямъ При постоянной борьбѣ вліятельныхъ идей и программъ, при неизбѣжной перемѣнѣ событій и настроеній, способность къ пассивному воспріятію влечетъ за собой постоянные колебанія и повороты въ умахъ, и въ болѣе сложныхъ условіяхъ жизни это наблюдается въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ въ обстановкѣ простого государственнаго быта. Какъ вѣрно разъясняетъ Гольцендорфъ, „съ расширеніемъ круга предметовъ, на которые обращается наше вниманіе, съ усилившимся раздѣленіемъ труда въ духовной области, вынуждающимъ единичныя личности останавливаться преимущественно на извѣстныхъ задачахъ, съ увеличившеюся быстротою въ смѣнѣ господствующихъ надъ нами впечатлѣній внѣшняго міра,—и общественное мнѣніе потеряло часть своей устойчивости и постоянства. Вмѣстѣ съ этимъ уменьшилась и вѣроятность его усилій тамъ, гдѣ нужна настойчивая дѣятельность. Общественное мнѣніе теперь созрѣваетъ быстрѣе, но зато быстрѣе и увядаетъ. Нерѣдко оно совсѣмъ улетучивается въ короткій промежутокъ времени“ [1]).

---

[1]) Гольцендорфъ, цит. соч., стр. 88—89, стр. 95. Это относится, конечно, къ отдѣльнымъ и конкретнымъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, а не къ тѣмъ болѣе постояннымъ его основамъ, которыя находятся въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и о которыхъ Дайси говоритъ, что онѣ измѣняются лишь медленно и постепенно (Dicey, o. c., p. 27).

Отсюда становится понятнымъ, насколько трудно выяснить содержаніе общественнаго мнѣнія. Въ этой трудности Брайсъ справедливо усматриваетъ одну изъ слабыхъ сторонъ управленія, руководствующагося общественнымъ мнѣніемъ. „На Западѣ народныя массы громко высказываютъ то, что думаютъ. Но ихъ голоса такъ оглушительны, что нелегко разобрать, какія мнѣнія высказываются большинствомъ и какія меньшинствомъ. Органы общественнаго мнѣнія чрезвычайно многочисленны и каждый изъ нихъ выдаетъ свои собственныя мнѣнія за мнѣнія народа. Подобно всѣмъ другимъ цѣннымъ предметамъ и общественное мнѣніе подвергается различнымъ поддѣлкамъ“ [1]). При отсутствіи опредѣленнаго, яснаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія, при наличности въ немъ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ теченій, при постоянной возможности колебаній и перемѣнъ въ общественныхъ настроеніяхъ узнать, чего именно хочетъ общество, чего хочетъ народъ—дѣло чрезвычайно трудное. Здѣсь именно нужно творчество и искусство; надо, какъ говорилъ Гегель, не только прислушиваться къ тому, что говорятъ здѣсь и тамъ, надо понимать „внутреннюю природу и существо своего времени“. Чтобы имѣть дѣйствительное право говорить отъ имени народа, надо понимать его подлинныя нужды и стремленія. Но рѣшающее значеніе имѣютъ здѣсь не случайные толки и слухи, а дѣйствительное знакомство съ нуждами и стремленіями народа, руководимое высшими началами политической мысли.

Мы замѣтили выше, что общественное мнѣніе не можетъ служить единственнымъ основаніемъ для рѣшенія политическихъ вопросовъ. И это зависитъ не только отъ указанныхъ ранѣе причинъ, но также и отъ того, что общественное мнѣніе не охватываетъ всей области политическихъ проблемъ и не вездѣ проявляется съ одинаковымъ

---

[1]) Bryce, ibid. II. p. 354; русск. пер. ч. 3, стр. 109. Ср. Гольцендорфъ ibid., стр. 55.

единодушіемъ, силой и настойчивостью. Еще Блюнчли обратилъ вниманіе на то, „что общественное мнѣніе имѣетъ гораздо болѣе силы въ отрицательномъ направленіи,—при противодѣйствіи тѣмъ или другимъ правительственнымъ планамъ, нежели въ положительномъ,—при осуществленіи собственныхъ требованій“ [1]). Припоминая это наблюденіе Блюнчли, Гольцендорфъ разъясняетъ его въ томъ смыслѣ, что соединить большое число людей всего легче въ какомъ-нибудь отрицаніи. Но это правильное замѣчаніе въ свою очередь находитъ для себя разъясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что обнаружившіеся недостатки и рѣзкія несовершенства настоящаго сознаются и чувствуются гораздо яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ положительныя черты будущаго. Отрицательныя стороны извѣстнаго явленія всѣми могутъ сознаваться одинаково, но въ положительныхъ требованіяхъ взгляды тотчасъ же расходятся, и это расхожденіе даетъ о себѣ знать тѣмъ болѣе, чѣмъ конкретнѣе и подробнѣе становятся очертанія положительной программы. При томъ же разработка и защита положительныхъ началъ требуетъ несравненно большей энергіи и гораздо болѣе продолжительнаго воздѣйствія. Напротивъ, „стоять на отрицаніи сравнительно легче; разъ высказанное оно не требуетъ дальнѣйшаго напряженія душевныхъ силъ для своего поддержанія“.

Изъ всего этого можно было бы вывести своего рода законъ для дѣйствія общественнаго мнѣнія. Можно сказать, что оно проявляется съ тѣмъ большимъ единодушіемъ и силой, чѣмъ болѣе относится оно къ отрицательнымъ и общимъ положеніямъ; и что по мѣрѣ необходимости выясненія положительныхъ и конкретныхъ сторонъ, общественное мнѣніе все болѣе утрачиваетъ свое единство и могущество и за извѣстнымъ предѣломъ становится совершенно безсильнымъ, отказывая въ какихъ бы то ни было указаніяхъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы ихъ имѣть. Въ чрезвычайно

---

[1]) Гольцендорфъ, цитир. соч., стр. 86.

интересной главѣ, подъ заглавіемъ: „Въ чемъ общественное мнѣніе безсильно“ (wherein public opinion fails), Брайсъ удостовѣряетъ, что именно желаніе во всемъ сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ составляетъ непреодолимое затрудненіе для американскихъ законодателей. „Когда члены конгресса приходятъ къ убѣжденію, что страна желаетъ изданія какого-нибудь закона, они приступаютъ къ составленію законопроекта, но такъ какъ у нихъ нѣтъ руководителя, то ихъ законопроекты оказываются нерѣдко нецѣлесообразными, а ихъ опасеніе уйти за предѣлы того, чего требуетъ общественное мнѣніе, замедляетъ исполненіе народной воли. Народъ имѣетъ право высказывать свои желанія, но онъ не въ состояніи указать, какимъ способомъ и въ какой формѣ должны быть исполнены эти желанія,— другими словами, общественное мнѣніе можетъ указывать конечную цѣль, но не способно разсмотрѣть и выбрать средства, которыми могла бы быть достигнута эта цѣль. Народъ берется за разрѣшеніе важныхъ проблемъ и медленно, и неловко. Онъ постоянно помышляетъ о нихъ, постоянно о нихъ толкуетъ, жалуется на то, что онѣ не разрѣшаются конгрессомъ, и очень недоволенъ тѣмъ, что онѣ не разрѣшаются сами собою. Но онѣ все-таки остаются неразрѣшенными“ [1]).

Эти замѣчанія Брайса въ высшей степени важны и любопытны. Они разъясняютъ намъ еще одну существенную подробность въ природѣ общественнаго мнѣнія: въ силу присущихъ ему свойствъ, оно неспособно выбирать средства для намѣченныхъ цѣлей и указывать конкретные планы для необходимыхъ реформъ. Руководители общественнаго мнѣнія, призванные политики могутъ вырабатывать такіе планы и распространять ихъ въ обществѣ, но поднять общественное мнѣніе на высоту яснаго сознанія всѣхъ подробностей такихъ практическихъ плановъ—задача непосильная, если даже рѣчь идетъ и не о широкихъ народныхъ

---

[1]) Bryce, ibid., II, p. 356; русск. пер., ч. 3, стр. 110—111.

массахъ, а о болѣе узкихъ партійныхъ группахъ. Быть можетъ вознагражденіемъ за этотъ недостатокъ общественнаго мнѣнія можно считать вмѣстѣ съ Брайсомъ „тотъ фактъ, что когда мнѣніе всей націи, наконецъ, находитъ случай высказаться вполнѣ опредѣленно, оно является самымъ компетентнымъ авторитетомъ для указанія цѣлей національной политики",... при чемъ „слова его будутъ имѣть такой вѣсъ, какого не могли бы пріобрѣсть слова самаго мудраго правящаго класса населенія" [1]). Но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что общественное мнѣніе, въ виду всѣхъ указанныхъ причинъ, не только неясно и неопредѣленно, но сверхъ того еще неполно и недостаточно, и именно съ той стороны, которая для политики является столь существенной: *въ указаніи средствъ для поставленныхъ цѣлей.* Это—область, въ которой требуется не только здравый смыслъ, присущій массамъ, но и техническая подготовка, и спеціальныя познанія. Наконецъ, это—область, въ которой болѣе всего даютъ о себѣ знать существующія въ обществѣ разногласія и противорѣчія, и здѣсь общественное мнѣніе является безсильнымъ. Мы можемъ теперь во всей силѣ оцѣнить старое замѣчаніе Милля, что народная воля на практикѣ есть даже не воля большинства, а воля тѣхъ, „кому удается заставить принимать себя за большинство". Лишь въ случаяхъ особенной важности выступаетъ на сцену дѣйствительное большинство; въ обычныхъ условіяхъ жизни и по цѣлому ряду вопросовъ отъ имени большинства говорятъ лишь извѣстныя общественныя группы, болѣе энергично выступающія впередъ, при пассивномъ сочувствіи или даже полномъ равнодушіи и безразличіи остальныхъ. Насколько въ такихъ случаяхъ поступаютъ правильно говорящіе отъ имени народа, это не можетъ быть рѣшено въ области провѣрки формальныхъ полномочій; здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ спорныхъ вопросахъ, касающихся общественнаго мнѣнія, послѣдней инстанціей является вну-

[1]) Bryce, ibid., p. 364; р. п., стр. 118.

тренняя природа и существо времени. Съ этой точки зрѣнія политика представляется, какъ борьба за правильное истолкованіе народной воли. Каждая общественная группа толкуетъ народную волю посвоему и каждая стремится сдѣлать свое толкованіе общимъ, привлечь на его сторону большинство, убѣдить всѣхъ въ его правильности. Все это потому, что народная воля не есть готовый фактъ, а лишь руководящая задача, разрѣшить которую мы должны соотвѣтственно съ нашей совѣстью и общественнымъ долгомъ.

Мы разсматривали до сихъ поръ общую волю со стороны ея источника и пришли къ заключенію, что въ самой основѣ своей она является неясной и недостаточной. Но именно въ виду этой неясности и недостаточности для выраженія общей воли всегда требовались органы, которые съ неизмѣнной необходимостью выдвигались на первый планъ и ставили своей задачей не только выраженіе общественнаго мнѣнія, но прежде всего образованіе его. Это всеобщее явленіе представляется лишь обратной стороной того факта, что общественное мнѣніе не является сразу законченнымъ и готовымъ, а постоянно образуется въ живомъ процессѣ общественныхъ взаимодѣйствій. Каждый изъ органовъ, претендующихъ на выраженіе общественнаго мнѣнія,—и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе—всегда, если разобрать вопросъ по существу, исходитъ *не изъ того, каково есть общественное мнѣніе, а изъ того, какимъ оно должно быть.* Говоря отъ имени народа или общества, всегда мысленно построяютъ эти понятія, при чемъ основаніями для этого построенія являются съ одной стороны извѣстные принципы и цѣли, а съ другой стороны, предположеніе о томъ сочувствіи, которое эти принципы и цѣли могутъ встрѣтить въ общественныхъ кругахъ. Ссылка на то, что таково и есть общественное мнѣніе, какимъ оно представляется въ результатѣ указаннаго построенія, означаетъ только увѣренность, болѣе или менѣе основательную, въ томъ, что общество сочувствуетъ даннымъ принципамъ и цѣлямъ. Такимъ образомъ, при опредѣленіи роли органовъ

общественнаго мнѣнія, мы прежде всего должны отмѣтить, что они не столько выражаютъ это мнѣніе, сколько формулируютъ и создаютъ его. Все это вытекаетъ изъ того основного факта, что по способу своего образованія общественное мнѣніе отличается гораздо болѣе пассивностью воспріятій, чѣмъ дѣятельной иниціативой.

При обсужденіи вопроса объ организаціи общественнаго мнѣнія слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на вліяніе партій. Руссо предполагалъ,—и въ этомъ отношеніи онъ выражалъ общую вѣру своего времени,—что въ образованіи общей воли всѣ должны участвовать самостоятельно и свободно, не допуская между собой и суверенной волей никакихъ посредствующихъ вліяній: „Если бы въ то время, какъ народъ, будучи достаточно освѣдомленъ, обсуждаетъ свои рѣшенія, граждане не имѣли между собою никакого общенія, изъ большого числа мелкихъ различій всегда выходила бы общая воля и рѣшеніе всѣхъ было бы хорошо. Но когда употребляются особыя домогательства и создаются частные союзы въ ущербъ одному высшему, воля каждаго изъ этихъ союзовъ дѣлается общею въ отношеніи къ его членамъ и частной въ отношеніи къ государству: тогда можно сказать, что голосующихъ будетъ не столько, сколько отдѣльныхъ лицъ, но сколько отдѣльныхъ союзовъ. Различія дѣлаются менѣе многочисленными, и результатъ, который изъ нихъ получается, менѣе общимъ“. (L. II, ch. III). Съ точки зрѣнія идеальнаго выраженія общей воли, слѣдовало бы допустить, какъ мы уже замѣтили выше, чтобы каждый вносилъ свою часть въ ея содержаніе въ полной мѣрѣ свободнаго самоопредѣленія. Это соотвѣтствовало бы и понятію свободы личности, которая въ равномъ со всѣми другими участіи въ суверенной власти почерпала бы подтвержденіе своего автономнаго значенія. Революціонная доктрина выдвинула, въ качествѣ органа для выраженія народной воли, представительство; но при этомъ предполагалось, что въ избраніи представителей всѣ дѣйствуютъ съ полной свободой самостоятельныхъ рѣшеній.

Однако, дальнѣйшая практика народныхъ голосованій все болѣе обнаруживала тотъ фактъ, что при выраженіи общей воли невозможно избѣгнуть тѣхъ посредствующихъ инстанцій, которыхъ такъ опасался Руссо. Французская революція исходила изъ мысли, что провозглашеніе равенства и свободы лицъ обезпечитъ для всѣхъ одинаковую самостоятельность; но оказалось, что для произведенія соціальнаго результата необходима комбинація индивидуальныхъ силъ. Отдѣльные и разрозненные голоса, не сообразующіеся съ другими, при общихъ голосованіяхъ разсѣиваются, какъ песчинки, гонимыя вѣтромъ, и теряются безслѣдно. Для того, чтобы достигнуть значенія, отдѣльный человѣкъ долженъ сговориться съ другими для согласнаго дѣйствія. Потребность въ такихъ соглашеніяхъ для достиженія желаемыхъ результатовъ сама собою порождаетъ партійную организацію, а партійная организація приноситъ съ собой новую зависимость для личности, которая опять становится частью, вмѣсто того, чтобы быть самостоятельнымъ цѣлымъ. Французская революція стремилась, во имя гражданскаго равноправія, разбить средневѣковыя корпораціи и союзы, стоявшіе между личностью и государствомъ. Но вмѣсто старыхъ корпорацій, между государствомъ и личностью создались партійныя организаціи. А внутренняя природа этихъ организацій такова, что они стремятся для лучшаго достиженія своихъ цѣлей развить въ своихъ членахъ духъ дисциплины и механически однообразныхъ дѣйствій, „замѣнить индивидуальность механизмомъ“, какъ выразился одинъ англійскій политическій дѣятель [1]). На этой почвѣ создается то господство партійной „машины“, которое, вслѣдъ за Брайсомъ, съ такимъ исчерпывающимъ знаніемъ предмета описалъ Острогорскій. Провозвѣстники новаго государства, философы XVIII вѣка, хотѣли традицію замѣнить философіей. Практика, повидимому, приводитъ современную политику

---

[1]) Членъ министерства Гладстона Куртней. См. Ostrogorsky, La democratie et l'organisation des partis politiques. Paris, 1903. T. I, p. 222.

къ тому, чтобы философію замѣнить дисциплиной. „Leave us alone"—„предоставь насъ самимъ себѣ"—восклицалъ индивидуалистъ Бентамъ, обращаясь къ законодателю. „You vote as you are told",—„вы подадите голосъ, какъ вамъ скажутъ",—говорятъ современныя политическія организаціи своимъ членамъ.

Для того, чтобы судить о томъ, какое значеніе могутъ въ извѣстныхъ условіяхъ получить партійныя организаціи при народныхъ голосованіяхъ, достаточно обратиться къ упомянутымъ выше описаніямъ Брайса и Острогорскаго. Деспотизмъ партійныхъ комитетовъ, дисциплина для членовъ партіи, доведенная до потери права индивидуальнаго сужденія, необузданность партійной тактики, нестѣсняющейся въ средствахъ, все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ общее заключеніе Брайса о процедурѣ народныхъ выборовъ въ Америкѣ. „Вся эта процедура,—говоритъ этотъ знатокъ американской жизни,—даже по мнѣнію многихъ американцевъ, есть не что иное, какъ пародія на народные выборы. Въ ней только съ виду соблюдается правило, что все должно зависѣть отъ голосованія избирателей, а на самомъ дѣлѣ этимъ избирателямъ навязываются такіе кандидаты, которыхъ они вовсе не знаютъ или которыхъ они не выбрали бы, если бы знали. Нѣсколько профессіональныхъ политикановъ и ихъ приверженцевъ замѣняютъ настоящихъ избирателей, подготовляютъ на искусно организованныхъ митингахъ назначеніе выбранныхъ ими самими кандидатовъ и выдаютъ такія назначенія за выраженіе верховной народной воли" [1]).

Было бы безусловно неправильно обобщать эти выводы и дѣлать изъ нихъ общій законъ для всякихъ партійныхъ организацій вообще. Въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, къ которымъ относятся наблюденія Брайса и Острогорскаго, существуютъ свои особыя причины для того, чтобы сдѣлать деспотизмъ партій болѣе безграничнымъ, а зависимость отъ него народ-

---

[1]) Bryce ibid. V. II, p. 106; ср. p. 104; русск. пер, стр. 371, стр. 369.

ной воли болѣе ощутительной. Когда государство достигаетъ такого состоянія, что самыя основныя и цѣнныя блага въ немъ упрочены и защищены, когда до поры до времени оно успокаивается на добытыхъ результатахъ и не опасается угрожающихъ осложненій, практическая политика утрачиваетъ свой жгучій интересъ и принципіальное значеніе. Нельзя, конечно, сравнивать уровень современной англійской политики съ той эпохой великихъ бореній, когда лучшія стремленія гражданъ отдавались на защиту политической и религіозной свободы; точно такъ же, какъ невозможно сопоставлять интересы американскихъ политиковъ нашихъ дней хотя бы съ тѣмъ временемъ, когда великіе вопросы объ уничтоженіи рабовладѣнія и о сохраненіи цѣлости союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ воспламеняли умы самыхъ благородныхъ сѣверянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. „Вопросы о ходячей монетѣ, о тарифахъ, о финансахъ, о внутреннихъ улучшеніяхъ, о желѣзнодорожныхъ порядкахъ,—замѣчаетъ Брайсъ,—конечно не лишены важнаго значенія, но не для всякаго они интересны“ [1]). Но если политика ограничивается только этимъ, она не можетъ стать предметомъ всеобщаго интереса, и если въ другихъ случаяхъ она требуетъ энтузіазма и воодушевленія, при этомъ условіи для нея достаточно налаженнаго административнаго механизма. Если къ тому же этотъ механизмъ, сколь бы ни былъ онъ несовершеннымъ, не угрожаетъ ни основамъ конституціи, ни свободѣ личности, ни существеннѣйшимъ интересамъ націи, граждане—какъ это показываетъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Америки — скорѣе склонны терпѣть неистовства партійныхъ организацій, чѣмъ брать на себя трудъ, требующій весьма настойчивыхъ усилій, бороться съ ихъ деспотическимъ господствомъ [2]). Какъ разсказываетъ Острогорскій, американцы успокаиваютъ себя въ данномъ случаѣ своего рода политическимъ оптимиз-

---

[1]) Bryce, ibid, II, p. 71, русск. пер., 2 ч., стр. 336.—Ср. Ostrogorsky, ibid II. 293.

[2]) Bryce, ibid. II, pp. 23, 29, 67, 71; русск пер. II, 287, 293, 332, 336.

момъ, вѣрой въ vis medicatrix naturae, убѣжденіемъ, что со временемъ все устроится (it will right itself); къ этому присоединяется увѣренность въ несокрушимости американскаго устройства, для котораго не важны мелкія злоупотребленія (we can stand it, you cannot ruin this country). Наконецъ, высшимъ оправданіемъ того равнодушія, съ которымъ граждане относятся къ злоупотребленіямъ политики, является вѣра американскаго народа въ себя, въ свое верховное значеніе, вѣра въ то, что все же народъ всему господинъ и въ случаѣ необходимости покажетъ свою мощь, согласно словамъ народнаго оратора, „когда американскій народъ поднимется въ своей мощи и величіи“ (when the American people will rise in their might and majesty“...) [1]).

Таковы условія, при которыхъ лучшіе умы уходятъ изъ политической области и предоставляютъ это поприще профессіональнымъ политикамъ, дѣлающимъ изъ политики ремесло и средство къ жизни. По мѣрѣ того, какъ важнѣйшіе политическіе вопросы получаютъ свое разрѣшеніе и уступаютъ мѣсто текущимъ дѣламъ, между партіями, несущими на себѣ бремя государственнаго управленія, черты различія постепенно стираются. На первый планъ выступаетъ не программа, а составъ партіи, группирующійся около извѣстнаго способа выраженія программы. Вѣрность партіи становится выше вѣрности программѣ, и политика въ концѣ концовъ превращается въ ту область профессіональныхъ и частныхъ интересовъ, о которой одинъ изъ практиковъ этого дѣла откровенно отозвался Рузвельту американскимъ лаконизмомъ: „There are no politics in politics“, т.-е. „въ политикѣ нѣтъ политики“ [2]).

---

[1]) Ostrogorsky, ibid. II, 409 и 561.

[2]) См. Ostrogorsky, op. c. I, pp. 584—585; II, pp. 189, 400.—Въ 1885 г. во время надѣлавшаго шуму столкновенія между могущественнымъ партійнымъ механизмомъ („caucus“) и однимъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Коуэномъ, этотъ послѣдній очень хорошо выразилъ свое разногласіе съ партіей: „Я ставлю на первый планъ либеральные принципы, они—либеральную партію; для меня имѣютъ значеніе мѣры, для нихъ—лица. Въ этомъ весь споръ“... (Ostrogorsky, I, 221).—Въ новѣйшемъ трудѣ по англійскому

Однако, введя въ надлежащія границы возможныя обобщенія изъ злоупотребленій и несовершенствъ партійной жизни, мы должны признать два основныхъ положенія безспорными:

1. *Политика правового государства, призывающаго народъ къ участію въ управленіи, не можетъ обойтись безъ посредствующаго организующаго вліянія партій.*

2. *Партійныя организаціи для лучшаго достиженія политическихъ цѣлей вынуждены развивать дисциплину среди своихъ членовъ въ ущербъ ихъ индивидуальности.*

Эти утвержденія представляютъ не болѣе, какъ частныя послѣдствія высказаннаго выше общаго положенія, что *для произведенія социальнаго дѣйствія необходимо сочетаніе индивидуальныхъ силъ.* Худо ли, хорошо ли, но партіи выполняютъ эту задачу объединенія отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ осуществленію извѣстныхъ политическихъ задачъ. Никогда политическія цѣли не осуществляются безъ поддержки болѣе или менѣе значительныхъ общественныхъ группъ. Въ государствѣ стараго порядка съ его сословными дѣленіями и традиціонными корпораціями эти группы обыкновенно исходятъ изъ существующихъ сословныхъ и корпоративныхъ разграниченій; въ государствѣ правовомъ, разрывающемъ прежнія историческія связи и дѣленія общества, на мѣсто этого являются партіи. При этомъ, согласно всему строю новаго свободнаго государства, и эти новыя

государственному праву, принадлежащемъ Гачеку (Hatschek, Englisches Staatsrecht. Tubingen, 1906. Bd. II, S. 22) проводится взглядъ, что „для англичанъ организація партіи дороже, чѣмъ программа партіи". Гачекъ видитъ въ этомъ основной фактъ англійской партійной жизни и выводитъ его изъ особенностей англійскаго духа, а къ числу такихъ особенностей онъ относитъ умѣнье наслаждаться дѣйствіемъ, независимо отъ его цѣлей (die Handlungsfreudigkeit fur sich ohne Zweck und Ziel). Эти заключенія, какъ и дальнѣйшее указаніе связи партійной организаціи съ пріемами спорта („der Sport, das ist der Erklarungsgrund"), нужно отнести, конечно, къ области неудачныхъ теоретическихъ измышленій. Предпочтеніе партійной организаціи партійнымъ принципамъ, на которое такъ ясно указывалъ еще Коуэнъ, стоитъ въ связи съ гораздо болѣе сложной совокупностью условій, и прежде всего съ общимъ пониженіемъ уровня политической жизни.

соединенія полагаютъ въ свою основу великій принципъ свободы [1]). Огромное принципіальное преимущество партій состоитъ именно въ томъ, что онѣ составляютъ союзы свободные, въ которые люди вступаютъ по собственному выбору. Уравненіе гражданъ въ правахъ не можетъ устранить естественнаго различія общественныхъ положеній и направленій мысли, и это различіе неизбѣжно приводитъ къ раздѣленію на политическія группы. Б. Н. Чичеринъ справедливо замѣчаетъ, что „только при полномъ умственномъ застоѣ, при отсутствіи всякаго участія къ судьбамъ отечества, заглохшая политическая мысль не производитъ расходящихся вѣтвей“ [2]). Когда же общество призывается къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, изъ этихъ направленій сами собою образуются партіи съ опредѣленной программой и организаціей. Подтвержденіе этого неизбѣжнаго явленія мы еще недавно видѣли въ Россіи [3]).

---

[1]) Такіе горячіе противники современной партійной организаціи, какъ Острогорскій, нисколько не думаютъ отрицать принципа партійныхъ соединеній Острогорскій прямо говоритъ: „Les groupements de citoyens en vue d'une fin politique qu'on appelle partis sont indispensables partout où le citoyen a le droit et le devoir d'exprimer sa pensée et d'agir, mais il faut que le parti cesse d'être un instrument de tyrannie et de corruption“ et soit ramené à sa fonction propre (v. II, p. 612). Соотвѣтственно съ этимъ Острогорскій предлагаетъ не устраненіе партійныхъ организацій, а только ихъ реформу (ibid., p. 618 et suiv.). О значеніи партій см также изъ болѣе позднихъ произведеній рядъ статей А. Меркеля (въ его Fragmente zur Socialwissenschaft. Strassburg 1898) особенно статья: „Allgemeine Bedeutung des Parteiwesens“ (Ss 82—98). На русскомъ языкѣ: Чичеринъ, „Курсъ государственной науки“, часть III, стр. 505 и слѣд. См. также популярныя брошюры проф. Гамбарова, „Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ“ Спб 1905, изд. 2-ое, и проф. Хвостова, „Общественное мнѣніе и политическія партіи“. М., 1906.

[2]) Чичеринъ. Цитир. соч., стр. 505 и 525.

[3]) Свидѣтельствомъ глубокаго сознанія важности и необходимости партійныхъ группировокъ въ эпоху слагающагося общественнаго мнѣнія и преобразующагося государственнаго строя можетъ служить статья проф В. И. Вернадскаго въ журн. „Полярная Звѣзда“ 14 марта 1906 г., № 14 „Три рѣшенія“. „На больной вопросъ общественной этики, что долженъ дѣлать отдѣльный человѣкъ для того, чтобы помочь странѣ выйти изъ бѣдствія, чѣмъ онъ можетъ помочь общей бѣдѣ,—говоритъ проф. Вернадскій,—у всѣхъ у нихъ (людей настоящаго) отвѣтъ одинъ: онъ долженъ войти въ политическую партію, онъ долженъ участвовать въ ея работахъ, въ ея дѣятель-

Но столь же необходимымъ, какъ и самое образованіе партій, представляется подчиненіе всѣхъ, кто входитъ въ ихъ составъ, извѣстной организаціи и дисциплинѣ. Если вступленіе въ партію зависитъ отъ свободнаго усмотрѣнія каждаго, то, съ другой стороны, принадлежность къ ней необходимо предполагаетъ согласіе подчиняться ея указаніямъ. Главное, что можетъ доставить побѣду партіи и ея принципамъ, это единство и согласіе дѣйствій, безъ этого никакая партія не можетъ имѣть успѣха. Поэтому при голосованіяхъ члены партій обязываются слѣдовать за своими руководителями, подчиняя личные взгляды партійной дисциплинѣ. Съ точки зрѣнія высшаго индивидуальнаго развитія это можетъ казаться недопустимымъ, но кто вступаетъ на путь политики, долженъ съ этимъ примириться заранѣе, какъ съ неизбѣжнымъ условіемъ политической дѣятельности.

Изъ всего этого вытекаетъ, что и при наилучшей, чисто принципіальной постановкѣ партій, существу этого рода организацій соотвѣтствуетъ самостоятельное и даже руководящее значеніе по отношенію къ общественному мнѣнію Подобно другимъ органамъ общественнаго мнѣнія, но еще въ большей степени, чѣмъ всѣ они, партіи не столько выражаютъ это мнѣніе, сколько формулируютъ и создаютъ его. Злоупотребленія партій представляютъ не послѣдствія принциповъ, положенныхъ въ ихъ основу, а ихъ искаженіе. Нѣкоторыя злоупотребленія и не всегда возможны, какъ напр., главное бѣдствіе американской системы—корыстная раздача побѣдившей партіей платныхъ должностей. Но что всегда неизбѣжно и вытекаетъ изъ существа дѣла, это—

ности.—Въ конечномъ результатѣ совмѣстной работы всѣхъ партій получается политическая организація народа, та сила, которая въ концѣ концовъ совершенно реорганизуетъ государство, придастъ ему новую форму, въ которой задачи и цѣли государственной политики опредѣляются волей организованнаго народа“ (стр. 172) Образованіе партій и участіе въ партіяхъ разсматривается здѣсь, какъ вопросъ общественной этики, какъ обязанность, вытекающая изъ задачи политической организаціи народа, которая одна можетъ положить конецъ анархіи и смутѣ общественнаго распада.

господствующее значеніе партійныхъ организацій въ дѣлѣ выраженія общей воли. Это положеніе подтверждается всѣмъ ходомъ современной политической жизни.

VIII. Представительство и народная воля.

Послѣ того, какъ мы разсмотрѣли важнѣйшій политическій факторъ, вліяющій на организацію общественнаго мнѣнія, мы можемъ перейти къ юридическому органу его выраженія, къ народному представительству. И здѣсь первое, что бросается въ глаза, это самостоятельное положеніе представительства по отношенію къ народу. Но въ отличіе отъ партій, которыя являются не юридическимъ институтомъ, а лишь политическимъ факторомъ, народное представительство пользуется своей самостоятельностью не только de facto, но и de jure. Согласно признанному повсюду началу, представители не могутъ быть связаны мандатами по отношенію къ своимъ избирателямъ. Считаясь представителями всего народа, они дѣйствуютъ вполнѣ свободно, повинуясь лишь своему разуму и совѣсти. Таково положеніе, отстаиваемое современной доктриной и вызывающее у противниковъ этой системы толки о парламентской олигархіи, лишающей народъ верховныхъ правъ [1]).

Мы знаемъ уже, что понятіе о самостоятельности народныхъ представителей по отношенію къ избирателямъ сопровождаетъ развитіе теоріи правового государства съ самаго начала ея зарожденія. Еще въ эпоху французской революціи восторжествовалъ взглядъ, нашедшій себѣ наи-

---

[1]) Упреки этого рода слышатся не только справа, но и слѣва. Такъ въ соціалъ-демократической литературѣ нерѣдки нападенія на представительство, какъ на правленіе олигархическое. См. напр. въ русской литературѣ К. Тахтаревъ, „Отъ представительства къ народовластію". Спб. 1907 Стр. 22—37. Однохарактерные отзывы—у Магазинера, „Самодержавіе народа". Спб., 1907—съ ироническими замѣчаніями о „буржуазно-феодальномъ парламентѣ, преисполненномъ классоваго самоотреченія" (стр. 103).—Мы не говоримъ уже о болѣе радикальномъ теченіи синдикализма, которое отрицаетъ не только представительство, но и современную политику вообще.

болѣе обстоятельное выраженіе у Сійеса [1]), что допущеніе императивныхъ мандатовъ противорѣчитъ существу представительства. Соотвѣтственно съ этимъ въ декретѣ 22 декабря 1789 г., а затѣмъ въ конституціи 1791 г. выражено было положеніе, что представители, избранные въ департаментахъ, будутъ не представителями отдѣльныхъ департаментовъ, но всей націи, и что имъ не можетъ быть дано никакого мандата [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ получила признаніе и другая мысль Сійеса, что народную волю слѣдуетъ искать въ Національномъ Собраніи, которое и призвано ее создавать общими усиліями (de former en commun une volonté commune).—Таковъ былъ взглядъ, который былъ съ этихъ поръ усвоенъ теоріей народнаго представительства, и все дальнѣйшее ея развитіе стоитъ подъ тѣмъ руководящимъ сознаніемъ, что представители народа призываются не къ воспроизведенію его воли, а къ нахожденію ея собственными усиліями. Отрицаніе императивнаго мандата, отрицаніе смѣняемости депутатовъ и признаніе за ними свободы выраженія мнѣній, все это вытекаетъ изъ основного предположенія, что народная воля еще должна быть отгадана, что она не является для депутатовъ готовымъ фактомъ, а лишь руководящимъ принципомъ. Объ этомъ мы говорили уже выше. Мы указали также и на то, что, признавая за представительнымъ собраніемъ самостоятельное значеніе, теорія Сійеса и его послѣдователей принимала представительство за вѣрное выраженіе народной воли. Согласно ставшему знаменитымъ опредѣленію Мирабо, „представительное собраніе для народа есть то же, что карта для занимаемаго имъ пространства; какъ въ части, такъ и въ цѣломъ, копія должна всегда имѣть тѣ же пропорціи, что и оригиналъ“. Этотъ взглядъ и давалъ возможность примирить идею представительства съ идеей народной воли, даже при предположеніи, что представительство

[1]) Archives parlementaires I Série T. VIII, pp. 592—597 См. „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 89, стр. 397.

[2]) Duguit et Monnier, p. 10.

имѣетъ самостоятельное значеніе въ дѣлѣ выраженія этой воли. Въ сущности, обычное сознаніе связываетъ съ представительнымъ собраніемъ надежду, что оно должно быть копіей народа, а непрекращающіяся исканія лучшаго избирательнаго права служатъ свидѣтельствомъ того, что развитіе представительныхъ учрежденій сопровождается „неизмѣннымъ стремленіемъ найти правильную форму представительства, при которой воля народа получалась бы въ наиболѣе чистомъ, неискаженномъ видѣ“ [1]).

Уже на основаніи тѣхъ данныхъ, къ которымъ насъ привело ознакомленіе съ природой общественнаго мнѣнія и съ организаціей партій, можно было бы заключить, что это задача невыполнимая. Невозможно точно и неискаженно выражать то, что само по себѣ неясно и неопредѣленно. Точно также нельзя ожидать, чтобы при огромномъ вліяніи партій на избраніе представителей народная воля отражалась въ представительствѣ въ своемъ неприкосновенномъ видѣ, свободномъ отъ воздѣйствія партійныхъ организацій. Однако, независимо отъ этого, и въ самомъ существѣ представительныхъ собраній, въ условіяхъ ихъ избранія и въ характерѣ ихъ рѣшеній мы находимъ новыя причины, которыя препятствовали бы имъ стать точнымъ выраженіемъ народной воли, если бы это и было возможно. Анализъ представительства съ этой точки зрѣнія можетъ быть сдѣланъ въ двоякомъ направленіи, какъ со стороны количественныхъ, такъ и со стороны качественныхъ опредѣленій. Можно разсмотрѣть численное отношеніе представителей къ количеству гражданъ и указать, насколько могутъ быть соблюдены здѣсь правильныя соотношенія. Можно, съ другой стороны, взять качественную сторону отношеній и посмотрѣть, въ какой мѣрѣ представители могутъ вѣрно передавать мнѣнія и желанія народа.

Количественныя отношенія имѣютъ въ данномъ случаѣ

---

[1]) Іеллинекъ. „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“. Рус. пер. М. 1906, стр. 73.

тѣмъ большее значеніе, что теорія народнаго суверенитета опирается на законъ числа,—la loi du nombre, по выраженію Эсмена. Современная доктрина предполагаетъ, что депутаты представляютъ большинство гражданъ, и на этомъ именно основываетъ ихъ право говорить отъ имени народа. Само собою разумѣется, что такое соотвѣтствіе не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ существуетъ система ценза, и право голоса является ограниченнымъ. Бисмаркъ вычислилъ какъ-то, что прусская палата представляетъ всего 13—15% имѣющихъ право голоса [1]). Этотъ незначительный процентъ не можетъ казаться удивительнымъ для Пруссіи, въ виду существующихъ въ ней ограниченій избирательнаго права. Но по истинѣ удивительный результатъ ожидаетъ насъ, если въ надеждѣ на торжество принципа большинства, мы обратимся къ дѣйствію системъ болѣе прогрессивныхъ. Въ Германской имперіи и во Французской республикѣ осуществлено всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Можно было бы думать, что представители, избираемые въ каждомъ округѣ большинствомъ голосовъ, будутъ имѣть при этой системѣ за себя и въ общей совокупности большинство гражданъ, имѣющихъ право голоса. На самомъ дѣлѣ оказывается, что общее количество голосовъ, подаваемыхъ за всѣхъ депутатовъ, обычно представляетъ собою не большинство, а меньшинство голосовъ всѣхъ правомочныхъ гражданъ А если принять во вниманіе, что рѣшенія представительнаго собранія постановляются не всѣми депутатами, а только большинствомъ ихъ и иногда весьма незначительнымъ, то на самомъ дѣлѣ мнѣніе народа опредѣляется депутатами, имѣющими за собою только часть того меньшин-

[1]) Въ рѣчи 29 января 1863 г. См. Brandenburg, Die parlamentarische Obstruction, ihre Geschichte und ihre Bedeutung. Dresden, 1904. S. 37.—Крайне низкій процентъ, вычисленный Бисмаркомъ, объясняется огромнымъ числомъ воздержавшихся отъ выборовъ и двустепенностью выборовъ. См. о количествѣ воздержаній на прусскихъ выборахъ для болѣе поздняго времени у Пиффероуна „Европейскія избирательныя системы“. Переводъ Ю. Стеклова Спб., 1905. Стр. 52—60, особ. 55.

ства гражданъ, чрезъ которыхъ они получили свои полномочія. Приведу здѣсь нѣкоторыя данныя относительно французскихъ выборовъ, которыя пояснятъ только что приведенное общее опредѣленіе.

	Число гражданъ имѣющихъ право голоса.	Общее число голосовъ, полученныхъ избранными депутатами.	Общее число голосовъ, оставшихся непредставленными.
1889.	10,387,330	4,526,086	5,861,244
1893.	10,443,378	4,512,550	5,930,828.

Говоря иначе, въ 1889 году избранные депутатами получили на выборахъ около 44% изъ общей суммы голосовъ всѣхъ избирателей, а въ 1893 году—около 43%. Приблизительно то же процентное отношеніе можно установить и относительно выборовъ другихъ лѣтъ: 49% на выборахъ 1877 года, 45% въ 1881 г., 43% въ 1885, 45% въ 1898, 49% въ 1902 г. [1]).

Приведенныя цифры показываютъ, что члены французской палаты обыкновенно получаютъ на выборахъ *менѣе половины* голосовъ, принадлежащихъ избирателямъ, внесеннымъ въ списки. Если же брать только депутатовъ, составляющихъ въ палатѣ рѣшающее большинство, то количество голосовъ, которое они имѣли за собою на выборахъ, еще болѣе уменьшится.—Однохарактерныя данныя можно привести также и относительно германскихъ выборовъ. Вмѣсто длиннаго ряда цифръ, я воспользуюсь здѣсь примѣрнымъ вычисленіемъ, которое дѣлаетъ проф. Бранденбургъ для рейхстага въ 1903 году. При участіи въ выборахъ 76-ти % избирателей депутаты могли получить едва ли болѣе 40—50% голосовъ, а большинство въ парламентѣ, если оно не очень значительно, представляетъ приблизительно 25—30% гражданъ, имѣющихъ право голоса.

Этотъ удивительный съ перваго взгляда результатъ

[1]) Приведенныя мною цифры взяты изъ статистическихъ таблицъ, которыя даетъ Бенуа въ приложеніи къ своему труду „La crise de l'Etat moderne", pp. 320—322. Процентное расчисленіе по отдѣльнымъ годамъ сдѣлано у Alfred Meyer, „La théorie des élections et la représentation proportionelle" въ „Revue générale des sciences pures et appliquées". 15 Février 1905, № 3.

является однако совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ условій, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто на выборахъ. Первымъ такимъ условіемъ, которое тѣмъ важнѣе, что оно повторяется при всѣхъ системахъ выборовъ, является весьма значительное число воздерживающихся отъ подачи голоса. Такъ, напримѣръ, во Франціи обычный процентъ воздержаній—около 30 [1]). Въ Германіи онъ ниже, но все-таки при необычайномъ интересѣ къ выборамъ въ 1907 г. онъ достигалъ $15{,}_3$, а въ предшествующіе годы (1898 и 1903) былъ значительно выше ($31{,}_9$ и $23{,}_9$). Но, кромѣ того, при такъ называемой мажоритарной системѣ, дѣйствующей въ большинствѣ современныхъ государствъ, число голосовъ, остающихся непредставленными, еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что депутаты берутся только изъ большинства. Слѣдующій схематическій случай можетъ служить разъясненіемъ этого положенія. Изъ 10.000 голосовъ подаются:

за кандидата партіи A—4000.
за кандидата партіи B—3500.
за кандидата партіи C—2500.

Избраннымъ считается кандидатъ, получившій 4000 голосовъ, тогда какъ 6000 голосовъ разбиваются между различными кандидатами, остаются непредставленными и утрачиваются, въ смыслѣ вліянія на выборы. Это ненормальное явленіе въ значительной мѣрѣ устраняется пропорціональной системой, которая устанавливаетъ и представительство меньшинства. Такого значительнаго количества непредставленныхъ избирателей, какое бываетъ при мажоритарной системѣ вслѣдствіе дробленія голосовъ, здѣсь быть не можетъ. Но все же и пропорціональная система не можетъ устранить утраты извѣстнаго количества голосовъ, ибо меньшинство, представительство котораго она допускаетъ,

---

[1]) См. для Франціи подробную таблицу у Benoist, „La crise de l'Etat moderne", въ приложеніяхъ. Для Германіи всѣ необходимыя данныя въ „Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs".

должно достигать извѣстныхъ предѣловъ [1]). Если сторонники этой системы горячо протестуютъ противъ современныхъ порядковъ, при которыхъ заглушается голосъ нарождающихся группъ, не имѣющихъ за себя большинства и остающихся за порогомъ парламента [2]), то это явленіе не устраняется вполнѣ и при выборахъ пропорціональныхъ. Согласно формулѣ бельгійскихъ реформистовъ, рѣчь идетъ здѣсь только о группахъ значительныхъ—„une représentation exacte de tous les groupes sérieux du corps électoral“ [3]). Представлять всѣ мнѣнія и всѣ оттѣнки мнѣній не входитъ въ задачи этой системы; цѣль ея состоитъ лишь въ томъ, чтобы внести извѣстныя исправленія въ существующія мажоритарныя системы. И не удивительно, если со стороны ревнителей строгой математической пропорціональности предложенные проекты встрѣчаютъ неизмѣнную критику и даютъ лишь поводъ къ новымъ исканіямъ въ этой области [4]). Но математическая точность здѣсь вообще не до-

[1]) Интересныя цифровыя данныя можно найти въ брошюрѣ г. Водовозова, „Пропорціональные выборы или представительство меньшинства“. СПБ. 1905 г.

[2]) См., напр., Rudolf Springer, „Mehrheits-oder Volksvertretung?“ Wien u. Leipzig, 1904, SS. 12—13, 51—52.

[3]) Эта формула (formule de l'association réformiste de Bruxelles) приводится у Saripolos, „La démocratie et l'election proportionelle“, p. 625.

[4]) И самыя прославленныя пропорціональныя системы, какъ, напримѣръ, система Виктора д'Ондта встрѣчаютъ возраженія именно съ той стороны, что онѣ даютъ преимущество болѣе сильнымъ группамъ и нарушаютъ принципъ уравнительной пропорціональности. См. критическія замѣчанія этого рода у Alfred Meyer, „Revue générale des sciences“ 28 Février 1905, № 4, у Текленбурга, „Пропорціональные выборы, какъ идея права“. Русск. пер. СПБ. 1907. Приложеніе; у La Chenais, „La représentation proportionelle et les partis politiques“. Paris 1904 и у него же въ отдѣльной статьѣ „Représentation et repartition proportionelles“ въ Revue Scientifique. 9 Fevrier 1907. № 6. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что и теперь появляются произведенія горячихъ поклонниковъ пропорціональныхъ системъ, и въ частности системы д'Ондта. Однимъ изъ этихъ поклонниковъ, г. Б. Велиховымъ, придуманъ даже особый приборъ — дондтомѣръ для автоматическаго распредѣленія депутатскихъ мѣстъ между партіями по системѣ д'Ондта (см Б. Велиховъ, Теорія и практика пропорціональнаго представительства. СПБ. 1907). Всѣ эти постоянно повторяющіеся опыты имѣютъ лишь относительное значеніе въ указанномъ выше смыслѣ частичнаго справленія недостатковъ мажоритарныхъ системъ.

стижима [1]), а желаніе правильно представить въ одномъ органѣ всѣ группы, даже и небольшія, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе уже въ самой природѣ рѣшающаго и дѣятельнаго органа, допускающаго лишь извѣстную численность своего состава, за предѣлами которой онъ можетъ стать совершенно неспособнымъ къ своей работѣ [2]).

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что количество воздержаній, которое вноситъ столь значительную несоразмѣрность въ правильность избирательныхъ соотношеній, при введеніи пропорціональной системы не уменьшается. Опытъ показываетъ, что послѣ ея введенія оно иногда даже увеличивается [3]).

При ближайшемъ изученіи числовыхъ соотношеній, раскрываемыхъ статистикой выборовъ, можно было бы еще болѣе убѣдиться въ томъ, сколь немыслимо въ этой области установленіе правильныхъ пропорцій. Твердо держась на почвѣ чиселъ, мы должны были бы признать, что каждый депутатъ долженъ представлять приблизительно такое же число голосовъ, какъ и всякій другой. Но и въ этомъ отношеніи наблюдается полная несоразмѣрность. Она зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ колебаній въ численномъ составѣ избирательныхъ округовъ и отъ колебаній въ количествѣ голосовъ, получаемыхъ отдѣльными депутатами. Численный составъ округовъ можетъ быть опредѣленъ въ законѣ лишь приблизительно и подлежитъ иногда быстрому измѣненію во времени [4]). Но если въ этомъ отношеніи ко-

[1]) Saripolos, o. c., p. 624.

[2]) Съ точки зрѣнія сохраненія дѣятельной роли парламента высказываются возраженія и вообще противъ пропорціональныхъ системъ (см. Saripolos, o. c. pp. 670—672). Эти возраженія становятся неизбѣжными и законными при доведеніи принципа пропорціонализма до крайности.

[3]) См. данныя, приводимыя у Водовозова, стр. 39.

[4]) Я не говорю уже здѣсь о злоупотребленіяхъ при распредѣленіи округовъ, о такъ назыв. Wahlgeometrie, о системѣ gerrymanderring, хотя достаточно извѣстно, насколько gerrymanderring, т.-е. произвольное распланированіе округовъ имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Америкѣ. По словамъ Брайса, къ этому почти всегда прибѣгаютъ въ отдѣльныхъ штатахъ, которымъ пре-

лебанія неизбѣжны, то еще болѣе неизбѣжными и естественными являются они во второмъ направленіи. Популярныя имена и партіи обыкновенно привлекаютъ значительно большее количество голосовъ, чѣмъ другія. Притомъ же въ извѣстныхъ округахъ, гдѣ можетъ быть выбранъ, напримѣръ, одинъ депутатъ, какъ разъ можетъ оказаться гораздо большее количество членовъ извѣстной партіи, чѣмъ сколько нужно для побѣды на выборахъ, и излишекъ голосовъ, скопившихся на извѣстномъ популярномъ имени, можетъ быть весьма значительнымъ. Все это не только создаетъ большую несоразмѣрность въ распредѣленіи голосовъ между отдѣльными избранниками народа, но имѣетъ еще и то послѣдствіе, что извѣстное количество голосовъ, въ избыткѣ скопляющихся на томъ или другомъ имени, въ сущности

доставлено опредѣленіе округовъ (Bryce, I, p. 124; русск. пер., I, стр. 135). Хорошо извѣстно также, насколько основательны жалобы на неправильное распредѣленіе округовъ въ Германіи. Примѣромъ поразительной разницы въ численности отдѣльныхъ округовъ можетъ служить слѣдующее сопоставленіе, приведенное у Пифферуна. При выборахъ въ рейхстагъ въ 1898 г. одинъ депутатъ приходился на

	Число жителей.	Число избирателей.
Въ среднемъ	131.685	28 819
Шаумбургъ-Липпе	41.224	8.947
Округъ Шлетштадтъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи)	69.135	15.178
Въ Берлинѣ былъ округъ, въ которомъ	586.926	156.230

Такимъ образомъ, указанный берлинскій округъ въ 1898 г. болѣе чѣмъ въ пять разъ превышалъ среднюю численность германскихъ округовъ по составу избирателей и болѣе чѣмъ въ 15 разъ—округъ Шаумбургъ-Липпе (см. „Европейскія избирательныя системы“, стр. 156). Данныя Пифферуна относятся къ 1898 г. На послѣдующихъ выборахъ (1903 и 1907 гг.) приведенныя цифры возросли, но отношеніе между ними осталось приблизительно то же. См. необходимыя цифровыя данныя въ офиціальномъ изданіи „Vierteljahrsheft zur Statistik des Deutschen Reichs“.—„Statistik der Reichstagswahlen von 1903. Berlin, 1903; Statistik der Reichstagswahlen von 1907“. Berlin, 1907.—Аналогичныя данныя можно привести относительно Франціи (см интересныя сопоставленія у Alfred Meyer, въ указанной выше статьѣ въ „Revue générale des sciences“) и относительно Англіи (см. издающійся въ Лондонѣ съ 1885 г. ежегодникъ „The Constitutional Year Boock“).

теряется. О нихъ можно сказать, что они могли бы быть и не поданы.

Вообще говоря, малѣйшее углубленіе въ поучительныя данныя избирательной статистики, вмѣсто ожидаемаго торжества принципа большинства и закона численныхъ соотношеній, раскрываетъ намъ самыя неожиданныя несоразмѣрности, всего менѣе подтверждающія мысль Мирабо о томъ, что представительство для народа то же, что географическая карта для страны. Конечно, въ этихъ несоразмѣрностяхъ много случайнаго, и при извѣстныхъ условіяхъ ихъ можно преодолѣть; но есть обстоятельства, которыхъ нельзя избѣжать ни при какихъ усиліяхъ въ области улучшенія избирательныхъ системъ. Какъ мы видѣли, на выборахъ голоса утрачиваютъ свое значеніе въ трехъ случаяхъ: когда они остаются не поданными, когда они скопляются на извѣстномъ кандидатѣ свыше извѣстной нормы и, наконецъ, когда они не достигаютъ этой нормы, необходимой для проведенія намѣченныхъ лицъ въ депутаты. Два послѣднія явленія въ извѣстной мѣрѣ могутъ быть исправлены при дѣйствіи пропорціональнаго представительства, но они не могутъ быть устранены совершенно. Что касается избирательнаго абсентеизма, то его и вовсе невозможно избѣгнуть, какъ нельзя избѣгнуть и того, что рѣшающее въ палатѣ большинство всегда имѣетъ за себя—по числу поданныхъ за него на выборахъ голосовъ—лишь меньшинство избирателей, и притомъ иногда очень незначительное меньшинство.

Для того, кто придаетъ въ этой области значеніе числамъ, указанныя вычисленія должны явиться источникомъ очень серьезныхъ сомнѣній. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ во имя того же „закона числа“ постоянно возобновляются попытки найти систему дѣйствительно пропорціональную. Такихъ системъ насчитывается уже не менѣе 150 [1]), и самое это обиліе предложенныхъ системъ говоритъ о крайней трудности задачи, которую онѣ берутся разрѣ-

[1]) См. Водовозова, стр. 19.

шить. Какъ бы ни были однако различны начала, при помощи которыхъ стремятся установить болѣе справедливую систему выборовъ, въ одномъ, повидимому, всѣ сходятся— въ стремленіи все болѣе расширять кругъ избирателей. Это, быть можетъ, единственный пунктъ, гдѣ принципъ числа дѣйствительно торжествуетъ. Но какъ бы широко ни раздвигались рамки избирательныхъ коллегій, само по себѣ это, конечно, нисколько не можетъ исправить тѣхъ несоразмѣрностей, которыя присущи каждой избирательной системѣ.

Но можно разсуждать и иначе. Можно считать односторонностью примѣнять къ сложной и тонкой задачѣ представительства грубую мѣрку ариѳметическаго подсчета. Отсутствіе на выборахъ не означаетъ ли согласія съ господствующимъ теченіемъ и спокойствія за общее теченіе дѣлъ? Меньшинство голосовъ, поданное за депутатовъ, не есть ли только кажущееся, и, помимо поданныхъ голосовъ, избранники народа не имѣли ли за себя еще и массы другихъ голосовъ, не поданныхъ, но горячо сочувствующихъ? Все это, конечно, возможно, но нельзя не сказать, что съ этими предположеніями мы вступаемъ уже въ область гаданій, совершенно не поддающихся научному анализу. Отсутствіе на выборахъ можетъ проистекать изъ самыхъ различныхъ причинъ, между прочимъ и изъ желанія осудить данную систему. О неподанныхъ голосахъ вообще можно предполагать, что угодно.

Однако, самая возможность такихъ предположеній показываетъ, что здѣсь дѣйствительно нельзя ограничиться только количественной стороной дѣла. Для полнаго освѣщенія предмета надо вспомнить и тотъ другой качественный анализъ, о которомъ мы говорили выше. Переходя къ этой сторонѣ предмета, мы встрѣчаемся здѣсь съ слѣдующимъ основнымъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ воля избирателей можетъ быть представлена ихъ избранниками? При изслѣдованіи этого вопроса мы невольно вспоминаемъ прежде всего классическое изреченіе Руссо: „воля не можетъ быть пред-

ставлена: она или та же самая, или иная; тутъ нѣтъ середины". Сколько разъ послѣдователи Руссо совершенно обходили это положеніе или отвѣчали на него страннымъ непониманіемъ, вродѣ того, которое мы встрѣчаемъ напримѣръ, у Эсмена; а въ наши дни первоклассный ученый Германіи, Іеллинекъ, изучивъ исторію исканій лучшаго представительства, заявляетъ: „Руссо совершенно правъ, нельзя желать за другого, столь же мало, прибавимъ мы отъ себя, какъ нельзя за другого ѣсть или пить" [1]). Какія же данныя заставляютъ придти къ этому признанію, столь же неожиданному, сколько безотрадному для теоріи общей воли. Для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, мы должны опять прослѣдить процессъ представленія депутатами воли избирателей, но уже не съ количественной, а съ качественной стороны.

Уже съ первыхъ шаговъ—съ избранія депутата извѣстной группой избирателей—мы наталкиваемся на сомнѣніе, чью именно волю и какимъ образомъ представляетъ избранный депутатъ. Сплошь и рядомъ настоящіе члены партій составляютъ лишь меньшинство, и рѣшающее значеніе на исходъ голосованія оказываютъ тѣ безпартійные элементы, которые, примыкая къ извѣстнымъ партійнымъ группамъ, своимъ сочувствіемъ доставляютъ имъ побѣду. Партійная программа, конечно, въ общемъ указываетъ принципы, которые восторжествовали на выборахъ. Но значитъ ли, что эти принципы полностью раздѣлялись всѣми, кто голосовалъ за партійнаго кандидата? Подача голоса за извѣстное лицо говоритъ только одно: я согласенъ на избраніе даннаго лица. Въ какой мѣрѣ я одобряю также всю его программу, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Нерѣдко рѣшающее значеніе на выборы оказываетъ случайное настроеніе избирателей. „На каждыхъ выборахъ, замѣчаетъ Іеллинекъ, бываетъ безчисленное количество лицъ (Unge-

---

[1]) Іеллинекъ, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія". Переводъ подъ ред. Б А. Кистяковскаго. СПБ. 1907. Стр. 73.

zahlte), которые проявляютъ свое, можетъ быть, преходящее недовольство въ томъ, что они голосуютъ за кандидатовъ оппозиціонныхъ партій, нисколько не думая одобрять ихъ программу въ цѣломъ“ [1]). Опредѣлить тѣ мотивы, которые побуждаютъ отдѣльныхъ избирателей подавать голосъ за извѣстныхъ кандидатовъ, невозможно уже потому, что эти мотивы остаются невысказанными, и потому каждое голосованіе, съ своей внутренней стороны, является въ сущности тайной и загадкой. Какъ часто и предварительныя наблюденія до выборовъ, и внѣшній видъ голосующихъ во время выборовъ обманывали тѣхъ, кто хотѣлъ напередъ опредѣлить возможные результаты голосованія. Нѣтъ сомнѣнія, что могущественныя теченія народной жизни, и въ особенности теченія оппозиціонныя, подобно стихіи, пробиваютъ себѣ путь, несмотря на всѣ преграды. Но въ распредѣленіи оппозиціонныхъ голосовъ около отдѣльныхъ партійныхъ оттѣнковъ и программъ всюду много случайнаго,— тутъ играетъ бо́льшую роль настроеніе, чѣмъ убѣжденіе.

Но если невозможно съ точностью опредѣлить, какія именно желанія и мысли избиратели хотѣли передать избранному ими представителю, то столь же невозможно утверждать, чтобы этотъ послѣдній, если бы онъ узналъ эти мысли и желанія, могъ сохранить ихъ въ неприкосновенной вѣрности. Прежде всего, среди самихъ избирателей, даже близкихъ по настроенію, могутъ быть частныя различія и противорѣчія, которыя исключаютъ другъ друга. Къ тому же представитель всегда избирается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а между тѣмъ съ теченіемъ времени настроеніе избирателей измѣняется. Общеніе съ избирателями можетъ обезпечить депутату возможность своевременно узнавать о перемѣнахъ, происходящихъ среди нихъ. Но никакія усилія воли и мысли не помогутъ ему до такой степени проникнуться желаніями избирателей, чтобы всегда мысленно читать въ ихъ душахъ и, повинуясь ихъ

---

[1]) Jellinek, Das Pluralwahlrecht und seine Wirkungen. Dresden, 1905, S. 7.

властнымъ опредѣленіямъ, быть отзвукомъ и эхомъ голоса народа. Какъ бы ни былъ онъ одушевленъ горячимъ стремленіемъ выражать этотъ голосъ, въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ почерпнуть изъ него лишь общія указанія,—указанія конечныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ политическія задачи, къ которымъ призывается представитель, требуютъ прежде всего конкретныхъ и практическихъ мѣръ. Первые русскіе представители были проникнуты убѣжденіемъ, что народъ, ихъ избравшій, ожидаетъ „земли и воли“; но этотъ общій лозунгъ допускаетъ цѣлый рядъ различныхъ конкретныхъ рѣшеній, которыя могутъ находиться между собою не только въ разногласіи, но и во враждебномъ антагонизмѣ. А между тѣмъ при установленіи этихъ конкретныхъ рѣшеній „голосъ народный“ не давалъ никакихъ опредѣленныхъ указаній: тутъ требовались обширныя спеціальныя познанія и детальная разработка практическихъ мѣръ; но ни то, ни другое не можетъ явиться принадлежностью коллективнаго сознанія большихъ общественныхъ группъ. Независимо отъ этого, въ самомъ положеніи представителей и въ ихъ отношеніи къ избирателямъ есть также особыя условія, въ силу которыхъ опредѣленіе конкретныхъ практическихъ мѣръ лишь въ весьма слабой степени зависитъ отъ избирателей. У Брайса мы находимъ по этому поводу интересное и характерное разъясненіе, относящееся къ сѣверо-американской республикѣ: „когда гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ опускаетъ въ ящикъ свой избирательный бюллетень, онъ сознаетъ, что поддерживаетъ не совсѣмъ опредѣленныя, общія политическія воззрѣнія, изложенныя въ программѣ его партіи, но рѣдко сознаетъ, что поддерживаетъ какую-нибудь ясно опредѣленную политическую мѣру. Онъ подаетъ свой голосъ за политическую партію, но ему неизвѣстно, какъ будетъ дѣйствовать эта партія; онъ подаетъ свой голосъ за того или другого кандидата, но этотъ кандидатъ, быть можетъ, никогда не найдетъ удобнаго случая, чтобы предложить тѣ законодательныя мѣры, которыми всего болѣе интересуются его избира-

тели“ [1]). Наблюденіе Брайса имѣетъ, конечно, не только мѣстное, но также и общее значеніе.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, насколько правъ Іеллинекъ, утверждая, что „проблема правильнаго, справедливаго избирательнаго права абсолютно неразрѣшима“ [2]). Какъ бы ни совершенствовались системы и пріемы выборовъ, никогда нельзя будетъ преодолѣть тѣхъ естественныхъ препятствій, которыя вытекаютъ изъ невозможности передать волю избирателей депутату.

Ясно также, насколько несбыточна мечта найти форму представительства, при которой воля народа получалась бы въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ и различій, которые ей свойственны въ дѣйствительности. Начиная отъ Мирабо и до Лоримера, Прево-Парадоля и иныхъ новѣйшихъ писателей, не перестаютъ появляться взгляды, разсматривающіе представительство, по крайней мѣрѣ идеальное, какъ „географическую карту“, „зеркало“, „фотографію“ народа [3]). Эти оптимистическіе взгляды нерѣдко принимаютъ характеръ прекрасныхъ мечтаній и выражаются даже въ наши дни въ формѣ самыхъ преувеличенныхъ надеждъ. Примѣромъ такого мечтательнаго оптимизма можетъ служить слѣдующее опредѣленіе „реальнаго представительства“, принадлежащее одному русскому писателю: „Реальное представительство можетъ и должно дать отраженіе страны со всѣми красками ея общественной жизни, со всей полнотой и энергіей ея проявленій, перекрещивающихся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Живая, непосредственная дѣйствительность страны, постоянное неумолкаемое біеніе пульса ея силъ должны чувствоваться въ каждомъ актѣ ея

---

[1]) Bryce, I, p. 304, русск. пер. I ч., стр. 335

[2]) Іеллинекъ, Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія, стр. 74, перев. подъ редакц. Б. А. Кистяковскаго.

[3]) Lorimer „Constitutionalism of the future, or Parliament the mirror of the nation“. Edinbourg, 1865.—Prévost-Paradol, La France nouvelle, 3-me édition Paris, 1868.—См. многочисленныя ссылки по этому вопросу у Saripolos, „La democratie et l'élection proportionelle“ pp. 527 et. suiv.

представительнаго органа“ [1]). Зрѣлый опытъ говоритъ, однако, что этотъ прекрасный замыселъ неосуществимъ. Какъ отразить въ общемъ снимкѣ различныя группы народа, какъ оцѣнить и взвѣсить ихъ сравнительное значеніе и, наконецъ, какъ уловить все, что есть въ жизни, всѣ ея краски, всѣ творческія проявленія? Какъ уловить то, что менѣе замѣтно, менѣе бросается въ глаза и менѣе громко заявляетъ о себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ среди творческихъ проявленій народнаго духа таитъ въ себѣ величайшія цѣнности? И какъ измѣрить всѣ эти качества, тонкія, неуловимыя, сложныя абстрактнымъ языкомъ цифръ, единственно доступнымъ для избирательныхъ системъ? Не стоимъ ли мы здѣсь на границѣ политическаго искусства, на границѣ возможнаго и достижимаго? [2])

Поставивъ своей цѣлью прослѣдить процессъ представленія депутатами воли избирателей, мы не можемъ оставить безъ вниманія и еще одного момента въ этомъ процессѣ, и именно заключительнаго. Я говорю о постановленіи рѣшеній общимъ собраніемъ представителей. Мы видѣли, сколь мало оказывается возможнымъ, чтобы представительство отражало съ точностью всю жизнь народную своимъ составомъ; но еще менѣе возможно, чтобы оно точно отражало ее въ своихъ рѣшеніяхъ. Для того, чтобы

---

[1]) См. статью г. Мацѣевича, „Объ основахъ земскаго представительства“ въ сборникѣ статей, составленныхъ по порученію Саратовскаго губернскаго земства, подъ заглавіемъ „Всеобщее избирательное право“. Саратовъ, 1905, стр. 80.

[2]) „Das scheitert schon daran,—хорошо говоритъ по этому поводу Іеллинекъ, dass Intensitaten nicht durch Extensitaten, geistige und sittliche Krafte nicht durch trockene Ziffern gemessen werden konnen. Alle Organisation des Wahlrechts ist aber darauf angewiesen, seine Resultate in Zahlen zu berechnen und darzustellen“ (Das Pluralwahlrecht, S. 10). Ср. также удачное замѣчаніе Benoist: „La représentation proportionelle... n'est que la représentation proportionelle *des opinions*. Des opinions, c'est à dire de ce qu'il y a de plus mobile, de plus fuyant, de plus insaisissable, de plus irréductible à un petit nombre de catégories, de ce qui peut le moins être fixé, inventorié, compté et classe“ („La crise de l'Etat moderne“. Paris, 1897, p. 150). Ср. указываемыя имъ ссылки на Courcelle-Seneuil, „La société moderne“ и „Préparation à l'étude du droit“.

достигнуть такого отраженія, надо было бы предположить, что всѣ оттѣнки и различія мнѣній способны были бы войти въ общее рѣшеніе и, получивъ въ немъ должное признаніе, составить стройный и гармоническій итогъ отдѣльныхъ положеній. То ли мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ? Рѣшенія представительныхъ собраній, какъ это слишкомъ хорошо извѣстно, возникаютъ не изъ мирнаго сочетанія отдѣльныхъ мнѣній въ общій итогъ,—они являются результатомъ состязанія и борьбы различныхъ направленій. Изъ этого процесса состязанія и борьбы рождается нѣчто новое, нѣкоторый синтезъ различій, и притомъ такой синтезъ, въ которомъ эти различія утрачиваютъ нерѣдко свой особенный, первоначально свойственный имъ характеръ. Входя въ компромиссъ съ противоположными имъ теченіями, они доносятъ до общаго рѣшенія лишь часть своего первоначальнаго содержанія, и далеко не всегда ту часть, которая принадлежала имъ по преимуществу. Руссо предполагалъ, что такимъ путемъ различія уравновѣшиваются; получается то общее, что всѣмъ имъ присуще одинаково, какъ нѣкоторый постоянный ихъ элементъ. На самомъ дѣлѣ общее рѣшеніе слагается одинаково какъ изъ общихъ элементовъ, такъ и изъ частныхъ различій, въ зависимости отъ сравнительнаго вѣса и значенія сталкивающихся мнѣній. Могутъ, конечно, сказать, что тотъ результатъ, который получается такимъ образомъ, и есть настоящая народная воля. Но это будетъ народная воля не отраженная, а созданная, и во всякомъ случаѣ созданная не изъ всѣхъ элементовъ народной жизни, а лишь изъ тѣхъ, которые были съ достаточнымъ вѣсомъ представлены въ собраніи. Это не будетъ ни копія, ни зеркальное отраженіе народныхъ желаній, а только временный компромиссъ, въ который вошли желанія, заявлявшія о себѣ съ большей энергіей, и притомъ вошли не въ подлинномъ своемъ видѣ, а въ урѣзанномъ, согласно общему смыслу компромисса, который проистекаетъ изъ частичныхъ уступокъ и самоограниченій. „Отнимите плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и

въ результатѣ получится общая воля", говорилъ Руссо. На самомъ дѣлѣ, плюсы и минусы въ данной области не уничтожаются, а борются между собою, для того чтобы силою своего заявленія отвоевать себѣ мѣсто въ общемъ итогѣ. А то общее, которое получается въ результатѣ, вмѣсто того чтобы быть одинаково для всѣхъ дорогимъ и общимъ, на самомъ дѣлѣ для каждаго заключаетъ нѣчто, съ чѣмъ приходится мириться; но, какъ разъяснено выше, помимо общаго тутъ всегда есть и особенное, внесенное сторонами вошедшими въ компромиссъ [1]).

Предшествующія разъясненія могли бы быть выражены и въ иныхъ опредѣленіяхъ, берущихъ тотъ же самый вопросъ съ другой стороны. Если рѣшенія, которыя создаются въ представительныхъ собраніяхъ, не могутъ давать гармоническаго примиренія и общаго удовлетворенія всѣхъ, то это зависитъ не только отъ характера и смысла объединяющаго рѣшенія, въ которомъ объединеніе достигается вынужденнымъ взаимоограниченіемъ объединяемыхъ различій. Это объясняется также природой этихъ различій, которыя нерѣдко сталкиваются между собою въ рѣзкомъ разнорѣчіи. Никакое искусство синтеза и никакое желаніе

---

[1]) Мнѣ пришлось встрѣтить недавно своего рода современное воспроизведеніе формулы Руссо: ôtez de ces mêmes volontés les plus et les moins qui s'entre-détruisent, reste pour somme des différences la volonté générale". Руссо полагалъ, что получаемая такимъ образомъ общая воля есть священный и непререкаемый для всѣхъ законъ, въ которомъ всѣ находятъ то, чего они хотѣли („если бы одержало верхъ мое частное мнѣніе, я сдѣлалъ бы не то, чего хотѣлъ". L. IV, ch. II). Современный писатель, далекій отъ того, чтобы сознательно видоизмѣнять старую формулу „Общественнаго договора", по невольному совпаденію мысли повторяетъ расчисленіе относительно плюсовъ и минусовъ, но согласно скептическому характеру вѣка, приходитъ къ результатамъ менѣе удовлетворительнымъ: „Faire une majorite, c'est prendre la moyenne de toutes les opinions favorables à la réforme et s'en tenir soigneusement à cette moyenne, qui est pour les uns en deça, pour les autres au dela du point qu'eux mêmes auraient choisi. C'est assez dire, que personne ne sera tout à fait content. Tout le monde se réjouira de la victoire, mais elle aura coûté un sacrifice à chacun. Une victoire parlementaire, plus de neuf fois sur dix, est une transaction". Ferdinand Buisson, La morale professionelle.—L'Homme politique—въ журн. La revue du Mois. 10 Mars, 1907. № 15. P. 288.

примиренія не согласитъ того, что несогласно по существу. Современныя государства вмѣщаютъ въ свои предѣлы рѣзко различныя группы населенія, иногда обособленныя вѣками предшествующей исторіи и лишь внѣшне объединенныя подъ скипетромъ государственной власти. Желанная гармонія старыхъ временъ является для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Какое же рѣшеніе представительства можетъ примирить эти рѣзкія противорѣчія? О какомъ единствѣ народной воли можетъ здѣсь итти рѣчь? Всякое единое рѣшеніе оставитъ неудовлетворенной одну или нѣсколько парламентскихъ группъ.

Что эти соображенія имѣютъ далеко не чисто-академическій интересъ, вытекающій изъ теоретическаго анализа вопроса, доказательствомъ тому служитъ насущная практическая потребность, ярко обнаруживающаяся въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ,—найти выходъ изъ невозможности обнять извѣстныя противорѣчія въ общемъ рѣшеніи представительнаго собранія. Такъ, достаточно вспомнить національныя противорѣчія въ Австріи, которыя обнаруживаются съ тѣмъ большей силой, что для свободнаго состязанія ихъ здѣсь открытъ извѣстный просторъ. Не кто иной какъ близкій знатокъ австрійскихъ порядковъ Іеллинекъ утверждалъ недавно, что антагонизмъ между славянскимъ и нѣмецкимъ элементами, потрясающій безпрестанно государственную жизнь Австріи, требуетъ особой формы голосованій въ представительномъ собраніи, при которомъ въ извѣстныхъ вопросахъ голоса подавались бы по національнымъ куріямъ, такъ что въ цѣломъ собраніе не могло бы принять по нимъ рѣшенія простымъ большинствомъ, въ ущербъ несогласному меньшинству. Въ этомъ возстановленіи стариннаго порядка германскаго рейхстага Іеллинекъ видитъ единственный выходъ изъ затрудненія [1]). И дѣйствительно, сама собою возникаетъ мысль,

[1]) Для поясненія упомянутаго въ текстѣ порядка скажу, что онъ сопровождался отмѣной для извѣстныхъ вопросовъ обычнаго способа совѣщаній и установленіемъ особаго совѣщанія по куріямъ. „Господство при помощи

что въ случаѣ невозможности найти разрѣшеніе данныхъ противорѣчій приходится прибѣгнуть къ ихъ разводу и испробовать то itio in partes, которое практиковалось рейхстагомъ въ Германіи въ тяжелую пору религіозныхъ столкновеній послѣ тридцатилѣтней войны. Насколько это средство окажется практичнымъ и совмѣстимымъ съ государственнымъ единствомъ извѣстныхъ политическихъ союзовъ,— это не можетъ войти въ кругъ нашего разсмотрѣнія [1]). Наша задача состояла лишь въ томъ, чтобы указать практическую важность произведеннаго анализа.

Только что высказанныя замѣчанія приводятъ насъ и еще къ одному важному пункту, который не долженъ быть упущенъ изъ виду при анализѣ характера парламентскихъ рѣшеній. Требованіе развода противорѣчій возникаетъ тогда, когда объединяющее рѣшеніе парламентскаго большинства угрожаетъ въ парламентѣ какому-либо цѣнному интересу меньшинства. Возможность такого „майоризированія“ меньшинства, какъ бы это послѣднее ни было блестяще представлено, лишній разъ подтверждаетъ, что ясно, впрочемъ, и съ перваго взгляда,—что представительство меньшинства само по себѣ еще не обезпечиваетъ его въ парламентѣ противъ преобладающаго голоса большинства. Нѣкоторые изъ болѣе страстныхъ поклонниковъ пропорціональнаго представительства питаютъ увѣренность, что все будетъ достигнуто, если будетъ осуществлена возможность для

большинства становилось при этомъ порядкѣ невозможнымъ, дѣла рѣшались посредствомъ amicabilis compositio между двумя религіозными партіями; и если одна изъ партій объявляла какой-либо вопросъ, хотя бы и не стоящій въ связи съ религіей, дѣломъ корпораціи, то рейхстагъ раздѣлялся на Corpus Catholicorum и Corpus Evangelicorum. При подобномъ itio in partes голосованіе производилось по вѣроисповѣднымъ куріямъ, вслѣдствіе чего болѣе малочисленные голоса протестантовъ получали такой же вѣсъ, какъ и голоса католиковъ“. Это itio in partes встрѣчается также въ оригинальномъ воспроизведеніи у Гладстона въ его проектѣ ирландскаго парламента (1886 г.) См. Jellinek, „Das Recht der Minoritäten“, S. 29 и Note 45.

[1]) Я упоминаю здѣсь объ этомъ потому, что въ литературѣ проектъ Іеллинека встрѣтилъ возраженія именно съ точки зрѣнія государственнаго единства. См. Brandenburg, Die parlamentarische Obstruktion. Note 26, S. 46.

группъ, остающихся въ меньшинствѣ, посылать своихъ представителей въ палату. Но не говоря уже о ранѣе указанныхъ затрудненіяхъ для полнаго осуществленія этой идеи, слѣдуетъ сказать, что она беретъ въ процессѣ представленія общественнаго мнѣнія только его начало и забываетъ конецъ. Тутъ отражается спеціальная психологическая особенность избирательныхъ коллегій, которыя обычно возлагаютъ на своихъ избранниковъ всю совокупность своихъ ожиданій и надеждъ. Послать *своего представителя*, защитника своихъ нуждъ и желаній—вотъ что самое главное, съ точки зрѣнія этой избирательной психологіи, которую раздѣляютъ и нѣкоторые искатели лучшихъ избирательныхъ системъ. Но для объективнаго взгляда ясно, что самое главное—впереди, въ условіяхъ дѣятельности представительнаго собранія, и здѣсь-то наилучшее обезпеченіе меньшинства при помощи избирательныхъ правъ можетъ оказаться совершенно недостаточнымъ, при постановленіи общихъ рѣшеній. Іеллинекъ вдвойнѣ правъ, когда онъ говоритъ, что „неизбѣжно всегда будетъ существовать противорѣчіе между юридической волей народа, выражаемой на основаніи конституціи представительствомъ, и волею массы разнообразныхъ народныхъ группъ, большая часть которыхъ никогда, ни по какой системѣ не можетъ получить представительства“ [1]). Какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, это зависитъ не только отъ недостатковъ избирательныхъ системъ, но также и отъ условій дѣятельности представительныхъ собраній, какъ коллегіальныхъ учрежденій, руководствующихся въ своихъ рѣшеніяхъ принципомъ большинства.

Мы не кончили еще однако нашего анализа процесса представительства народной воли. Изучая этотъ процессъ, мы оставляли до сихъ поръ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отдѣльные члены палатъ дѣйствительно самостоятельны и равны между собою по значенію и

---

[1]) Іеллинекъ, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“ ст. 75.

вѣсу для общаго направленія законодательной дѣятельности страны. Между тѣмъ, независимо отъ естественнаго различія въ способностяхъ и знаніяхъ, которое разумѣется само собою, есть еще особыя условія въ дѣятельности представительныхъ собраній, которыя изъ совокупности всѣхъ представителей выдѣляютъ нѣкоторыхъ и притомъ немногихъ, чтобы поставить ихъ во главѣ всего представительнаго собранія и надѣлить ихъ первенствующимъ значеніемъ и огромной властью. Юридическая теорія представительства предполагаетъ, что каждый депутатъ свободно и самостоятельно — „librement, arbitrairement“, по выраженію Эсмена—говоритъ отъ имени народа, въ полной независимости отъ связывающихъ его волю ограниченій. Однако на практикѣ отношенія складываются иначе. Прежде всего, какъ мы уже знаемъ, при развитіи партійныхъ организацій депутаты являются не только избранниками народа, но и ставленниками своихъ партій и тамъ, гдѣ дисциплина партій, какъ въ Англіи и Америкѣ, получаетъ значеніе строгой подчиненности партійнымъ комитетамъ и ихъ вождямъ [1]), руководство парламентскими группами фактически находится въ рукахъ немногихъ партійныхъ политиковъ. Сравнительно съ другими членами партій и парламентскихъ группъ, этимъ руководящимъ политикамъ по преимуществу принадлежитъ участіе въ опредѣленіи общаго направленія политическихъ дѣлъ. Но помимо условій партійной жизни, есть и другія причины, способствующія сосредоточенію власти законодательныхъ собраній въ немногихъ рукахъ. По мѣрѣ того какъ всюду усложняются жизненныя отношенія, и къ законодательству предъявляются все бо̀льшія и болѣе необъятныя задачи. Не всегда эти задачи вырастаютъ въ глубину и выигрываютъ въ интересѣ, но всегда онѣ становятся съ теченіемъ времени многочисленнѣе и разнообразнѣе. Между тѣмъ многолюдныя собранія народныхъ представителей, уже въ силу своей много-

[1]) См. у Ostrogorsky, op. cit I, pp. 486, 494, 508; II, pp. 171, 369.

людности, неизбѣжно испытываютъ затрудненія въ быстромъ выполненіи своихъ задачъ. Естественнымъ ходомъ вещей они вынуждаются къ тому, чтобы довѣрять подготовительную работу нѣкоторымъ комиссіямъ или комитетамъ (какъ они называются въ Америкѣ). Но въ этой области подготовлять нерѣдко значитъ предопредѣлять, и если задача такого подготовленія вручается коллегіи, пользующейся, независимо отъ этого, преимущественнымъ положеніемъ и надѣленной особыми правами, на долю этой коллегіи выпадаетъ исключительная власть, почти поглощающая власть законодательнаго собранія. Внимательные политическіе наблюдатели уже давно отмѣтили тотъ фактъ, что въ Англіи, классической странѣ парламентаризма, совершается любопытная эволюція, въ смыслѣ перехода руководящей власти отъ парламента къ кабинету министровъ. Это явленіе, подробное описаніе котораго, въ связи съ общей характеристикой фактической конституціи современной Англіи, составляетъ заслугу Сиднея Лоу [1]), было въ общихъ чертахъ намѣчено еще Дайси и Брайсомъ. Въ прибавленіяхъ къ новому изданію своего извѣстнаго труда по англійскому государственному праву Дайси предсказывалъ, что кабинетъ можетъ въ ближайшемъ будущемъ превратиться „изъ парламентской въ непарламентскую исполнительную власть“ и находилъ, что уже въ настоящее время общіе выборы являются избраніемъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля на должность перваго министра [2]). Этотъ послѣдній фактъ, ставящій перваго министра въ бо̀льшую зависимость отъ избирателей, чѣмъ отъ парламента, отмѣчается и въ сочиненіи Брайса объ американской республикѣ, вышедшемъ

---

[1]) Въ книгѣ, появившейся въ 1904 году подъ заглавіемъ „The Governance of England“.

[2]) Дайси, „Основы государственнаго права Англіи“. Русск. пер. съ шестого англійскаго изданія (1902 г.). М. 1907. Прибавленіе III, стр. 502 и слѣд., особенно 508.—О создавшейся непосредственной связи кабинета съ народомъ еще ранѣе этого говорилъ Anson въ The law and custom of the Constitution. Oxford, 1892. Ср. ссылку у Іеллинека, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“, р. пер. стр. 60, прим. 2.

въ 1888 году. Этотъ выдающійся знатокъ политическихъ отношеній обратилъ вниманіе на то, что еще на выборахъ въ 1868 г., равно какъ и на послѣдующихъ выборахъ 1874 и 1880 гг. въ сущности происходило народное голосованіе по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ поставить во главѣ управленія—Гладстона или Дизраэли [1]). Брайсъ указывалъ также на возросшее значеніе министерства, которое, въ силу своего положенія и авторитета, можетъ противиться волѣ парламента и нерѣдко не только сдерживать его безсознательныя стремленія, но и противодѣйствовать его зрѣло обдуманнымъ намѣреніямъ [2]). Объемъ власти кабинета Брайсъ уже тогда характеризовалъ слѣдующимъ образомъ „Теперешняя исполнительная власть, т.-е. теперешнее министерство пользуется нѣкоторыми преимуществами, которыя громадны не въ силу закона, а на практикѣ. Оно имѣетъ право инициативы во всѣхъ сферахъ законодательной дѣятельности и исключительное право инициативы въ финансовомъ законодательствѣ. Оно состоитъ изъ небольшого числа лицъ, представляющихъ хорошо организованное цѣлое, а дѣйствовать ему приходится въ средѣ собранія и гораздо болѣе многолюднаго и хуже организованнаго (т.-е. двухъ палатъ), которое, стало быть, ему не трудно подчинить своему вліянію. Оно можетъ раздавать и церковныя, и гражданскія должности, и хотя оно должно пользоваться этимъ правомъ осмотрительно, такъ чтобы не возбуждать неудовольствія въ палатѣ общинъ, все-таки оно пользуется въ этомъ отношеніи широкимъ просторомъ. Въ то время, какъ открыта парламентская сессія, оно располагаетъ почти всѣмъ, а иногда (какъ, напримѣръ, въ 1887 г.) и всѣмъ временемъ, посвящаемымъ палатой общинъ на ея засѣданія, и стало быть можетъ подвергать обсужденію тѣ мѣры, которыя оно желаетъ, и можетъ не давать ходу тѣмъ предложеніямъ, которыя ему не нравятся. Въ теченіе тѣхъ пяти

---

[1]) Bryce, I, p. 74; русск. пер. I, стр. 77.

[2]) Ibid. pp, 218—219; русск. пер., стр 244—245.

слишкомъ мѣсяцевъ, во время которыхъ парламентъ не засѣдаетъ и стало быть требованія государственнаго управленія могли бы оставаться безъ удовлетворенія, министерство иногда принимаетъ важныя мѣры подъ своей собственной отвѣтственностью". Брайсъ заканчиваетъ свою характеристику англійской системы сближеніемъ ея съ двумя конституціями, прусской и обще-германской, которымъ, какъ извѣстно, англійская конституція противопоставляется обыкновенно въ качествѣ полной противоположности.

Замѣчательная характеристика Брайса, разрывавшая съ традиціоннымъ взглядомъ на англійскую конституцію, въ свое время не обратила на себя вниманія. И только теперь, благодаря книгѣ Сиднея Лоу и, можетъ быть, еще болѣе благодаря широкому распространенію ея основныхъ положеній въ брошюрѣ Іеллинека, всегда умѣющаго рельефно выдвинуть и подчеркнуть новые взгляды, совершившаяся перемѣна въ англійской конституціи получаетъ общее признаніе[1]). Въ то время, какъ въ самой палатѣ общинъ уже раздавались жалобы на то, что она скорѣе походитъ на органъ, регистрирующій декреты правительства, чѣмъ на законодательное собраніе, въ принятыхъ руководствахъ и учебникахъ все еще воспроизводилось ученіе о всемогуществѣ парламента. Повторялось и знаменитое изреченіе Делольма о томъ, что парламентъ все можетъ, кромѣ того, чтобы превратить женщину въ мужчину, а мужчину въ женщину. Но въ наши дни эта старая шутка звучитъ злой иронией надъ фактическимъ положеніемъ парламента. Въ то время какъ, по авторитетнымъ указаніямъ видныхъ публицистовъ, мѣсто парламентскаго правленія заняло въ Англіи правленіе кабинета, о всемогуществѣ парламента можно говорить лишь въ условномъ смыслѣ. Было бы чрезвычайно

---

[1]) Въ русской литературѣ новѣйшая фаза въ развитіи англійской конституціи была отмѣчена въ статьѣ Б. А. Кистяковскаго, въ журн. „Свобода и культура", № 3, 1906, „Кабинетъ министровъ" (эта статья появилась еще до выхода въ свѣтъ брошюры Іеллинека), а также въ брошюрѣ А. С. Алексѣева, Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства". М. 1907.

важной задачей показать, какъ и въ силу какихъ причинъ совершился этотъ переходъ фактическаго значенія отъ парламента къ кабинету министровъ. Причины эти сложны и разнообразны, но среди нихъ несомнѣнно имѣло значеніе и то обстоятельство, что парламентъ просто не могъ справляться съ безконечной массой подлежащихъ ему дѣлъ. „Парламентъ перегруженъ,—говорилъ Гладстонъ,—парламентъ почти заваленъ". Это было сказано около тридцати лѣтъ тому назадъ; и конечно, это указаніе не потеряло ничего изъ своей силы въ продолженіе періода, протекшаго съ тѣхъ поръ. Палата общинъ подавлена многочисленностью ея номинальныхъ обязанностей, разнообразіемъ ея функцій, необъятностью ея интересовъ. Результатомъ попытки справиться съ этими колоссальными задачами является то, что дѣятельность палаты, послѣ немногихъ первыхъ недѣль сессіи, обыкновенно оказывается отставшей, и члены ея, противъ воли или съ облегченнымъ сердцемъ, сдаютъ все веденіе дѣлъ въ руки министровъ [1]). Дѣловыя преимущества министерства являются, конечно, лишь одной стороной этого явленія, но стороной въ высшей степени важной. Это—естественный путь сосредоточенія дѣятельной власти въ рукахъ немногихъ, способныхъ по своей организаціи и по своему положенію справиться съ массой текущихъ политическихъ дѣлъ и законодательныхъ задачъ, которыя не подъ силу многолюдному собранію. Въ Соединенныхъ Штатахъ также совершилось аналогичное явленіе, но тамъ главное руководство дѣлами перешло къ дѣловымъ комитетамъ палаты или, точнѣе, къ ихъ предсѣдателямъ, которые вмѣстѣ съ спикеромъ палаты, назначающимъ комитеты, и играютъ первенствующую роль. Практическая сторона этого явленія очень хорошо была разъяснена Брайсу самими же американцами: „у насъ триста двадцать пять членовъ палаты,—говорили ему здѣсь,—изъ которыхъ почти каждый желаетъ произносить рѣчи, и которые почти всѣ являются на засѣ-

---

[1]) Sidney Low, op cit. p. 88. Подробное изложеніе см. ch. III, IV, V, VI,

данія палаты. Число биллей, вносимыхъ въ палату, такъ велико, что въ теченіе двухъ сессій, изъ которыхъ одна продолжается семь или восемь мѣсяцевъ, а другая только три, и одна двадцатая часть ихъ не могла бы сдѣлаться предметомъ обстоятельныхъ преній при ихъ вторичномъ чтеніи или при ихъ разсмотрѣніи въ комитетскомъ засѣданіи всей палаты... Въ Англіи у васъ существуетъ въ лицѣ министровъ одинъ обширный и могущественный комитетъ, который вѣдаетъ самыя важныя дѣла и даже разсматриваетъ билли, вносимые отдѣльными членами парламента. Ваша палата общинъ не была бы въ состояніи работать даже въ теченіе одного засѣданія, если бы не было такого комитета,—это видно изъ того факта, что когда вы остаетесь даже на очень короткое время безъ министерства палата на время прекращаетъ свои засѣданія“ [1]). И подобно тому, какъ въ Англіи фактическое руководство всей политикой страны находится въ рукахъ кабинета министровъ, такъ въ Соединенныхъ Штатахъ во главѣ всего стоятъ также немногія лица. Это заставило одного американскаго дипломата утверждать, что форма правленія въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ—абсолютный деспотизмъ, прикрывающійся конституціонными формами; это —деспотизмъ немногихъ лицъ, а именно президента Соединенныхъ Штатовъ, статсъ-секретаря, секретаря казначейства, спикера палаты представителей и назначаемыхъ послѣднимъ предсѣдателей двухъ важнѣйшихъ комитетовъ палаты [2]).

Надо ли прибавлять, что это сосредоточеніе власти въ рукахъ немногихъ лицъ облегчается вліяніемъ партійныхъ организацій? То, что ранѣе мы говорили относительно общественнаго мнѣнія, указывая, что руководство имъ въ концѣ концовъ принадлежитъ немногимъ партійнымъ политикамъ, теперь намъ приходится установить относительно всей политической и законодательной дѣятельности, въ которую

---

[1]) Bryce, I, 163; русск. пер., I, стр 179.

[2]) См. ссылку у Іеллинека, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“, стр. 57.

претворяется мнѣніе страны. Партійныя организаціи переходятъ въ организацію власти, и дисциплина партій поддерживаетъ тотъ порядокъ, который создается для власти необходимостью болѣе успѣшнаго руководства и болѣе быстраго направленія политическихъ дѣлъ. Какъ утверждаетъ Сидней Лоу относительно Англіи, объясненіе этого явленія заключается не въ честолюбіи и не въ жаждѣ власти министровъ, а въ простой необходимости справляться съ массой дѣлъ [1]), или, какъ выражается Брайсъ, въ необходимости пріисканія средствъ для того, чтобы многолюдныя собранія работали безъ задержекъ [2]).

Итакъ, послѣ продолжительнаго анализа мы приходимъ къ заключенію, что въ странахъ съ наиболѣе развитыми демократическими формами народная воля въ сущности опредѣляется волей немногихъ, стоящихъ наверху. Теорія народнаго суверенитета приходитъ здѣсь, съ другой стороны, къ точкѣ исхода, описавъ своего рода кругъ постепенныхъ превращеній. Она отправляется отъ того, чтобы властвующей волѣ немногихъ противопоставить верховную волю народа, волю всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Но силою вещей воля всего народа замѣняется волей большинства, воля большинства—волей тѣхъ активныхъ гражданъ, которые умѣютъ заставить признать себя за большинство, и наконецъ, воля этихъ активныхъ элементовъ—волей нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ власти и направляющихъ ходъ политической жизни.

Любители реакціонныхъ выводовъ изъ опытовъ современнаго парламентаризма могли бы сдѣлать изъ сказаннаго выводъ, что, слѣдовательно, ничто не перемѣнилось и что слабая человѣческая природа попрежнему пришла къ тому-отъ чего она хотѣла уйти, повѣривъ въ свою силу. Но такой выводъ былъ бы столь же тенденціознымъ, сколько легко

---

1) Sidney Low, op. cit. p. 87. О вліяніи партій см. особенно интересныя указанія лорда Сольсбери въ письмахъ къ Сиднею Лоу отъ 2 дек. 1894, op. cit., pp. 112—113.

2) См. Bryce, I, 154; русск. пер. I, 168.

мысленнымъ. Между старымъ господствомъ олигархіи привилегированныхъ и современнымъ господствомъ олигархіи политическихъ вождей народа лежитъ цѣлая пропасть, и эта пропасть заключается прежде всего въ томъ, что „деспотизмъ“ современныхъ политиковъ проявляется лишь въ узкихъ предѣлахъ текущей политики, устои же демократіи и естественныя права гражданъ остаются для него неприкосновенными [1]). Послѣдней основой политики, хотя бы и въ видѣ ея отдаленнаго источника, является все же воля народа, и сознаніе народное едва ли ошибается въ своемъ скрытомъ могуществѣ, о которомъ говорятъ американцы: «when the American people will rise in their might and majesty“... Практически это выражается въ томъ, что тѣ немногіе, которые теперь стоятъ во главѣ власти, все же зависятъ отъ народа и избираются имъ. Борьба народнаго представительства съ всемогуществомъ власти имѣла своей цѣлью ограничить ея безотвѣтственный произволъ. Послѣ того какъ эта цѣль достигнута и исполнительная власть воспиталась на уваженіи къ закону и народнымъ нуждамъ, нѣтъ уже причинъ ограничивать эту власть тамъ, гдѣ предоставленіе ей большихъ полномочій требуется общимъ благомъ. И если, какъ въ Англіи, исполнительная власть пользуется *все большей независимостью отъ парламента,* то исключительно *потому, что она стала въ болѣе непосредственную связь съ народомъ.* Имѣя всегда возможность распустить парламентъ и представить на судъ народный свое разногласіе съ парламентомъ, министерство чувствуетъ подъ собой тѣмъ болѣе прочную почву, чѣмъ вѣрнѣе оно можетъ расчитывать на сочувствіе народа [2]).

Всѣ эти и подобныя соображенія даютъ даже возможность утверждать, что новая фаза въ развитіи англійскаго

---

[1]) См. по этому поводу замѣчаніе мыслителя, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ современной политикѣ, W. E H. Lecky, Democracy and liberty. Vol. I, p. 118.

[2]) Bryce, I, 220; русск. перев., I, 245. См. также чрезвычайно интересныя подробности у Силнея Лоу, op. cit., pp 106—111.

парламентаризма „обѣщаетъ стать типической для правового государства ближайшаго будущаго", въ качествѣ новаго политическаго образованія, идущаго на смѣну прежняго парламентскаго правленія. Таково въ сущности заключеніе Іеллинека, не выраженное имъ, впрочемъ, съ полной ясностью, и аналогичное заключеніе, высказанное недавно въ русской литературѣ проф. Алексѣевымъ. „Этимъ новымъ политическимъ образованіемъ является конституціонно-демократическая монархія, въ которой министры перестанутъ играть роль подчиненныхъ монарху агентовъ или слугъ только парламентскаго большинства, а возвысятся на степень самостоятельныхъ органовъ государства и образуютъ правительство, которое, идя рука объ руку съ народнымъ представительствомъ, будетъ чувствовать себя вождемъ и довѣреннымъ народа" [1]). „Можно представить себѣ,— предсказываетъ Дайси, — что придетъ время, когда, несмотря на то, что всѣ формы англійской конституціи останутся неизмѣнными, англійскій первый министръ будетъ такъ же несомнѣнно избираться всенародной подачей голосовъ, какъ и американскій президентъ" [2]).

Какъ видно изъ этихъ указаній, весьма характерныхъ для современныхъ воззрѣній, публицисты нашихъ дней далеко не склонны видѣть въ „кризисѣ парламентаризма", о которомъ до утомленія много говорили въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество абсолютизма. „Какъ бы далеко ни зашло прогрессивное уменьшеніе политическаго значенія парламентовъ,—таковъ авторитетный діагнозъ Іеллинека,— старыя силы абсолютизма прошлыхъ временъ никогда этимъ не будутъ призваны къ жизни. Какъ невозможно, чтобы войска будущаго сражались снова лукомъ и стрѣлами, вмѣсто современныхъ пулеметовъ, такъ же не можетъ случиться, чтобы снова воскресъ неограниченный самодержецъ про-

---

[1]) А. С. Алексѣевъ, „Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства", стр. 43

[2]) Дайси, „Основы государственнаго права Англіи". Русск. пер. М. 1907, стр. 508.

шлыхъ столѣтій“ [1]). Или, какъ выражаетъ ту же мысль ярый критикъ современнаго государства Бенуа, задача будущаго— „не разрушать современное государство и не передѣлывать его на новыхъ основаніяхъ, а только закончить его“ [2]).

Но такъ или иначе, если оставаться только въ области разсмотрѣнныхъ нами явленій, можно было бы придти къ заключенію, что совершающееся въ демократическихъ государствахъ фактическое сосредоточеніе власти въ немногихъ рукахъ кореннымъ образомъ разрываетъ съ той теоріей народнаго суверенитета, которую высказалъ Руссо, какъ завѣтъ новому міру. Принципъ народовластія, какъ показываетъ практика жизни, состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы народъ фактически все рѣшалъ и дѣлалъ самъ, и даже не въ томъ, чтобы онъ за всѣмъ фактически надзиралъ—это оказывается неисполнимымъ и невозможнымъ,—а только въ томъ, чтобы юридически все отъ него исходило, чтобы, не будучи законодателемъ фактическимъ, онъ все же былъ, согласно извѣстному выраженію, тѣмъ „дремлющимъ законодателемъ“, за которымъ сохраняется юридическій суверенитетъ и юридическая возможность проявить свои верховныя права чрезъ органы своей воли.

Однако, указанныя нами явленія, сводящіяся въ общемъ къ сосредоточенію власти въ немногихъ рукахъ, не исчерпываютъ тѣхъ новыхъ измѣненій, которыя могутъ быть отмѣчены въ современномъ политическомъ мірѣ. Мы замѣтили выше, что въ Англіи усиленіе исполнительной власти идетъ рядомъ съ установленіемъ непосредственной связи ея съ избирателями. И если окинуть взоромъ различныя предвѣстія на политическомъ горизонтѣ, то надо будетъ придти къ заключенію, что ослабленіе власти и значенія парламентовъ совершается повсюду не только въ пользу тѣхъ немногихъ политическихъ вождей, которые стоятъ наверху, но также и въ пользу вырастающей въ своемъ

---

[1]) Іеллинекъ. „Конституціи.. стр. 84.

[2]) Benoist, „La crise de l'Etat moderne“, p. 29.

значеніи совокупности избирателей. Не перечисляя всѣхъ частныхъ явленій, знаменующихъ это растущее значеніе народа, мы прямо обратимся къ тому главному и основному, что намѣчается въ этой области,—къ идеѣ и практикѣ референдума, которая какъ разъ въ послѣднее время всплываетъ на поверхность политической жизни, чтобы привлечь къ себѣ общее вниманіе въ качествѣ новаго разрѣшенія старыхъ затрудненій. Къ референдуму обращаются не только горячіе сторонники народоправства, на него возлагаютъ также большія надежды умѣренные и даже консервативные политики, въ родѣ Іеллинека, Дайси и Лекки, которые ожидаютъ, что эта система спасетъ современное представительство отъ различныхъ злоупотребленій и затрудненій. Какъ всякая система, которая еще не имѣетъ широкаго распространенія и для многихъ странъ представляется лишь идеальной цѣлью стремленій, референдумъ сосредоточиваетъ на себѣ многочисленныя и разнообразныя ожиданія.

Для нашихъ цѣлей нѣтъ необходимости подвергать подробному изслѣдованію преимущества референдума, какъ политической системы. Мы можемъ напередъ согласиться и съ тѣмъ, что референдумъ представляетъ лучшій оплотъ противъ легкомысленнаго измѣненія конституцій, какъ думаютъ Дайси [1]) и Лекки [2]), и съ тѣмъ, что народное голосованіе, какъ утверждаетъ Іеллинекъ [3]), имѣетъ много преимуществъ сравнительно съ парламентскими преніями, исключая, напримѣръ, возможность мелкихъ торговъ и компромиссовъ, примѣненіе обструкціи и т. п. Но намъ интересно взглянуть на референдумъ съ той точки зрѣнія, которая вытекаетъ изъ задачи нашего изложенія. Намъ интересно разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ референдумъ, этотъ сравнительно мало извѣданный и для многихъ привлекательный

---

[1]) Dicey,„Ought the Referendum to be introduced into England“ въ Contemporary Review. 1890. April, p. 505.

[2]) Lecky, Democracy and liberty, I, p. 287

[3]) Іеллинекъ, Конституціи... стр. 89.

институтъ, способствуетъ торжеству народной воли и осуществленію народнаго суверенитета. Со времени французской революціи и до нашихъ дней въ референдумѣ видятъ наиболѣе полное воплощеніе идеи народнаго суверенитета, и притомъ не только юридическое и формальное, а фактическое и реальное. Въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ взглядъ? И правда ли, что осуществленіе принципа народнаго законодательства дастъ, наконецъ, возможность превратить народный суверенитетъ изъ недостижимой цѣли въ жизненную практику?

IX. Референдумъ и народная воля.

Испытаніе, которому долженъ быть подвергнутъ референдумъ съ установленной нами точки зрѣнія, идетъ, конечно, глубже и далѣе, чѣмъ изученіе его относительныхъ преимуществъ по сравненію съ парламентаризмомъ. Вопросъ ставится въ данномъ случаѣ не о томъ, насколько референдумъ расширяетъ кругъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ законодательствѣ, а о томъ, является ли онъ средствомъ, способнымъ обезпечить господство общей воли, безспорной и непререкаемой для всѣхъ. И какъ только мы ставимъ вопросъ на эту болѣе углубленную точку зрѣнія, передъ нами снова поднимаются прежнія сомнѣнія. Конечно, народное законодательство, народная иниціатива, все это ближе вводитъ народныя массы въ политическую область и съ бо̀льшей непосредственностью обнаруживаетъ народную волю. Но сама народная воля становится ли отъ этого яснѣе и опредѣленнѣе? Общественное мнѣніе утрачиваетъ ли свою обычную пассивность и зависимость отъ немногихъ активныхъ руководителей? Въ образованіи законовъ участвуютъ ли здѣсь дѣйствительно всѣ и являются ли законы результатомъ общаго единодушія, при которомъ всѣ повинуются тому, что они сами постановили?—Если бы на всѣ эти вопросы можно было отвѣтить утвердительно, для сторонниковъ народнаго суверенитета это было бы по-

истинѣ счастливымъ разрѣшеніемъ старыхъ ожиданій, когда пришло время воскликнуть: „нынѣ отпущаеши!..“ Но достаточно поставить указанные вопросы, чтобы видѣть, что мечта остается мечтою, а практика жизни сурово и упорно стоитъ на неизмѣнности естественныхъ соотношеній. Мы не сказали бы, однако, ничего существеннаго по этому вопросу, если бы ограничились одними отвлеченными утвержденіями, не постаравшись провѣрить ихъ на фактахъ. Въ настоящее время мы во всякомъ случаѣ располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать опредѣленныя заключенія о томъ новомъ средствѣ спасенія отъ первородныхъ грѣховъ политики, какимъ для многихъ представляется референдумъ.

Но прежде чѣмъ говорить о слабыхъ сторонахъ референдума, воздадимъ должное его преимуществамъ, засвидѣтельствованнымъ отзывами авторитетныхъ наблюдателей и судей [1]).

Одинъ изъ самыхъ безпристрастныхъ изслѣдователей референдума и вмѣстѣ съ тѣмъ близкій свидѣтель его дѣйствія въ Швейцаріи Курти [2]), оцѣнивая результаты его примѣ-

---

[1]) Я долженъ здѣсь принести благодарность С. И. Живаго, спеціально изучавшему швейцарскій государственный строй, за то, что онъ предоставилъ въ мое распоряженіе рядъ цѣнныхъ брошюръ и диссертацій по вопросу о референдумѣ и среди нихъ брошюру швейцарскаго политика Штюсси, которая при своемъ выдающемся значеніи въ литературѣ предмета даже въ Швейцаріи добывается съ трудомъ и случайно. Среди швейцарскихъ писателей приводимое нами ниже въ текстѣ мнѣніе Курти несомнѣнно является преобладающимъ. Если надо указать и противоположную точку зрѣнія, то она, конечно, всего обстоятельнѣе развита въ обширномъ сочиненіи Signorel Étude de législation comparée sur le referendum législatif et les autres formes de participation directe des citoyens à l'exercice du pouvoir législatif. Paris, 1896. См. особенно pp. 62 et suiv., pp. 367 et suiv., pp. 402 et suiv. Слишкомъ страстное отношеніе къ предмету наложило свою печать на интересный трудъ Синьереля, носящій на себѣ явные слѣды тенденціозности.

[2]) Безпристрастіе и объективность Курти въ цитируемомъ сочиненіи засвидѣтельствованы такимъ авторитетнымъ писателемъ, какъ Numa Droz, въ статьѣ: „La démocratie et son avenir“ („Bibliothèque universelle et Revue suisse“. T. XVI (1882). P. 388). Ср. собственныя заключенія Numa Droz, pp 409—415.

ненія, говоритъ между прочимъ: „онъ является политической школой для народа и, слѣдовательно, средствомъ культурнаго развитія первостепенной важности. Гдѣ дѣйствуетъ референдумъ, тамъ всѣ классы населенія занимаются государствомъ и его задачами... Народъ нашего времени не хочетъ быть misera contribuens plebs. Онъ не хочетъ ждать, пока его признаютъ зрѣлымъ и способнымъ примѣнять болѣе обширныя права. Онъ прекрасно понимаетъ, что этой зрѣлости за нимъ бы еще долго не признали и что старанія дать ему надлежащее образованіе были бы не особенно велики. Тѣмъ лучше, что онъ самъ вступаетъ въ свои права: они именно дадутъ ему образованіе и воспитаніе, сдѣлаютъ его экономически независимымъ и духовно свободнымъ. Референдумъ оказался чрезвычайно полезнымъ для законодательства и всей жизни тѣмъ, что онъ доставилъ больше вліянія на нихъ общественному мнѣнію и всеобщей волѣ: вѣдь представительныя учрежденія вездѣ, гдѣ только они могутъ дѣйствовать самовластно, слишкомъ склонны превращаться въ особое сословіе, въ касту, которая вмѣсто общественныхъ интересовъ блюдетъ лишь свои собственные. Народныя голосованія референдума напоминаютъ парламентаріямъ объ ихъ обязанностяхъ; они заставляютъ ихъ искать сближенія съ народомъ“ [1]). Если сопоставить съ этимъ

---

[1]) Курти, „Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи“ Русск. пер. Спб., 1900, стр. 238. (На нѣмецкомъ языкѣ заглавіе этого сочиненія таково: Curti, Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung. Zweite Aufl. Zurich, 1885. Къ русскому переводу сочиненія Курти приложена и болѣе поздняя его статья „Результаты швейцарскаго референдума“, что дѣлаетъ русское изданіе болѣе полнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я вездѣ ссылаюсь на русскій переводъ, сдѣланный г. Львовичемъ, лишь иногда исправляя въ немъ совершенно неудачныя выраженія, вродѣ непонятнаго термина „державность“, который употребляется г Львовичемъ вмѣсто „верховенство“ или „суверенитетъ“). — Съ приведеннымъ въ текстѣ отзывомъ Курти вполнѣ согласуется мнѣніе Stussi, Referendum und Initiative im Kanton Zurich. Horgen, 1886 s. 77: „Интересъ гражданъ къ государственнымъ дѣламъ сталъ значительно выше, чѣмъ прежде; необходимымъ послѣдствіемъ этого является пробуждающееся пониманіе этихъ дѣлъ, развитіе настоящаго гражданскаго смысла, чувства взаимной отвѣтственности за благо цѣлаго и всеобщей солидарности. Политическое образованіе есть часть общаго образованія, и

заключеніемъ практическаго политика почти восторженный отзывъ ученаго юриста Іеллинека [1]) и высокую оцѣнку референдума у Дайси [2]), мы получимъ цѣлый рядъ компетентныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе убѣдительныхъ, что они исходятъ изъ столь различныхъ источниковъ. Безпристрастно взвѣшивая всѣ эти отзывы и изучая развитіе референдума въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, мы приходимъ къ выводу, что это есть именно та форма выраженія народной воли, которой принадлежитъ будущее и которая идетъ если не на смѣну, то въ подкрѣпленіе существующимъ формамъ. Въ особенности развитіе референдума въ Швейцаріи показываетъ, что идея народнаго законодательства въ демократическихъ государствахъ входитъ въ жизнь съ нѣкоторой стихійной силой, побѣждающей всѣ препятствія и возраженія. Примѣры Фатіо и Мишели въ Женевѣ и Генци въ Бернѣ, жестоко поплатившихся за приверженность идеѣ народовластія, и цѣлый рядъ неудавшихся народныхъ движеній, предпринятыхъ подъ знаменемъ этой идеи, съ ясностью показываютъ, что народное законодательство воцарилось въ Швейцаріи далеко не такъ просто, какъ иногда предполагаютъ, исходя изъ представленія о силѣ и свѣжести традицій стариннаго швейцарскаго народоправства, издавна проявлявшагося въ практикѣ Landsgemeinde. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что возраженія, противопоставленныя идеѣ референдума въ Швейцаріи, были настолько вѣски и значительны, что преодолѣть ихъ было возможно только такими же значительными и равносильными аргументами. Въ послѣдней стадіи борьбы референдуму пришлось выдержать состязаніе уже не съ отжившими формами олигархіи и патриціата, не съ обветша-

---

такимъ образомъ референдумъ становится истинной народной школой".— Совершенно въ томъ же духѣ высказывается авторитетный швейцарскій ученый Hilty въ Revue de droit international. T. XXIV (1892) P. 476 (статья Le referendum et l'initiative en Suisse) и многіе другіе швейцарскіе писатели.

[1]) Іеллинекъ, Конституціи, ихъ измѣненія. . стр. 89.

[2]) Dicey, Статья о референдумѣ Contempor review. 1890. pp. 500—501.

лыми учрежденіями стараго строя, а съ новымъ началомъ народнаго представительства, въ которомъ долго видѣли единственную правильную форму выраженія народной воли. Тутъ происходило состязаніе двухъ принциповъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особенную и ему лишь свойственную цѣнность, и отъ этого стороны, отстаивавшія борющіяся начала, въ сущности находились въ двухъ различныхъ плоскостяхъ и скорѣе восполняли, чѣмъ отрицали другъ друга. Интересно остановиться нѣсколько на этой борьбѣ идей, чтобы выяснить ихъ принципіальное соотношеніе. Безхитростныя и простыя рѣчи швейцарскихъ политиковъ, чуждыя сложныхъ теоретическихъ построеній и высокаго философскаго полета, имѣютъ однако большой интересъ для освѣщенія занимающихъ насъ вопросовъ. Онѣ введутъ насъ въ пониманіе тѣхъ особенностей референдума, которыя цѣнили въ немъ его первые поборники въ Швейцаріи и которыя, какъ увидимъ далѣе, составляютъ самую существенную часть его достоинствъ.

Швейцарскіе сторонники представительства, возражая противъ референдума, не отрицали, что исходнымъ началомъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и властей должно быть признано начало народнаго суверенитета. Но подобно французскимъ послѣдователямъ Руссо, они понимали народную волю, какъ отдаленный источникъ и высшую санкцію права, дѣйствительнаго же выраженія воли народа искали у его законныхъ представителей, полагая, что и для самого народа болѣе полезно, если его волю выражаютъ избранные и болѣе способные. Споръ шелъ такимъ образомъ не объ исходномъ началѣ, которое признавалось всѣми [1]),

---

[1]) Замѣтимъ, между прочимъ, что связь позднѣйшихъ швейцарскихъ взглядовъ съ идеями «Общественнаго договора» не всегда легко установить. Мысль швейцарскихъ политиковъ черпала свои аргументы болѣе изъ практики, чѣмъ изъ теоріи. Новѣйшіе писатели, какъ, напримѣръ, Курти, склонны даже думать, что «Руссо не могъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію историческихъ формъ народнаго права» (русск. пер., стр. 48). Этотъ взглядъ можетъ быть правильнымъ, если имѣть въ виду практическую разработку формъ народнаго законодательства, для которой Руссо не далъ никакихъ

а о способахъ его пониманія. Это ясно сказалось уже въ тѣхъ знаменитыхъ дебатахъ, которые происходили въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка по поводу введенія народнаго veto въ Сенъ-Галленѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ Курти, „въ этихъ дебатахъ мы находимъ самые существенные доводы, какіе впослѣдствіи приводились какъ въ пользу представительной системы, такъ и противъ нея". Одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ сенъ-галленскихъ преній Феликсъ Гельблингъ прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что въ признаніи народнаго верховенства всѣ партіи сходились, и что разногласія относились только къ различному пониманію этого основного начала. Вопросъ шелъ, по его словамъ, только о томъ, „долженъ ли самъ народъ непосредственно располагать своею властью, или передавать ее учрежденіямъ, вышедшимъ изъ его среды". Гельблингъ склонялся ко второму рѣшенію, — къ тому, чтобы народъ передавалъ власть выборнымъ лицамъ,—и думалъ, что правильная организація представительства можетъ вполнѣ обезпечить „истинное благо народа, чистую и настоящую демократію". Какъ бы развивая и подкрѣпляя мысль Гельблинга, историкъ Геннэ указывалъ на затруднительность

указаній; но онъ, конечно. не вѣренъ, если говорить объ общемъ значеніи отвлеченныхъ лозунговъ, столь краснорѣчиво провозглашенныхъ у Руссо. Въ этомъ отношеніи болѣе близки къ истинѣ Риффель и Келлеръ, отмѣчающіе въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе Руссо (Ryffel, Die schweizerischen Landsgemeinden nach geltendem Rechte. Zurich 1903 S. 13, Keller, Das Volksinitiativrecht nach den schweizerischen Kantonsverfassungen. Zurich 1889. S. 70). У Курти вообще замѣчается лишь поверхностное знакомство съ идеями Руссо. Такъ онъ утверждаетъ, что Руссо „даже и не счелъ нужнымъ задуматься надъ тѣмъ, какимъ образомъ ввести народное законодательство въ большихъ государствахъ" (стр. 60), и что онъ находилъ народоправство возможнымъ „лишь въ такомъ государствѣ, которое занимаетъ незначительную территорію, расположено въ мягкомъ климатѣ и часть населенія котораго работаетъ затѣмъ, чтобы другая могла беззаботно пользоваться свободой" (стр. 48). Мысль о томъ, что Руссо считалъ демократію невозможной въ большихъ государствахъ, повторяется у Дюнана („Народное законодательство въ Швейцаріи". Спб., 1906, стр. 22. Переводъ Львовича). Мы говорили выше о томъ, что Руссо имѣлъ особый планъ преобразованія большихъ государствъ въ цѣляхъ осуществленія въ нихъ народовластія. См. стр. 49 — 50, примѣчаніе 1.

осуществленія непосредственнаго народнаго законодательства. „Наша жизнь слишкомъ осложнилась,—говорилъ онъ,—мы не въ состояніи довольствоваться такими законами, которые можно было бы перечесть по пальцамъ“. Сравнивая швейцарскіе кантоны, не имѣющіе непосредственнаго народнаго законодательства, съ тѣми, въ которыхъ оно существуетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, Геннэ находитъ, что въ первыхъ все лучше: законы, судъ, управленіе, организація народнаго образованія и церкви. „Лишь тамъ,—говоритъ онъ,—охраняются самые священные интересы, гдѣ народную волю представляютъ лучшіе люди. Но въ большихъ кантонахъ это возможно только при представительномъ правленіи“.

Геннэ и Гельблингъ посвоему выражали тѣ самые доводы, которые считались рѣшающими среди первыхъ теоретиковъ французскаго представительства. Какъ и тогда, центромъ тяжести являлся вопросъ о томъ, кто долженъ и кто можетъ составлять законы. Примиряя представительство съ верховенствомъ народа, защитники его говорили, что свободный народъ, конечно, самъ даетъ себѣ законы, „однако не такимъ образомъ, что онъ самъ же и составляетъ ихъ; составляютъ законы представители, народъ же можетъ требовать законовъ посредствомъ петицій“. Такъ толковалъ понятіе народнаго суверенитета Гельблингъ. Въ томъ же смыслѣ говорилъ адвокатъ Гоодъ, что „законодатель не тотъ, кто составляетъ законы, а тотъ, кто даетъ имъ силу, кто, какъ верховный владыка, сообщаетъ законопроектамъ, составленнымъ кѣмъ бы то ни было, значеніе обязательныхъ предписаній“. Въ сущности, другими словами, здѣсь повторялась уже знакомая намъ теорія эманаціи, нашедшая себѣ выраженіе во французской революціонной доктринѣ. Но такъ же, какъ и тогда, оставалось неяснымъ, какимъ же образомъ даетъ народъ силу законамъ, которые вырабатываютъ, хотя и съ его вѣдома, но безъ его участія и брямого одобренія, которымъ онъ подчиняется, можетъ быть, не всегда охотно.

Въ отвѣтъ на приведенныя выше теоріи рѣчи въ Сенъ-Галленѣ были высказаны взгляды, которые поистинѣ заслуживаютъ быть признанными наиболѣе удачнымъ обоснованіемъ народнаго законодательства. Эти взгляды принадлежали одному изъ демократическихъ вождей майору Діогу. Трудно судить, насколько Діогъ былъ знакомъ со взглядами Руссо, но несомнѣнно, что онъ въ своеобразной передачѣ выразилъ тѣ самыя идеи, которыя легли въ основу „Общественнаго договора". Ученію о народномъ суверенитетѣ, какъ о высшей санкціи законовъ, онъ противопоставляетъ категорическое требованіе непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. „Мнѣ важно,—говорилъ онъ,—прежде всего найти принципъ, который бы служилъ исходной точкой нашего дѣла. Я знаю лишь одинъ такой принципъ: это народный суверенитетъ. Суверененъ тотъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть: воля его—законъ. Но другіе говорятъ о представительномъ суверенитетѣ, который есть не что иное, какъ передача власти въ другія руки. Кто передалъ свою верховную власть, тому она уже не принадлежитъ, и я утверждаю, что гдѣ законы санкціонируетъ большой совѣтъ [1]), тамъ конституція—ложь".—„Отъ насъ, кажется, ускользаетъ основной принципъ, самая суть дѣла. Такимъ принципомъ хотятъ выставить благо народа. Но дѣло не въ благѣ, а въ правѣ, въ томъ, что принадлежитъ народу. Народъ признанъ самостоятельнымъ; но если ему даютъ опекуна въ лицѣ большого совѣта, то онъ уже не самостоятеленъ". „Повторяю, я хочу не *наилучшаго*, а *правового*. Я предостерегаю каждаго отъ принципа наилучшаго: руководящей нитью можетъ служить только право".

Нельзя не видѣть тутъ удивительнаго совпаденія съ основными положеніями Руссо. Діогъ видитъ, подобно Руссо, торжество права въ господствѣ народной воли. Изъ общей воли народа вытекаютъ, по его мнѣнію, и свобода гражданъ, и справедливость законовъ. Чрезвычайно характер-

[1]) Т.-е представительное собраніе.

нымъ является его замѣчаніе, что не благо, а право должно быть основою всего, и ему казалось, что онъ нашелъ безспорный принципъ для обоснованія права. „Въ случаѣ столкновенія между благомъ государства и свободой гражданъ послѣднюю нужно предпочесть первому. Нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, которыми надо предостерегать республиканцевъ отъ деспотіи благодѣтельствующей власти". Діогъ особенно настаиваетъ на томъ, что подъ предлогомъ улучшеній не слѣдуетъ упразднять право. „Исторія учитъ,—говоритъ онъ,—что злоупотребленіе принципомъ лучшаго крайне легко и страшно по своимъ послѣдствіямъ, а предупредить такое злоупотребленіе чрезвычано трудно" [1].

Въ сущности Діогъ не опровергалъ того, что при представительномъ правленіи законы могутъ быть *лучше*, чѣмъ при непосредственномъ законодательствѣ народа; но, какъ онъ характерно заявлялъ, въ государствѣ надо руководствоваться не принципомъ наилучшаго, а принципомъ права, которое онъ отождествлялъ съ общей волей народа. Послѣдующіе защитники народнаго законодательства также не думали доказывать, чтобы при этой системѣ законы были лучше. Напротивъ, многіе изъ нихъ прямо допускали, что осуществленіе непосредственнаго участія народа въ законодательной власти можетъ нанести извѣстный ущербъ прогрессивному ходу законодательства. *Но выше, чѣмъ прогрессивный характеръ законовъ, они ставили соотвѣтствіе ихъ съ народными воззрѣніями и согласіе ихъ съ народной волей.* Какъ говорилъ Дрюэ при обсужденіи вопроса о народномъ законодательствѣ въ кантонѣ Вадтъ въ 1845 г., главное достоинство народной санкціи состоитъ въ томъ, что она приведетъ законы въ надлежащее согласіе съ идеями, требованіями и степенью развитія народа; ихъ будутъ лучше понимать, лучше соблюдать, и они станутъ прочнѣе. „Такимъ образомъ, они будутъ исходной точкой прогресса,

[1] Приведенные отрывки цитируются мною по сочиненію Курти (русск. пер., стр. 89—92), который извлекъ ихъ изъ „Verhandlungen des Verfassungsrathes von Schweizerkanton St. Gallen".

тогда какъ если законы стоятъ выше народныхъ воззрѣній, они легко могутъ послужить исходной точкой регресса“... „Если они слишкомъ превосходятъ степень развитія народа, то они не достигаютъ своей цѣли и на практикѣ терпятъ фіаско“ [1]). Ту же мысль позднѣе выражалъ въ собраніи бернскихъ либераловъ Фейссъ: „я утверждаю, что законъ долженъ быть выраженіемъ соотвѣтствующей степени культурнаго развитія народа и что это большая ошибка, если какое-нибудь представительное учрежденіе хочетъ идти впереди народа. Если Фрейбургъ въ свое время ушелъ впередъ, то теперь мы видимъ, что онъ регрессируетъ. Какъ бы ни было просвѣщенно представительство, законодательство не можетъ идти дальше того, что коренится въ народномъ сознаніи. Поэтому, если бы даже народъ не находился на теперешней ступени культурнаго развитія, ему все-таки надо было бы предоставить право законодательства: при этомъ условіи, можетъ быть, въ данное время явились бы не столь хорошіе законы, но зато была бы увѣренность, что законы создаются такимъ способомъ, который, осуществляя прогрессъ, устраняетъ опасность реакціи“ [2]). Это была та же самая идея, которая является основною для Руссо. Основать право и государство на общей волѣ, на общемъ согласіи народа—вотъ что является здѣсь главной цѣлью. Въ этомъ именно смыслѣ говорилъ Дюгъ: надо стремиться не къ лучшему, а къ правовому. Иногда къ этому присоединяется и дальнѣйшее убѣжденіе, что „источникъ всѣхъ правильныхъ взглядовъ и справедливыхъ требованій есть народъ—и только народъ“, какъ выражался цюрихскій политикъ Зиберъ [3]). „Мы отнюдь не идолопоклонствуемъ передъ народомъ, но таково наше глубокое убѣжденіе: государство лишь тогда можетъ наслаждаться прочнымъ счастьемъ, когда управленіе и законодательство постоянно имѣютъ въ виду этотъ источникъ и черпаютъ исключительно изъ него“...

---

[1]) Ibid., стр. 105.

[2]) Ibid., стр. 170. [3]) Ibid, стр. 153.

Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній мы видимъ, что защитники непосредственной демократіи и не думали отрицать, что представительное правленіе можетъ издавать лучшіе и болѣе передовые законы. Они не отрицали и того, что представительное собраніе, какъ подготовительный органъ, и впредь должно нести „главную отвѣтственность за духъ и содержаніе законодательства“. Они говорили только, что представительство „уже не будетъ альфой и омегой политической жизни; оно не будетъ опекуномъ, а лишь совѣтникомъ новыхъ идей, другомъ“ [1]). Это было собственно не отрицаніе представительства, а только отрицаніе его рѣшающей власти, которая, согласно этому взгляду, должна оставаться за народомъ, въ силу принадлежащаго ему суверенитета. „Въ вопросѣ о народоправствѣ,—говорилъ одинъ изъ защитниковъ этого воззрѣнія, Циглеръ,—дѣло идетъ не о томъ, чтобы дать народу право, а о томъ, оставить ли за союзнымъ собраніемъ послѣднее рѣшеніе въ законодательствѣ, или нѣтъ?“.

Въ противоположность этому, сторонники представительства настаивали на томъ, что составленіе законовъ требуетъ особыхъ способностей и спеціальныхъ знаній, что прогрессивныя идеи возникаютъ не въ массахъ, а въ головахъ единицъ, и что безъ той или иной формы представительства обойтись нельзя. Какъ говорилъ цюрихскій политикъ Сутеръ, „законодательство или дѣятельность законодательнаго учрежденія состоитъ въ основательной разработкѣ соотвѣтствующаго вопроса, во всестороннемъ обсужденіи и рѣшеніи его. Народъ склоненъ усваивать идеи, исходящія отъ отдѣльныхъ лицъ, интересоваться, увлекаться ими и стоять за нихъ всей массой. Но въ законодательствѣ дѣло сводится къ тому, чтобы разработать эти идеи въ подробностяхъ и выразить ихъ въ самой лучшей формѣ. Народъ не можетъ выполнить этой задачи. Она должна быть возложена на совѣтъ или подобное ему

---

1) Ibid., стр. 154.

учрежденіе. Всесторонне обсуждать или выяснять эти вещи можетъ только корпорація, которая не должна быть слишкомъ многочисленной“ [1]). Но едва ли не самыя замѣчательныя мысли были высказаны по этому поводу въ семидесятыхъ годахъ при обсужденіи союзной швейцарской конституціи однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и уважаемыхъ государственныхъ людей Швейцаріи, Вельти. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ видныхъ защитниковъ представительства, и слова его въ свое время произвели сильное впечатлѣніе. „Представительство,—говорилъ Вельти,—не такое установленіе, которое легко выбросить въ окно: это—природа, которая всегда вернется, какъ вы ее ни изгоняйте“. Онъ предсказывалъ, что введеніе референдума не устранитъ представительства, какъ не устранитъ оно и нѣкоторыхъ нежелательныхъ воздѣйствій на народъ. „На беззащитнаго верховнаго владыку набросятся всѣ прежніе привилегированные, и въ десять лѣтъ народъ станетъ жертвой грабежа партій, промышленниковъ, духовенства“. Послѣдующій опытъ показалъ, что эти опасенія Вельти были преувеличены, но его предсказанія о неизбѣжности идеи представительства оправдались въ полной силѣ: для разработки законовъ требовались спеціальные законодательные органы и обойтись безъ нихъ было невозможно. Вельти справедливо говорилъ: „если народныя права достигаютъ цѣли: установить единеніе представителей съ народомъ, объединить идеи и духъ времени съ чувствами и мыслями народа, то, конечно, въ нихъ заключается великая государственная мудрость, которая нашла философскій камень и замѣняетъ умственный трудъ государственнаго дѣятеля работой непогрѣшимой машины. Но надо тщательно присмотрѣться, дѣйствительно ли народныя права выполняютъ эту высокую задачу [2])“?

Постараемся и мы присмотрѣться къ дѣйствію системы

---

[1]) Ibid., стр. 151—152.
[2]) Ibid, 186

народнаго законодательства, чтобы сдѣлать выводъ о томъ, насколько дѣйствительно найденъ въ этой системѣ философскій камень политическаго искусства. Прежде всего несомнѣнно, что разъ совокупность народа признана носительницей верховной власти въ государствѣ, то требованіе, чтобы всѣ законы истекали непосредственно изъ народной воли, неоспоримо. Но въ какой мѣрѣ достигается здѣсь дѣйствительное торжество и господство народной воли? Курти и Дюнанъ свидѣтельствуютъ намъ, что „если референдумъ и не удовлетворилъ желанія каждаго, то тѣмъ не менѣе въ Швейцаріи нѣтъ уже ни одной партіи, которая хотѣла бы его уничтоженія“ [1]). Это, конечно, много говоритъ въ пользу референдума, но говоритъ, быть можетъ, бо̀льшее и иное, чѣмъ предполагаютъ горячіе поклонники этой системы. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго опыта примѣненія референдума въ Швейцаріи *всѣ* партіи оказались на его сторонѣ, не значитъ ли это, что онъ въ дѣйствительности не вноситъ въ государственную жизнь никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ и не грозитъ серьезной опасностью ни для какихъ общественныхъ интересовъ. Тѣ, кто питалъ въ этомъ отношеніи чрезмѣрныя опасенія, послѣ ознакомленія съ референдумомъ успокоились и не боятся болѣе его разрушительныхъ свойствъ. Но болѣе того: изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что роли защитниковъ и противниковъ референдума уже черезъ десять лѣтъ послѣ его дѣйствія неожиданно перемѣнились; радикалы, которые ввели референдумъ въ Швейцаріи, оказались менѣе удовлетворенными его дѣйствіемъ, чѣмъ консерваторы, которые сначала относились къ нему съ недовѣріемъ, а затѣмъ стали содѣйствовать его утвержденію и распространенію [2]). Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что референдумъ, препятствуя введенію непопулярныхъ законовъ, „представляетъ собою задерживающій

---

[1]) Курти, стр. 236; Дюнанъ, стр. 82.

[2]) Deploige, Le référendum en Suisse. Bruxelles, 1892, pp. 168—172.

моментъ въ процессѣ законодательства и, какъ средство сохраненія даннаго правового строя, носитъ характеръ консервативнаго учрежденія“ [1]). Отсюда мы получаемъ возможность понять, почему идея референдума столь энергично защищается такими политиками, какъ Лекки, которые ищутъ средствъ противъ необдуманныхъ и внезапныхъ шаговъ парламентскаго большинства, способныхъ причинить ущербъ длительнымъ интересамъ народа [2]). Съ другой стороны, какъ увидимъ далѣе, это объясняетъ. почему болѣе радикальные писатели ищутъ новыхъ путей для проявленія народной воли, помимо референдума.

Но обратимся къ точнымъ и конкретнымъ указаніямъ, чтобы судить, насколько дѣйствительно проявляется въ референдумѣ истинная воля народа. Передъ нами точныя цифровыя данныя относительно результатовъ цѣлаго ряда народныхъ голосованій, и нельзя не сказать, что данныя эти въ высшей степени поучительны. Первое, что бросается въ глаза при изученіи этихъ данныхъ, это какая-то нерѣшительность голосованій, проявляющаяся въ цѣломъ рядѣ случаевъ: большинство едва превышаетъ меньшинство, голосующіе какъ бы раскалываются на двѣ почти равносильныя группы, изъ которыхъ одна говоритъ: да. а другая нѣтъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда народная воля сказывается, чтобы употребить выраженіе Курти, „почти со стихійной силой“. Таковъ, напримѣръ, референдумъ 20 февраля 1898 г., когда швейцарскій народъ высказался за выкупъ желѣзныхъ дорогъ большинствомъ 386.634 голосовъ противъ 182 718. Но вотъ два референдума 1875 года по вопросамъ весьма важнымъ о введеніи однообразнаго для всѣхъ швейцарскихъ гражданъ „политическаго права голоса“ (съ устраненіемъ различій между отдѣльными кантонами) и объ установленіи

---

[1]) Іеллинекъ, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“, стр. 89 Интересно отмѣтить, что швейцарскій писатель Штюсси говоритъ о консервативномъ характерѣ референдума, какъ о „соотвѣтствующемъ его самому внутреннему существу“. Referendum und Initiative im Kanton Zurich. S. 56.

[2]) Lecky, Democracy and liberty. Vol. I, pp. 279, 280, 285.

гражданскаго брака. По первому изъ этихъ вопросовъ предложеніе о принятіи соотвѣтствующаго закона было отвергнуто большинствомъ 207 263 голосовъ противъ 202.583; по второму вопросу за принятіе высказались 213.199 голосовъ противъ 205.069. Конечно, и при голосованіи въ представительномъ собраніи возможно такое раздѣленіе голосовъ; но каждый разъ, когда подобное раздѣленіе обнаруживается при голосованіи всего народа, оно еще ярче подчеркиваетъ отсутствіе по данному вопросу единой и опредѣленной общей воли. Референдумъ по вопросу о правѣ голоса былъ повторенъ черезъ два года въ 1877 году, и на этотъ разъ количество голосовавшихъ за этотъ законъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 70.000, а именно за него, вмѣсто прежнихъ 202.583, высказалось только 131.557, а противъ 213.230. Отрицательное рѣшеніе осталось въ силѣ, но огромная убыль сторонниковъ закона въ столь короткій промежутокъ времени указывала на извѣстную случайность въ присоединеніи къ тому или другому рѣшенію, вызвавшую столь значительную амплитуду колебаній общественнаго мнѣнія. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ примѣровъ, въ которыхъ большинство и меньшинство если не столь же незначительно, то все же мало отличались другъ отъ друга. Но для насъ важно не количество подобныхъ случаевъ, а ихъ возможность, обнаруживающая извѣстную нерѣшительность народныхъ голосованій. Весьма возможно, что эта нерѣшительность объясняется отсутствіемъ должной подготовки общественнаго мнѣнія, невозможностью примирить крайности утвержденія и отрицанія какими-либо посредствующими поправками, тѣмъ голосованіемъ безъ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія, которое составляетъ самую сущность референдума. Такъ или иначе, это—фактъ, который необходимо имѣть въ виду при общей оцѣнкѣ института.

Другой фактъ, быть можетъ еще болѣе важный, заключается въ значительномъ количествѣ воздержаній отъ участія въ референдумѣ. За періодъ времени съ 1874 по 1897 годъ,

по вычисленіямъ Курти, количество голосующихъ лишь однажды достигло 80% правоспособныхъ гражданъ. Это было именно въ томъ случаѣ, когда наблюдалось почти стихійное проявленіе общественнаго мнѣнія,—по вопросу о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ. Обычно оно не превышаетъ 70%, очень рѣдко поднимаясь выше, а иногда спускаясь до 46, 4% и даже до 40, 4%. Многіе объясняли это равнодушіемъ и утомленіемъ гражданъ, неизбѣжнымъ при частыхъ голосованіяхъ. Этотъ взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми безпристрастными швейцарскими писателями, какъ, напримѣръ, Дюнаномъ [1]). Курти рѣшительно отрицаетъ это объясненіе, и такъ какъ число голосующихъ отъ года къ году то поднимается, то опускается, трудно судить, имѣемъ ли мы дѣло съ утомленіемъ гражданъ или просто съ обычнымъ пассивнымъ отношеніемъ къ спеціальнымъ политическимъ вопросамъ. Для болѣе обоснованныхъ выводовъ слѣдовало бы имѣть болѣе данныхъ. Однако, что бы ни проявлялось въ данномъ случаѣ, фактъ остается фактомъ: значительное количество воздержаній налицо. И если цифры, относящіяся къ общешвейцарскимъ голосованіямъ, мы восполнимъ статистическими данными, относящимися къ отдѣльнымъ кантонамъ, указанный фактъ получитъ еще большѣе значеніе.

Какъ извѣстно, референдумъ существуетъ въ настоящее время во всѣхъ кантонахъ, кромѣ Фрейбурга [2]). Помимо участія въ общемъ законодательствѣ Швейцаріи, граждане голосуютъ также по законодательнымъ вопросамъ въ своихъ кантонахъ, и здѣсь наблюдается столь же значительное и столь же неизбѣжное количество воздержаній. Для примѣра мы остановимся на данныхъ, относящихся къ Цюрихскому кантону. Въ этомъ кантонѣ, по вычисленіямъ Штюсси, сдѣланнымъ въ концѣ 80-хъ годовъ, количество голосующихъ достигало 74, 4%. Воздержаніе отъ выборовъ было

[1]) Дюнанъ, стр. 55.

[2]) Въ кантонѣ Фрейбургъ противъ референдума, предложеннаго большимъ совѣтомъ, высказался самъ народъ

иногда столь значительно, что нѣкоторыя общины признали голосованіе обязательнымъ и назначили извѣстный штрафъ за неявку къ урнамъ. Насколько эта мѣра оказалась дѣйствительной, видно изъ того, что въ общинахъ Устерѣ, Горгенѣ и Рисбахѣ, гдѣ она была примѣнена, количество голосующихъ во время референдума 25 іюня 1871 г. поднялось до 97, 94 и 59%, тогда какъ въ общинахъ Цюрихѣ, Глатфельденѣ и Ауссерзилѣ, гдѣ голосованіе было свободно, число голосующихъ равнялось лишь 19, 14 и 10% [1]). Но введеніе обязательнаго голосованія имѣло другой и совершенно непредвидѣнный результатъ: оно увеличило число незаполненныхъ бюллетеней. Граждане являлись къ урнамъ въ большемъ количествѣ, но тѣ изъ нихъ, которые не хотѣли сказать ни да, ни нѣтъ, попрежнему воздерживались отъ выраженія своего мнѣнія, и опускали пустые бюллетени. За періодъ съ 1869 по 1885 годъ число такихъ бюллетеней возросло слѣдующимъ образомъ: за періодъ отъ 1869 по 1874 оно равнялось 11%, отъ 1875 по 1880 г.—19% и отъ 1881 по 1885—18%.

По свидѣтельству Штюсси, интересъ къ законодательству среди гражданъ Цюрихскаго кантона слѣдуетъ признать неослабѣвающимъ и живымъ, но тѣмъ болѣе важны цифры, которыя онъ приводитъ, и въ особенности тѣ, которыя касаются количества голосовъ, поддерживавшихъ принятыя рѣшенія. За разсмотрѣнный имъ періодъ времени, въ 28 случаяхъ изъ 121, т.-е. болѣе, чѣмъ въ $^1/_5$ всѣхъ случаевъ народныхъ голосованій, рѣшеніе было принято 50—55% голосующихъ, такъ что почти половина голосующихъ была съ нимъ несогласна. Только въ 20 случаяхъ изъ 121 рѣ-

---

[1]) Въ цѣляхъ точности необходимо сдѣлать оговорку, что приводимыя цифры голосованій въ указанныхъ общинахъ относятся только къ референдуму 25 іюня 1871 г. Въ другихъ случаяхъ процентъ голосующихъ въ общинахъ со свободнымъ правомъ голоса не былъ столь низкимъ: въ общинѣ Цюрихѣ 25 апрѣля 1877 г. онъ достигъ 77%, въ общинѣ Ауссерзилѣ 12 іюня 1881 г.—66%. Въ другіе годы онъ понижался болѣе или менѣе значительно, но не такъ рѣзко, какъ въ 1871 году. См. Stüssi, Referendum und Initiative im Kanton Zürich. Horgen, 1886. SS. 44—46

шеніе было поддержано большинствомъ имѣющихъ право голоса; въ 101 случаѣ меньшинство создавало законы для большинства.

Среди этого большинства было, конечно, значительное количество лицъ, положившихъ пустые бюллетени и воздержавшихся отъ подачи голоса, что могло свидѣтельствовать о безразличномъ отношеніи ихъ къ поставленнымъ на голосованіе законопроектамъ. Штюсси выводитъ отсюда заключеніе, что такое безразличіе можетъ обозначать отсутствіе возраженій противъ этихъ законопроектовъ [1]). Но какъ бы ни объясняли это явленіе, оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что о безспорномъ и всеобщемъ выраженіи народной воли здѣсь говорить невозможно. Если же принять во вниманіе, что однохарактерныя данныя можно привести и относительно другихъ кантоновъ [2]), то въ соотвѣтствіи съ этимъ приходится сдѣлать и нѣкоторый общій выводъ. Этотъ выводъ заключается въ томъ, что въ дѣйствительности и при народномъ законодательствѣ законы нерѣдко являются результатомъ воли меньшинства гражданъ. Привлеченіе всѣхъ къ участію въ законодательствѣ *создаетъ для общественнаго мнѣнія лишь возможность проявиться съ большей силой; но оно не можетъ переродить самого общественнаго мнѣнія,*—его пассивности, его раздѣленій на отдѣльные и противорѣчивые голоса, его зависимости отъ извѣстнаго руководства активныхъ политическихъ дѣятелей.

Особенности референдума станутъ для насъ еще болѣе ясными, если мы разсмотримъ отдѣльныя формы его проявленія. Мы говорили до сихъ поръ о народномъ голосованіи, не различая его видовъ. Между тѣмъ подъ этимъ

---

1) Stussi, ibid. Ss. 57—58

2) См. цифры, приводимыя у Deploige, o c pp. 160—167 Болѣе подробныя цифровыя данныя относительно кантона Цюрихъ съ прибавленіемъ параллельныхъ данныхъ относительно голосованій швейцарскаго союза до 1893 см. въ другой работѣ Stussi: Referendum und Initiative in den Schweizer kantonen. Zurich, 1893. Beilage.

общимъ именемъ подразумѣваются весьма различныя формы, среди которыхъ въ качествѣ основныхъ считаются референдумъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и инициатива. Какъ референдумъ, такъ и инициатива имѣютъ затѣмъ свои подраздѣленія. Всѣ эти виды и подраздѣленія можно расположить въ извѣстной послѣдовательности, смотря по степени проявленія въ нихъ народныхъ правъ. Но если мы расположимъ ихъ въ такой послѣдовательности и будемъ изучать ихъ съ точки зрѣнія успѣшности ихъ дѣйствія, мы придемъ къ заключенію, что чѣмъ болѣе обезпечиваетъ извѣстная форма точное выраженіе въ законахъ народной воли, тѣмъ болѣе она оказывается недоступной для народа, тѣмъ болѣе она заключаетъ въ себѣ препятствій для свободнаго пользованія ею. И наоборотъ, формы, менѣе обезпечивающія народу точное исполненіе его воли, болѣе для него доступны и потому на практикѣ приносятъ лучшіе результаты.

Такъ, напримѣръ, изъ двухъ главныхъ видовъ референдума—факультативнаго и обязательнаго—первый имѣетъ, по словамъ непосредственныхъ наблюдателей, то преимущество, что „при немъ законы гораздо болѣе обсуждаются въ народѣ, чѣмъ при обязательномъ“ [1]). Объясненіе этому заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при факультативномъ референдумѣ народъ принимаетъ участіе въ законодательствѣ, когда онъ выражаетъ на это свое желаніе посредствомъ соотвѣтствующаго заявленія, тогда какъ при обязательномъ референдумѣ это участіе проявляется по отношенію ко всѣмъ законамъ, которые вырабатываются законодательными учрежденіями. Въ первомъ случаѣ народъ обсуждаетъ только то, что его болѣе живо интересуетъ, во второмъ—все, что предлагается на его обсужденіе. Отсюда разница въ характерѣ обсужденія, которое при факультативномъ референдумѣ осуществляется болѣе напряженно и внимательно. Но если разсматривать эти два вида референдума

---

[1]) Дюнанъ, стр. 88.

съ точки зрѣнія проявленія въ нихъ народныхъ правъ, то въ этомъ отношеніи обязательный референдумъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ факультативный. При его наличности представительныя собранія вырабатываютъ собственно не законы, а законопроекты, которые получаютъ свою санкцію только отъ народнаго голосованія. Напротивъ, при факультативномъ референдумѣ народная санкція имѣетъ мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ; въ остальныхъ случаяхъ законодательныя рѣшенія представительнаго собранія имѣютъ окончательную силу. Ясно, что обязательный референдумъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ верховной законодательной власти народа, чѣмъ факультативный, но столь же ясно, что обязательный референдумъ, возлагая на народъ значительно болѣе сложныя задачи и требуя болѣе частыхъ голосованій, не можетъ расчитывать на неизмѣнный интересъ гражданъ ко всѣмъ законодательнымъ вопросамъ. Практическое осуществленіе его нерѣдко сопровождается значительнымъ количествомъ воздержаній. Вслѣдствіе этого и до сихъ поръ нѣкоторые швейцарскіе политики предпочитаютъ факультативный референдумъ обязательному [1]). Нельзя не сказать, однако, что оба основныхъ вида референдума имѣютъ нѣкоторые существенные недостатки, препятствующіе болѣе точному проявленію въ нихъ воли голосующихъ. На рѣшеніе народа ставится только вопросъ о принятіи или непринятіи закона; народъ долженъ сказать: да или нѣтъ, причемъ законъ голосуется въ цѣломъ: никакихъ частичныхъ поправокъ, измѣненій или опущеній въ немъ не допускается. Вслѣдствіе этого мнѣніе народа оказывается безсильнымъ по отношенію къ подробностямъ закона, которыхъ измѣнить онъ не можетъ; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ изъ-за нѣкото-

---

[1]) См. напр Virgile Rossel, La démocratie et son évolution въ журн. Politisches Jahrbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft. 19 Jahrgang (1905). Pp. 204—209. Numa Droz высказывается въ пользу факультативнаго референдума и по другимъ соображеніямъ, а именно съ точки зрѣнія федерализма. См статью „La revision fédérale“ въ Bibliotheque universelle. T. XXII, 1885 Pp. 24—28.

рыхъ подробностей отвергнуть весь законъ, но это будетъ лишь неудобство иного рода. Само собою разумѣется, что для усовершенствованія референдума необходимо придумать средства, которыя могли бы устранить эти недостатки и неудобства. Но нельзя не замѣтить, что препятствіемъ къ созданію такихъ средствъ является самая природа референдума: допустить частичныя поправки въ предлагаемыхъ законопроектахъ при всенародномъ ихъ голосованіи значило бы затруднить законодательную работу до крайности. Въ каждомъ законѣ возможны самыя разнообразныя и весьма многочисленныя поправки, и если бы голосовать ихъ всенародно, это создало бы такое количество голосованій, котораго не выдержалъ бы и наиболѣе преданный политическимъ интересамъ народъ. Я не говорю уже о томъ, что согласно общему характеру референдума къ голосованію допускались бы лишь поправки, поддерживаемыя извѣстнымъ значительнымъ количествомъ голосовъ, что для каждой поправки создавало бы особую процедуру собиранія сочувствующихъ подписей и вносило бы новое осложненіе въ обсужденіе законовъ. Было бы болѣе согласно съ свободнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія ставить на обсужденіе каждую поправку, хотя бы и индивидуальную, но это увеличило бы количество голосованій до невозможности.

Въ смыслѣ болѣе полнаго проявленія народной воли выше референдума стоитъ такъ называемая народная инициатива. Какъ факультативный референдумъ, такъ и обязательный имѣютъ характеръ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный: они предоставляютъ народу возможность отвергнуть то, что противорѣчитъ его желаніямъ, они даютъ ему случай высказать свое одобреніе тому, что соотвѣтствуетъ его взглядамъ, но они не даютъ ему средствъ указывать и проводить въ жизнь желательные для него законы. Въ этомъ отношеніи только народная инициатива открываетъ возможность самостоятельнаго выступленія народа въ законодательной сферѣ. Но стоитъ только ближе

разсмотрѣть отдѣльные виды инициативы, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта болѣе дѣятельная форма проявленія народной воли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе для него доступная.

Народная инициатива имѣетъ слѣдующіе основные виды: или граждане заявляютъ свое желаніе въ общихъ чертахъ, предоставляя законодательнымъ учрежденіямъ выработать самый текстъ закона, или же они выражаютъ свои желанія въ формѣ выработаннаго и законченнаго законопроекта [1]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что только послѣдній видъ инициативы облекаетъ народныя желанія въ совершенно точную и конкретную форму. Хорошо извѣстно, какое огромное значеніе имѣютъ въ законѣ подробности, частности, нерѣдко даже отдѣльныя выраженія и слова. Самая лучшая законодательная мысль можетъ быть искажена отъ неудачныхъ и неточныхъ выраженій, употребленныхъ законодателемъ. Когда основныя положенія составляются одними лицами, а текстъ закона другими, то практически главное значеніе пріобрѣтаютъ эти другія лица; они являются настоящими законодателями, дающими плоть и кровь отвлеченному предложенію инициаторовъ закона. Въ ихъ волѣ—дать закону то или другое направленіе, тотъ или другой оттѣнокъ. И хотя окончательная санкція принадлежитъ народу, но при этомъ заключительномъ актѣ образованія закона нѣтъ возможности измѣнить текстъ закона, приходится или принять его или отвергнуть. По всѣмъ этимъ соображеніямъ инициатива, проявляющаяся въ формѣ составленія законченнаго законопроекта, стоитъ гораздо выше инициативы, сводящейся къ заявленію основныхъ положеній. Но составить законченный законопроектъ можетъ только небольшая группа спеціалистовъ, знакомыхъ съ техникой законодательнаго дѣла. Чѣмъ далѣе подвигаются въ разработкѣ подробностей, тѣмъ болѣе становится не-

---

[1]) Я не называю здѣсь третьяго вида, упоминаемаго у Дюнана (67 стр.), потому что онъ представляетъ лишь сочетаніе этихъ основныхъ видовъ.

возможнымъ привлечь къ дѣятельному обсужденію ихъ болѣе значительное количество гражданъ. Для массы народной выработка подробностей законовъ является во всякомъ случаѣ недоступной, и этотъ видъ инициативы въ сущности сводится къ работѣ внѣ-парламентскихъ группъ, берущихъ на себя починъ возбужденія извѣстнаго законодательнаго вопроса и привлекающихъ на свою сторону болѣе или менѣе значительное количество гражданъ. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что такая внѣ-парламентская инициатива, исходящая изъ среды народа, можетъ имѣть огромное и благодѣтельное значеніе. Но нельзя закрывать глаза на то, что *народной* инициативы въ подлинномъ смыслѣ слова здѣсь нѣтъ и даже не можетъ быть, поскольку искусство законодательной техники и обладаніе спеціальными юридическими познаніями всегда являются принадлежностью немногихъ. Швейцарскіе политики свидѣтельствуютъ намъ, во что превращается народная инициатива на практикѣ. Такъ какъ требованіе объ изданіи новаго закона или пересмотрѣ стараго исходитъ обыкновенно отъ немногихъ, отъ небольшой группы лицъ, то необходима весьма дѣятельная агитація для того, чтобы привлечь на сторону предлагаемаго законопроекта значительное количество гражданъ [1]) О характерѣ этой агитаціи мы узнаемъ отъ извѣстнаго швейцарскаго демократа Штюсси. „Чтобы принудить къ подписи несогласныхъ,—разсказываетъ онъ—взываютъ къ партійной дисциплинѣ, пускаютъ въ ходъ все общественное вліяніе, пользуются узами дружбы, дѣловыми отношеніями; даже женщинъ побуждаютъ подписываться за ихъ мужей, сыновей и отцовъ; на несогласнаго производятъ всяческое давленіе, пока онъ, наконецъ, не уступитъ, лишь бы его оставили въ покоѣ; ему облегчаютъ дѣло, предлагая, чтобы онъ только наполовину согласился и позволилъ подписаться за себя. Обыкновенно бываетъ

[1]) Въ различныхъ кантонахъ это количество весьма различно: оно колеблется отъ 50 въ Ури до 10.000 въ С. Галленѣ и 12.000 въ Бернѣ (для пересмотра конституціи въ Бернѣ требуется 15.000 подписей).

невозможно дать подписывающемуся достаточно времени, чтобы разсмотрѣть проектъ и его основанія; ему говорятъ, въ чемъ приблизительно дѣло. Если при этомъ истина не всегда вполнѣ уважается, это зависитъ отъ самаго характера агитаціи. Такимъ образомъ собираютъ въ концѣ концовъ 5000 „согласныхъ“, и дѣло сдѣлано. Но можно ли признать эти формы соотвѣтствующими достоинству народнаго права? Инициатива, монополизированная въ пользу тѣхъ, которые имѣютъ время, деньги и желаніе вести агитацію, можетъ ли считаться правильной формой содѣйствія народа улучшенію государственныхъ дѣлъ? Есть ли въ этой агитаціи элементъ, способствующій политическому воспитанію народа?“ [1]).

Эта интересная характеристика, несомнѣнно заимствованная изъ жизни, показываетъ, при какихъ условіяхъ осуществляется въ жизни право народной инициативы. Самъ Штюсси, написавшій одну изъ любопытнѣйшихъ монографій по вопросу о референдумѣ и инициативѣ, приходитъ къ тому заключенію, что если коллективная инициатива, предъявляемая съ извѣстнымъ значительнымъ количествомъ подписей, не можетъ быть признана правильной формой народнаго законодательства, то взамѣнъ этого должно быть широко развито ничѣмъ не стѣсняемое право индивидуальной инициативы. Онъ поддерживаетъ проектъ, который въ свое время былъ предложенъ однимъ цюрихскимъ союзомъ (Grutliverein) и согласно которому каждый гражданинъ, желающій воспользоваться своимъ правомъ инициативы, долженъ имѣть возможность лично представить свой законопроектъ законодательному учрежденію. Затѣмъ особая комиссія должна, вмѣстѣ съ составителемъ проекта, разсмотрѣть его предложеніе, и если окажется нужнымъ, совмѣстно исправить его, чтобы передать затѣмъ на обсужденіе народа [2]).

---

[1]) Stussi, o. c. Ss. 79—80.

[2]) Stussi, o. c. Ss 82—85.

Мысль Штюсси о томъ, чтобы сдѣлать инициативу свободной для каждаго гражданина, заслуживаетъ всякаго вниманія, какъ отвѣчающая всего болѣе идеалу демократическаго государства; но нельзя не отмѣтить, что принципъ *свободной* инициативы не вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ *народной* инициативы. Вмѣсто привлеченія къ законодательству народныхъ массъ здѣсь достигается только возможность широкаго доступа къ законодательству всѣхъ интересующихся и знающихъ, хотя бы они стояли внѣ парламента. Создается возможность инициативы независимо отъ парламента, что, конечно, очень важно, но далеко не то же, что непосредственное участіе народа въ законодательствѣ.

Отсюда видно, въ какой мѣрѣ справедливы утвержденія, что швейцарскій народъ при посредствѣ инициативы можетъ свободно управлять своими дѣлами во всѣхъ областяхъ. Едва ли не слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Боржо, который, приведя одинъ изъ такихъ отзывовъ, принадлежащій лозанскому профессору Бернею, называетъ его „бутадою юриста“. Въ данномъ случаѣ между отвлеченной возможностью, открываемой правомъ, и практической дѣйствительностью, допускаемой условіями общественной жизни, существуетъ самое рѣзкое различіе. Въ Швейцаріи права народа болѣе обезпечены закономъ, но главная законодательная работа, какъ и вообще вся политическая дѣятельность, осуществляется политиками по профессіи и по призванію, какъ и повсюду. Интересно отмѣтить, что даже писатели, склонные преувеличивать значеніе народной инициативы, относительно современнаго ея осуществленія должны сказать: „швейцарскій народъ еще не готовъ къ полному осуществленію народовластія. Для возможности дѣйствительнаго самоопредѣленія и самоуправленія народа требуются особыя условія, которыхъ еще нѣтъ въ современной жизни“ [1]). Политики-оптимисты склонны

[1]) Тактаревъ, „Отъ представительства къ народовластію“. Спб. 1907 стр. 186.

все зло относить къ современнымъ условіямъ, но въ данномъ случаѣ дѣло не въ условіяхъ того или другого времени, а въ условіяхъ общественной жизни и человѣческой природы.

Мы замѣтили, что и въ Швейцаріи главная законодательная работа совершается политиками по профессіи и по призванію. Значеніе института народной инициативы, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что она открываетъ не только de facto, но и de jure доступъ къ законодательству всѣмъ интересующимся и знающимъ, хотя бы и стоящимъ внѣ парламента. Мы будемъ еще имѣть далѣе случай подчеркнуть это положеніе; здѣсь же мы должны обратить вниманіе на то, что это участіе въ законодательствѣ внѣпарламентскихъ дѣятелей не устраняетъ, однако, и вліятельнаго значенія представительныхъ учрежденій. Какъ справедливо предсказывалъ Вельти, представительство не такое установленіе, „которое легко выбросить въ окно“. Все же систематическая законодательная работа по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни остается въ его рукахъ. Пусть эта работа иногда является только подготовительной: она не становится отъ этого менѣе важной. Швейцарскіе писатели основательно указываютъ, что введеніе новыхъ формъ законодательства не уничтожило функцій представительныхъ учрежденій по иниціативѣ, обсужденію и редактированію законовъ [1]). Это указаніе является не болѣе, какъ признаніемъ дѣйствительнаго значенія представительныхъ собраній, закрѣпленнаго за ними какъ союзной конституціей, такъ и конституціями кантональными. Но несомнѣнно, что референдумъ и народная иниціатива способствуютъ установленію болѣе тѣсной связи законодательства съ воззрѣніями народа и въ этомъ смыслѣ создаютъ и для органовъ представительства новое положеніе. Въ спорѣ съ Эсменомъ по вопросу о референдумѣ Дюги высказалъ мысль, что всѣ установленія, которыя имѣютъ цѣлью обезпечить

[1]) Всего яснѣе это указаніе сдѣлано въ прекрасной монографіи Albert Keller: Das Volksinitiativrecht nach den schweizerischen Kantonverfassungen Zurich, 1889 Ss. 80—84.

по мѣрѣ возможности соотвѣтствіе парламентскихъ рѣшеній съ народной волей, „являются необходимымъ дополненіемъ представительнаго режима“ [1]) Съ этой именно точки зрѣнія референдумъ получаетъ надлежащее освѣщеніе. И что бы ни говорили Эсменъ, Синьерель и другіе, швейцарскія формы народнаго законодательства имѣютъ несомнѣнное будущее и внѣ предѣловъ своей родины.

Разсмотрѣніе конкретныхъ формъ, въ которыхъ проявляется въ Швейцаріи народное законодательство, привело насъ къ заключенію, что развитіе этихъ формъ не уничтожило роли представительныхъ учрежденій. Но болѣе того: при ближайшемъ ознакомленіи съ практикой референдума и народной инициативы, при изученіи приведенныхъ выше данныхъ и цифръ мы приходимъ къ заключенію, что и въ этихъ новыхъ демократическихъ установленіяхъ въ сущности проявляется тотъ же принципъ представительства. Общія рѣшенія и здѣсь принимаются лишь большинствомъ голосующихъ гражданъ; а это большинство является иногда меньшинствомъ не только всего народа, но и всѣхъ имѣющихъ право голоса. Если такимъ образомъ и здѣсь меньшинство даетъ законы для большинства, то это значитъ, что референдумъ привлекаетъ къ участію въ законодательствѣ только *нѣкоторыхъ, принимающихъ рѣшенія за всѣхъ*. Въ сущности, какъ справедливо замѣтилъ Альбертъ Келлеръ, референдумъ и инициатива представляютъ собою средство „не къ осуществленію народнаго суверенитета, а къ чрезвычайному расширенію первоначально тѣснаго представительнаго корпуса“ [2]) Если бы приложить къ анализу дѣйствующихъ формъ народнаго законодательства

---

[1]) Duguit, Droit constitutionnel Paris, 1907, § 51, особ. p. 301 и далѣе § 52, pp. 308—309.—Эсменъ и въ новѣйшемъ изданіи попрежнему высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ референдуму. (Droit constitutionnel. Paris, 1906 Pp 345—347).

[2]) Alb. Keller, Das Volksinitiativrecht. Zurich, 1889. S. 73. „...nicht zur Verwirklichung der Volkssouveranität, sondern zu einer grossartigen Erweiterung des ursprünglich engen *Repräsentativ-Korpers*“.

строгій принципъ народнаго суверенитета, пришлось бы признать полное несоотвѣтствіе ихъ съ этимъ принципомъ. Но это значило бы также, что принципъ народнаго суверенитета и въ этомъ случаѣ имѣетъ иное значеніе, чѣмъ то, которое придавалъ ему Руссо II здѣсь народная воля выражается не въ актахъ непосредственнаго и всеобщаго самообнаруженія, а при посредствѣ извѣстной организаціи. И здѣсь народный суверенитетъ имѣетъ значеніе лишь высшей моральной санкціи; для выраженія же общей воли *создается особый органъ,*—совокупность гражданъ, имѣющихъ право голоса и говорящихъ отъ имени всего народа. Задача этого органа *не отражать, а создавать общую волю*, и потому ему усваивается право самостоятельно и свободно постановлять общія рѣшенія.

Изъ всего этого вытекаетъ, что осуществленія идеала чистой и безспорной народной воли такъ же мало можно искать въ швейцарской демократіи, какъ и въ представительныхъ формахъ правленія. Тамъ и здѣсь политическая жизнь въ концѣ концовъ направляется немногими руководящими дѣятелями. Вся разница — въ болѣе широкой возможности народнаго контроля, но контроля все же поставленнаго въ извѣстныя рамки, болѣе относящагося къ общему, чѣмъ къ подробностямъ. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ политическихъ писателей С. А. Котляревскій, „никогда, быть можетъ, мы не чувствуемъ съ болѣе безпощадной ясностью предѣловъ воздѣйствія государственной организаціи на судьбу общества и на судьбу человѣческой личности, какъ при изученіи именно наиболѣе передовыхъ формъ конституціонной демократіи; и психологически понятно, почему при изученіи именно этихъ формъ зарождаются сомнѣнія не только въ наиболѣе прочно обоснованныхъ теоремахъ конституціоннаго права, но и въ самомъ признаніи цѣлесообразности и необходимости государственной организаціи вообще. Но этихъ анархическихъ сомнѣній, очевидно, не устранитъ ни народная инициатива, ни референдумъ, ни обязатель-

ный мандатъ. Ни Льва Толстого, ни Бруно Вилле, ни Элизе Реклю эти учрежденія не примирятъ съ государствомъ“ [1]).

X. Идея совершенства учрежденій. Свободная организація общественнаго мнѣнія.

Но быть можетъ, и представительство, и референдумъ, и народная инициатива нуждаются въ нѣкоторой реорганизаціи основъ современнаго политическаго строя, для того чтобы принести должные плоды? Быть можетъ, недостатки современнаго государства могутъ быть исправлены какими-либо реформами въ его устройствѣ, и тогда оно встанетъ на должную высоту? Такой взглядъ высказывается нерѣдко въ политической литературѣ, и мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія. Существуютъ и нѣкоторыя конкретныя указанія относительно того, что и какъ слѣдуетъ исправить; есть даже цѣлые планы переустройства современнаго государства. Въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ и характернымъ слѣдуетъ признать нашумѣвшее сочиненіе Бенуа „La crise de l'état moderne“. Значительность темы, острота критическаго анализа, обширность эрудиціи автора, все дѣлаетъ книгу его интересной и заслуживающей вниманія. Но нельзя не подивиться тому, что, поставивъ вопросъ чрезвычайно важный и глубокій, онъ свелъ свое изслѣдованіе къ результатамъ столь скуднымъ и незначительнымъ. Рѣчь идетъ о кризисѣ современнаго государства, о нѣкоторыхъ коренныхъ пробѣлахъ въ его жизнедѣятельности, а Бенуа находитъ средство исцѣленія въ томъ, чтобы „организовать всеобщее избирательное право“, чтобы создать представительство профессій и интересовъ! Поистинѣ авторъ не понялъ всей глубины поставленнаго имъ вопроса, и вся его эрудиція, всѣ эти цифры, таблицы, ссылки имѣютъ характеръ какого-то пышнаго украшенія къ весьма незамысловатой научной постройкѣ [2]). Но именно эта удивительная

[1]) Конституціонное государство. Спб., 1907, стр. 43.

[2]) Я не упоминаю здѣсь о другомъ предложеніи Бенуа, клонящемся къ учрежденію особаго законодательнаго органа, стоящаго внѣ парламента и

несоразмѣрность между значительностью темы и жалкимъ способомъ ея разрѣшенія является типической и характерной для современныхъ произведеній этого рода.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что всеобщее избирательное право организовано по плану Бенуа,—устраняются ли этимъ несовершенства представительной системы, построенной исключительно на числовыхъ соотношеніяхъ. Пусть дѣйствительно найдено будетъ средство представить всѣ классы и профессіи соразмѣрно ихъ значенію въ жизни, значитъ ли это, что представительство и на самомъ дѣлѣ отразитъ жизнь народа во всемъ разнообразіи ея оттѣнковъ и во всей измѣнчивости ея проявленій? Бенуа, какъ и всѣ писатели этого рода, забываетъ, что проблема справедливаго избирательнаго права неразрѣшима и что какія бы новыя системы представительства ни были изобрѣтены, это не измѣнитъ существа дѣла. Мы говорили уже объ этомъ выше съ достаточной подробностью. Но оптимистическая увѣренность Бенуа въ томъ, что онъ нашелъ секретъ исцѣленія современнаго государства, любопытна для насъ въ особенности въ томъ отношеніи, что она отражаетъ старую политическую вѣру — *найти учрежденіе, дѣйствующее съ совершенствомъ образцоваго механизма, въ силу одной своей организаціи и независимо отъ свойствъ входящихъ въ него людей.* Морисъ Блокъ удачно сравнилъ эту вѣру съ вѣрой въ возможность открыть perpetuum mobile. То, что въ механикѣ и физикѣ называется perpetuum mobile, въ области политической и экономической Морисъ Блокъ называетъ *автоматизмомъ* [1]). Подъ этимъ названіемъ онъ разумѣетъ свойство извѣстнаго учрежденія дѣйствовать въ силу своей организаціи, обезпечивающей ему и продолжительность дѣйствія, и достиженіе цѣли, и свободу отъ уклоненій въ сторону. Мысль объ

составленнаго изъ наиболѣе заслуженныхъ людей страны (op cit. pp. 300—307),—потому что это предложеніе въ его планахъ играетъ лишь второстепенную роль.

[1]) Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques T. XLIX (1898). P. 460.

автоматическомъ дѣйствіи совершенныхъ учрежденій упускаетъ изъ виду существеннѣйшее обстоятельство, что въ учрежденіяхъ дѣйствуютъ люди, которые и даютъ всякимъ политическимъ формамъ ихъ настоящее содержаніе. Принципъ автоматизма въ политикѣ покоится всецѣло на механическомъ созерцаніи, на понятіи о какомъ-то самопроизвольномъ и неизмѣнномъ движеніи, непогрѣшимо выполняющемъ нѣкоторыя благія предначертанія. Какъ будто бы политика не есть *искусство*, требующее постоянныхъ нравственныхъ и умственныхъ усилій со стороны людей и опирающееся не только на совершенство учрежденій, но прежде всего на усилія лицъ, входящихъ въ ихъ составъ. Бенуа вѣрно указалъ явленіе—кризисъ современнаго государства, но онъ не понялъ ни огромнаго значенія этого явленія, ни его настоящаго смысла, и въ своихъ положительныхъ указаніяхъ, какъ это правильно отмѣтилъ Сеньобосъ, въ сущности предложилъ возвратъ къ отжившимъ формамъ средневѣковья [1]).

Но не являются ли подобной же вѣрой въ возможный автоматизмъ учрежденій и всѣ другія попытки найти совершенное избирательное право, создать совершенную партійную организацію, довести до совершенства законодательные органы. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ возможны улучшенія и исправленія. Такъ, напримѣръ, слѣдуетъ считать элементарной истиной, что расширеніе избирательныхъ правъ есть дѣло простой справедливости и что цензовое представительство грѣшитъ противъ самыхъ основъ современнаго государства, но никто не скажетъ, что всеобщее избирательное право разрѣшаетъ всѣ политическія затрудненія и является вѣнцомъ политическаго развитія. Точно также нельзя не признать, что пропорціональное представительство, которому многіе писатели придаютъ такое преувеличенное значеніе, имѣетъ свои хорошія стороны. Оно создаетъ болѣе равномѣрное представительство

---

[1]) Revue du droit public. T. IX (1898). Pp. 141—144

отдѣльныхъ группъ избирателей и до извѣстной степени ослабляетъ недостатки мажоритарной системы. Но кто повторитъ теперь увѣреніе Милля, что пропорціональное представительство имѣетъ „достоинства до сихъ поръ почти неслыханныя и проводитъ великій государственный принципъ способомъ, близкимъ къ идеальному совершенству". Самые горячіе сторонники этой системы должны признать, что она обезпечиваетъ представительство только группамъ болѣе значительнымъ: о математической пропорціональности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ уже было разъяснено выше, при всякой пропорціональной системѣ остаются группы непредставленныя, и только то меньшинство получаетъ признаніе, которое достигаетъ извѣстной количественной нормы [1]). Съ другой стороны, справедливо указываютъ, что, вопреки ожиданію Милля, пропорціональная система не только не устраняетъ, а напротивъ усиливаетъ зависимость отъ партій и крайне затрудняетъ возможность избранія кандидатовъ, не поддерживаемыхъ партійными организаціями.

Столь же преувеличенными представляются намъ надежды на возможные результаты преобразованія партій, отъ котораго нѣкоторые писатели ожидаютъ полнаго оздоровленія политической жизни. Почтенный авторъ обширной монографіи о современной организаціи партій г. Острогорскій, изобразившій столь ярко дѣйствіе партійнаго механизма въ Англіи и Америкѣ, предлагаетъ цѣлый планъ реорганизаціи партій. Основная мысль этого плана заключается въ томъ, чтобы партіи утратили свой постоянный и тѣсно сплоченный характеръ и пріобрѣли значеніе временныхъ соединеній для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, по выполненіи которыхъ данныя организаціи считали бы оконченнымъ и свое дѣло, и свое существованіе [2]). Мы не говоримъ уже о трудности установить границы для дѣятель-

[1]) См. выше, стр 146.

[2]) Ostrogorsky, La démocratie et l'organisation des partis politiques. T. . Pp. 611 et suiv.

ности партій, согласно проекту Острогорскаго: было бы въ высшей степени затруднительно обосновать юридически запрещеніе дѣйствія союзовъ, не противныхъ закону и мирно занимающихся политикой Но независимо отъ этого, власть партійныхъ соединеній не измѣняется отъ того, будутъ ли эти соединенія временныя или постоянныя. Въ тотъ рѣшительный моментъ, когда партіи будутъ осуществлять свои задачи во время выборовъ и народныхъ голосованій, онѣ все же будутъ дѣйствовать, какъ сплоченныя группы, повинующіяся партійной дисциплинѣ. Проявляя дѣйствіе свое въ минуты наиболѣе напряженнаго общественнаго вниманія, онѣ тѣмъ вѣрнѣе будутъ обнаруживать свою объединяющую и организующую силу. И какъ бы ни увеличилось число партій при той облегченной свободѣ изъ образованія и уничтоженія, о которой говоритъ Острогорскій, положеніе независимыхъ политиковъ отъ этого не стало бы легче, ибо для политическаго успѣха они все же должны были бы примкнуть къ какому-либо партійному союзу и подчиниться его уставу и дисциплинѣ. Увеличеніе количества партій создало бы только относительную свободу выбора между ними, что, конечно, имѣетъ свое значеніе, но весьма условное и ограниченное.

Мы не ставимъ своей цѣлью перечислить всѣ проекты преобразованія современнаго государства. Но въ отношеніи ко всѣмъ имъ можно повторить мысль, высказанную выше: всѣ они осуждены на неудачу, поскольку они проникнуты мыслью *создать автоматизмъ совершенныхъ учрежденій*. Но съ другой стороны, всѣ они заключаютъ въ себѣ одну здоровую и высоко важную мысль, поскольку они исходятъ изъ стремленія найти пути для болѣе свободнаго и всесторонняго проявленія новыхъ политическихъ силъ, не имѣющихъ доступа къ современной политикѣ. Въ частности, тотъ кризисъ парламентаризма, о которомъ говорятъ въ наше время, не имѣетъ другого значенія, какъ то, *чтобы открыть просторъ свободной внѣ-парламентской инициативѣ*. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ признать, что никакія усилія

политическаго творчества не создадутъ совершенныхъ политическихъ учрежденій и что въ послѣднемъ счетѣ все опредѣляется нравственными и умственными силами народа; но именно поэтому необходимо и важно для каждой способности открыть свободу проявленія въ политической области. Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ вниманія каждая новая попытка вызвать къ жизни новыя силы для выраженія народныхъ нуждъ, помимо офиціально признанныхъ органовъ правительства и представительства. Іеллинекъ кончаетъ свою высокоинтересную брошюру объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ конституцій выраженіемъ надежды, что развивающаяся самоорганизація общества, объединяя отдѣльныхъ лицъ во множество взаимно-перекрещивающихся группъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ новые пути для воздѣйствія на законодательство, поскольку этимъ группамъ предоставляется право петицій и внесенія предложеній и поскольку отъ нихъ требуются отзывы по поводу задуманныхъ законовъ и указовъ. Здѣсь, по мнѣнію Іеллинека, таится зародышъ новой формы законодательства, возможность образованія новыхъ законодательныхъ органовъ, непосредственно созданныхъ группировкой общества и создающихъ свои особыя нормы для спеціальныхъ сферъ жизни. Такъ сами собой появляются органы внѣ-парламентской народной воли, естественно выросшіе изъ жизни народной и призванные восполнять то представительство народныхъ нуждъ, которое теперь осуществляется органами искусственно созданными и составленными.

Но для того, чтобы правильно понимать эти новыя явленія, надо отрѣшиться отъ прежней точки зрѣнія на волю народа, почерпнутой изъ теоріи Руссо. Какія бы новыя измѣненія ни пережили современныя конституціи, никогда онѣ не приведутъ къ торжеству идеи общей воли, совмѣщающей въ гармоническомъ единствѣ желанія всего народа. И быть можетъ еще болѣе, чѣмъ условія настоящаго, въ противорѣчіи съ теоріей Руссо стоятъ предвѣстья будущаго Освѣщеніе вопроса съ этой точки зрѣнія дастъ

намъ новыя указанія относительно того направленія, въ которомъ должна быть измѣнена теорія Руссо.

Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ протяженіи нашего изслѣдованія мы постоянно убѣждались въ томъ, что самыя демократическія формы современнаго государства не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія идеальной народной воли. Ни референдумъ, ни народная инициатива, не говоря уже о формахъ представительнаго правленія, не отвѣчаютъ идеалу всеобщаго согласія, при которомъ законы признаются одинаково всѣми и выполняются каждымъ по свободному убѣжденію въ ихъ справедливости. Но не значитъ ли это, что теорія народной воли, никогда не осуществленная и совершенно неосуществимая, не является настоящимъ базисомъ современнаго государства? Развитіе новыхъ явленій, о которыхъ мы только что говорили, какъ нельзя лучше помогаетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Мы видѣли, что ростки будущаго обѣщаютъ намъ, если угодно, лучшее выраженіе народной воли, но не при помощи дѣйствительнаго участія всѣхъ и каждаго въ ея образованіи, а посредствомъ *созданія новыхъ органовъ свободнаго выраженія народныхъ нуждъ*. Какъ прежде народная воля выражалась особыми органами, искавшими и находившими ее въ процессѣ умственнаго труда и политическаго искусства, такъ и въ этихъ новыхъ образованіяхъ на помощь прежнимъ органамъ являются новые органы. Способъ ихъ образованія предполагается иной, но существо дѣла остается то же: изъ массы гражданъ, изъ народа выдѣляются особыя группы, которыя берутъ на себя задачу говорить за другихъ и способствовать устроенію политической жизни. Не безошибочной и механически совершенной является дѣятельность этихъ органовъ: у нихъ нѣтъ непогрѣшимыхъ вѣсовъ Ѳемиды, для того чтобы взвѣшивать сравнительное значеніе отдѣльныхъ мнѣній, какъ и нѣтъ возможности проникнуть въ тайники народной воли, чтобы вычитать тамъ ея безспорный смыслъ. Вся задача политики въ этомъ отношеніи сводится лишь къ тому, чтобы *обезпечить процессъ*

свободнаго образованія народной воли и свободнаго ея выраженія, и въ этомъ смыслѣ созданіе органовъ свободной внѣ-парламентской инициативы является наилучшимъ средствомъ помочь осуществленію этой задачи [1]). Путь къ будущему, какъ можно заключить отсюда, лежитъ черезъ усовершенствованіе существующихъ политическихъ формъ, а не черезъ возвратъ къ старымъ, и критика представительства должна привести къ требованію его восполненія, а не устраненія. По существу, формы народнаго законодательства, какъ мы говорили выше, являются лишь расширеніемъ представительнаго начала. Но точно также и образованіе органовъ внѣ-парламентской инициативы только раздвинетъ и углубитъ идею представительства, привлекши къ осуществленію ея новыя силы. Дальнѣйшая эволюція политическихъ учрежденій можетъ привести къ усиленію исполнительной власти, но это усиленіе будетъ лишь обратной стороной ея увеличившейся непосредственной связи съ народомъ, какъ это разъяснено выше на примѣрѣ Англіи [2]). Поэтому оно не можетъ ни задержать, ни ослабить постепеннаго роста представительнаго начала. Что же касается несовершенствъ, приписываемыхъ представительнымъ учрежденіямъ, то эти несовершенства имѣютъ болѣе общее значеніе и съ тѣмъ большей силой проявляются при отсутствіи представительства. И потому всѣ попытки реставраціи архаическихъ формъ должны быть признаны ложными въ самой своей основѣ: критикуя несовершенное настоящее, онѣ безсильны создать лучшее будущее и только возвращаются къ еще болѣе несовершенному

---

1) См. однохарактерный предварительный выводъ, сдѣланный выше стр. 43.

2) Очень интересно отмѣтить, что объ усиленіи исполнительной власти рѣчь идетъ въ настоящее время именно въ странахъ наиболѣе демократическихъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характернымъ слѣдуетъ признать появленіе книги Barthelémy, Le rôle du pouvoir executif dans les républiques modernes. Paris., 1907. См. также Virgile Rossel, La démocratie et son évolution въ журн. „Politisches Jahrbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft.", 19. Jarhgang (1905). Pp. 209—221.

прошлому. На вопросъ: что же далѣе? — онѣ отвѣчаютъ безпомощнымъ восхваленіемъ уже обнаружившихъ свою несостоятельность старыхъ формъ. Но если представительство признается недостаточно выражающимъ народную волю, то при отсутствіи его и это недостаточное выраженіе является недостижимымъ: создается глухое отчужденіе отъ народа и подчасъ рѣзкое противорѣчіе съ его желаніями. Никогда ни самое лучшее представительство, ни самыя развитыя формы народнаго законодательства не въ силахъ будутъ привлечь къ участію въ законодательствѣ всѣхъ гражданъ и отразить въ законѣ всѣ запросы и желанія народа; но только расширеніе и развитіе представительнаго начала создастъ условія для той *свободной организаціи общественнаго мнѣнія,* которая составляетъ задачу и опору политики правового государства.

Но если всегда и при всѣхъ условіяхъ народную волю выражаютъ особые органы, искусственно для этого образованные или естественно созданные, то во что же превращается идея Руссо о суверенномъ значеніи этой воли. Мы видимъ, съ одной стороны, что народная воля сводится въ дѣйствительности къ волѣ органовъ, ее выражающихъ; съ другой стороны, несмотря на постоянное разногласіе въ пониманіи народной воли различными группами общества и органами власти, самый принципъ народной воли неизмѣнно сохраняетъ свое руководящее значеніе, какъ верховная основа современной политики. Не значитъ ли это, что *народная воля, помимо своего фактическаго и несовершеннаго выраженія въ формѣ общественнаго мнѣнія, имѣетъ еще и нѣкоторое идеальное бытіе, въ видѣ нѣкоторыхъ руководящихъ началъ, которыми опредѣляется ея настоящее содержаніе.* Если въ спорѣ отдѣльныхъ направленій каждое изъ нихъ заявляетъ о другомъ, что оно не выражаетъ нуждъ и желаній народныхъ, не значитъ ли это, что понятіе свое о желаніяхъ народныхъ оно ставитъ въ связь не столько съ разнорѣчивыми фактическими заявленіями общественнаго мнѣнія, сколько съ нѣкоторыми принципіальными началами, которыми оно

считаетъ себя связаннымъ. Пока сохраняется теорія, что народная воля есть ясная и безспорная величина, легко раскрывающаяся въ процессѣ своего самообнаруженія, идея и фактъ народной воли совпадаютъ; но какъ только приходятъ къ сознанію, что народная воля есть постоянная загадка, которую надо искать и искать, что общественное мнѣніе есть лишь смутный образъ ея воплощенія и что выводить изъ этого мнѣнія народную волю призваны особые органы, такъ тотчасъ же обнаруживается необходимость поставить и надъ этимъ мнѣніемъ, и надъ этими органами нѣкоторые идеальные принципы, соотвѣтственно которымъ должна распознаваться истинная народная воля. Говоря короче, *народная воля сама сводится чрезъ это къ нѣкоторымъ идеальнымъ принципамъ, которымъ она должна уступить свое верховное значеніе.* Не будучи сама по себѣ ни легко распознаваемымъ фактомъ, ни первичнымъ нравственнымъ началомъ, она нуждается въ сведеніи къ другимъ началамъ, и весь вопросъ заключается въ томъ, каковы эти начала и какъ они могутъ быть опредѣлены. Мы подошли здѣсь къ новому вопросу своего изслѣдованія—о принципіальномъ значеніи понятія общей воли.

XI. Справедливость и общая воля. Принципъ большинства.

Въ теоріи Руссо принципіальное значеніе общей воли опредѣлялось предположеніемъ, что эта воля всегда является безспорной и справедливой. Будучи источникомъ справедливости, она обезпечиваетъ одинаковыя для всѣхъ равенство и свободу и утверждаетъ то общественное согласіе, которымъ отличается совершенное общеніе. Если спросить, почему у Руссо народная воля признается вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливой, то отвѣтъ на это можно было бы найти въ другомъ его предположеніи, согласно которому эта воля представляетъ собою опредѣленный и постоянный элементъ, присущій волѣ отдѣльныхъ лицъ. Она является какъ бы общимъ разумомъ гражданъ, тѣмъ внут-

реннимъ разумнымъ закономъ, подчиненіе которому обезпечивается его безспорными преимуществами.

Очевидная ясность этихъ заключеній, неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ, исчезаетъ, однако, тотчасъ же, какъ только подвергается сомнѣнію главное предположеніе, лежащее въ ихъ основѣ. Пока общая или народная воля можетъ быть мыслима, какъ опредѣленная и постоянная величина, возможно и утвержденіе, что она является твердымъ критеріемъ общественной справедливости. Но когда мы убѣдились, что такой опредѣленной и постоянной воли народа нѣтъ въ дѣйствительности, и что на самомъ дѣлѣ она постоянно ищется и опредѣляется въ живомъ процессѣ общественныхъ взаимодѣйствій, тогда становится очевиднымъ, что нельзя говорить и о ея безусловномъ этическомъ значеніи, какъ критерія справедливости. Напротивъ, приходится искать помимо нея высшихъ руководящихъ началъ, съ помощью которыхъ можно было бы разбираться въ хорѣ разнорѣчивыхъ общественныхъ заявленій.

Могутъ сказать, конечно, что Руссо ожидалъ справедливости и гармоніи отъ нормальнаго общества, а мы живемъ въ ненормальномъ, что его теорія общей воли расчитана на иной общественный строй и на иныя общественныя отношенія. Но вѣдь это значитъ то же самое, что въ условіяхъ дѣйствительной жизни, съ присущими ей противорѣчіями, теорія эта неприложима, и что гармонія, которую она обѣщаетъ, какъ послѣдствіе ея примѣненія, на самомъ дѣлѣ уже предполагается ею, какъ условіе ея успѣшнаго дѣйствія. Фактъ тотъ, что она не можетъ дать того, чего нѣтъ въ жизни, и что вмѣсто яснаго рѣшенія, она предлагаетъ лишь новыя задачи.

Высказанныя здѣсь соображенія не даютъ, однако, права сразу устранить весь вопросъ о справедливости общей воли. Для тѣхъ, кто послѣ Руссо отстаивалъ неизмѣнную правомѣрность народныхъ рѣшеній и кто признавалъ при этомъ неизбѣжность противорѣчій въ средѣ народа, указанный вопросъ разрѣшался въ томъ смыслѣ, что справед-

ливымъ слѣдуетъ признавать мнѣніе большинства. Предполагалось, что при всемъ различіи воззрѣній, проявляющихся въ каждомъ обществѣ, всегда возможно узнать на чьей сторонѣ правда: это опредѣляется мнѣніемъ, получающимъ перевѣсъ. Въ виду того, что фактически общая воля всегда является волею большинства, утвержденіе о справедливости общей воли само собою переходитъ въ предположеніе о правдѣ большинства. Къ анализу этого предположенія мы и должны теперь обратиться, если хотимъ изслѣдовать до конца теорію общей воли.

При углубленіи въ существо подлежащаго нашему разсмотрѣнію вопроса мы должны были бы прежде всего обратить вниманіе на то, что не только мнѣніе большинства, но и единогласное постановленіе всѣхъ не обусловливаетъ еще справедливости вынесеннаго рѣшенія. Справедливость какого-либо сужденія опредѣляется внутренними признаками, а не количествомъ признающихъ его голосовъ. Достаточно хорошо извѣстно, что одинъ фактъ принятія извѣстнаго рѣшенія большинствомъ голосовъ не убѣждаетъ еще въ его преимуществахъ несогласное съ нимъ меньшинство. Нерѣдко это послѣднее столь же рѣшительно продолжаетъ отстаивать правду своего положенія, сколь рѣшительно стоитъ за свое мнѣніе большинство. Вслѣдствіе этого, независимо отъ численнаго соотношенія сторонъ, возникаетъ вопросъ, гдѣ правда. И если подъ общей волей понимать волю большинства, то надо сказать, что положеніе объ убѣждающей справедливости общей воли спорно не только по существу, но и съ внѣшней стороны, поскольку фактически правдѣ общей воли всегда противополагается оспаривающая ее правда меньшинства, неудовлетвореннаго и несогласнаго съ большинствомъ и покоряющагося не превозмогающей правдѣ, а преобладающей силѣ. Одно это соображеніе превращаетъ въ ничто схему Руссо о справедливомъ государствѣ, основанномъ на общей волѣ.

Сила этого соображенія, какъ извѣстно, не укрылась отъ проницательнаго взгляда Руссо, и въ своемъ „Общест-

венномъ договорѣ“ онъ представилъ по этому поводу свои разъясненія. Онъ допускалъ случаи, когда ни одна изъ сторонъ, ни большинство, ни меньшинство не выражаютъ общей воли, и слѣдовательно ясно отличалъ внутреннія качества общей воли отъ внѣшняго факта поддерживающаго ее количественнаго большинства. Но разсматривая общую волю, какъ неизмѣнный элементъ, общій всѣмъ частнымъ волямъ, онъ думалъ—и совершенно правильно съ своей точки зрѣнія,—что болѣе естественно предположить совпаденіе общей воли съ мнѣніемъ большинства. И такъ какъ при этомъ предположеніи большинство только выражаетъ то, что одинаково обще и справедливо для всѣхъ, то столь же естественно далѣе предположить, что меньшинство охотно покоряется тому правильному рѣшенію, котораго оно не сумѣло отгадать и въ которомъ оно видитъ теперь настоящую общую волю [1]). Такимъ образомъ въ пониманіи Руссо общая воля дѣйствительно поднималась на высоту превозмогающей правды, предъ которой приходится склоняться случайно несогласному съ ней меньшинству. При нормальныхъ условіяхъ общаго единомыслія она представляется ему даже самоочевидной истиной, съ которой соглашается каждый, какъ только кто-либо на нее укажетъ.

Вся эта красивая мечта о силѣ общаго согласія, какъ мы уже замѣтили выше, падаетъ вмѣстѣ съ своимъ основнымъ предположеніемъ. Общая воля не есть неизмѣнная сущность частныхъ воль, а лишь колеблющійся и подвижный ихъ итогъ. И какъ только это становится яснымъ, приходится искать новыхъ основаній для оправданія общей воли.

---

[1]) Ср. данное выше объясненіе спорнаго мѣста Руссо—L. IV, ch. II, въ первой части настоящей статьи въ § I, стран. 27—28. Руссо допускаетъ, что иногда и большинство можетъ не выражать общей воли, это прямо вытекаетъ изъ слѣдующихъ его словъ: ceci suppose, il est vrai, que tous les caracteres de la volonté générale sont encore dans la pluralité: quand ils cessent d'y être, quelque parti qu'on prenne, il n'y a plus de liberté“ (L. IV, ch. II). Слова эти тѣмъ рѣшительнѣе подчеркиваютъ, что для Руссо представленіе о правотѣ большинства стояло въ связи не съ фактомъ его численнаго преобладанія, а съ предположеніемъ о внутреннемъ превосходствѣ его рѣшеній.

Теорія справедливой общей воли попадаетъ здѣсь въ затруднительное положеніе: она встрѣчается съ необходимостью доказать неизмѣнную правоту большинства, найти какую-либо связь между качествомъ сужденій и количествомъ раздѣляющихъ эти сужденія лицъ. Пиѳагоръ говорилъ нѣкогда, что числа правятъ міромъ, но онъ едва ли взялся бы доказать, что самая справедливость зависитъ отъ числа признающихъ ее людей. Между тѣмъ, какъ увидимъ далѣе, къ этому именно пришла теорія общей воли, чтобы въ этомъ рискованномъ замыслѣ окончательно обнаружить свою внутреннюю несостоятельность.

Съ точки зрѣнія сложившихся отношеній и взглядовъ, принципъ рѣшающаго значенія большинства представляется само собою разумѣющимся и вполнѣ естественнымъ. Всѣ привыкли къ тому, что въ политическихъ учрежденіяхъ и общественныхъ собраніяхъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Тотъ же принципъ примѣняется и всякими случайными собраніями лицъ, которымъ приходится совмѣстно рѣшать какой-либо общій для нихъ вопросъ. Такой порядокъ надо признать утвержденнымъ долговременной практикой и вошедшимъ въ нравы. Однако, при ознакомленіи съ историческимъ прошлымъ политическихъ учрежденій приходится сказать, что принципъ большинства далеко не всегда представлялся единственно правильнымъ. Непосредственному сужденію болѣе раннихъ стадій общественнаго развитія соотвѣтствуетъ скорѣе иной взглядъ на порядокъ общихъ рѣшеній. Въ своемъ сочиненіи Das Recht der Minoritaten“ Іеллинекъ ссылается на средневѣковыя воззрѣнія германскихъ народовъ, которые въ общихъ рѣшеніяхъ отдавали преимущество не количественнымъ, а качественнымъ опредѣленіямъ. „Мысль, что двое во всякомъ случаѣ значатъ больше, чѣмъ одинъ, противорѣчила сильно развитому индивидуалистическому чувству, отличавшему въ особенности германскіе народы. Если въ открытомъ бою какой-нибудь храбрецъ способенъ одолѣть пятерыхъ, то зачѣмъ онъ станетъ подчиняться большинству въ совѣтѣ?

Вотъ почему мы нерѣдко находимъ въ средневѣковыхъ положеніяхъ о сословныхъ собраніяхъ принципъ, что рѣшать должна pars sanior, а не pars maior, т. е. что голоса слѣдуетъ взвѣшивать, а не считать... Въ общественной жизни германцевъ первоначально всякія рѣшенія, а главнымъ образомъ выборы принимались единогласно, въ большинствѣ случаевъ общимъ голосомъ (durch Acclamation), который, правда, покрывалъ иногда небольшое несогласное меньшинство. Даже и позднѣе, когда принципъ большинства получилъ силу, все-таки стояли за требованіе единогласія, поскольку на меньшинство возлагалась обязанность присоединиться къ рѣшенію большинства“ [1]). Можно спорить съ тѣмъ, насколько требованіе единогласныхъ рѣшеній вытекало здѣсь изъ „сильно развитого индивидуалистическаго чувства“, но для насъ важно въ данномъ случаѣ не объясненіе факта, а самый фактъ, тѣмъ болѣе любопытный, что онъ находитъ себѣ полную аналогію въ сходныхъ явленіяхъ древне-русской жизни. Такъ, напримѣръ, относительно вѣчевыхъ собраній древней Руси мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что основнымъ принципомъ рѣшеній являлось здѣсь начало единогласія, а не большинства, и что въ дѣйствительности нерѣдко рѣшенія постановлялись здѣсь „едиными устами“, „единодушно“, „въ одиночествѣ“, „съ одного“, какъ выражаетъ это на разные лады лѣтопись. „Единодушное рѣшеніе или, собственно говоря, единогласное рѣшеніе требовалось обычаемъ, во-1-хъ, потому, что голосованія или рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ не было вовсе въ обычаѣ въ древней Руси, а во-вторыхъ, потому, что трудно было бы привести въ исполненіе такое рѣшеніе вѣчевого собранія, за которое хотя и высказалось большинство, но большинство сравнительно слабое. Поэтому вѣчевыя собранія обычно продолжались до тѣхъ поръ, пока не достигалось „одиночества“, или во всякомъ случаѣ пока большинство, стоявшее за данное рѣшеніе, не являлось подавляющимъ, такъ что незначитель-

[1]) Jellinek, Das Recht der Minoritäten. Wien 1898. S. 2. Note 4.

ное количественно и качественно меньшинство ему уступало, замолкало, удалялось, а не шло силою противъ рѣшенія даннаго собранія“ [1]).

Въ параллель къ этимъ стариннымъ формамъ общественныхъ рѣшеній можно поставить сохранившіяся и въ новое время формы крестьянскаго „міра“, основанныя на томъ же началѣ единогласія. По мѣткому описанію дѣйствовавшихъ здѣсь порядковъ, сдѣланному въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Н. П. Семеновымъ, „на мірскихъ сходахъ крестьянъ счета голосовъ вообще не бываетъ. Да въ немъ и нѣтъ никакой надобности, потому что міръ рѣшаетъ свои дѣла всегда единогласно, и это происходитъ очень просто и какъ бы само собою. Начнутъ разбирать дѣло, толкуютъ иногда очень горячо и долго, но такъ или иначе, когда станетъ выясняться наилучшій исходъ и намѣчается благоразумное рѣшеніе, то къ нему присоединяется все больше и больше лицъ, а когда сдѣлается яснымъ, что на его сторонѣ число участвующихъ на сходѣ значительно превозмогаетъ, къ нему присоединяются отсталые, а наконецъ и тѣ послѣдніе, которые упорствовали, можетъ быть, изъ какихъ-либо личныхъ видовъ или особыхъ соображеній, потому что отойти, по крестьянскому выраженію,

[1]) А. Н. Филипповъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Юрьевъ, 1907. стр. 159. Часть I. Ср. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, Спб. 1893. Т. II. Вып. I. Вѣче и князь, стр. 63—68; Владимирскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Изданіе 4-ое Кіевъ 1905. Стр. 59.—Описанный способъ вѣчевыхъ рѣшеній есть способъ мирный, при невозможности его достигнуть стороны вступали въ междоусобную брань. Но, по справедливому замѣчанію Сергѣевича, „какъ необходимость соглашенія всѣхъ, такъ и возможность междоусобной брани, въ случаѣ раздѣленія, суть двѣ стороны одного и того же явленія“ (Ibid., стр. 67). Нормальнымъ исходомъ междоусобицы было единогласіе, и стороны иногда состязались до тѣхъ поръ, пока не достигали этого желаннаго результата. Ключевскій дѣлаетъ интересное сравненіе такой междоусобицы съ судомъ Божіимъ: „это была своеобразная форма *поля*, суда Божія, какъ сбрасываніе съ Волховскаго моста осужденныхъ вѣчевымъ приговоромъ было пережиточной формой древняго испытанія водой“. Курсъ русской исторіи. Часть II. М. 1906. Стр. 83. Объясненіе отсутствія принципа большинства въ древней общинѣ изъ индивидуалистическихъ началъ даетъ П. А. Соколовскій, Исторія сельской общины на Сѣверѣ Россіи. Спб. 1877. Стр. 130—131.

отъ міра, никто никогда изъ входящихъ въ составъ его не рѣшится, и такимъ образомъ единогласный приговоръ устанавливается самъ собою“ [1]). Кто бы сказалъ, что вѣкъ спустя послѣ Руссо его отвлеченное утвержденіе о естественномъ согласіи меньшинства съ большинствомъ послѣ ознакомленія всѣхъ съ общей волей будетъ повторено въ конкретномъ описаніи дѣйствительной жизни. Единогласіе рѣшеній крестьянскаго міра, вытекающее не изъ индивидуалистическихъ, а изъ общинныхъ взглядовъ, изъ „хорового начала“, служитъ новымъ свидѣтельствомъ того, что болѣе ранніе стадіи общественнаго развитія въ сущности не знаютъ принципа большинства и что признаніе этого принципа является результатомъ болѣе сложныхъ отношеній.

Мы ушли бы слишкомъ далеко отъ своей темы, если бы поставили себѣ цѣлью прослѣдить, какъ утвердилось постепенно то мирное признаніе рѣшающаго голоса большинства, которое повсюду наблюдается въ новое время. Но для насъ необходимо выяснить, какимъ образомъ ближайшіе послѣдователи Руссо, сохранивъ его ученіе о безспорныхъ внутреннихъ качествахъ общей воли, въ то же время утверждали, что подлинная общая воля всегда выражается большинствомъ. Утверждать, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Мирабо, что „этотъ простой и прекрасный законъ большинства“ составляетъ самое существо, „нравственное я“ общества [2]), и говорить, что именно большинство выражаетъ истинную общую волю, не значитъ ли смѣшивать качество съ количествомъ и высказывать предположеніе, по меньшей мѣрѣ спорное и возбуждающее сомнѣнія? Спорность этого предположенія сознавалъ самъ Мирабо, а вслѣдъ за нимъ Сійесъ и другіе послѣдователи теоріи общей воли, какъ это показываетъ ихъ попытка найти выходъ изъ возникающихъ въ данномъ случаѣ затрудненій.

1) Я беру это любопытное описаніе изъ труда Н. П. Семенова, Освобожденіе крестьянъ. Спб. 1892 г. Т. III, ч. 2, стр. 80 (Рѣчь Семенова въ засѣданіи Общаго присутствія редакціонныхъ комиссій 31 іюля 1860 г.)

2) Archives parlem. Т. VIII, p. 299.

Однако, мысль ихъ движется въ совершенно иной плоскости, чѣмъ разсужденія Руссо, и вмѣсто того, чтобы отстаивать внутреннія качества общей воли, они въ сущности защищаютъ политическую неизбѣжность предпочтенія количественнаго большинства. Я ограничусь объясненіями Сійеса и Мирабо, краткими, но въ высшей степени цѣнными и тѣмъ болѣе для насъ любопытными, что они исходятъ отъ передовыхъ вождей Національнаго собранія.

Сійесъ со свойственной ему отвлеченностью мысли и тѣмъ духомъ доктрины, который нерѣдко скрываетъ дѣйствительные мотивы высказываемаго взгляда, старается стать въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія чисто теоретическую. Подобно Руссо, онъ думаетъ, что образованіе политическаго союза должно быть результатомъ единодушной воли его членовъ. Но что касается общественнаго устройства, то, по мнѣнію Сійеса, оно является результатомъ воли большинства. „Совершенно ясно, что единогласіе, будучи чрезвычайно трудно достижимымъ въ обществѣ, хотя бы и самомъ малочисленномъ, становится невозможнымъ въ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ милліоновъ. Общественный союзъ имѣетъ свои цѣли, и потому надо пользоваться возможными средствами для ихъ достиженія, надо удовлетвориться большинствомъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что и здѣсь проявляется своего рода косвенное единогласіе: тѣ, которые единогласно хотѣли соединиться, чтобы пользоваться выгодами общенія, также единогласно хотѣли всѣхъ необходимыхъ средствъ, для того чтобы доставить себѣ эти выгоды. Только выборъ средствъ предоставленъ большинству, и всѣ тѣ, которые имѣютъ выразить свои желанія, соглашаются напередъ всегда сообразоваться съ большинствомъ. Вслѣдствіе этого большинство съ полнымъ основаніемъ вступаетъ на мѣсто единогласія. Общая воля, слѣдовательно, образуется волею большинства“ [1]).

Аргументація Сійеса, какъ можно видѣть изъ приведеннаго разсужденія, состоитъ изъ двухъ положеній, изъ ко-

[1]) Archives parlementaires, T. VIII, p. 260.

торыхъ каждое было бы вполнѣ достаточно для своей цѣли и даже исключало бы необходимость другихъ доводовъ, если бы оно казалось вполнѣ удовлетворительнымъ самому доказывающему. Въ самомъ дѣлѣ, если принципъ большинства освящается потребностями общественной жизни, которыя побуждаютъ пользоваться средствами возможными и осуществимыми, то этимъ сказано все Общественныя потребности могутъ заставить удовлетвориться средствами несовершенными, оправданіе которыхъ въ томъ, что они единственно возможны: рѣчь идетъ въ этомъ случаѣ не о безусловной справедливости, а о политической возможности. Дальнѣйшія доказательства становятся излишними, такъ какъ политическая точка зрѣнія имѣетъ собственное оправданіе, и тотъ, кто сослался на нее, этимъ самымъ показалъ, что онъ ее признаетъ и цѣнитъ. Вотъ почему Сійесъ могъ бы свободно ограничиться ею, если бы онъ не чувствовалъ потребности оправдать свой взглядъ съ другой точки зрѣнія, проводимой въ Contrat social и вытекающей изъ идеи общаго согласія, какъ основы справедливаго общенія. Но здѣсь уже мы чувствуемъ явную натяжку, и когда знаменитый публицистъ доказываетъ, что политическая потребность въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадаетъ съ этическимъ требованіемъ, мы видимъ только, что онъ хочетъ и чего не можетъ доказать. Мы видимъ, отъ какого взгляда онъ исходилъ и затѣмъ долженъ былъ отступить, повинуясь практическому чутью дѣйствительныхъ политическихъ отношеній. Было бы недоразумѣніемъ придавать цѣну его выведенію большинства изъ единогласія; совершенно ясно, что центръ тяжести для него не въ этомъ: рѣшающее значеніе имѣетъ политическая точка зрѣнія, и строгія требованія общественнаго договора отступаютъ предъ нею на второй планъ [1]).

[1]) Практическій характеръ воззрѣнія Сійеса подтверждается и тѣми разъясненіями его, которыя мы находимъ въ брошюрѣ: „Qu'est ce que le Tiers Etat?“ Принципъ большинства представляется ему безспорнымъ правиломъ, вытекающимъ изъ самыхъ простыхъ численныхъ соотношеній. Отвергая право меньшинства привилегированныхъ постановлять рѣшенія относительно боль-

То, что у Сійеса прикрыто легкимъ налетомъ отвлеченной теоріи, у Мирабо выступаетъ съ полной ясностью практическаго самоутвержденія. И онъ также—такова дань, которую каждый изъ дѣятелей этого времени платитъ своему вѣку—начинаетъ съ требованій общественнаго договора и съ идеи полнаго единогласія. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ утверждаетъ, что законъ большинства есть одно изъ первыхъ послѣдствій этого договора. При иномъ порядкѣ „общество необходимо будетъ осуждено на расколъ, потому что ни въ одномъ обществѣ не можетъ быть узаконено, чтобы большее число подчинялось меньшему". Считая принципъ большинства необходимымъ условіемъ всякаго общества, безъ котораго оно было бы „осуждено на застой или на постоянно возобновляющіяся смуты", что хочетъ Мирабо сказать, какъ не то, что принципъ большинства есть политическая необходимость? Онъ ссылается и на теорію общей воли, но, повидимому, только для того, чтобы подкрѣпить свою мысль, что въ обществѣ самое важное—способность хотѣть, la faculté de vouloir, и сопровождающая ее возможность дѣйствовать. И для того, чтобы усилить эту способность, онъ энергично требуетъ признанія, что законнымъ большинствомъ должно считаться простое, а не повышенное большинство; иначе, напримѣръ, четверть собранія могла бы препятствовать рѣшеніямъ остальныхъ трехъ четвертей (при требованіи большинства, превышающаго три четверти). „Если опасность требовать повышенное большинство можетъ ощущаться въ государствѣ, только что возникающемъ, насколько же эта опасность является угрожающей въ такомъ государствѣ, какъ Франція, гдѣ все нужно создать, привести въ связь и обдумать, гдѣ длинный рядъ злоупотребленій всякаго рода и вѣка

шинства, онъ пишетъ: „Si donc on prétend qu' il appartient à la constitution française que deux à trois cent mille individus fassent, sur un nombre de vingt-six millions de citoyens, les deux tiers de la volonté commune, que répondre, si ce n'est qu' on soutient que deux et deux font cinq? (Ch. V, по изд. Edme Champion, p. 74, ср. ch VI, p. 82). Принципъ большинства представляется ему, какъ естественное требованіе общественнаго порядка и твердости законовъ.

рабства, проникая всю область устройства и управленія, не обнаруживаютъ ни одного закона, который можно было бы создать иначе, какъ чрезъ толстую кору предразсудковъ и безпорядковъ, подлежащихъ исправленію. При такомъ ли положеніи вещей было бы разумно ставить препятствія способности хотѣть?" Мирабо опасается, что требованіе повышеннаго большинства подъ другимъ именемъ воспроизводитъ ту самую идею, которую отстаивали сторонники голосованія по сословіямъ: голоса привилегированныхъ сословій, представляющихъ меньшинство націи, какъ бы уравниваются съ голосомъ большинства и получаютъ возможность задерживать необходимыя преобразованія.

Но представляетъ ли большинство неизмѣнную справедливость, является ли оно, какъ училъ Сійесъ, правомѣрнымъ представительствомъ всего общества, единогласно и заранѣе вручившаго ему всѣ свои полномочія? Этихъ вопросовъ Мирабо не ставитъ, для него рѣшающимъ является другой рядъ соображеній: „въ обществѣ вліяніе должно принадлежать большинству, таково требованіе общаго блага; иначе общество обрекается на безволіе или на смуты [1]).

Этотъ взглядъ, столь ясно и выпукло выраженный у Мирабо, переводитъ теорію общей воли на совершенно новую почву. Мысль „Общественнаго договора" о справедливой общей волѣ, въ образованіи которой каждый принялъ участіе и которая покоряетъ всѣхъ своимъ внутреннимъ совершенствомъ, здѣсь оставлена. *Не безусловная справедливость, удовлетворяющая всѣхъ, а благо большинства и потребность найти органъ для выраженія его воли—вотъ что ставится здѣсь на первомъ мѣстѣ.* Будетъ ли органъ этой воли выражать неизмѣнную справедливость—это не вопросъ для практической политики. Возможность рѣзкаго разногласія большинства съ меньшинствомъ, а слѣдовательно и возможность нарушенія желаній и правъ меньшинства здѣсь не исключена. Но для Мирабо, какъ и для всего его времени ясно, что желанія и права меньшинства, это желанія и права при

[1]) Archives parlementaires. T VIII, pp. 297—298, 299—300.

вилегированныхъ, противопоставленныя интересу всей націи [1]). Способность хотѣть и дѣйствовать должна найти для себя надлежащій органъ, который могъ бы свободно пробивать кору старыхъ предразсудковъ и совершать необходимыя преобразованія.

Мы встрѣчаемся здѣсь снова съ тѣмъ мотивомъ, который съ неизмѣнностью безспорной практической потребности постоянно парализовалъ отвлеченныя умозрѣнія „Общественнаго договора". Руссо далъ формальную схему общей воли и указалъ ея *источникъ*—совокупность желаній всего народа. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялось, сколь трудно извлечь общую волю изъ этого источника, повелительная необходимость заставляла найти *органъ* для этой воли. Если бы органъ общей воли могъ совпасть съ ея источникомъ въ томъ смыслѣ, какъ это предполагалъ Руссо,—при идеальныхъ условіяхъ общаго единомыслія и безспорнаго самообнаруженія общей воли,—мы имѣли бы предъ собою непогрѣшимую „volonté générale" Общественнаго договора. На практикѣ народная воля постоянно ищетъ органовъ для своего выраженія, а эти органы,—въ видѣ ли представительства, референдума или какихъ угодно другихъ учрежденій—могутъ выражать народную волю лишь болѣе или менѣе приблизительно, но всегда неполно и несовершенно.

Какъ мы видѣли, и Мирабо, и Сійесъ въ сущности перевели вопросъ объ общей волѣ съ этической точки зрѣнія на политическую. Но при общемъ убѣжденіи дѣятелей революціонной эпохи въ призваніи своемъ къ раскрытію совершенной справедливости, немудрено, если понятія здѣсь смѣшивались до полной неразличимости. Въ сознаніи широкихъ круговъ общества, въ ихъ общемъ чувствѣ меньшинство это отождествлялось съ кучкой привилегированныхъ, отстаивающихъ старую неправду, а большинство съ представительствомъ истинной справедливости. Едва ли не лучшее выраженіе это чувство нашло у Ретифъ де ла Бретонъ. „Когда общество или его большинство хочетъ

[1]) См. Saripolos, La démocratie et l'élection proportionelle. Pp. 214—230.

чего-либо, говоритъ этотъ выразитель массъ, оно право. Кто сопротивляется этому, кто призываетъ на народъ войну и мщеніе, тотъ—чудовище. Порядокъ всегда заключается въ согласіи большинства. Меньшинство всегда виновато, я повторяю это, хотя бы оно и было право морально (la minorité est toujours coupable, eût-elle raison moralement); достаточно здраваго смысла, чтобы чувствовать эту истину" [1]).

Такъ въ сознаніи этого времени права большинства пріобрѣтали характеръ безспорной истины, вытекающей изъ здраваго смысла. Это было непосредственное сознаніе общества, воодушевленнаго стремленіемъ къ великимъ преобразованіямъ. Безспорной истиной считали принципъ большинства и Мирабо, и Ретифъ де ла Бретонъ. Это была одна изъ тѣхъ эпохъ, когда большинство призвано было сыграть свою великую историческую роль, когда оно должно было, по выраженію Прэнса, „противостать захватамъ олигархіи привилегированныхъ, быть естественной плотиной противъ ихъ насилій" [2]).

Но непосредственное чувство не есть логическое обоснованіе. Въ условіяхъ великой революціи, которая должна была сбросить режимъ выдѣленій, исключеній, привилегій, дѣйствительно было достаточно здраваго смысла, чтобы сказать, что *большинство, желающее справедливости, право передъ меньшинствомъ, отстаивающимъ привилегіи.* Но частная ссылка на отдѣльную эпоху не рѣшаетъ общаго вопроса. Между большинствомъ и меньшинствомъ можетъ быть и совершенно иное отношеніе: можно привести примѣры меньшинства, выступающаго на защиту прогрессивныхъ началъ, пророковъ и реформаторовъ, борющихся съ коснымъ непониманіемъ массъ, передовыхъ людей, не находящихъ сочувствія въ своей средѣ. Судьба Сократа, осужденнаго на казнь аѳинскимъ народомъ, въ свое время вызвала скорбныя размышленія Платона о противорѣчіи между условіями

[1]) Sarpolos, o. c. p. 256.

[2]) Prins, De l'Esprit du gouvernement democratique. Bruxelles et Leipzig 1905. p. 229.

общественной жизни и требованіями высшей правды, и эти размышленія не могутъ быть устранены никакими доказательствами въ пользу права большинства. При безпристрастномъ разсмотрѣніи вопроса мы должны сказать, что и большинство и меньшинство одинаково могутъ быть неправы. Это опредѣленія количественныя, а не качественныя, и прямой связи съ качествомъ принимаемыхъ рѣшеній они не имѣютъ. Если говорятъ иногда, что истина возникаетъ въ головахъ немногихъ, и если согласиться съ тѣмъ, что это и бываетъ такъ нерѣдко, то на сторонѣ этихъ немногихъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть какъ меньшинство, такъ и большинство. Поэтому никакъ нельзя признать правильнымъ обобщеніе, сдѣланное Шиллеромъ и столь часто повторявшееся послѣ него:

Mehrheit ist Unsinn,
Verstand ist stets bei Wenigen nur gewesen.

Возражая противъ *численнаго* большинства, слѣдуетъ вообще отрѣшиться отъ всякихъ численныхъ опредѣленій, и въ такомъ случаѣ одинаково невѣрно будетъ связывать истину и справедливость какъ съ большинствомъ, такъ и съ меньшинствомъ. Тѣ, кто защищаетъ положеніе, что правда всегда у меньшинства, занимаютъ позицію не менѣе рискованную, чѣмъ сторонники неизмѣнной правоты большинства. Немногіе, которые лучше другихъ понимаютъ истину, могутъ находиться и среди большинства. Нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ утверждать, что большинство никогда не слѣдуетъ за болѣе справедливыми рѣшеніями. Распространеніе властной и всепокоряющей истины всегда таково, что признаваемая въ началѣ немногими, она увлекаетъ затѣмъ весь міръ. Становится ли она болѣе или менѣе истиной оттого, что ее признаетъ большинство, признаютъ, можетъ быть, всѣ? Совершенно очевидно, что количественныя опредѣленія тутъ ни при чемъ. Съ другой стороны, утвержденію, что истина возникаетъ въ головахъ немногихъ, можно противопоставить извѣстное наблюденіе, что правильныя рѣшенія созрѣваютъ въ процессѣ совмѣст-

наго обсужденія, въ результатѣ коллективнаго творчества, согласно извѣстной поговоркѣ: du choc des opinions jaillit la vérité. Принципъ коллегіальныхъ рѣшеній имѣетъ за себя не только теоретическія соображенія, но и жизненную практику. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что въ очень многихъ случаяхъ противопоставляются другъ другу не два мнѣнія большинства и меньшинства, а нѣсколько мнѣній, въ виду возможнаго раздѣленія какъ большинства, такъ и меньшинства на группы. Разобраться среди этихъ отдѣльныхъ мнѣній и рѣшить, на чьей сторонѣ правда, съ помощью однихъ количественныхъ опредѣленій невозможно. Какое бы то ни было количество голосовъ само по себѣ не служитъ критеріемъ истины, это—положеніе, которое не нуждается въ доказательствахъ. Соотвѣтственно съ этимъ, и принципъ большинства никогда не можетъ разсматриваться, какъ безусловное начало справедливости.

Когда Руссо, а вслѣдъ за нимъ Кантъ говорили о необходимости общаго признанія для торжества справедливости, они имѣли въ виду признаніе *всѣхъ*, а не *большинства*. Только тогда, когда *каждый* распоряжается самъ собою, онъ не можетъ быть несправедливымъ къ себѣ, согласно правилу: „volenti non fit injuria"—такъ формулируетъ Кантъ принципъ соединенной воли народа. Та настойчивость, съ которой Руссо въ извѣстномъ мѣстѣ своего „Общественнаго договора" старался свести большинство къ единогласію (L. IV, ch. II.), показываетъ лучше всего, гдѣ именно для него лежалъ центръ тяжести. Съ его точки зрѣнія, голосъ большинства обязываетъ всѣхъ прочихъ, поскольку онъ дѣйствительно является выраженіемъ общей воли, заставляющей всѣхъ склоняться предъ собою, какъ предъ безспорной истиной. Большинство берется тутъ, какъ органъ высшей правды, имѣющій значеніе въ соотвѣтствіи съ этой правдой и утрачивающій свою нравственную силу при отступленіи отъ нея. И въ качествѣ органа высшей правды, оно не противорѣчитъ принципу единогласія, а напротивъ поддерживаетъ и укрѣпляетъ его.

Если принять основное требованіе Руссо относительно справедливыхъ законовъ и углубить это требованіе согласно ученію Канта, сблизивъ его съ идеей автономіи воли, то слѣдуетъ признать, что для осуществленія вытекающихъ отсюда началъ необходимо единогласіе, а не большинство: нарушается ли требованіе автономіи личности въ отношеніи къ одному, или нѣсколькимъ, для существа нравственнаго нарушенія безралично. Начало справедливости не можетъ опредѣляться количественными признаками, и приближеніе къ нему можетъ быть только качественное, а не количественное. Принципъ большинства есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ господства вопреки меньшинству, и одно это является отступленіемъ отъ принципа автономіи, причемъ съ точки зрѣнія моральнаго закона важно не количество его нарушеній, а самая наличность этихъ нарушеній, наносящая ему ущербъ. Если девяносто девять принуждаютъ къ чему-либо одного, совершается не меньшее нарушеніе справедливости, чѣмъ если одинъ принуждаетъ девяносто девять. Общество свободныхъ, утверждающееся на рабствѣ хотя бы одного человѣка, съ безусловной нравственной точки зрѣнія такъ же несправедливо, какъ несправедливо подчиненіе многихъ господству одного. Нарушаются ли права меньшинства или права большинства, характеръ нарушенія отъ этого количественнаго различія не мѣняется: въ обоихъ случаяхъ наносится ущербъ праву личности. Вотъ почему необходимое развитіе мысли приводитъ къ требованію охраны правъ меньшинства въ демократическихъ формахъ и къ поставленію границъ для господства большинства: въ безграничномъ господствѣ большинства заключается такая же несправедливость по отношенію къ личности, вынужденной ему подчиняться, какъ и въ безграничномъ господствѣ меньшинства надъ большинствомъ.

Исходя изъ указанныхъ здѣсь соображеній, мы должны признать, что большинство само по себѣ, какъ простое количество не имѣетъ этическаго значенія. Французскіе послѣдователи Руссо поступили совершенно правильно,

когда, отстаивая принципъ большинства, они перевели вопросъ съ этической точки зрѣнія на политическую. Они защищали этотъ принципъ не столько какъ критерій справедливости, сколько какъ начало общественнаго устроенія, полагая, что для жизни и дѣятельности общества онъ является болѣе цѣлесообразнымъ.

Мы говорили уже о томъ, что въ эпоху французской революціи эта практическая точка зрѣнія не всегда проводилась съ полной ясностью: она осложнялась здѣсь стремленіемъ связать ее съ требованіями общественнаго договора и съ этическими основаніями [1]). Въ этомъ отношеніи лишь новѣйшая теорія поставила вопросъ на твердую почву. Современный представитель теоріи народнаго суверенитета Эсменъ прекрасно формулируетъ новые взгляды, когда онъ говоритъ: „выраженіемъ народной воли по необходимости считается большинство голосовъ, высказавшихся въ извѣстномъ смыслѣ. Это происходитъ вовсе не отъ того, какъ говорили сторонники „Общественнаго договора", что люди, основывая гражданское общество, единодушно сдѣлали изъ этого условіе своего соединенія. Это проистекаетъ изъ того, что правило это естественно и необходимо, какъ единственно мирное и пріемлемое для всѣхъ. Дѣйствительно возможны были бы еще только два другихъ рѣшенія, одинаково простыхъ и удовлетворительныхъ: одно заключается въ требованіи единогласія голосующихъ, другое—въ обращеніи къ суду самыхъ мудрыхъ. Но стремленіе къ единогласію есть химера въ сколько-нибудь обширномъ и разнородномъ собраніи людей: оно никогда не могло получить примѣненія иначе, какъ въ обществахъ

---

[1]) Нельзя не сказать, однако, что это послѣднее обоснованіе было весьма слабо: дѣятелямъ революціи казалось, что оно дается самой жизнью. См. напр., то мѣсто въ рѣчи Мирабо по поводу принципа большинства, гдѣ онъ слегка касается этого вопроса, Archives parlementaires, T. VIII p. 298. См. также Cam. Desmoulins, La France libre, T. I p. 84: „La minorité ne peut pas invoquer la raison comme chacun soutient qu'elle est de son côté, c'est la raison elle-même qui veut que la raison du petit nombre cède à la raison du plus grand".

очень тѣсныхъ и первобытныхъ, гдѣ оно является, впрочемъ, болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, и сводится просто къ тому, что въ толпѣ не поднимается ни одного голоса противъ мнѣнія, высказаннаго какимъ-нибудь вліятельнымъ лицомъ. Въ обществѣ развитомъ требованіе единогласія было бы равносильно обреченію его на неподвижность. Что же касается самыхъ мудрыхъ, то по мѣрѣ удаленія отъ первобытныхъ обществъ, гдѣ старость вообще принимается за признакъ мудрости, нельзя было бы найти достовѣрныхъ признаковъ для ихъ опредѣленія. Законъ большинства есть одна изъ тѣхъ простыхъ идей, которыя заставляютъ себя принять сразу; онъ представляетъ ту особенность, что напередъ никому не благопріятствуетъ и ставитъ всѣхъ голосующихъ въ одинаковое положеніе“ [1]).

Какъ ясно изъ приведеннаго мѣста, Эсменъ видитъ въ принципѣ большинства лишь практическій способъ рѣшенія общихъ дѣлъ. О томъ, что этотъ принципъ опредѣляетъ справедливость постановленій, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Это не болѣе какъ требованіе общественной организаціи, находящее свое оправданіе въ томъ, что оно является „единственнымъ мирнымъ и пріемлемымъ для всѣхъ“. Но въ такомъ случаѣ и надъ принципомъ большинства, и надъ общей волей, коей онъ служитъ выраженіемъ, слѣдуетъ предположить высшія руководящія начала. Это именно мы и находимъ у Эсмена. Признавая высшимъ принципомъ права идею народнаго суверенитета, онъ въ то же время утверждаетъ, что суверенная власть народа должна согласоваться съ нормой справедливости и общаго блага [2]). У общей воли отнимается, такимъ образомъ, значеніе опредѣляющаго нравственнаго принципа; доктрина Руссо пріобрѣтаетъ новую форму, совершенно измѣняющую ея первоначальный смыслъ. Таковъ выводъ современной теоріи права.

---

[1]) Esmein, Droit constitutionnel. 4-me édition. P. 225. (русск пер. Дерюжинскаго, стр. 147).

[2]) См. выдержки, приведенныя выше, стр. 93.

Однако, въ оправданіи принципа большинства, а вмѣстѣ съ нимъ и общей воли, можно было итти и инымъ путемъ. Можно было попытаться доказать, что большее число лицъ, по сравненію съ меньшимъ, должно имѣть преимущество не только количественное, но и качественное. Эту попытку, имѣвшую цѣлью возвести численное большинство въ нравственный принципъ, мы находимъ не во французской теоріи, а въ англійской, у знаменитаго Бентама.

Воззрѣнія Бентама, которыя я имѣю здѣсь въ виду, принадлежатъ къ болѣе поздней порѣ его литературной дѣятельности, когда онъ перешелъ къ демократической точкѣ зрѣнія. Эти позднѣйшія воззрѣнія его, въ значительной мѣрѣ совпадающія съ идеями ближайшихъ послѣдователей Руссо, менѣе извѣстны, чѣмъ болѣе раннія, когда онъ выступалъ противникомъ французскихъ идей. А между тѣмъ, если кто заслуживаетъ быть поставленнымъ послѣ Руссо въ теоріи народнаго суверенитета по остротѣ и послѣдовательности взгляда, то именно Бентамъ. Онъ далъ видоизмѣненной теоріи Руссо то философское основаніе, котораго ей не доставало. Послѣ Руссо и до настоящаго времени никто не выражалъ съ такой теоретической силой начало народнаго суверенитета, и въ этомъ смыслѣ Бентаму принадлежитъ исключительное значеніе въ исторіи политическихъ идей. Чуждый утопическаго идеализма Руссо, онъ придалъ своимъ взглядамъ болѣе практическій характеръ. Онъ не мечтаетъ о всеобщемъ единомысліи, о добровольномъ согласіи меньшинства съ большинствомъ, о непосредственномъ участіи всѣхъ въ выраженіи общей воли. Его теорія ближе къ той практической постановкѣ доктрины Руссо, которую она получила въ эпоху французской революціи. Но тѣмъ болѣе интересной является эта точка зрѣнія, соотвѣтствующая практическому приложенію идеи народнаго суверенитета. Объ основномъ характерѣ воззрѣній Бентама, во многомъ напоминающихъ уже извѣстныя намъ положенія Сійеса и Мирабо, хорошо можно судить по его письму къ испанскому народу отно-

сительно установленія верхней палаты. „Слѣдуетъ ли прибавить къ верховному собранію, пишетъ Бентамъ, выбранному *большинствомъ подданныхъ* и всегда подлежащему смѣнѣ со стороны этого большинства, другое собраніе, котораго никто смѣнить не можетъ и которое не будетъ выбрано *большинствомъ подданныхъ?* Таковъ вопросъ, на который я долженъ отвѣчать. Испанцы, отвѣтъ лежитъ въ самомъ постановленіи вопроса. Какъ! *интересы меньшаго числа управляющихъ* будутъ поставлены, какъ препятствіе, интересамъ *большаго числа управляемыхъ?* Какое преобразованіе, какое улучшеніе, какой законъ въ пользу народа не встрѣтятъ помѣхи отъ оппозиціи *привилегированнаго меньшинства?* Что это за запретъ, который заранѣе налагается на все, что можетъ дать гарантіи народу?“ [1])

Мы видимъ, что практическій мотивъ, заставляющій Бентама ратовать противъ меньшинства, тотъ же, который мы отмѣтили выше у вождей французской революціи. Рѣчь идетъ у нихъ не о меньшинствѣ гражданъ и ихъ естественныхъ правахъ, а о меньшинствѣ управляющихъ или господствующихъ и ихъ привилегіяхъ. Бентамъ совпадаетъ съ французскими преемниками идей Руссо и въ другомъ отношеніи: отстаивая идею народнаго верховенства и во имя ея отвергая теорію раздѣленія властей и авторитетъ Монтескье, онъ, однако, вполнѣ допускаетъ возможность представительства. Верховное значеніе народной воли должно быть сохранено: народъ долженъ имѣть безусловную и неотъемлемую учредительную власть, ему должно принадлежать право всеобщей смѣняемости правителей и постоянное господство надъ исполнительной властью. Но выраженіе народной воли предоставляется законодательной палатѣ, которая для болѣе прочной связи съ народомъ должна избираться на короткій срокъ.

Основаніемъ теоріи представительства, сочетающимъ ее съ идеей народнаго верховенства, служитъ Бентаму его

[1]) Three tracts relative to Spanish and Portugeese affairs. Works. VIII Привожу это мѣсто въ переводѣ Чичерина, Ист. пол. уч. Ч. 3, стр. 316.

общее представленіе о человѣкѣ. Каждый человѣкъ стремится къ своему счастью и каждый самъ всего лучше понимаетъ, въ чемъ его счастье. Поэтому желаніе счастья, присущее народу, всего лучше обезпечиваетъ и способность его къ выборамъ. Правильные выборы должны быть основаны на началѣ всеобщей, тайной, равной и ежегодной подачи голосовъ. Всеобщая подача голосовъ прямо вытекаетъ изъ того, что счастье послѣдняго нищаго составляетъ такую же часть общаго счастья, какъ и счастье самаго богатаго и вліятельнаго гражданина. Съ точки зрѣнія всеобщаго счастья нельзя лишать права голоса и женщинъ [1]).

Тотъ же принципъ счастья служитъ Бентаму и основаніемъ къ оправданію права большинства. Признавая высшимъ началомъ политики, какъ и морали, наибольшее счастье наибольшаго количества людей, онъ полагалъ, что наилучшимъ средствомъ для осуществленія этого начала является передача власти въ руки большинства. Демократическая система представлялась ему исполненіемъ основного требованія морали утилитаризма. При этомъ ему казалось, что самымъ вѣрнымъ руководствомъ для законодательства служатъ чисто количественныя отношенія, измѣряемыя числами. Какъ онъ самъ говорилъ, тутъ достаточно одной ариѳметики. „*Два* человѣка имѣютъ вдвое болѣе права на покровительство закона, чѣмъ одинъ, *три*— втрое и т. д. Соотвѣтственно съ этимъ главнымъ предметомъ заботы должны быть *всѣ*“ [2]).

Вотъ взглядъ, самый послѣдовательный изъ всѣхъ, который когда-либо примѣнялся къ защитѣ правъ большинства по отношенію къ меньшинству. Согласно принципамъ утилитаризма, справедливость утверждается на принципѣ сча-

[1]) См. Чичерина, Исторія политическихъ ученій. Ч. 3, стр. 314—317.

[2]) Bentham, Letters to Count Torreno. London 1822. Pp. 55—56: In my view of the matter, title to regard is determined, and degree of regard measured, by the numeration table: *two* have title to twice as much regard as *one*: *three*, to trice as much; and so on. Accordingly, in my Penal Code, my first care being to make provision in the most immediate way for the security of *all*...

стья, а такъ какъ понятіе счастья есть чисто субъективное и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ, то въ концѣ концовъ все рѣшается простымъ счетомъ голосовъ, на томъ основаніи, что два имѣютъ вдвое болѣе права, чѣмъ одинъ, три втрое и т. д. согласно чисто ариѳметическому вычисленію. Можно сказать, что эта теорія возвращаетъ въ сущности вопросъ къ его началу и не отвѣчаетъ на самое главное, что она должна была бы разъяснить. Два имѣютъ болѣе права чѣмъ одинъ, поскольку они внутренно правы; они имѣютъ болѣе права *въ должномъ*. Если же они требуютъ себѣ покровительства, будучи по существу не правы, они не должны его получить. Одни количественныя опредѣленія здѣсь не помогутъ. Но тѣмъ не менѣе теорія Бентама является въ концѣ концовъ единственной опорой для тѣхъ, кто утверждаетъ неизмѣнную правоту большинства передъ меньшинствомъ. Она является и единственнымъ основаніемъ для теоріи общей воли, *сведенной къ волѣ большинства*, поскольку эта теорія притязаетъ на опредѣляющее этическое значеніе.

Нетрудно видѣть, что ученіе Бентама, будучи болѣе практическимъ, болѣе близкимъ къ воззрѣніямъ, которыя осуществились въ дѣйствительности, подставляетъ, однако, подъ начало общей воли совершенно иныя основанія. Здѣсь не говорится о внутреннемъ превосходствѣ общей воли, въ образованіи которой каждый принималъ участіе, не говорится о чистой и неизмѣнной справедливости, которую она представляетъ, въ противоположность частному интересу. Предположеніе Руссо о томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и большинство, и меньшинство одинаково не выражаютъ общей воли, если они уклоняются отъ пути справедливости и свободы, у Бентама не можетъ имѣть мѣста. Рѣшающее значеніе получаетъ численное превосходство большинства надъ меньшинствомъ, такъ какъ счастье большинства выше счастья меньшинства. Дѣло не въ томъ, является ли воля большинства болѣе справедливой и просвѣщенной, а въ томъ, что она представляетъ собою пользу

большаго числа лицъ. Противъ этого можно замѣтить, что меньшинство имѣетъ также свои права, и если оно отстаиваетъ эти права противъ угнетающей власти большинства, справедливость будетъ не на сторонѣ большинства. Но Бентамъ не видитъ потребности въ ограниченіи своего основного принципа. Онъ прямо говоритъ: „для счастья народа нужно одно: народное верховенство; все остальное ведетъ только къ ограниченію этого начала, а потому вредно“. Когда надъ справедливостью и правомъ, въ качествѣ высшаго принципа, ставится требованіе пользы наибольшаго количества лицъ, иного вывода сдѣлать нельзя.

Какъ ни далека была эта теорія народнаго суверенитета отъ доктрины „Общественнаго договора“, однако именно въ этомъ выраженіи она болѣе всего соотвѣтствовала усвоенію идеи народовластія въ дѣйствительной жизни. Освобожденная отъ романтическихъ мечтаній, отъ притязаній на всеобщую справедливость и умиротворяющую гармонію, бентамовская теорія попросту опиралась на стремленіе массъ къ счастью и, если угодно, на тотъ здравый смыслъ, о которомъ говорилъ нѣкогда Ретифъ де ла Бретонъ. Она вполнѣ соотвѣтствовала и тому переходу отъ идеи общей воли къ идеѣ воли большинства, который характеризуетъ собою эту новѣйшую форму выраженія теоріи народнаго суверенитета. Съ идеалистической точки зрѣнія, имѣющей въ виду высшія идеальныя цѣнности жизни, это было значительнымъ пониженіемъ и упрощеніемъ смысла разсматриваемой теоріи. Но политическая жизнь не сразу поддается высшимъ и болѣе тонкимъ сомнѣніямъ и запросамъ, и не удивительно, если въ основу современнаго правового государства была положена доктрина, по существу столь элементарная и неглубокая. Если мы спросимъ себя, на какихъ основаніяхъ утверждена была практически теорія народнаго суверенитета, то мы должны будемъ признать, что это были именно основанія Бентама. Забыты были возвышенныя мечтанія Руссо, но болѣе практическія положенія англійскаго юриста-мыслителя остались въ силѣ.

XII. Границы народной воли. Права личности.

Въ ученіи Бентама въ основу идеи народнаго суверенитета былъ положенъ тотъ законъ числа, который считаютъ иногда существеннымъ опредѣленіемъ этой идеи [1]). Въ этомъ видѣ теорія народовластія стала болѣе близкой къ дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе доступной для нѣкоторыхъ принципіальныхъ возраженій. Когда выяснилось, что общая воля есть въ сущности воля большинства или тѣхъ, которые умѣютъ заставить признать себя за большинство, мечтѣ о безусловной справедливости этой воли былъ нанесенъ серьезный ударъ. Пока вопросъ стоялъ на той исторической и конкретной почвѣ, на которой онъ представлялся Сійесу и Мирабо, казалось безспорнымъ, что справедливость на сторонѣ обездоленной массы, а не привилегированнаго меньшинства. Но этимъ чисто временнымъ противопоставленіемъ большинства и меньшинства нельзя было ограничиться; вопросъ имѣлъ болѣе общее значеніе, и заслуга Бентама заключалась въ томъ, что онъ далъ проблемѣ господства большинства отвлеченную постановку. Только въ этомъ видѣ она и могла получить надлежащее освѣщеніе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ теорія вывела свои послѣднія заключенія изъ идеи общей воли, и на практикѣ выяснились возможныя послѣдствія примѣненія этой идеи. Великая заатлантическая республика ранѣе европейскихъ государствъ успѣла утвердить у себя демократическій строй. Здѣсь всего лучше можно было оцѣнить, что даетъ теорія народовластія, и именно отъ этого опыта жизни отправляется та замѣчательная критика демократіи, которую мы находимъ у Токвиля. Классическое сочиненіе французскаго писателя „Демократія въ Америкѣ“ представляетъ собою какъ бы поворотный пунктъ въ теоріи народной воли: здѣсь съ особенной яркостью высказывается требованіе ограни-

---

[1]) См. напр. у Esmein, Droit constit. pp. 231—232.

ченія народовластія нѣкоторыми высшими принципами. Не кто иной, какъ Милль, отмѣчаетъ въ своей автобіографіи, что для него знакомство съ книгой Токвиля было началомъ переворота въ политическихъ воззрѣніяхъ [1]). Авторитетъ Токвиля, котораго онъ назвалъ однажды „Монтескье нашего времени", затмилъ въ его представленіяхъ другой доселѣ первенствовавшій для него авторитъ Бентама [2]). Тотъ принципъ, который вносилъ французскій писатель, заключался въ признаніи, что „надъ волей народной стоитъ справедливость, ограничивающая права каждаго народа". По существу тутъ не было ничего новаго: мы указывали выше, что у Монтескье объективный принципъ справедливости ставился выше всякихъ положительныхъ законовъ и соглашеній. Съ другой стороны, въ то самое время, какъ въ конституціяхъ революціонной эпохи провозглашался принципъ суверенной воли народа, рядомъ съ нимъ ставился принципъ неотчуждаемыхъ правъ личности. Декларація правъ стояла въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ идеей народнаго суверенитета, но это противорѣчіе оставалось незамѣченнымъ.

Значеніе Токвиля заключается въ томъ, что онъ расчленилъ идеи, представлявшіяся слитными, и не отрицая ни демократіи, ни демократической теоріи, внесъ въ нее необходимыя ограниченія. „Встрѣчаются люди, — замѣчаетъ онъ,—которые не боятся говорить, что народъ въ интересахъ, относящихся собственно къ нему, не можетъ выйти изъ границъ справедливости и разсудительности, и что

---

[1]) Autobiography. Third edition. London 1874. P. 191. См. подробный очеркъ о сочиненіи Токвиля въ статьѣ Милля: «M. de Tocqueville on Democracy in America», перепечатанной въ сборникѣ Dissertations and Discussions». Vol. II.

[2]) Критика Бентама, которую Милль далъ въ статьѣ, посвященной этому писателю (см. Dissertations and Discussions. Vol. I, статью «Bentham», особ. pp. 376—383), стоитъ въ несомнѣнной связи съ вліяніемъ на него Токвиля, какъ это подтверждается и ожиданіемъ Милля, что именно отъ этого писателя придетъ необходимое исправленіе демократической теоріи: «we are possibly destined to receive this benefit from the Montesquieu of our own times, M. de Tocqueville» (p. 382).

вслѣдствіе этого неопасно предоставить большинству, представляющему собою народъ, неограниченную власть. Но это языкъ рабовъ. Развѣ большинство не есть индивидуумъ, который имѣетъ убѣжденія и чаще всего страсти, противныя другому индивидууму—меньшинству? Если вы вѣрите, что человѣкъ, облеченный неограниченной властью, можетъ употреблять эту власть во вредъ своимъ противникамъ, отчего же вы не хотите допустить, что такъ же можетъ поступить и большинство? Развѣ люди, соединяясь вмѣстѣ, измѣняютъ свои характеры?" „Между тѣмъ,—разсуждаетъ далѣе Токвиль,—нѣтъ на землѣ власти, до того сильной въ самой себѣ, или облеченной до того священными правами, что ей можно было бы дозволить дѣйствовать безъ контроля и господствовать безъ препятствій. Итакъ, когда я вижу, что право дѣлать все предоставлено какой-нибудь власти, народу или королю, домократіи или аристократіи, правительству монархическому или республиканскому, то я говорю: тамъ заключается зародышъ тираніи, я же хочу жить подъ другими законами" [1]).

---

[1]) Tocqueville, De la démocratie en Amerique, L. II, ch. VII. — Интересно отмѣтить, что Токвиль дѣлалъ въ отношеніи къ Америкѣ такую оговорку: „я не утверждаю, чтобы въ настоящее время большинство въ Америкѣ часто пользовалось тираніей, но я только утверждаю, что здѣсь нѣтъ гарантіи противъ тираніи". Если принять во вниманіе эту оговорку, то слѣдуетъ признать, что поправки, которыя впослѣдствіи пытался внести Брайсъ въ утвержденія Токвиля, въ сущности предусмотрѣны самимъ Токвилемъ. Если Брайсъ указываетъ на то, что «тиранія большинства не является теперь въ Америкѣ серьезнымъ зломъ», и что въ настоящее время самъ Токвиль «призналъ бы, что онъ преувеличилъ опасности отъ тираническаго большинства» (см Bryce, Essays in History and Jurisprudence, Vol. I. pp. 422, 428, статья о Гамильтонѣ и Токвилѣ), то съ другой стороны и онъ не отрицаетъ господства въ Америкѣ массы надъ личностью. Въ этомъ господствѣ нѣтъ, по его словамъ, ни легальной, ни нравственной принудительной силы; это скорѣе естественный фактъ, имѣющій сходство съ непреодолимыми силами природы, почему Брайсъ и называетъ его «фатализмомъ массы". И никто лучше Брайса не изобразилъ, какъ въ странѣ, «гдѣ воля большинства абсолютна и призывается къ разрѣшенію всякаго вопроса» слагаются соотвѣтствующія вѣрованія въ умахъ народа. «Одно изъ такихъ вѣрованій заключается въ томъ, что большинству должно принадлежать господство... Изъ этого догмата возникаетъ другой, менѣе безспорный, который скорѣе подразумѣвается, чѣмъ ясно сознается,—

Тѣ законы, подъ которыми хотѣлъ жить Токвиль, должны были прежде всего слѣдовать справедливости и охранять права личности противъ неограниченной власти, кому бы она ни принадлежала. Какъ говорилъ впослѣдствіи Милль, „власть большинства благодѣтельна, поскольку она примѣняется для защиты, а не для нападенія и поскольку проявленіе ея умѣряется уваженіемъ къ личности и къ превосходству развитой интеллигенціи [1]). Такова была существеннѣйшая поправка къ теоріи народовластія, которая была внесена въ эту теорію политической мыслью XIX вѣка. Наряду съ Токвилемъ и Миллемъ цѣлый рядъ писателей высказался въ томъ же направленіи. Геръ, Спенсеръ и Мэнъ, Кальгунъ, Бенжаменъ Констанъ, Гизо, Лабуле, Дюпонъ-Уайтъ, а въ послѣднее время Іеллинекъ, всѣ развивали ту же мысль, что неограниченное господство большинства есть гнетъ и деспотизмъ и что этому господству должны быть положены необходимыя границы [2]). Развивая это положеніе, Іеллинекъ справедливо замѣчаетъ, что если противопоставляютъ власти большинства право меньшинства, то подъ этимъ правомъ въ сущности слѣдуетъ разумѣть право личности: „существованіе признанныхъ правъ отдѣльной личности служитъ непереходимой границей волѣ большинства; личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшинству должно принадлежать право протеста противъ всякихъ попытокъ большинства вторгнуться въ изъятую изъ его вѣдѣнія об-

---

что большинство всегда право. А изъ этихъ двухъ догматовъ зарождается еще менѣе ясное, но на практикѣ не менѣе вліятельное сознаніе, что было бы напрасно противиться большинству, или порицать его». (Bryce, The american commonwealth, Vol II, pp. 346—347; русск. пер. ч. 3, стр. 93—94). Можно считать болѣе правильнымъ то объясненіе «тиранніи большинства», которое мы находимъ у Брайса, но самый фактъ этой тиранніи признается и имъ хотя и съ извѣстными поправками, вытекающими изъ различія эпохъ (см. ibid, pp. 335—343, глава о тираніи большинства). Іеллинекъ правъ, когда въ изображеніи Брайса онъ находитъ сходство съ картиной, нарисованной Токвилемъ (Das Recht der Minoritaten, Note 53).

[1]) Mill, Dissertations and discussions, Vol. I, p. 381.

[2]) См. всѣ необходимыя ссылки по этому вопросу у Jellinek, Das Recht der Minoritaten, S. 24, Note 42.

ласть“ [1]). Такимъ образомъ, когда требуютъ ограниченія общей воли и принципа большинства, это дѣлается во имя того начала, которое мы должны признать безусловнымъ и священнымъ,—во имя человѣческой личности. Какъ хорошо говоритъ по этому поводу Н. А. Бердяевъ: „когда личность и свобода ея ставятся въ зависимость отъ воли людей, когда признается суверенность какого бы то ни было человѣковластія, личность теряетъ свой абсолютный характеръ, а права ея на свободу падаютъ отъ случайныхъ человѣческихъ желаній, отъ человѣческой субъективности, отъ человѣческихъ страстей. Тогда субъективная воля пролетаріата ли, царя ли, или иной человѣческой власти можетъ лишить личность и свободы совѣсти, и права на жизнь, и всякаго права“ [2]). Но идея личности есть не только граница, но вмѣстѣ съ тѣмъ и норма, и основаніе народной воли. Если бы предположить, что не большинство, а вся совокупность даннаго союза согласилась сдѣлать постановленіе, противорѣчащее идеѣ неотчуждаемыхъ правъ личности, это несправедливое рѣшеніе не стало бы справедливымъ отъ общаго согласія съ нимъ всѣхъ. Если большинство имѣетъ право лишь настолько, насколько оно согласуется съ идеей человѣческой личности, то вѣдь это значитъ также, что эта идея является для него руководящей нормой. Воля народная сама по себѣ не можетъ быть нормой, ибо она является лишь возможностью желаній, достоинство которыхъ опредѣляется ихъ цѣлью, а не ихъ распространенностью. Стоитъ отринуть понятіе объ этой цѣли, и мы придемъ къ необходимости узаконить произволъ субъективной и измѣнчивой человѣческой воли; и все равно будетъ ли это воля индивидуальная или коллективная, воля личная или народная, она не можетъ быть источникомъ твердыхъ нормъ, если она сама не признаетъ надъ собою какой-либо высшей и твердой нормы. А въ об-

---

[1]) Ibid, S. 24.

[2]) Н. А. Бердяевъ, Sub specie aeternitatis Сборникъ статей. СПБ. 1907, Стр. 421 (статья «О народной волѣ»).

щественныхъ отношеніяхъ такой нормой можетъ служить лишь то начало, которое является нравственной основой человѣческаго общенія, т.-е. начало личности [1]).

Если до сихъ поръ, изслѣдуя вопросъ въ его практическомъ значеніи, мы пришли къ убѣжденію въ недостаточности и отвлеченности принципа народовластія, какъ организующаго принципа государственной жизни, теперь этотъ выводъ подтверждается для насъ съ философской точки зрѣнія. Народный суверенитетъ, въ качествѣ морально-политическаго принципа, оказывается не основнымъ, а производнымъ. Для того, чтобы явиться опредѣляющимъ началомъ государственной жизни, принципъ народной воли долженъ и философски войти въ сочетаніе съ болѣе основными началами и отъ нихъ получить свое опредѣленіе.

Но какое же значеніе имѣетъ, однако, принципъ народной воли или, точнѣе говоря, принципъ большинства? Въ какомъ смыслѣ онъ является рѣшающимъ въ политикѣ? Иначе говоря, на чемъ основаны въ рѣшеніяхъ преимущества большинства передъ меньшинствомъ? Отвѣчая на это, говорятъ обыкновенно, что предоставленіе рѣшающаго голоса меньшинству перевернуло бы весь нормальный порядокъ общественной жизни: „Это было бы извращеніемъ отношеній,— говоритъ Іеллинекъ,—если бы придавать въ палатѣ или общинѣ голосу меньшинства бо̀льшую цѣну, нежели голосу большинства“. Но вѣдь это прежде всего потому, что меньшинство ничуть не болѣе чѣмъ большинство имѣетъ шансы быть на сторонѣ справедливыхъ рѣшеній.—Предоставленіе власти меньшинству и предпочтеніе его мнѣній передъ мнѣніями большинства имѣло бы смыслъ только тогда, если бы

---

[1]) Я беру здѣсь это начало въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется Влад. Соловьевымъ въ его сочиненіи «Оправданіе добра» (Полн. собр. соч. Т. VII, стр. 273—279), не въ качествѣ самодовлѣющаго принципа, стоящаго внѣ связи съ міровымъ закономъ добра, а въ смыслѣ нравственной основы общенія. Въ этомъ смыслѣ Вл. Соловьевъ называетъ принципъ личности *единственной* нравственной нормой. См. мою статью въ «Проблемахъ идеализма»: «Нравственный идеализмъ въ философіи права».

меньшинство почему-либо имѣло преимущество правильныхъ рѣшеній. Между тѣмъ численный перевѣсъ рѣшающей группы имѣетъ значеніе, если не какъ показатель справедливости ея мнѣній, то какъ основаніе для опредѣленія количества интересовъ, связанныхъ съ даннымъ рѣшеніемъ. *Количество интересовъ—не принципъ, но это факторъ, съ которымъ приходится считаться.* Этотъ факторъ имѣетъ значеніе не только, какъ опора для прочности даннаго рѣшенія, которое будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ на бо̀льшее количество лицъ оно будетъ опираться; но также и какъ основаніе для внутренняго содержанія даннаго рѣшенія, которое будетъ тѣмъ болѣе общимъ и широкимъ, чѣмъ болѣе широкій кругъ лицъ оно охватываетъ своимъ охраняющимъ авторитетомъ. Если бы оно могло охватить въ своемъ содержаніи всѣхъ, согласить всѣ интересы и желанія, оно было бы наиболѣе широкимъ и всеобъемлющимъ; это придавало бы и его содержанію характеръ исчерпывающей полноты. При невозможности этого достигнуть, приходится довольствоваться приближеніемъ къ такому примиряющему единству. Однако, интересы и желанія какого угодно числа лицъ не создаютъ справедливыхъ нормъ, а являются только необходимыми данными при установленіи этихъ нормъ, какъ матеріалъ, подлежащій опредѣленію. Отсюда понятно, что численный перевѣсъ рѣшающаго большинства самъ по себѣ не имѣетъ абсолютнаго значенія и лишается нравственнаго оправданія каждый разъ, когда становится въ противорѣчіе съ принципомъ личности.

Указавъ отношеніе принципа личности къ понятію общей воли, мы не выяснили, однако, еще того значенія, которое въ этой связи понятій имѣетъ идея народнаго суверенитета. Для того, чтобы это сдѣлать, намъ надо подвести итоги предшествующему анализу и вывести изъ него необходимыя заключенія. Эти заключенія послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о принципіальномъ значеніи теоріи общей воли и народнаго суверенитета.

XIII. Заключеніе. Необходимость перехода отъ принципа народнаго суверенитета къ принципу личности.

Теорія народнаго суверенитета и связанная съ ней теорія общей воли въ своемъ историческомъ происхожденіи были противопоставлены идеѣ независимости власти отъ общественнаго мнѣнія, идеѣ власти милостью Божіей. Практическое значеніе доктрины Руссо становится для насъ особенно понятнымъ, когда мы противополагаемъ ее ученію монархическаго абсолютизма. Сторонники абсолютизма, какъ наприм., Боссюэтъ, считали единственной гарантіей законности страхъ Божій, отвѣтственность монарха передъ Богомъ; какія-либо ограниченія власти со стороны народа, со стороны человѣческихъ учрежденій и законовъ они признавали излишними и даже невозможными. Вотъ этому взгляду и является противоположностью доктрина „Общественнаго договора“. Руссо требовалъ не только подчиненія, но и слиянія власти съ народомъ. Онъ не видѣлъ возможности осуществить справедливые законы иначе, какъ черезъ народъ, черезъ господство народной воли. Юридическимъ выраженіемъ этого взгляда и являлась теорія народнаго суверенитета. Надо сдѣлать такъ, чтобы народная воля была суверенной, чтобы голосъ народа былъ неизмѣннымъ источникомъ всѣхъ властей и законовъ. Для того, чтобы быть справедливой, верховная власть должна совпадать съ народомъ, такъ, чтобы каждый гражданинъ въ одно и то же время и властвовалъ, и подчинялся и чтобы всѣ пребывали въ неизмѣнной гармоніи общихъ воззрѣній. Это требованіе, какъ уже было разъяснено выше, заключало въ себѣ глубокую мысль, — о необходимомъ объединеніи отдѣльныхъ элементовъ народа въ нѣкоторомъ высшемъ общеніи интересовъ и стремленій. Это была мысль о единствѣ народа, какъ цѣлаго и какъ нравственной основы государственнаго союза. Отсюда вытекало отрицаніе независимости власти отъ народа, равно какъ и отрицаніе несправедливаго предпочтенія однихъ элементовъ народа передъ другими.

Для тѣхъ, кто становился на почву этихъ идей, возникалъ, однако, съ необходимостью вопросъ: какъ облечь вытекающія изъ нихъ требованія въ положительную практическую форму? Революціонная доктрина, которая встрѣтилась съ этимъ вопросомъ, должна была внести въ исходныя положенія Руссо существенныя поправки. Для нея было ясно, что сдѣлать народную волю суверенной, какъ хотѣлъ того Руссо, невозможно: нельзя достигнуть всеобщаго и исчерпывающаго самообнаруженія народной воли и нельзя осуществить полное слияніе власти съ народомъ. Для государства нужна организація, нужно выдѣленіе органовъ власти изъ среды народа, и потому слѣдуетъ требовать *не совпаденія власти съ народомъ, а зависимости власти отъ народа*. Такимъ образомъ теорія народнаго суверенитета получила новое выраженіе, согласно которому всѣ власти должны *исходить* отъ народа. Уже тогда это неопредѣленное понятіе исхожденія, эманаціи было разъяснено въ томъ смыслѣ, что оно обозначаетъ пользованіе властью въ интересахъ народа. Такое толкованіе, принадлежавшее Мунье, не было распространеннымъ, но во всякомъ случаѣ общимъ было сознаніе, что народный суверенитетъ не есть фактическое господство народной воли, а лишь идеальное или нравственное ея вліяніе. Короче говоря, уже тогда народный суверенитетъ изъ возможнаго факта былъ превращенъ въ абстрактную идею и вмѣсто юридической силы получилъ лишь нравственное значеніе.

Но при такомъ оборотѣ понятій возникалъ новый вопросъ: если народный суверенитетъ есть не болѣе, какъ идея, выражающая нравственную зависимость власти отъ народа, то правильно ли сохранять для этой идеи названіе народнаго суверенитета. Если на самомъ дѣлѣ верховенство народа обозначаетъ не реальную власть, а лишь нравственную санкцію, то очевидно выраженіе народный суверенитетъ слѣдуетъ понимать не въ подлинномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Это собственно не верховенство власти, а нравственный авторитетъ. Но въ такомъ случаѣ все выраженіе

совершенно утрачиваетъ характеръ точнаго юридическаго термина и превращается въ неясную литературную фигуру.

Согласно толкованію новѣйшаго сторонника идеи народнаго суверенитета, Эсмена, „признать, организовать и уважать народный суверенитетъ,—это значитъ дать общественному мнѣнію, этой высшей силѣ, точное выраженіе, юридическое значеніе, законный авторитетъ“ [1]). Какъ и у Руссо, народный суверенитетъ обозначаетъ для Эсмена господство общей воли, но еще ярче и рѣшительнѣе, чѣмъ у ближайшихъ послѣдователей этой доктрины, выступаетъ у Эсмена несоотвѣтствіе между этими двумя идеями. Менѣе всего понимаетъ онъ подъ народнымъ суверенитетомъ прямое и непосредственное господство народа. „Законъ прежде всего есть норма справедливости и общаго блага, и та система управленія лучше, которая болѣе способна обезпечить изданіе законовъ справедливыхъ, полезныхъ, раціональныхъ“. На этомъ основаніи Эсменъ предпочитаетъ представительство референдуму. Но нельзя не согласиться съ Дюги, когда онъ говоритъ, что изъ этихъ основаній никоимъ образомъ не слѣдуетъ признаніе суверенной народной воли; отсюда вытекаетъ только обязательство для власти дѣйствовать въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Дюги правъ, когда онъ настаиваетъ на различеніи, съ одной стороны, авторитетнаго общественнаго мнѣнія, а съ другой—суверенной народной воли. Понятія эти не совпадаютъ, и, вопреки утвержденію Эсмена, второе понятіе не можетъ быть признано точнымъ юридическимъ выраженіемъ перваго. Для выраженія идеи зависимости власти отъ народа въ настоящее время юристы пользуются другими понятіями, болѣе скромными, но и болѣе отвѣчающими своей цѣли,—понятіемъ о народѣ, какъ о субъектѣ государственной власти, понятіемъ о юридической личности государства и т. п. Но если эти послѣднія понятія могутъ быть признаны

---

[1]) Esmein, Droit constitutionnel, 4-ème edition 1906. P. 213.

удовлетворительными съ точки зрѣнія юридической конструкціи, то они совершенно не пригодны въ качествѣ философскаго обоснованія. Идея народнаго суверенитета имѣла не только юридическое, но также и философское и этическое значеніе. Она давала морально-философское обоснованіе правового государства. Чѣмъ же должна быть она замѣнена съ этой стороны?

Этическое начало, заключавшееся въ теоріи народнаго суверенитета, мы выразили выше, какъ признаніе зависимости власти отъ народа. Но что означаетъ зависимость отъ народа? Съ самаго начала и до настоящаго времени, съ этимъ понятіемъ связывали двоякій смыслъ одни имѣли въ виду обязанность дѣйствовать въ *общемъ интересѣ*, другіе необходимость сообразоваться съ *общей волей*. Понятія эти нельзя признать безусловно совпадающими: бываютъ обстоятельства, при которыхъ можно управлять въ общемъ интересѣ и вопреки общей волѣ и наоборотъ. Съ другой стороны, представленія отдѣльныхъ группъ какъ объ общемъ интересѣ такъ и объ общей волѣ также не совпадаютъ между собою. Каждое изъ отдѣльныхъ направленій заявляетъ обыкновенно, что оно лучше другихъ понимаетъ общій интересъ и общую волю, и всѣ они опираются въ концѣ концовъ на извѣстныя идеальныя представленія, которымъ они себя подчиняютъ и признанія которыхъ они требуютъ отъ другихъ. Для того, чтобы избавить эти заявленія отъ произвола субъективныхъ толкованій, необходимо открыть заключенный въ нихъ объективный элементъ. Въ этомъ и заключается задача философскаго обоснованія правового государства. Но высшей нормой, которая должна быть принята при этомъ во вниманіе, можетъ быть только то начало, которое является нравственной основой общественности. Такой основой служитъ принципъ личности, и тѣ требованія, которыя выводились ранѣе изъ идеи народнаго суверенитета, на самомъ дѣлѣ должны быть выведены изъ этой основной нормы общественныхъ отношеній. Такъ, если теорія народнаго суверенитета требуетъ признанія

зависимости власти отъ народа, то это требованіе получаетъ свое высшее оправданіе въ представленіи о народѣ, какъ о союзѣ свободныхъ и равноправныхъ лицъ, какъ о нравственномъ единствѣ. Если теорія народнаго суверенитета требуетъ далѣе устраненія привилегій и неравенствъ, то и это опять-таки находитъ свое послѣднее обоснованіе въ идеѣ равенства гражданъ, какъ лицъ. Равнымъ образомъ и всѣ другія требованія, которыя связываются съ этой теоріей, могутъ быть выведены изъ того же начала личности.

Издавна понятіе естественнаго права, поскольку оно относилось къ понятію личности, соединялось съ двумя основными принципами: свободы и равенства. Къ этому сводила ихъ и теорія „Общественнаго договора“. Но въ предположеніяхъ Руссо свобода, равенство, народный суверенитетъ, все это совпадало въ гармоническомъ единствѣ. Вопросъ, который самъ собою ставится для послѣдующаго изложенія, состоитъ въ опредѣленіи взаимоотношенія этихъ началъ. Но для этого надо войти въ обсужденіе самаго принципа личности. Простымъ указаніемъ на этотъ принципъ мы никакъ не можемъ считать нашъ анализъ исчерпаннымъ; напротивъ, здѣсь то и начинается рядъ новыхъ вопросовъ. Не только требованія, вытекающія изъ понятія личности, но и самое понятіе личности въ наше время представляется инымъ и несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ въ эпоху Руссо. И здѣсь совершилось то же усложненіе проблемъ, которое характеризуетъ все новѣйшее движеніе въ области политики и права и которое заставляетъ насъ говорить о кризисѣ современнаго правосознанія.

ГЛАВА II.

Кризисъ теоріи индивидуализма.

I. Французскій индивидуализмъ конца XVIII вѣка. Доктрина Руссо.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить эволюцію, которую прошло съ конца XVIII столѣтія понятіе личности. Мы должны показать, какъ отъ формулъ простыхъ и ясныхъ политическая мысль и въ этомъ отношеніи постепенно возвышалась къ формуламъ все болѣе сложнымъ, какъ отъ требованій, по виду гармоническихъ и внутренне согласованныхъ, она перешла къ заявленіямъ, въ существѣ своемъ разнороднымъ и отчасти противорѣчивымъ.

Ставя себѣ эту цѣль, мы переходимъ къ изслѣдованію другой основы, на которой утверждалась теорія правового государства. Въ различныхъ сочетаніяхъ съ принципомъ народнаго суверенитета, то въ качествѣ его исходнаго основанія, то въ видѣ его конечной цѣли, идея правъ личности завершала собою политическую философію XVIII вѣка. Прослѣдивъ судьбу ея до нашихъ дней, мы выполнимъ задачу настоящаго труда — произвести анализъ идей, составлявшихъ фундаментъ теоріи правового государства, и обнаружить кризисъ, въ нихъ происходящій.

Что теорія личности и личныхъ правъ или, какъ мы кратко будемъ ее обозначать, теорія индивидуализма, находится въ состояніи кризиса, это едва ли необходимо доказывать. Не только противники индивидуализма подвергаютъ его рѣшительной критикѣ и предлагаютъ замѣнить иными ученіями, — сошлюсь, напримѣръ, на Дюги съ его теоріей солидарности,—но и его сторонники открыто признаютъ, что онъ нуждается въ преобразованіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ написана книга Анри Мишеля, подъ заглавіемъ „Идея государства“. Однако, общему признанію происходящаго кризиса далеко не соотвѣтствуетъ степень достигнутой ясности въ представленіяхъ о его характерѣ

и причинахъ. Въ то время какъ одни предполагаютъ, что индивидуализмъ отошелъ въ область прошлаго, другіе находятъ, что кризисъ его обусловленъ удаленіемъ отъ этого прошлаго, и что надо лишь обновить доктрину XVIII вѣка для того, чтобы она возродилась съ прежней силой. Послѣдній взглядъ, представляющійся особенно интереснымъ, принадлежитъ упомянутому французскому писателю Анри Мишелю.

Мишель правильно указалъ, что кризисъ индивидуализма стоитъ въ связи съ развитіемъ философской мысли въ XIX вѣкѣ [1]). Хотя индивидуалистическія идеи и отстаивались иногда въ новѣйшей философіи позитивистами, — достаточно указать на Милля и Спенсера,—но ихъ настоящей почвой является идеализмъ: ни позитивная соціологія, ни историзмъ не могутъ дать прочнаго обоснованія понятію личности. Слѣдуетъ признать поэтому безспорнымъ, что возстановленіе индивидуализма въ его правахъ не можетъ совершиться иначе, какъ на основѣ идеалистическихъ построеній Отсюда современное движеніе въ пользу возрожденія естественнаго права. Однако новѣйшая эволюція индивидуализма не можетъ ограничиться однимъ возрожденіемъ философскаго априоризма, какъ это думаетъ Мишель. Дѣло въ томъ, что на протяженіи XIX столѣтія и самое содержаніе индивидуалистическихъ идей подверглось измѣненію, и въ наши дни возвратъ къ ученіямъ XVIII вѣка не могъ бы расчитывать на прочный успѣхъ.

Мишель, повидимому, не зналъ новѣйшей эволюціи англій-

---

[1]) Вотъ собственныя слова Мишеля, кратко выражающія его основную мысль „Depuis qu'elle a definitivement rompu avec l'a-priorisme philosophique, l'école libérale se trouve doublement affaiblie. Elle a perdu le principe propulseur qui a fait, jadis, sa fortune et sa gloire. Et elle a perdu tout moyen de résister aux arguments tirés de la tradition, de l'histoire, du fait". См Henri Michel, L'idée de l'Etat. Paris, 1895. Pp. 569—570. И въ другомъ мѣстѣ: „La crise actuelle de l'individualisme répond, trait pour trait, à la crise du spiritualisme". (P. 571). О возможности возрожденія доктрины XVIII вѣка,—это основная и постоянно повторяющаяся мысль Мишеля—см. краткую формулу въ самомъ концѣ книги, p. 653

скаго индивидуализма и, конечно, не могъ предвидѣть тѣхъ споровъ объ основахъ либерализма, которые будутъ имѣть мѣсто во Франціи нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія его книги. Впрочемъ и въ то время, когда онъ писалъ свой трудъ (въ 1895 г.), болѣе конкретное изученіе предмета могло бы привести къ убѣжденію, что причина затрудненій, пережитыхъ индивидуализмомъ, коренится не въ одной смѣнѣ философскихъ системъ, но также и во внутренней эволюціи самой индивидуалистической доктрины.

Слѣдующее далѣе изложеніе представляетъ опытъ изслѣдованія этой внутренней эволюціи индивидуализма. И можно ли сомнѣваться въ томъ, что результатомъ этого изслѣдованія будетъ не запоздалая мысль о возрожденіи доктрины XVIII вѣка, а представленіе о необходимости расширенія и преобразованія стараго индивидуализма. Какъ увидимъ далѣе, выходъ изъ существующаго кризиса, разрушившаго гармоническія представленія старыхъ ученій, не можетъ привести къ такому же гармоническому синтезу: ибо въ основѣ противорѣчій, раскрытыхъ позднѣйшей эволюціей, лежатъ не только философскія разногласія, какъ предполагаетъ Мишель, но и нѣкоторые глубокіе антагонизмы жизни, принимающіе порою мучительный и трагическій характеръ [1]). Въ своемъ дальнѣйшемъ анализѣ я буду

---

[1]) Кромѣ сочиненія Анри Мишеля, въ послѣднее время вышло еще нѣсколько трудовъ, спеціально посвященныхъ исторіи индивидуализма. Такъ въ 1905 году появилась книга: Biermann, Staat und Wirtschaft. Band. I: Die Anschauungen des ökonomischen Individualismus, Berlin. Бирманъ излагаетъ главнымъ образомъ экономическія ученія, и притомъ по преимуществу тотъ рядъ этихъ ученій, который идетъ отъ физіократовъ и Адама Смита чрезъ классическую школу къ англо-французскому манчестерству и нѣмецкой школѣ свободной торговли. Кромѣ того кратко изложена доктрина юридическаго государства (Кантъ, Вильгельмъ Гумбольдъ, Шопенгауэръ) и столь же кратко затронуты ученія анархизма и коммунизма. Изложеніе Бирмана тѣмъ болѣе неполно, что онъ ставитъ своей цѣлью дать пропедевтическій очеркъ къ ученію о государствѣ. Въ сущности онъ знаетъ только индивидуализмъ старый; новѣйшія теченія остались ему незнакомы, и потому ни полной эволюціи доктрины, ни вѣрнаго представленія о ней мы у него не находимъ. Несравненно выше по значенію сочиненіе французскаго автора:

имѣть въ виду, согласно общему плану настоящаго труда, прежде всего эту жизненную и конкретную сторону индивидуализма. Философскихъ опредѣленій я коснусь лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общаго освѣщенія изслѣдуемыхъ явленій.

Исходнымъ пунктомъ изложенія мы должны избрать совокупность тѣхъ идей, которыя характеризуютъ индивидуализмъ конца XVIII и начала XIX столѣтій. При всемъ различіи взглядовъ, при разнообразіи выводовъ, иногда,

---

Albert Schatz, L'individualisme économique et social. Ses origines, son évolution, ses formes contemporaines Paris, 1907. Книга эта выросла изъ курса лекцій по исторіи экономическихъ ученій, но авторъ значительно раздвинулъ обычныя рамки подобныхъ курсовъ и ввелъ въ него много новаго матеріала не только изъ области политическихъ и соціологическихъ ученій, но также историческихъ концепцій и даже литературныхъ произведеній (см. напр характеристику Ибсена). Обладая талантомъ сжатаго и яснаго изложенія, Шатцъ раскрываетъ передъ читателемъ широкую картину индивидуалистическихъ теченій, которыя онъ умѣетъ обнаружить въ самыхъ различныхъ направленіяхъ мысли и такимъ образомъ показать, что индивидуализмъ есть не отошедшій въ область прошлаго историческій фактъ, а живое и неискоренимое явленіе и настоящаго, и будущаго. Къ сожалѣнію теоретическія опредѣленія автора заключаютъ въ себѣ много неяснаго. Такъ, его рѣзкое противопоставленіе индивидуализма соціализму опровергается фактами, которые можно найти въ его собственной книгѣ. Между тѣмъ, чтобы провести это противопоставленіе, Шатцъ долженъ былъ прибѣгнуть къ утвержденію, что индивидуализмъ имѣетъ антирационалистическій характеръ и что онъ чуждъ оптимизма (pp. 569—570), какъ будто бы никогда не было индивидуализма XVIII вѣка. Это воззрѣніе отразилось и на общей картинѣ эволюціи индивидуализма, которая вышла неполной. Шатцъ очень хорошо изобразилъ, какъ въ теченіе XIX вѣка индивидуализмъ всюду противополагался соціализму, но онъ не показалъ, какъ индивидуализмъ воспринималъ въ себя элементы соціализма, хотя передъ нимъ были ученія Ренувье и Анри Мишеля и все теченіе современнаго либерализма, на который онъ между прочимъ ссылается (p. 244, note 2), имѣя въ виду его англійскихъ представителей. Точно такъ же онъ не показалъ затрудненій и противорѣчій, которыя раскрыла эволюція индивидуализма, и болѣе подчеркнулъ его сильныя стороны —Въ русской литературѣ есть сочиненіе А Н. Фатѣева „Очеркъ развитія индивидуалистическаго направленія въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида“ 2 части. Харьковъ, 1907 г. Авторъ начинаетъ съ этнологическихъ изслѣдованій о раннихъ формахъ человѣческаго сожительства и кончаетъ ученіями XIX вѣка Имѣя предъ собою матеріалъ столь необъятный, г. Фатѣевъ, обнаруживъ и прилежаніе, и познанія, не

повидимому, отрицающихъ другъ друга, мы замѣтимъ тутъ нѣкоторый общій духъ, проникающій всѣ эти различные выводы и взгляды. Вотъ почему возможно говорить о теоріи, а не о теоріяхъ индивидуализма. Мы остановимся на общемъ элементѣ отдѣльныхъ ученій, не касаясь частныхъ подробностей, иногда очень важныхъ при характеристикѣ каждаго ученія въ его цѣломъ, но не представляющихъ интереса для нашего анализа.

Самой существенной особенностью индивидуалистической доктрины XVIII вѣка является предположеніе о возможности гармоническаго соотношенія личности и государства [1]). Это предположеніе имѣло свои глубокія теоре-

---

могъ разработать ни одной эпохи съ должной полнотой, равно какъ не могъ избѣгнуть нѣкоторыхъ промаховъ и погрѣшностей. При этомъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе Анри Мишелемъ въ томъ отношеніи, будто бы главный интересъ разсматриваемаго направленія „концентрируется на выборѣ между спекулятивнымъ или позитивнымъ обоснованіемъ политическаго индивидуализма". Вслѣдствіе этого и особенно въ наиболѣе интересную для индивидуализма эпоху новаго времени онъ обратилъ преимущественное вниманіе на методологическія и гносеологическія предпосылки индивидуализма, не выяснивъ ни содержанія понятія личности, ни внутренней эволюціи этого понятія. О неполнотѣ изложенія можно судить хотя бы по тому, что въ XIX вѣкѣ, столь обильномъ различными теченіями индивидуализма, выдвинуты только Бентамъ, Милль и Спенсеръ, а остальные втиснуты въ одно примѣчаніе на стр. 399—404. Наконецъ, и главный интересъ автора—„выборъ между спекулятивнымъ или позитивнымъ обоснованіемъ" индивидуализма не нашелъ въ книгѣ удовлетворительнаго разрѣшенія, за недостаткомъ болѣе глубокаго философскаго анализа. (Объясненія автора по этому поводу неясны и отчасти загадочны. См., напр., 478 стр. и особенно 2-е примѣчаніе къ этой страницѣ.)

[1]) Анри Мишель даетъ очень вѣрную характеристику индивидуализма XVIII вѣка, когда онъ говоритъ: „Les individualistes du XVIII siècle n'eurent pas.. le sentiment d'une opposition foncière entre l'individu et l'Etat. La Révolution française fut successivement très individualiste et très étatiste, sans s'apercevoir, sans se douter, qu'il pût y avoir là une contradiction. Il paraissait aussi naturel aux hommes d'alors de proclamer les droits de l'individu, que d'employer l'autorité de l'Etat à faire reconnaître et sanctionner ces droits".— L'idée de l'Etat, p. 417. Къ сожалѣнію, при болѣе подробномъ изложеніи революціонной доктрины Мишель не развилъ этой мысли, явно противополагающей старый индивидуализмъ современному, а напротивъ, постарался сблизить эти два направленія индивидуалистической идеи, противопоставивъ ихъ либера-

тическія основанія, которыя необходимо выяснить, для того чтобы понять самый смыслъ этой доктрины. Мы начнемъ анализъ съ ученія Руссо, которое и въ данномъ случаѣ представляетъ лучшій примѣръ теоретической послѣдовательности.

Руссо ставитъ основной проблемой своего „Общественнаго договора" — „найти форму устройства, въ которой каждый, соединяясь съ другими, повиновался бы однако только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ прежде". Онъ разрѣшаетъ эту задачу полнымъ подчиненіемъ личности государству. Мы ничего не поймемъ въ этомъ бросающемся въ глаза противорѣчіи вопроса и отвѣта, если не обратимъ вниманія на то, что здѣсь считается возможнымъ полное сліяніе личнаго начала съ государственнымъ. Согласно ученію Руссо, въ нормально устроенномъ государствѣ, при осуществленіи начала народнаго суверенитета, личность получаетъ всю полноту необходимой для нея свободы, а вмѣстѣ со свободой и связанное съ ней равенство. Въ теоріи Руссо всѣ эти понятія являются соотносительными, и въ сущности всѣ они значатъ одно и то же: свобода есть право лица на участіе въ народномъ суверенитетѣ, а равенство обозначаетъ, что это право принадлежитъ всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Свобода гражданъ является лишь оборотной стороной государственной власти, и потому совпаденіе между ними при нормальныхъ условіяхъ не только естественно, но и неизбѣжно. Глубочайшимъ мотивомъ этого взгляда служитъ

лизму временъ реставраціи и іюльской монархіи. Въ результатѣ получился образъ неясный и туманный, о которомъ и можно было потомъ сказать, что къ нему слѣдуетъ возвратиться въ наши дни. Какъ я покажу далѣе, методологически индивидуализмъ XVIII вѣка и индивидуализмъ либераловъ первой половины XIX вѣка, при всемъ различіи ихъ выводовъ, стоятъ на общей почвѣ, и оба они могутъ быть противопоставлены современной точкѣ зрѣнія. Но, съ другой стороны, едва ли нужно доказывать, — какъ это дѣлаетъ Мишель,—что индивидуализмъ XVIII вѣка не питалъ недовѣрія къ государству и не полагался исключительно на дѣйствіе личности (ibid., p. 90). Надо совершенно не знать духа XVIII вѣка, чтобы въ этомъ сомнѣваться.

убѣжденіе, что въ государствѣ человѣкъ получаетъ полный эквивалентъ того, что онъ теряетъ, отказываясь отъ своей естественной свободы (on gagne l'équivalent de tout ce qu'on perd, et plus de force pour conserver ce qu'on a. L. I. Ch. VI). Личность можетъ все отдать государству, чтобы получить отъ него обратно свое достояніе укрѣпленнымъ и обезпеченнымъ. Именно такое полное отчужденіе своихъ правъ въ пользу цѣлаго (l'aliénation sans réserve) полагаетъ начало общенію самому совершенному, какое только можно себѣ представить. Такимъ образомъ, личность можетъ найти въ государствѣ полное удовлетвореніе своихъ запросовъ, и такъ какъ для совершенства цѣлаго и для общей свободы необходимо все отдать государству, оно получаетъ надъ гражданами абсолютную власть, являясь высшимъ судьею надъ личностью [1]). Извѣстно, что Руссо простиралъ эту власть и въ область вѣрованій, считая необходимымъ, чтобы въ государствѣ была установлена религія, обязательная для всѣхъ. Такое полное подчиненіе гражданъ государству, въ случаѣ необходимости принудительное, Руссо самъ обозначилъ въ одномъ мѣстѣ очень характернымъ словомъ: принуждать неповинующихся общей волѣ,—это значитъ принуждать ихъ быть свободными (on le forcera d'être libre—L. I, ch. VII). Нельзя было найти болѣе подходящаго выраженія для этой теоріи политической свободы, которая все сводила къ государству, чтобы все имѣть въ немъ и черезъ него. Руссо допускаетъ, правда, что у отдѣльныхъ лицъ можетъ быть своя частная область, что „жизнь и свобода ихъ независимы отъ государства", но лишь въ томъ смыслѣ, что изъ отчужденныхъ государству благъ, могущества и свободы, только часть важна для цѣлаго, а остальное можетъ быть предоставлено частному распоряженію. Единственнымъ судьею въ этомъ отношеніи является верховная власть (L. II, ch. IV).

---

1) См. въ особенности L. II, ch. IV. Des bornes du pouvoir souverain.

Таковъ былъ этотъ взглядъ, полагавшій, что требованія личности вполнѣ совпадаютъ съ возможностями, открываемыми ей государствомъ, и дѣлавшій изъ политики своего рода религію личности. Руссо, всегда доходившій до крайнихъ предѣловъ въ развитіи своихъ мыслей, и въ этомъ отношеніи шелъ далѣе, чѣмъ другіе: идеальное государство, которое рисовалось его воображенію, онъ надѣлялъ такимъ безусловнымъ совершенствомъ, что оно становилось центромъ всѣхъ помысловъ и надеждъ человѣка, опорой всей его жизни. Въ этомъ отношеніи особенно характерной является послѣдняя глава „Общественнаго договора“, въ которой съ точки зрѣнія государственнаго единства разбираются существующія религіи. Тѣ изъ нихъ, которыя способны отвлекать человѣка отъ государства и нарушать единство общественной жизни, объявляются никуда негодными: tout ce qui rompt l'unité sociale ne vaut rien. Государство разсматривается, какъ учрежденіе, за которое человѣкъ долженъ отдавать свою душу.

Какъ я покажу далѣе, этотъ взглядъ, получившій свое,—правда, смягченное,—выраженіе и въ нѣмецкой философіи, въ особенности у Гегеля, стоялъ въ связи съ особымъ пониманіемъ личности; но онъ находитъ также свое объясненіе и въ особомъ взглядѣ на государство. Часто потомъ представлялось страннымъ и противорѣчивымъ, какимъ образомъ писатели, исходившіе, подобно Руссо, изъ задачи обезпеченія свободы, кончали полнымъ поглощеніемъ ея государствомъ, какимъ образомъ Гегель, все время провозглашавшій протестантскій принципъ свободы, приходилъ къ апоѳеозѣ государственнаго абсолютизма. Объясненіе заключается въ томъ, что Руссо, какъ и Гегель, предполагая возможность слиянія личности съ государствомъ, въ сущности исходилъ изъ представленія о совершенно особомъ типѣ государства, который можно назвать античнымъ, и приближеніе къ которому Руссо могъ наблюдать у себя на родинѣ, въ Швейцаріи. Это—типъ небольшой общины, замкнутой и самоудовлетворенной автаркіи, въ которой

единство жизни и нравственныхъ интересовъ обусловливаетъ возможность для личности всецѣло отдавать себя обществу. Задача примиренія личности съ государствомъ разрѣшается тутъ просто и легко. Хорошее государство служитъ и къ удовлетворенію личности; создайте хорошее государство, и все будетъ хорошо.

Сколь ни былъ взглядъ Руссо утопическимъ по существу, однако онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ своей эпохи. Въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Руссо выступилъ съ утвержденіемъ, что „человѣкъ по природѣ есть хорошее существо и что учрежденія дѣлаютъ его дурнымъ“. Но если дурныя учрежденія извратили человѣческую природу, то учрежденія хорошія могутъ вернуть ей первоначальное совершенство. Таковъ былъ естественный переходъ къ точкѣ зрѣнія „Общественнаго договора“, выступившаго съ вѣрою въ государство и въ государственныя учрежденія. Для той эпохи, задачей которой были коренныя политическія преобразованія, такая вѣра являлась самой важной и необходимой. И вслѣдъ за Руссо дѣятели революціи вѣрили въ „чудеса республики“, въ грядущее нравственное обновленіе, въ блаженство рая, которое наступитъ за преобразованіемъ стараго строя [1]). Мы увидимъ далѣе, какъ въ результатѣ сложнаго политическаго опыта въ наши дни центръ тяжести снова переносится съ преобразованія учрежденій на воспитаніе человѣка. Для того времени вѣра въ государство являлась болѣе соотвѣтствовавшей основному призванію и духу эпохи.

Совпаденіе основныхъ мотивовъ Руссо съ потребностями времени можно отмѣтить и въ другомъ отношеніи. Когда Руссо говорилъ о свободѣ и равенствѣ, онъ мыслилъ ихъ неразрывно слитными и предполагающими другъ друга [2]).

---

[1]) См. начало настоящаго изслѣдованія, стр. 7.

[2]) См., напр., L. II ch. XI .. l'égalité, parce que la liberte ne peut subsister sans elle

При этомъ и свобода, и равенство опредѣлялись у него въ отношеніи къ государству и закону, какъ свойства гражданина, поставленнаго въ одинаковое положеніе со всѣми другими. Сюда не входили ни такъ называемыя неотъемлемыя права личности, ни какія-либо иныя положительныя правомочія лицъ, помимо принадлежащихъ имъ, какъ гражданамъ, политическихъ правъ. Но подобное пониманіе равенства и свободы, опредѣленныхъ скорѣе съ отрицательной, чѣмъ съ положительной стороны, опять таки стояло въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями эпохи, которая прежде всего должна была покончить съ вѣковыми неравенствами, съ привилегіями и монополіями господствующихъ, съ угнетеніемъ и обремененіемъ ниже стоящихъ. Средство къ этому заключалось въ отмѣнѣ старыхъ неравенствъ и въ установленіи равенства всѣхъ передъ закономъ. Понятіе освобожденія сливалось такимъ образомъ съ понятіемъ уравненія, то и другое составляло въ сущности одну общую идею. Отсюда ясно, почему въ XVIII вѣкѣ не могло возникнуть столь тягостнаго для послѣдующаго времени вопроса о противорѣчіи равенства и свободы, почему они считались неразрывными и находящимися въ естественной гармоніи. Устраненіе стараго гнета само по себѣ было задачей столь огромной важности, что мысль какъ бы останавливалась предъ величіемъ этой задачи, удовлетворялась возможностью ея осуществленія и не шла далѣе представлявшихся ей при этомъ предѣловъ. Казалось, что, свергнувъ старыя стѣсненія и провозгласивъ равенство всѣхъ, какъ гражданъ, достигнутъ вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго совершенства общественныхъ формъ и полнаго счастья отдѣльныхъ лицъ.

Для заключенія этихъ замѣчаній мы должны упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое на первый взглядъ служитъ къ ихъ ослабленію, но на самомъ дѣлѣ только болѣе ихъ подкрѣпляетъ. Я говорю о провозглашеніи „правъ человѣка и гражданина“. Что бы ни говорили объ этомъ

французскіе писатели [1]), противорѣчіе между идеей этихъ правъ и „Общественнымъ договоромъ“ несомнѣнно. Никакихъ *неотчуждаемыхъ* правъ личности Руссо не признаетъ: трактатъ его исходитъ изъ мысли о необходимости *полнаго отчужденія* всѣхъ естественныхъ правъ въ пользу государства. Возникаетъ вопросъ: не вступали ли вожди Національнаго Собранія въ противорѣчіе съ самими собою и съ своимъ понятіемъ о свободѣ, когда они требовали признанія особыхъ непререкаемыхъ правъ за личностью? Вѣдь здѣсь утверждались особыя притязанія лицъ, въ которыхъ они могли войти въ столкновеніе съ государствомъ и съ народнымъ суверенитетомъ. Это уже не была политическая свобода, которая является обратной стороной народнаго верховенства; это самостоятельная область личныхъ правъ, которую государство призывается уважать, какъ свою необходимую границу. Повидимому, то цѣльное и гармоническое представленіе о свободѣ, о которомъ мы говорили выше, здѣсь подвергалось видоизмѣненію и осложненію.

Послѣ того, какъ выяснено происхожденіе идеи неотчуждаемыхъ правъ, не трудно разобраться въ возникающемъ предъ нами недоразумѣніи. Жизненные корни этой идеи лежали не въ потребностяхъ политическаго освобожденія, составлявшихъ задачу французской революціи, а въ требованіи свободы религіозной. Во французской декларации правъ были несомнѣнно и свои мѣстные мотивы, но *идея неотчуждаемости* пришла со стороны и изъ другого источника. Она явилась не развитіемъ этихъ мотивовъ, а чужероднымъ къ нимъ придаткомъ, и неудивительно, что „принципы 89 года“, столь торжественно провозглашенные и составляющіе національную гордость Франціи, рѣдко когда

---

1) См., напр., Boutmy, la declaration des droits de l'homme et du citoyen et M Jellinek, первоначально въ Annales des sciences politiques (1902), затѣмъ съ исправленіями въ сборникѣ статей автора, подъ заглавіемъ: Etudes politiques. Paris 1907. Это самый обстоятельный разборъ высказаннаго Іеллинекомъ взгляда на происхожденіе декларации правъ.

нарушались болѣе рѣшительно, чѣмъ во время французской революціи.

У любого историка этой эпохи, и лучше всего у безпристрастнаго и скорѣе смягчающаго краски Олара, можно почерпнуть представленіе о томъ, во что превратилась на практикѣ декларація правъ вскорѣ послѣ ея провозглашенія, и что сталось съ дѣйствительной свободой и неприкосновенностью лицъ по мѣрѣ развертывающагося хода событій [1]). Когда въ 1793 году республиканское правительство установило „культъ Разума“ и затѣмъ „культъ Высшаго Существа“, а парижскія городскія власти предписали гражданамъ употреблять особо опредѣленный „хлѣбъ равенства“ [2]), казалось, что новые законодатели считаютъ себя призванными взять подъ опеку „человѣка и гражданина“ и опредѣлить для него одинаково и хлѣбъ земной, и хлѣбъ небесный.

Хотя всѣ конституціи революціонной эпохи начинались обыкновенно съ декларацій, но именно декларативный характеръ содержащихся въ нихъ положеній, не подкрѣпленныхъ никакой юридической санкціей, сводилъ ихъ на степень чисто моральныхъ заявленій. А то обстоятельство, что творцы декларацій провозглашали въ одно и то же время и верховенство народной воли, и неотчуждаемость лич-

---

[1]) См. общіе выводы Олара по этому вопросу въ его „Histoire politique de la révolution française“ Paris, 1901. Pp. 45 — 48. Въ частности относительно дѣятелей 1792 и 1793 гг. Оларъ говоритъ, что они нарушали декларацію правъ, чтобы спасти ея существенные принципы, въ борьбѣ со старымъ режимомъ и въ пользу новаго. Можно соглашаться съ этимъ объясненіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что во время революціонной борьбы права личности менѣе всего оказывались неприкосновенными. См. Henri Michel, L'idée de l'Etat, pp. 95—96.

[2]) Объ этомъ любопытномъ опредѣленіи парижской коммуны, подтвердившемъ постановленіе эмиссаровъ конвента въ Лионѣ, см. Aulard, o. c., p. 458 (русск. переводъ стр. 554). Соотвѣтствующее постановленіе эмиссаровъ гласило: „такъ какъ богатство и бѣдность должны одинаково исчезнуть при господствѣ равенства, то запрещается производство хлѣба изъ крупчатки для богатыхъ и хлѣба съ отрубями для бѣдныхъ. Всѣ булочники будутъ обязаны производить одинъ и тотъ же сортъ хорошаго хлѣба,—хлѣбъ равенства“.

ныхъ правъ, не замѣчая противорѣчія въ этомъ одновременномъ провозглашеніи, показываетъ, что они не сознавали всей практической важности возвѣщенныхъ ими идей. Оларъ справедливо утверждаетъ, что по существу декларація правъ 1789 года содержала въ себѣ всѣ демократическіе и соціалистическіе принципы, которые въ настоящее время могутъ быть выведены изъ идеи правъ личности. Но справедливо также и то, что эти принципы совершенно не сознавались въ то время. Достаточно вспомнить, что Національное Собраніе стояло за систему цензоваго избирательнаго права и противъ всеобщаго голосованія. Еще болѣе отрицательно и враждебно относилось оно къ попыткамъ вывести изъ декларацій правъ соціалистическія требованія [1]).

Такимъ образомъ, если мы попытаемся опредѣлить, каково было дѣйствительное значеніе провозглашенныхъ въ декларации 1789 года правъ, мы должны будемъ сказать, что эта декларація *практически* нисколько не расширила того содержанія свободы, которое связывалось съ представленіемъ о ней, какъ о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и достигалось отмѣной прежнихъ несправедливостей и привилегій. Дѣятелямъ Національнаго Собранія очевидно казалось, что съ этой отмѣной отпадутъ вообще всякія стѣсненія и неравенства и получитъ полную силу основное положеніе декларации: „люди рождаются свободными и равными въ правахъ“. Оттого ли, что, подобно Руссо, они не считали возможнымъ, чтобы благоустроенное государ-

---

[1]) Мнѣніе Анри Мишеля о томъ, что Національное Собраніе признавало право на помощь и на образованіе и что его предположенія въ этомъ отношеніи „не остались чисто теоретическими“ (L'idee de l'Etat, pp 92—93), достаточно убѣдительно опровергается у Duguit (Droit constitutionnel, pp. 649—650) Что касается соціализма эпохи конвента, то его проявленія были слишкомъ случайны и непрочны, слишкомъ связаны съ обстоятельствами момента, чтобы имъ можно было придавать какое-либо значеніе въ системѣ господствующихъ воззрѣній этого времени иначе въ эту систему пришлось бы внести и воззрѣнія Бабефа. См. объ упомянутыхъ проявленіяхъ соціализма Aulard, o. c. pp. 448—460.

ство вредило своимъ членамъ [1]), или оттого, что въ согласіи съ вѣкомъ они суживали понятіе свободы, во всякомъ случаѣ ихъ представленія были проникнуты свойственной ихъ времени идеей гармоніи общественныхъ соотношеній. Декларація правъ со всѣми скрытыми въ ней важными и неисчислимыми послѣдствіями тонула въ этой идеѣ, не нанося ей ни малѣйшаго ущерба

Я придаю особенное значеніе установленнымъ выше положеніямъ, такъ какъ только при ясномъ пониманіи ихъ возможно уяснить себѣ и сущность гармоническихъ схемъ конца XVIII вѣка, и происшедшее затѣмъ разочарованіе въ нихъ. Предваряя послѣдующее изложеніе, мы можемъ уже теперь сказать, что *это было разочарованіе не въ принципахъ, а лишь въ томъ особомъ пониманіи ихъ, которое обѣщало практическую легкость ихъ осуществленія, но не охватывало ихъ во всемъ объемѣ* Политическія средства, въ которыя вѣрили ранѣе, оказались недостаточными, не для тѣхъ цѣлей, которыя ставились тогда, а для тѣхъ задачъ, которыя были выдвинуты послѣдующимъ временемъ. Оптимисты XVIII вѣка предполагали, что, осуществивъ равенство и свободу, какъ они ихъ понимали, они достигнутъ всеобщаго удовлетворенія. Они не знали, что ставятъ предъ собою такія задачи, которыя будутъ усложняться и расти по мѣрѣ ихъ постепеннаго осуществленія.

II. Опредѣленіе личности въ нѣмецкой философіи.

Въ самомъ началѣ своего изслѣдованія я упомянулъ о воззрѣніяхъ Канта и Гегеля, у которыхъ вѣра въ государство и право получила свое философское завершеніе [2]). Теперь умѣстно вернуться къ этимъ воззрѣніямъ, въ той связи идей, которая опредѣляется задачами настоящей гла-

[1]) Вспомнимъ выраженіе Руссо L. I, ch VII, „le souverain, n'étant formé que des particuliers, qui le composent, n'a, ni ne peut avoir d'intérêt contraire au leur"...

[2]) См. выше, стр 8.

вы. Тѣ понятія и положенія, которыя мы только что разъяснили при помощи анализа французской революціонной доктрины, въ свѣтѣ философской мысли получаютъ не только большую яркость, но и углубленное продолженіе. Поэтому разсмотрѣніе нѣмецкихъ идей дастъ намъ возможность и провѣрить произведенный анализъ, и закончить его.

Идеи, которыя я имѣю здѣсь въ виду, относятся къ философскому опредѣленію личности. Если бы мы поставили своей цѣлью выяснить, какое пониманіе личности скрывалось за французскими идеями равенства и свободы, какъ онѣ были опредѣлены выше, мы пришли къ результату въ высшей степени любопытному. Мы увидимъ, что это было то же самое пониманіе, которое получило свою теоретическую формулировку въ нѣмецкой философіи, и прежде всего у Канта. Это было раціоналистическое опредѣленіе личности въ ея *общей и отвлеченной основѣ, которую каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ на ряду со всѣми другими*,—опредѣленіе личности признаками не индивидуальными, а родовыми. Когда французскіе мыслители XVIII столѣтія говорили о человѣкѣ, они имѣли въ виду человѣка отвлеченнаго, повсюду имѣющаго одну и ту же природу, а слѣдовательно одни и тѣ же потребности и притязанія. Здѣсь не было того другого опредѣленія личности, которое съ подчеркнутой силой было развито въ XIX вѣкѣ и которое беретъ человѣка *во всемъ богатствѣ его своеобразныхъ особенностей и творческихъ проявленій*. Но именно то родовое понятіе личности, которое было свойственно XVIII вѣку, стоитъ въ полной гармоніи со всѣми другими политическими опредѣленіями этой эпохи. Такъ, очевидно, опредѣленіе свободы, какъ равной для всѣхъ и необходимо совпадающей съ равенствомъ, имѣло своимъ послѣднимъ основаніемъ взглядъ на личность, какъ на родовую сущность, которая обусловливаетъ у всѣхъ людей одинаковыя притязанія и возможности, а слѣдовательно и одинаковую потребность въ свободѣ. Изъ этого же пониманія личности вытекало убѣжденіе, что правильно найденная общая воля будетъ убѣди-

тельной и пріемлемой для всѣхъ, какъ общій законъ каждаго разумнаго существа. Изложенный ранѣе взглядъ Руссо на общую волю, какъ на неизмѣнный элементъ, общій всѣмъ частнымъ волямъ и одинаково присущій каждой изъ нихъ, былъ лишь естественнымъ отраженіемъ того пониманія личности, которое видѣло въ ней не своеобразныя особенности, а общечеловѣческую сущность. Наконецъ, и то удовлетвореніе, которое политическая мысль обѣщала съ достиженіемъ лучшаго строя, покоилось на предположеніи, что поставленные въ равныя условія предъ разумными законами люди получатъ тѣ идеальныя начала жизни, которыя соотвѣтствуютъ разумному существу каждаго изъ нихъ. Какъ говорилъ Руссо, всякій подлинный актъ общей воли ставитъ обязательства или благопріятствуетъ равнымъ образомъ всѣмъ гражданамъ, такъ что *суверенная власть знаетъ только всю совокупность народа и не различаетъ никого изъ тѣхъ, кто ее составляетъ.* (L. II, ch. IV). Въ его ученіи это означаетъ, что общая воля принимаетъ во вниманіе только объединяющій всѣхъ общій интересъ, не имѣя никакого отношенія къ интересамъ частнымъ и особеннымъ [1]). Государство имѣетъ дѣло съ общей и разумной сущностью всѣхъ, а не съ частнымъ и своеобразнымъ положеніемъ каждаго.

Въ этой системѣ воззрѣній все частное, своеобразное, особенное устраняется, какъ незаконное и не имѣющее нравственнаго оправданія. Оно разсматривается, какъ досадное противорѣчіе разумному закону, какъ источникъ безпорядка и несовершенства. Къ существу личности относится только то, что одинаково у всѣхъ и въ равной мѣрѣ для каждаго опредѣляется общимъ закономъ. А такъ какъ между этой общей сущностью лицъ и условіями ихъ общественнаго и политическаго существованія предполагается возможнымъ полное и гармоническое сліяніе, то неудивительно, что при такомъ пониманіи личности индивидуализмъ

---

[1]) Ср. съ этимъ и другое мѣсто въ той же главѣ „ce qui généralise la volonté est moins le nombre des voix, que l'intérêt commun qui les unit".. L. II, ch. IV.

легко переходитъ въ соціализмъ и въ государственный абсолютизмъ [1]).

Суживая понятіе личности, эта система воззрѣній не могла возвыситься и къ тому болѣе широкому понятію общества, которое раскрывается лишь позднѣе, въ XIX в. Общество разсматривалось въ ней, какъ совокупность равныхъ единицъ, какъ сочетаніе однородныхъ атомовъ, находящихъ въ своемъ единеніи только то, что присуще каждому изъ нихъ въ отдѣльности и что въ общественной средѣ повторяется не качественно-повышеннымъ, а лишь количественно-умноженнымъ. Признаніе за этой средой самостоятельной нравственной цѣнности могло явиться только въ связи съ болѣе широкимъ представленіемъ о личности. Но именно механическое воззрѣніе, согласно которому общество столь легко и просто составляется изъ своихъ элементовъ путемъ ихъ количественнаго повторенія, давало возможность строить красивыя схемы о согласіи цѣлаго съ частями, примѣръ которымъ мы находимъ въ классическомъ утвержденіи Руссо: „верховная власть, образованная только изъ тѣхъ частныхъ лицъ, которые ее составляютъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть интереса, противоположнаго ихъ интересу“ (L. I, ch. VII).

Эти идеи, не всегда ясно высказанныя, но всегда подразумѣваемыя, характеризуютъ французскую политическую

---

[1]) Новѣйшій французскій соціологъ-индивидуалистъ Паланть находитъ, что такая доктрина должна быть признана скорѣе формой гуманизма или соціализма, чѣмъ индивидуализма, такъ какъ „она настаиваетъ на томъ, что является общимъ между людьми, и оставляетъ безъ вниманія то, что есть въ нихъ различнаго, единственнаго и, въ собственномъ смыслѣ слова, индивидуальнаго“ (Revue philosophique T. 63. (1907). Pp. 338—339; статья: Anarchisme et individualisme.) Я думаю, что въ соотвѣтствіи съ историческимъ смысломъ термина, индивидуализмъ долженъ сохранить болѣе широкое значеніе доктрины, *исходящей въ своихъ заключеніяхъ изъ принципа личности*. Вполнѣ возможно, что въ такомъ широкомъ опредѣленіи индивидуалистическая точка зрѣнія можетъ приводить къ соціализму и даже абсолютизму (послѣднее имѣло мѣсто въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо). Это не мѣшаетъ, однако, соотвѣтствующимъ ученіямъ быть индивидуалистическими *въ своемъ исходномъ пунктѣ*.

доктрину, и онѣ же встрѣчаются въ нѣмецкой философіи права. Въ недавнее время Зиммель съ большой проницательностью и тонкостью указалъ на близость идей Канта къ французскимъ идеаламъ равенства и свободы конца XVIII вѣка. Мы можемъ провести это сближеніе и далѣе, къ Гегелю, съ той необходимой оговоркой, что воспринятыя отъ революціи начала вошли у него въ сочетаніи съ другими элементами и въ общемъ составѣ его системы получили новое истолкованіе.

Я не имѣю въ виду говорить здѣсь о вліяніи французской политической мысли на Канта: это вліяніе безспорно, но не оно въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ. Для насъ важно показать, какъ собственныя философскія идеи Канта совпадали съ основными предположеніями революціонной доктрины и по существу приводили къ сходнымъ результатамъ.

Обращаясь прежде всего къ тому пониманію личности, которое мы находимъ у Канта, мы должны указать, что изъ всѣхъ теоретическихъ положеній философа вытекало представленіе о лицѣ, какъ о носителѣ всеобщихъ и необходимыхъ законовъ. Съ нравственной точки зрѣнія понятіе личности опредѣлялось признакомъ свободы; но сама свобода понималась, какъ автономія воли, какъ способность дѣйствовать по закону долга, вслѣдствіе чего и съ этой стороны въ понятіи личности подчеркивалось общее и отвлеченное начало разума. Апріоризмъ Канта, закрывавшій для него связь нравственнаго закона съ міромъ естественныхъ человѣческихъ побужденій, закрывалъ для него и то цѣлостное представленіе о личности, въ которомъ она берется во всей совокупности своихъ индивидуальныхъ особенностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственный законъ, объединяющій отдѣльныхъ лицъ, понимался у него не въ качествѣ высшей связи, сочетающей ихъ, въ виду ихъ различій и во имя высшаго объединенія, а въ качествѣ принципа, одинаковаго у всѣхъ различныхъ существъ и объединяющаго ихъ этимъ своимъ единствомъ, съ отрицаніемъ

тѣхъ различій, въ которыхъ они между собою несходны [1]). При такомъ опредѣленіи личности и нравственнаго закона свобода и равенство представлялись двумя сторонами одного и того же понятія: свобода являлась основаніемъ, равенство — необходимымъ условіемъ закономѣрности воли. Въ „Метафизикѣ нравовъ“ Кантъ опредѣлялъ свободу, какъ независимость отъ чужой воли, поскольку она совмѣстима со свободой каждаго другого; равенство же онъ понималъ, какъ право не обязываться относительно другихъ къ большему сравнительно съ тѣмъ, къ чему ихъ можно обязать взаимно. Равенство, какъ и другія права личности, по его характерному утвержденію, уже заключаются въ началѣ прирожденной свободы и въ дѣйствительности отъ нея не отличаются [2]).

Понятно, что и общая формула свободы, выведенная Кантомъ для юридической области, включала въ себѣ въ сущности и требованіе равенства. „Дѣйствуй такъ, чтобы твоя свобода уживалась со свободой каждаго другого по всеобщему закону разума“—это правило въ ученіи Канта относилось одновременно и къ свободѣ и къ равенству, или,—что то же—къ свободѣ одинаковой и равной для всѣхъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Кантъ могъ сказать, что

---

[1]) См. мою книгу: „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“, М. 1901, стр. 109—110. См. также превосходныя замѣчанія Ласка въ его сочиненіи „Fichte's Idealismus und die Geschichte. Einleitung. См. особ. S. 5, гдѣ Ласкъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ точку зрѣнія Канта: „Er betrachtet das Ganze nicht als sich selbst genugende Totalitat, sondern ausschliesslich als Trager gewisser abstrakter Werte. Dadurch ist aber die Weitung auch des Einzelnen, als eines unersetzlichen Gliedes in einem grossen einheitlichen Zusammenhang, in der Wurzel zerstort. Denn auch dieses kann dann nicht als Individualitat betrachtet werden, sondern ebenfalls nur als Trager formaler Werte, und noch dazu jedes Einzelne als Trager immer derselben formalen Werte, die zugleich für den Begriff des Ganzen bestimmend gewesen waren“. И далѣе. S. 11: „Nach Kantischer Art zu werten kann das Wertwesentliche jedenfalls nie in den individuellen Differenzen, sondern nur in dem uberall identischen Vernunftfaktor bestehen“.— Эти мѣткія опредѣленія приложимы въ равной мѣрѣ къ Руссо и ко всей той системѣ воззрѣній, которую мы здѣсь характеризуемъ.

[2]) Kant, Metaph. Anfangsgrunde der Rechtslehre. Einleitung.

единственное прирожденное право есть свобода, а все остальное вытекаетъ изъ него.

Изъ того опредѣленія свободы, которое давалъ Кантъ, естественно слѣдовало и преобразованіе высказанной у Руссо идеи общей воли. Это преобразованіе, въ сущности, лишь подчеркивало извѣстные моменты, подразумѣвавшіеся и въ доктринѣ „Общественнаго договора“, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно давало имъ новый и весьма важный практическій уклонъ. На ряду съ воспроизведеніемъ идеи Руссо о соединенной волѣ народа, въ которой „каждый о всѣхъ и всѣ о каждомъ постановляютъ одно и то же“, Кантъ обозначаетъ законодательную волю такъ же, какъ „объединенную и a priori вытекающую изъ разума народную волю“ („der vereinigte, a priori aus der Vernunft abstammende Volkswillen“). Если свобода опредѣлялась ближайшимъ образомъ ея отношеніемъ къ общему закону разума, то и общая воля, установляющая законы свободы въ государствѣ, должна была являться не случайной, а разумно-необходимой. Въ такомъ пониманіи она утрачивала характеръ фактическаго соглашенія, которое въ мѣру своихъ силъ и желаній создаютъ частныя воли, и получала значеніе всеобщаго и регулятивнаго принципа, съ которымъ эти воли должны сообразоваться [1]). Но развивая логически этотъ рядъ мыслей, естественно было поставить законъ разума, который долженъ проявляться въ общей волѣ, выше свободнаго проявленія частныхъ воль, и признать, что въ правѣ, которое всецѣло воплощаетъ въ себѣ разумный законъ свободы, заключается высшая цѣль и завершеніе человѣческой исторіи.

Я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ воззрѣніи

[1]) Что уже Руссо склонялся къ такому пониманію общей воли, какъ регулятивнаго принципа, это хорошо показываетъ Kistiakowsky, Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin. 1899. S 156—157. Note Къ опредѣленіямъ Кистяковскаго необходимо прибавить, что такое пониманіе общей воли у Руссо стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ взглядомъ на личность, согласно которому въ ней берется только разумная общечеловѣческая сущность, и откидываются ея частныя и особенныя стремленія.

Канта, правда встрѣчающемся у него лишь мѣстами, но очень характерномъ для того сочетанія мыслей, съ которымъ мы только что ознакомились. Понимая личность, какъ носительницу общаго и одинаково живущаго во всѣхъ закона, возможно было придти къ выводу, что въ процессѣ человѣческаго развитія отдѣльные люди имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а какъ представители общаго родового разума. Этотъ выводъ и дѣлаетъ Кантъ въ своей философско-исторической теоріи. Смыслъ человѣческаго существованія, согласно этой теоріи, раскрывается не въ индивидѣ, а въ родѣ, въ безконечномъ развитіи человѣчества. Только здѣсь, въ развитіи человѣческаго рода, обнаруживаются всѣ задатки, заложенные въ человѣка, и осуществляется нравственная цѣль [1])

У Канта этотъ рядъ заключеній представлялъ лишь одну изъ линій въ сложномъ ходѣ его мысли: въ другихъ случаяхъ онъ не продолжалъ этой линіи и даже не повторялъ ея, а напротивъ дѣлалъ выводы иного характера [2]). Но самая возможность той исторической концепціи, которую онъ предложилъ, показываетъ естественную связь его идей о свободѣ и нравственномъ законѣ съ воззрѣніями Гегеля. Когда этотъ послѣдній призналъ личность только моментомъ въ развитіи абсолютнаго духа, онъ сдѣлалъ лишь послѣдній выводъ изъ той совокупности морально-политиче-

[1]) Kant Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltburgerlicher Absicht. (1784.)

[2]) Я изложилъ здѣсь только тѣ опредѣленія Канта, которыя представляли интересъ для настоящаго изслѣдованія. О различныхъ опредѣленіяхъ у Канта свободы см. Jodl, Geschichte der Ethik. Bd II См. также August Messer, Leipzig. 1904 S. 261 и спеціальную диссертацію Daniel Greiner, Der Begriff der Personlichkeit bei Kant. Berlin. 1896. S. 42. Основное опредѣленіе личности у Канта Грейнеръ хорошо формулируетъ слѣдующими словами: „Der Begriff der Personlichkeit is die Idee des autonomen vernunftigen Wesens.—Damit ist die Personlichkeit jenseits aller Erfahrung gestellt und bezeichnet das reine, durch kein sinnliches Interesse getrubte Ideal der Menschheit, deren objektivierten Allgemeinwillen sie in sich begreift". S 24—25. Превосходный анализъ идей Канта съ точки зрѣнія ихъ связи съ политическими идеалами равенства и свободы данъ у Зиммеля въ его монографіи: Kant. Leipzig. 1904. S. 170—181.

скихъ представленій, которыя слагались еще съ конца XVIII вѣка.

Въ другомъ мѣстѣ я старался показать, что въ своей „Философіи права“ Гегель хотѣлъ представить типъ новаго государства—der ausgebildete Staat unserer Zeit—съ развитіемъ частныхъ интересовъ и общественной жизни, съ господствомъ свободныхъ формъ и представительнаго начала [1]). Говоря объ отличіи новаго міра отъ древняго, онъ постоянно подчеркиваетъ, что въ новое время пріобрѣлъ особое значеніе принципъ субъективнаго опредѣленія. Съ другой стороны, и тотъ общій законъ воли, который онъ полагалъ въ основу общенія, понимается имъ, какъ нравственное единство, изъ котораго расходятся индивидуальныя различія: вслѣдствіе этого за членами общенія признавалось значеніе не только равныхъ, но и самобытныхъ носителей общаго духа. Однако, согласно общему пантеистическому направленію своей системы, Гегель хочетъ особенное и субъективное вывести изъ общаго и абсолютнаго, указать ихъ естественную гармонію, ихъ способность къ полному сліянію и примиренію. Привести примѣръ такой гармоніи изъ новой исторіи Гегель, конечно, не могъ, но когда онъ говорилъ о ней, какъ о возможномъ явленіи жизни, онъ, очевидно, вспоминалъ государство античное, которое еще въ юные годы представлялось ему, какъ образецъ всеобъемлющей полноты жизни и какъ полное сочетаніе личнаго начала съ общимъ [2]). Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ въ томъ гармоническомъ образѣ совершеннаго общенія, который предносился философу, личность поглощалась въ общей нравственной субстанціи. Въ этой субстанціи, выражающейся въ объективныхъ законахъ и учрежденіяхъ, Гегель видѣлъ основу историческаго развитія, въ отношеніи къ которой отдѣльныя лица являются только преходящими явленіями. Понятно, что законы и учрежденія, съ этой точки зрѣнія, представлялись высшимъ

[1]) См. „Кантъ и Гегель“, стр. 228.

[2]) Ibid., стр. 169.

разумомъ исторіи, а государство—„земнымъ богомъ“. Рѣчь шла здѣсь, конечно, о государствѣ, осуществляющемъ законы разума и свободы. Цѣлью и задачей ставилось развитіе свободы, но воплощеніе этой свободы относилось не къ лицамъ, которыя „безпрестанно мѣняются“, а къ учрежденіямъ, которыя остаются [1]).

Въ этихъ воззрѣніяхъ, которыя принято сближать съ реставраціоннымъ настроеніемъ первой половины XIX вѣка, не сразу можно открыть связь съ идеалами равенства и свободы, прославившими французскую доктрину XVIII столѣтія. И однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи приходится сказать, что въ философіи Гегеля нашли для себя углубленное выраженіе нѣкоторыя изъ самыхъ основныхъ положеній французской политической мысли. Какъ мы отмѣтили выше, главными основаніями французской теоріи являлись предположеніе о возможности полной гармоніи между личной свободой и государственной властью и стоявшая съ этимъ въ связи вѣра въ государство и въ государственныя учрежденія Но именно эти убѣжденія и развиваются у Гегеля, при чемъ они получаютъ у него рѣшительный поворотъ въ сторону превознесенія государства. Въ ученіи о гармоніи между личностью и государствомъ можно было склоняться то въ ту, то въ другую сторону. Если признавалось, что законъ свободы получаетъ свое осуществленіе чрезъ государство и что въ государствѣ человѣкъ находитъ высшее удовлетвореніе, то не слѣдовало ли также признать, какъ это и сдѣлалъ Гегель, что именно государство есть основа и сущность историческаго прогресса. При всемъ различіи исходныхъ основъ и психологическихъ предпосылокъ, при всемъ различіи стиля, темперамента, міросозерцанія, все же надо сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ „Философія права“ Гегеля есть переводъ „Общественнаго договора“ на языкъ нѣмецкаго абсолютнаго идеализ-

[1]) Въ этомъ смыслѣ Dunlop (Hauptmomente in Hegels Begriff der Persönlichkeit. Diss. Jena 1903) справедливо говоритъ Nach Hegel giebt es also nur eine Freiheit, nicht freie Geister S. 37.

ма [1]). То и другое произведеніе выросло въ атмосферѣ однихъ и тѣхъ же воззрѣній на призваніе государства и отношеніе его къ личности. Эпоха реставраціи въ этомъ отношеніи не измѣнила основъ революціонной доктрины, а только иначе истолковала ихъ смыслъ: вмѣсто того, чтобы личность ставить во главу угла, а въ государствѣ видѣть продуктъ ея свободнаго творчества, она провозгласила догматъ о божественномъ предназначеніи государства, а отъ личности потребовала смиренія предъ могущественной силой историческаго разума, ведущаго ее къ счастью и свободѣ.

Мы замѣтили выше, что ученіе о гармоніи личности съ государствомъ могло склоняться то въ сторону личности, то въ сторону государства. Что при этихъ различныхъ уклонахъ и поворотахъ оно оставалось, однако, по существу вѣрнымъ своимъ основамъ и что чрезъ эти основы обнаруживается родство направленій, повидимому совершенно несходныхъ между собою, это всего лучше видно при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ послѣдующихъ теченій нѣмецкой мысли, ушедшихъ отъ Гегеля влѣво, въ сторону матеріализма и атеистическаго гуманизма. Я имѣю здѣсь въ виду ученія Фейербаха, Маркса и Лассаля. Для всѣхъ этихъ мыслителей характерно то, что они берутъ исходнымъ пунктомъ человѣка, отдѣльную личность, но не саму по себѣ, а въ ея общей родовой сущности, и въ соотвѣтствіи съ этимъ приходятъ къ подчиненію лица объемлющимъ его союзамъ [2]).

---

[1]) Современные нѣмецкіе юристы упоминаютъ иногда „die Rousseau—Hegelsche Definition des Rechts als allgemeiner Wille“, см. Binder, Das Problem der juristischen Persönlichkeit. Leipzig 1907. S. 10—11, Note 4. Несомнѣнно, однако, что совпаденіе Гегеля и Руссо идетъ далѣе общаго опредѣленія права.

[2]) Болѣе подробную характеристику Фейербаха и Маркса въ ихъ отношеніи къ философскимъ и религіознымъ основамъ общественной жизни можно найти въ прекрасныхъ очеркахъ С. Н. Булгакова: «Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха» М. 1906 и «Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ». Спб. 1907. Я привожу нижеслѣдующія цитаты изъ Фейербаха и Маркса въ переводѣ, сдѣланномъ Булгаковымъ.

Для Фейербаха человѣкъ является не только краеугольнымъ камнемъ общественнаго устройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основоположнымъ догматомъ истинной религіи. „Человѣкъ есть начало религіи, человѣкъ есть средина религіи, человѣкъ есть конецъ религіи. [1]) „Homo homini deus est"—„человѣкъ для человѣка богъ" [2])—таковы основные члены символа вѣры Фейербаха. Но какой человѣкъ? Разъ дѣло идетъ о созданіи изъ человѣка бога, необходимо надѣлить его такими признаками, которые снимали бы съ него ограниченность и случайность индивидуальнаго проявленія и придавали бы ему значеніе существа абсолютнаго. Поэтому божественнымъ Фейербахъ объявляетъ не отдѣльнаго, единичнаго человѣка, а родовое существо человѣка, проявляющееся въ общеніи. Родъ человѣческій—вотъ что является для отдѣльнаго человѣка абсолютнымъ и божественнымъ. Съ этой точки зрѣнія Фейербахъ высоко оцѣниваетъ практическую организацію человѣческаго рода, которая всего полнѣе выражается въ государствѣ. „Субъективное происхожденіе государства объясняется вѣрой въ человѣка, какъ бога для человѣка. Въ государствѣ выдѣляются и развиваются силы человѣка для того, чтобы при помощи этого раздѣленія и ихъ новаго соединенія установить безконечное существо; многіе люди, многія силы суть одна сила. Государство есть совокупность всѣхъ реальностей, государство есть провидѣніе для человѣка. Связь государства есть практическій атеизмъ; люди существуютъ въ государствѣ потому, что они существуютъ въ государствѣ безъ бога, государство есть богъ для человѣка, почему оно и виндицируетъ себѣ по праву божественный предикатъ „величества" [3]).

---

[1]) Feuerbach, Wesen des Christenthums. Stuttgart, 1903. (Sämmtliche Werke. Bd. VI) S. 222.

[2]) Ibid S 326.

[3]) Philosophische Kritiken und Grundsätze, Stuttgart, 1904 въ Sämmtliche Werke. Bd II, статья Nothwendigkeit einer Reform der Philosophie (статья 1842 г.) S. 219—220. См. у Булгакова, о. с., стр 27.

Les extrémités se touchent! Отправившись отъ человѣка, Фейербахъ, подобно Гегелю, исходившему отъ идеи абсолютнаго духа, воспроизводитъ его заключеніе, что государство есть богъ для человѣка, но уже не только земной, какъ говорилъ Гегель, а единственный, такъ какъ Фейербахъ иного не признаетъ. Представляя себѣ государство, какъ практическую организацію, въ которой проявляется цѣлостность человѣческаго существа, онъ естественно долженъ былъ перенести на государство признаки божественности, свойственные тому объекту, который въ немъ реализуется.

С. Н. Булгаковъ въ своемъ очеркѣ о Фейербахѣ замѣчаетъ, что въ этомъ „призывѣ имѣть религію въ политикѣ, сдѣлать политику религіей“ Фейербаху какъ нельзя болѣе „удалось угодить духу времени“ [1]). На самомъ дѣлѣ этотъ призывъ не былъ особенностью Фейербаха: мы имѣемъ здѣсь предъ собою лишь одно изъ проявленій того болѣе общаго міросозерцанія, которое еще въ XVIII вѣкѣ сказалось въ доктринѣ „Общественнаго договора“, въ политическомъ оптимизмѣ революціонной эпохи, въ преувеличенной вѣрѣ въ могущественное дѣйствіе учрежденій и законовъ. И подобно тому какъ въ томъ міросозерцаніи личность то возвеличивалась, то приносилась въ жертву цѣлому, такъ и здѣсь догматъ божественности человѣка сочетается съ практическимъ подчиненіемъ его божественному государству.

То же отношеніе къ индивидуальности мы находимъ у Маркса. И онъ исходитъ изъ желанія дать человѣку дѣйствительное, не иллюзорное счастье. Онъ также считаетъ основнымъ требованіе, чтобы человѣкъ „двигался около самого себя, какъ около дѣйствительнаго своего солнца“. Но какъ достигнуть этой цѣли? Какъ дать человѣку, ограниченному въ силахъ и часто немощному духомъ, прочное и непоколебимое счастье? На это Марксъ отвѣчаетъ съ

---

[1]) Булгаковъ, Религія человѣкобожества у Фейербаха. Стр. 30.

полной опредѣленностью: „лишь когда дѣйствительный индивидуальный человѣкъ приметъ въ себя абстрактнаго государственнаго гражданина и, какъ индивидуальный человѣкъ, въ своемъ индивидуальномъ положеніи, въ своемъ индивидуальномъ трудѣ въ своей эмпирической жизни станетъ родовымъ существомъ, лишь когда человѣкъ свои forces propres позналъ и организовалъ, какъ силы общественныя, и потому уже не отдѣляетъ общественныхъ силъ отъ себя въ видѣ политической силы,—лишь тогда совершится человѣческая эмансипація“ [1]).

Итакъ, счастье и свобода обѣщаются человѣку тогда, когда онъ отречется отъ себя и сольется съ обществомъ, когда онъ отождествитъ свою силу съ силой политической! Совѣтъ старый, извѣстный со времени Платона, но вся бѣда въ томъ, что человѣкъ хочетъ счастья и свободы не только для общества, но и для себя, и что люди не могутъ сойтись на одинаковомъ пониманіи счастья личнаго и общественнаго.

Мы должны, наконецъ, упомянуть и о Лассалѣ, который также ратовалъ противъ личности, какъ противъ самобытной и своеобразной силы. „Стремленія нашего времени,—заявляетъ онъ,—идутъ не противъ индивидуализма, ибо индивидуальное съ такой же послѣдовательностью допускается ими, какъ и общее; они идутъ только противъ завѣшаннаго средними вѣками и все еще сросшагося съ нами узла особенности“ [2]). Это чрезвычайно интересное указаніе, брошенное Лассалемъ какъ бы мимоходомъ, въ примѣчаніи къ одному мѣсту „Системы пріобрѣтенныхъ правъ“, съ рѣдкой ясностью и простотой опредѣляетъ, что разумѣется въ этомъ ученіи подъ именемъ пріемлемаго и допустимаго индивидуализма. „Узелъ особенности“, вѣдь это значитъ

---

[1]) Изъ статьи: Zur Judenfrage, въ сборникѣ: „Aus dem litterarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, herausgegeben von Fr. Mehring“. Stuttgart, 1902. S. 424.

[2]) Lassalle, Das System der erworbenen Rechte. Leipzig 1861. Bd. I, S 263. Note

самобытное, оригинальное, свое, то, что составляетъ въ личности единственное и незамѣнимое, неповторяющееся въ другихъ. Если же личность берется не какъ нѣчто единственное въ себѣ, а только какъ единичное въ ряду прочихъ такихъ же единицъ, въ ихъ общей сущности, которая принадлежитъ всѣмъ безъ различія, то въ такомъ случаѣ понятіе личности суживается до предѣловъ крайности.

Понятно, что и государство будущаго, о которомъ мечтаетъ Лассаль, должно явить собою примѣръ высшей солидарности всѣхъ его членовъ. Оно не будетъ, подобно буржуазному государству, ночнымъ сторожемъ, охраняющимъ порядокъ, а нравственнымъ общеніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, призваннымъ воспитать человѣчество къ свободѣ [1]). Что полнота этого общенія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поглощеніемъ личности, какъ самобытнаго центра нравственныхъ опредѣленій и творческихъ возможностей, это разумѣется здѣсь само собою, какъ вытекающее изъ основного взгляда на личность и на задачи общенія [2]).

Мы прослѣдили до сихъ поръ рядъ воззрѣній, которыя во многомъ между собою отличались. Одни изъ нихъ обѣщали людямъ равенство и свободу, другія—полноту нравственнаго развитія, третьи, сверхъ этого, еще и матеріальное счастье. Но при всѣхъ различіяхъ они сходились во взглядѣ на личность, какъ на родовую сущность, и во взглядѣ на государство, какъ на единственный путь къ устроенію и усовершенствованію личности [3]).

---

[1]) Das Arbeiterprogramm въ собраніи статей подъ заглавіемъ: Ferdinand Lassalle's ausgewählte Reden und Schriften. Leipzig (безъ обозначенія года). Bd. I, SS. 214—215.

[2]) См Чичеринъ, „Истор. полит. ученій“, ч. 5. М. 1902, стр. 134 (глава о Лассалѣ).

[3]) У Гегеля былъ сдѣланъ шагъ къ пониманію личности, какъ сочетанія общаго и особеннаго, но этотъ послѣдній элементъ не получилъ ни признанія, ни развитія въ его „Философіи права“: индивидуальное начало было всецѣло поглощено идеей общей субстанціи. Болѣе глубокія воззрѣнія на личность были развиты Шеллингомъ въ его „Философскихъ изслѣдованіяхъ о существѣ человѣческой свободы“ (см. Kuno Fischer, Geschichte der neueren Philosophie. Bd. VI. Schellings Leben und Werke. Heidelberg, 1895, SS. 653—

Дополненные убѣжденіемъ о возможности совершенной гармоніи между личностью и государствомъ, эти взгляды явились опорой той вѣры въ государственныя учрежденія, которая характеризуетъ собою политическую мысль, начиная со второй половины XVIII вѣка.

Однако, въ утвержденіи этой гармоніи можно было итти и совершенно инымъ путемъ. Если Руссо требовалъ отъ человѣка все отдать государству, чтобы изъ рукъ его получить все обратно сохраненнымъ и пріумноженнымъ, то можно было, наоборотъ, требовать, чтобы государство все предоставило человѣку, въ увѣренности, что изъ его свободныхъ усилій создастся наилучшій общественный строй. Гармонія соотношеній между личностью и государствомъ предполагается и въ томъ и въ другомъ случаѣ; и хотя ученія, поддерживавшія эти два различныхъ требованія, нерѣдко сталкивались между собою въ рѣзкой и враждебной противоположности, однако въ одномъ отношеніи они стояли на общей почвѣ: со стороны формальной и методологической каждое изъ нихъ представляло собою упрощеніе дѣйствительныхъ отношеній. Въ томъ и другомъ случаѣ это упрощеніе опиралось на недостаточный анализъ понятія личности, ея цѣлей и средствъ. Теоретическое упрощеніе приводило въ обоихъ случаяхъ и къ одинаковой простотѣ практическихъ рѣшеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ одинаковому оптимизму въ отношеніи къ легкости всеобщаго удовлетворенія. Мы должны теперь разсмотрѣть ученія, которыя вытекали изъ второго указаннаго нами

---

655) и въ особенности Фихте въ позднѣйшую пору его философской дѣятельности (см. Lask, Fichtes Idealismus und die Geschichte, SS. 201—211). Въ началѣ XIX вѣка нашло выраженіе другое ученіе, которое въ противоположность доктринѣ XVIII вѣка подчеркивало въ личности моментъ особенности и своеобразія: представителями этого ученія въ особенности слѣдуетъ назвать Шлейермахера, Гёте и романтиковъ (Шлегеля и Новалиса). Но это ученіе, равно какъ и синтетическія построенія Фихте и Шеллинга, въ которыхъ объединялись противоположности Кантовской точки зрѣнія и романтической, въ свое время, когда господствовали другія идеи, не могли быть оцѣнены въ полной мѣрѣ: имъ принадлежало будущее.

требованія, по существу различнаго съ первымъ, но методологически однороднаго.

III. Англійскій индивидуализмъ. Теорія экономической свободы.

Ученія этой второй группы нашли свое первоначальное и наиболѣе яркое выраженіе въ Англіи. Согласно особымъ условіямъ англійскаго развитія къ концу XVIII вѣка, здѣсь получили преобладаніе взгляды, выдвигавшіе на первый планъ личную свободу и самодѣятельность. Французская доктрина ожидала отъ свободнаго государства, что оно создастъ свободную и счастливую личность; англійская теорія отъ свободной личности ожидала созданія свободнаго и счастливаго государства. Два мыслителя придали этой теоріи значеніе господствующей догмы и надолго обезпечили ей исключительное положеніе — Адамъ Смитъ и Бентамъ. Представители современнаго англійскаго либерализма до сихъ поръ указываютъ на нихъ, какъ на главныхъ творцовъ того направленія, которое и теперь еще приходится оспаривать и опровергать [1]).

Въ своемъ „Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ Адамъ Смитъ пришелъ къ убѣжденію, что главнымъ и основнымъ условіемъ народнаго богатства является личная свобода или, какъ онъ выражался, „свободное преслѣдованіе собственнаго интереса“. Всякое вмѣшательство въ „ясную и простую систему свободы“, „вмѣсто того, чтобы ускорить прогрессъ общества къ дѣйствительному богатству и величію, замедляетъ его“. „Каждый человѣкъ, поскольку онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, можетъ совершенно свободно преслѣдовать свой собственный интересъ своимъ собственнымъ путемъ“. Государственная власть, стремящаяся къ усовершенствованіямъ, для которыхъ никакая человѣческая мудрость и никакое познаніе не могутъ быть достаточны, обречена на

[1]) См., напр., Herbert Samuel въ его книгѣ о современномъ либерализмѣ.

безчисленныя разочарованія [1]). Таковы извѣстныя положенія Смита, изложенныя въ концѣ IV книги „Изслѣдованія о богатствѣ народовъ".

Въ другомъ мѣстѣ Адамъ Смитъ говоритъ: „естественное усиліе каждаго отдѣльнаго лица улучшить свое положеніе... представляетъ изъ себя начало настолько могущественное, что оно одно и безъ всякаго содѣйствія не только способно привести общество къ богатству и благосостоянію, но и преодолѣть множество досадныхъ препятствій, которыми изобиліе человѣческихъ законовъ часто загромождаетъ его дѣйствія" [2]). Эти мысли, въ разныхъ формахъ повторяющіяся у Смита, свидѣтельствуютъ о его убѣжденіи, что правомѣрный частный интересъ совершенно совпадаетъ съ интересомъ общимъ. Онъ думалъ, что свободное развитіе частныхъ силъ создастъ и наилучшія общественныя отношенія („as nearly as possible in the proportion which is most agreeable to the interest of the whole society"). Ему также была свойственна мысль о полной гармоніи, о совершенномъ единствѣ частнаго съ общимъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе способствовали распространенію этой мысли въ умахъ.

Тѣ начала, которыя Смитъ положилъ въ основу экономической теоріи, были развиты Бентамомъ въ видѣ общихъ основаній соціальной философіи и практической политики. Въ этой формѣ, подкрѣпленныя философской теоріей утилитаризма и получившія характеръ законченной индивидуалистической доктрины, они долго сохраняли въ Англіи господствующее значеніе [3]). Исходнымъ положеніемъ Бентама являлось убѣжденіе, что каждый человѣкъ стремится къ наибольшему счастью. Разсматривая человѣка, какъ простую единицу ариѳметическаго ряда, онъ просто и легко вычислялъ задачу общественныхъ стремленій, какъ наиболь-

[1]) The Wealth of nations, Book IV, ch. IX.

[2]) Ibid. Book IV, ch. V.

[3]) Dicey (Law and public opinion in England) считаетъ порой господства Бентамизма годы 1825—1870.

шее счастье наибольшаго количества людей. Такъ какъ въ этомъ ариѳметическомъ сложеніи сумма составлялась изъ простого итога равныхъ единицъ, въ которомъ не было ничего иного и большаго, чѣмъ содержали въ себѣ слагаемыя, тутъ не было мѣста противорѣчіямъ и недочетамъ. Общество прекрасно поддерживается отдѣльными лицами, а эти послѣднія находятъ въ немъ наилучшую среду для своего развитія, если только не встрѣчаютъ препятствія со стороны власти. Необходимо поэтому, чтобы правительственная власть была сведена къ возможно узкимъ предѣламъ. При идеальныхъ условіяхъ она должна принадлежать самимъ же гражданамъ, такъ, чтобы посредствомъ выборовъ и представительства принципъ большинства получилъ свое реальное воплощеніе.

Моральная ариѳметика Бентама какъ нельзя болѣе выражала тотъ упрощенный взглядъ на личность, который былъ присущъ мыслителямъ XVIII и начала XIX столѣтій. Какъ въ другихъ ранѣе разсмотрѣнныхъ системахъ, такъ и здѣсь личность берется, какъ одно изъ звеньевъ ряда, въ существѣ сходное со всѣми другими. При всемъ вниманіи къ счастью лицъ, *тутъ нѣтъ собственно проблемы личности въ подлинномъ смыслѣ этого слова*. Бентама, какъ и Смита, интересуетъ въ сущности механика частныхъ силъ, слагающихъ въ своемъ взаимодѣйствіи великое цѣлое общественной жизни. Смитъ превозноситъ мудрое и могущественное дѣйствіе частнаго интереса, незамѣтно образующаго богатство народовъ; Бентамъ, считавшій себя призваннымъ законодателемъ, постоянно наблюдаетъ любопытное для законодателя соотношеніе лицъ въ обществѣ и государствѣ, игру ихъ силъ и страстей, приводящую въ результатѣ къ стройному синтезу. Моральная ариѳметика не знаетъ трагическихъ конфликтовъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій личнаго и общественнаго интересовъ. Упрощенный расчетъ математическаго сложенія устраняетъ всякія противорѣчія предположеніемъ о равенствѣ слагаемыхъ единицъ, и какъ убѣдительный результатъ произ-

веденной операціи показываетъ въ итогѣ наибольшее счастье наибольшаго количества людей. [1])

Въ настоящее время можно считать установленнымъ, что Смитъ, какъ и Бентамъ, отстаивая свободу личности, не исключали, однако, извѣстнаго, хотя и узкаго проявленія государственной иниціативы [2]). Это была незначительная уступка практической дѣйствительности, нисколько не нарушавшая общаго тона ихъ воззрѣній. Но въ вѣрности этому тону можно было итти и далѣе: можно было настаивать на принципѣ свободы съ такою послѣдовательностью, чтобы для правительственнаго вмѣшательства не оставалось никакого мѣста. Это сдѣлала манчестерская школа, выступившая съ знаменитымъ лозунгомъ: laissez faire, laissez passer. Для характеристики этого направленія намъ достаточно будетъ остановиться на одномъ изъ самыхъ видныхъ его представителей, который самымъ заглавіемъ своего наиболѣе значительнаго сочиненія обнаруживаетъ принадлежность свою къ школѣ экономическаго оптимизма. Я говорю о Бастіа и его сочиненіи: „Экономическія гармоніи“ (1850 г.). Въ наше время къ знаменитому нѣкогда Бастіа относятся съ полнымъ пренебреженіемъ, но по законченной ясности своихъ идей онъ представляетъ собою писателя въ высшей степени любопытнаго [3]).

---

[1]) Мысли о естественной связи частнаго интереса съ общимъ, о гармоніи и единствѣ общественныхъ отношеній разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Бентама. См., напр., Deontologie ou science de la morale. Paris 1834. Seconde partie. Principes généraux. Очень яркій образчикъ моральной ариѳметики Бентама былъ приведенъ выше, изъ его писемъ къ графу Торрено.

[2]) Относительно Ад. Смита см., напр., новѣйшее изслѣдованіе: Biermann, Staat und Wirtschaft. Band I: Die Anschauungen des ökonomischen Individualismus. Berlin, 1905. S. 64. О Бентамѣ—Чичеринъ, „Ист. полит. ученій“. Часть 3, стр. 308. Я долженъ сдѣлать здѣсь оговорку, что въ характеристикѣ практическихъ выводовъ Бентама я имѣю въ виду его позднѣйшія воззрѣнія, въ которыхъ онъ явился защитникомъ демократическихъ началъ. Въ практической политикѣ онъ мѣнялъ свои взгляды, но своей моральной ариѳметикѣ, связанной съ основами его утилитаризма, онъ остался вѣренъ до конца. Демократическій принципъ открылъ даже для него возможность провести числительную методу съ бо́льшей ясностью.

[3]) Мѣткую и безпристрастную оцѣнку Бастіа даетъ Schatz въ своемъ трудѣ: individualisme économique et social. Paris 1907. Pp. 264 et suiv.

Поклонникъ Кобдена и Манчестерской Лиги Бастіа особенно интересенъ въ томъ смыслѣ, что онъ отстаиваетъ идею свободы не только противъ правительственнаго вмѣшательства, но и противъ проповѣди братства и солидарности, которая казалась ему проявленіемъ вреднаго сентиментализма. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе любопытно, что со времени французской революціи на родинѣ Бастіа идея братства неразрывно сочеталась съ принципами свободы и равенства, и что именно здѣсь, во Франціи мы наблюдаемъ въ настоящее время новый расцвѣтъ этой идеи. „Развивать среди людей, подъ предлогомъ человѣколюбія, искусственную солидарность," думаетъ Бастіа, это значитъ „дѣлать личную отвѣтственность все менѣе и менѣе дѣйствительною" [1]). Единственнымъ правильнымъ началомъ общественныхъ отношеній должна служить свобода. „Интересы, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническимъ сочетаніямъ, къ прогрессивному преобладанію общаго блага" [2]). „Пусть люди трудятся, мѣняются продуктами, учатся, входятъ въ союзы, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, потому что по законамъ Провидѣнія изъ разумной самодѣятельности ихъ могутъ возродиться только порядокъ, гармонія, прогрессъ, благо, все большее и большее совершенствованіе, совершенствованіе безъ конца" [3]). Возможный упрекъ въ оптимизмѣ этого воззрѣнія Бастіа отражаетъ разъясненіемъ, что онъ не отрицаетъ въ мірѣ зла и страданія, а думаетъ только что силою самаго страданія человѣкъ выходитъ на путь истины и добра. Онъ рѣзко нападаетъ на соціалистовъ, которые вмѣсто гармоніи видятъ въ естественныхъ отношеніяхъ только антагонизмъ,—„антагонизмъ между собственникомъ и пролетаріемъ, между капиталомъ и трудомъ, между народомъ и буржуазіей, между земледѣліемъ и Фабрикой, между поселяниномъ и горожаниномъ, между уроженцемъ и иностранцемъ, между произ-

[1]) Bastiat, Harmonies économiques. 2-me edition. Paris 1851. p. 10.
[2]) Ibid., p. 5
[3]) Ibid., p. 8.

водителемъ и потребителемъ, между цивилизаціей и организаціей, чтобы сказать короче,—между свободой и гармоніей“ [1]). „Даютъ всѣмъ интересамъ искусственныя основы, приводятъ ихъ въ столкновеніе и потомъ восклицаютъ: видите,—интересы враждебны другъ другу. Все зло отъ свободы. Проклянемъ и задушимъ эту свободу“ [2]). „Экономическая школа—поясняетъ Бастіа,—напротивъ, отправляясь отъ естественной гармоніи интересовъ, пришла къ свободѣ“ [3]).

Свое мнѣніе о неизмѣнномъ значеніи свободы Бастіа, между прочимъ, подкрѣпляетъ однимъ очень простымъ аргументомъ, который въ наглядной формѣ воспроизводитъ общую мысль его направленія о совпаденіи частнаго съ общимъ. „Даже и тогда, когда люди руководствуются только личнымъ интересомъ, они стараются сблизиться, сочетать свои усилія, соединить свои силы, работать другъ для друга, оказывать другъ другу взаимныя услуги, соединяться въ *общество*... Они соединяются, потому что находятъ это выгоднымъ; если бы это было имъ невыгодно, то они не соединялись бы вмѣстѣ. Индивидуализмъ совершаетъ здѣсь дѣло, которое сентименталисты нашего времени хотѣли бы ввѣрить братству, самоотреченію... Одно изъ двухъ: или общеніе вредитъ индивидуальности, или оно выгодно для нея. Если оно вредно, то какъ возьмутся за дѣло гг. соціалисты и какіе разумные мотивы могутъ они указать для осуществленія того, что оскорбляетъ всѣхъ. Если, наоборотъ, общеніе выгодно, то оно осуществится въ силу личнаго интереса, самаго могущественнаго, постояннаго, единообразнаго, всеобщаго принципа, что бы тамъ ни говорили его противники“ [4]).

Приведенные нами взгляды французскаго экономиста не отличаются ни глубиной, ни проницательностью, но они

---

1) Ibid., p. 3.
2) Ibid., p. 10.
3) Ibid., p. 4
4) Ibid, p. 356. Ср pp. 536–543, ch. XXI. Solidarité.

чрезвычайно характерны для своего направленія. Въ прозрачномъ по своей ясности изложеніи у Бастіа еще виднѣе, чѣмъ у Смита или Бентама, раскрывается та особенность всѣхъ ученій этого рода, что понятіе личности они берутъ лишь какъ элементъ цѣлаго. Экономическая школа, какъ говоритъ Бастіа, отъ естественной гармоніи пришла къ свободѣ. Успѣхи общественнаго развитія, накопленіе богатствъ, процвѣтаніе промышленности приводили ихъ къ основному элементу, обусловившему эти успѣхи, къ личному интересу, и они восхваляли этотъ интересъ, какъ могущественный рычагъ общественнаго прогресса. Личность опять таки берется здѣсь не сама по себѣ, а какъ часть цѣлаго, какъ элементъ общей гармоніи. Теоріи, шедшія отъ Руссо или развивавшіяся въ духѣ его „Общественнаго договора", требовали *все отдать государству,* ученія, шедшія отъ Адама Смита и Бентама, требуютъ *все предоставить личности.* Какъ уже было замѣчено выше, оба требованія методологически находятся на общей почвѣ, и оба одинаково упрощаютъ дѣйствительность. Но вся трудность вопроса заключается въ томъ, что каждое изъ этихъ требованій грѣшитъ отвлеченностью и что правильный выходъ заключается въ отысканіи *границъ между личностью и государствомъ.* Признаніе этой мысли составляетъ первый шагъ той эволюціи, которую мы должны теперь прослѣдить.

IV. Развитіе въ индивидуализмѣ начала свободы.

Изложенныя до сихъ поръ ученія соотвѣтствуютъ той стадіи въ развитіи политическихъ и экономическихъ отношеній, когда совершался процессъ освобожденія отъ старыхъ стѣсненій, лежавшихъ тяжелымъ гнетомъ на личности. Задача заключалась въ томъ, чтобы создать новыя формы жизни, способныя ограждать личность отъ произвола и деспотизма, отъ стѣснительной опеки, отъ старыхъ неравенствъ. Правовое государство явилось разрѣшеніемъ этой задачи. Но по своему содержанію, это была задача отрицательная.

Сбросить старыя цѣпи еще не значитъ создать новую жизнь. Это не значитъ также предохранить личность отъ новыхъ цѣпей, которыя могутъ быть наложены на нее ходомъ событій. Неудивительно, если дальнѣйшее развитіе жизни породило новыя теоріи, отвѣчавшія инымъ потребностямъ.

Тѣ неравенства и стѣсненія, которыя были прежде всего устранены правовымъ государствомъ, имѣли характеръ юридическій. Это были установленія полицейскаго государства и переживанія феодальнаго быта. Но освобождая личность отъ старыхъ юридическихъ аномалій, новое государство, какъ это вскорѣ выяснилось, исполнило только часть своей задачи. И свобода, и равенство могли быть поняты шире, проведены далѣе, чѣмъ это представлялось въ концѣ XVIII столѣтія. Послѣдующая эволюція индивидуализма и заключается въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ, вытекающихъ изъ понятія личности. Предъ нами вырисовываются такимъ образомъ двѣ основныхъ линіи, по которымъ совершалась эволюція индивидуалистической доктрины: одна изъ этихъ линій идетъ чрезъ идею свободы, другая—чрезъ идею равенства.

Оба ряда ученій, которыя намъ предстоитъ теперь изслѣдовать, ссылаются на французскую революцію: одни находятъ, что, провозгласивъ начало свободы, она не довела до конца дѣла освобожденія; другіе утверждаютъ, что поставивъ предъ собою начало равенства, она не завершила дѣла уравненія. Политическая мысль XIX столѣтія не только оспаривала и защищала принципы революціи: она также развивала и продолжала ихъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ обильную сокровищницу идей, въ высшей степени поучительныхъ. Но, развивая и углубляя начала свободы и равенства, она обнаружила не только ихъ естественное родство, но также и ихъ различіе. Тѣ двѣ линіи ученій, которыя намъ предстоитъ изслѣдовать, представляютъ собою какъ бы два конца цѣпи, исходящихъ изъ единаго центра: по мѣрѣ своего продолженія, они уда-

ляются отъ объединяющаго ихъ средоточія, чтобы разойтись въ стороны; но, оставаясь внутренне объединенными, они должны обнаружить свою связь и подтвердить ее неразрывностью своего сочетанія. Это сочетаніе остается необходимымъ при всякомъ дальнѣйшемъ продолженіи обѣихъ линій; но по мѣрѣ ихъ расхожденія связь ихъ пріобрѣтаетъ новый характеръ: представленіе о той основной идеѣ, изъ которой оба ряда ученій берутъ свое начало, становится болѣе широкимъ и всеобъемлющимъ. Новое пониманіе равенства и свободы не могло быть соглашено съ тѣмъ прежнимъ опредѣленіемъ личности, которое столь исключительно и односторонне связывало ее съ обществомъ и отрицало ея самобытное существо. Необходимо было выйти изъ рамокъ старой схемы и возвыситься къ воззрѣнію болѣе широкому.

Я изложу сначала ту линію ученій, которая идетъ чрезъ понятіе свободы. Какъ мы увидимъ, дальнѣйшее развитіе этого понятія тотчасъ же выдвигаетъ вопросъ о самобытномъ значеніи личнаго принципа и, такимъ образомъ, впервые ставитъ самую проблему личности. Прежде всего здѣсь необходимо остановиться на ученіи Бенжамена Констана.

Въ сочиненіяхъ Бенжамена Констана мы находимъ, на ряду съ признаніемъ „благородной и великодушной цѣли“, руководившей вождями „счастливой революціи“, стремленіе подвергнуть критикѣ революціонную доктрину, указать ея односторонность и восполнить новыми опредѣленіями. Среди этихъ опредѣленій самымъ главнымъ и существеннымъ является новое опредѣленіе личности. Въ своихъ „Началахъ политики“ (1815), а затѣмъ въ рѣчи: „О свободѣ древнихъ по сравненію со свободой новыхъ“ (1819 г.) Бенжаменъ Констанъ утверждаетъ, что Руссо и его послѣдователи поняли свободу узко и односторонне. Увлекшись античными образцами, они считали необходимымъ обезпечить для личности свободу политическую. Такова именно была свобода древнихъ, которые не знали индивидуальныхъ правъ, у которыхъ отдѣльный человѣкъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ

потерянъ въ народѣ, а гражданинъ—въ государствѣ. Они довольствовались той свободой, которая выражается въ политическихъ правахъ. Напротивъ у новыхъ народовъ первой потребностью является личная независимость. Индивидуальная свобода это—истинная свобода, свобода политическая же является только ея гарантіей. Въ качествѣ такой гарантіи она необходима, но для того, чтобы ее установить, нельзя жертвовать личной свободой. Представители власти могутъ сказать: „какова въ основѣ цѣль вашихъ усилій, мотивъ вашихъ трудовъ, предметъ вашихъ надеждъ? Не счастье ли? Въ такомъ случаѣ предоставьте намъ дѣйствовать, и мы дадимъ вамъ это счастье". „Нѣтъ,—замѣчаетъ Бенжаменъ Констанъ—не будемъ предоставлять имъ этого. Какъ бы ни была трогательна забота столь нѣжная, попросимъ власть оставаться въ ея границахъ. Пусть она ограничится тѣмъ, чтобы быть справедливой; мы возьмемъ на себя быть счастливыми!" „Дѣло законодателя,—знаменательно заканчиваетъ Бенжаменъ Констанъ,—не можетъ считаться законченнымъ, когда онъ далъ народу спокойствіе. Даже и тогда, когда народъ доволенъ, остается еще многое сдѣлать. Необходимо, чтобы учрежденія завершали нравственное воспитаніе гражданъ" [1]). Путь къ этому заключается въ томъ, чтобы, охраняя индивидуальныя права и личную независимость гражданъ, учрежденія привлекали ихъ къ общимъ дѣламъ.

Особенность воззрѣній Бенжамена Констана, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, заключается въ томъ, что онъ понялъ индивидуальную свободу, какъ нѣчто само по себѣ цѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ отличное отъ свободы политической. Не одинаковое со всѣми участіе въ политическихъ дѣлахъ, а личная независимость—вотъ что составляетъ основную потребность личности; политическія права являются только средствомъ къ охранѣ этой независимости. Понятіе свободы, такимъ образомъ, двоилось, а вмѣстѣ съ

[1]) Benjamin Constant, Cours de politique constitutionnelle. Deuxième édition par. Ed. Laboulaye. Paris 1872. Tome II P. 539 et suiv особ. 547—560.

тѣмъ представлялась и болѣе сложной задача ея осуществленія. Какъ политикъ, имѣвшій ясное представленіе о конкретныхъ условіяхъ государственной жизни, Бенжаменъ Констанъ и въ своей рѣчи, и въ общемъ сочиненіи о „Началахъ политики“ [1]) старался опредѣлить, съ помощью какихъ средствъ можетъ быть обезпечена личная свобода. Онъ указывалъ на представительный строй, на распредѣленіе властей, другъ друга уравновѣшивающихъ, на развитіе общественнаго мнѣнія. Онъ искалъ условій, которыя были бы способны удержать власть въ должныхъ границахъ, настаивая на томъ, что и въ рукахъ народа власть нуждается въ ограниченіяхъ. Такъ схема Руссо о гармоніи политической жизни, утверждаемой на принципѣ народовластія, подрывалась въ корнѣ. Задача политической жизни опредѣлялась такъ, что сразу становилась очевидной трудность ея осуществленія, и Бенжаменъ Констанъ какъ бы еще болѣе подчеркивалъ эту трудность заключительными словами своей рѣчи „О свободѣ...“, въ которыхъ онъ указывалъ на необходимость стремиться къ нравственому воспитанію гражданъ, не ограничиваясь установленіемъ среди нихъ спокойствія и довольства.

Въ сочиненіяхъ Бенжамена Констана намѣчается вопросъ, которому суждено было стать одной изъ самыхъ основныхъ темъ политической литературы; это—вопросъ о границахъ государственной власти. Въ ученіяхъ, ранѣе нами разсмотрѣнныхъ, такого вопроса не могло возникнуть. Основному предположенію о совпаденіи личнаго интереса съ общимъ болѣе соотвѣтствовали тѣ упрощенныя рѣшенія, которыя мы разсмотрѣли выше: *все* отдать государству, или *все* предоставить личности. У Бенжамена Констана нѣтъ такихъ упрощенныхъ рѣшеній: задачи политики представляются ему гораздо болѣе сложными, а пути ея болѣе трудными, чѣмъ дѣятелямъ XVIII вѣка. Но ему все же присущъ извѣстный оптимизмъ, связанный съ твердой вѣрой въ

---

[1]) Ibid. p. 558—560.

развитіе и торжество свободы. Этой твердой вѣры мы не находимъ у другого, близкаго къ нему по духу политическаго писателя,—у Токвиля.

Высокая оцѣнка свободы, можно сказать страстная любовь къ ней, роднитъ Токвиля съ Бенжаменомъ Констаномъ. „Мнѣ кажется, я любилъ бы свободу во всѣ времена—говоритъ онъ о себѣ,—но въ то время, въ которое мы живемъ, я склоненъ ее обожать“ [1]). Какъ Бенжаменъ Констанъ, онъ полагаетъ, что дѣло освобожденія, начатое революціей, должно быть завершено въ сторону укрѣпленія индивидуальной независимости и самобытности лицъ. Но изученіе политической жизни, какъ она складывалась въ его время, все болѣе утверждало его въ мысли, что новое государственное развитіе готовитъ свободѣ серьезныя испытанія. Съ тонкимъ предчувствіемъ грядущихъ судебъ Европы Токвиль видѣлъ, что она идетъ къ торжеству демократіи. При этомъ онъ былъ убѣжденъ, что демократія болѣе стремится къ равенству, чѣмъ къ свободѣ. „Я думаю,—пишетъ онъ въ своей знаменитой книгѣ—что демократическіе народы имѣютъ естественный вкусъ къ свободѣ; предоставленные самимъ себѣ, они ищутъ ее, они любятъ ее и съ горечью видятъ, когда ихъ отъ нея удаляютъ. Но къ равенству они имѣютъ страсть горячую, ненасытимую, вѣчную, непобѣдимую; они хотятъ равенства въ свободѣ, и если не могутъ его получить, они хотятъ его также и въ рабствѣ. Они перенесутъ бѣдность, порабощеніе, варварство, но они не перенесутъ аристократіи“ [2]). Въ этомъ стремленіи къ равенству во что бы то ни стало Токвиль видитъ опасность, отъ которой есть только одно дѣйствительное средство—свобода. Но развитіе политическихъ отношеній ведетъ, по его мнѣнію, не къ увеличенію свободы, а къ усиленію власти. Будущее демократіи рисуется ему въ видѣ своеобразнаго деспотизма, не похожаго на деспотизмъ прошлыхъ временъ и тѣмъ не менѣе

[1]) De Tocqueville, De la démocratie en Amérique, T. II., 4-me partie, ch. VII.
[2]) De la démocratie en Amérique, T. II, 2-me partie, ch. I.

опаснаго „Я хочу представить себѣ, въ какомъ новомъ видѣ деспотизмъ могъ бы явиться въ мірѣ, и вижу безчисленную толпу людей подобныхъ и равныхъ, которые безъ отдыха хлопочутъ о томъ, чтобы доставить себѣ мелкія и посредственныя удовольствія, способныя наполнить ихъ душу... Надъ этими людьми возвышается огромная и опекающая власть, которая беретъ на себя обезпечить имъ пользованіе жизнью и позаботиться объ ихъ судьбѣ... Съ каждымъ днемъ она дѣлаетъ менѣе полезнымъ и болѣе рѣдкимъ примѣненіе ихъ свободной воли; она заключаетъ дѣйствіе воли въ болѣе тѣсные предѣлы и мало-по-малу отнимаетъ у каждаго гражданина самую возможность располагать самимъ собою. Равенство подготовило людей ко всему этому; оно расположило ихъ выноситъ это и часто даже принимать за благодѣяніе. Взявши такимъ образомъ въ свои могущественныя руки каждаго человѣка и передѣлавши его по-своему, верховная власть простираетъ свое вниманіе на все общество; она покрываетъ его сѣтью мелкихъ правилъ, сложныхъ, подробныхъ и однообразныхъ, сквозь которыя самые оригинальные умы и самые сильные характеры не могутъ пробиться, чтобы возвыситься надъ толпою... Я всегда думалъ, что этотъ видъ рабства упорядоченнаго, мягкаго и спокойнаго можетъ скорѣе, чѣмъ это воображаютъ, сочетаться съ нѣкоторыми изъ внѣшнихъ формъ свободы, и что онъ можетъ установиться даже подъ сѣнью народнаго суверенитета [1]).

Такъ писалъ Токвиль въ 1840 году. То, чего онъ опасается, это усиленія государства, и его мысль обращается въ ту же сторону, что и мысль Бенжамена Констана: необходимо ограничить государственную власть, ослабить централизацію, обезпечить большій просторъ мѣстныхъ органовъ, укрѣпить личную свободу. Онъ видитъ впереди большія затрудненія, но не отчаивается за будущее: если демократія должна придти, надо обратить ее на лучшіе пути.

---

[1]) De la Démocratie en Amérique, T. II. 4-me partie, ch. VI.

Опасныхъ послѣдствій уравненія надо избѣжать утвержденіемъ свободы, отстаивая дѣло освобожденія противъ враждебныхъ силъ и противодѣйствующихъ вліяній.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ появленія послѣднихъ частей сочиненія Токвиля вышла въ свѣтъ книга Вильгельма Гумбольдта, посвященная вопросу о границахъ дѣятельности государства. Написанная еще въ 1792 году, она не была въ свое время обнародована (за исключеніемъ небольшого отрывка, помѣщеннаго въ журналѣ Шиллера „Талія“) и появилась въ печати только въ 1851 г. Едва ли слѣдуетъ признать случайнымъ, что самъ авторъ, послѣ первыхъ затрудненій съ изданіемъ книги [1]), отложилъ мысль объ ея печатаніи. Хотя Гумбольдтъ впервые пришелъ къ своимъ заключеніямъ въ связи съ размышленіями о французской революціи [2]), однако вопросъ, имъ выдвинутый, очевидно, ни ему, ни другимъ въ то время не представлялся жгучимъ и настоятельнымъ. Такъ или иначе, его сочиненіе пролежало около 60 лѣтъ, прежде чѣмъ увидѣло свѣтъ, и тѣмъ не менѣе было встрѣчено при своемъ появленіи, какъ свѣжее и новое слово [3]). Оно явилось какъ бы естественнымъ продолженіемъ того ряда мыслей, который былъ высказанъ Бенжаменомъ Констаномъ и Токвилемъ. Интересно отмѣтить, что Вильгельмъ Гумбольдтъ, подобно Бенжамену Констану, начинаетъ свой очеркъ также съ различія между древними и новыми народами. Почти буквально совпадая въ мысляхъ съ французскимъ писателемъ, онъ говоритъ: „ограниченія свободы въ древнихъ государствахъ... затра-

---

[1]) Объ этихъ затрудненіяхъ разсказывается обычно во введеніяхъ къ различнымъ изданіямъ книги Гумбольдта. См., напр., введеніе къ новому изданію въ Reclam's Universal-Bibliothek. О нихъ можно прочесть и въ первомъ изданіи Cauer'a. См. также недавно появившійся русскій переводъ подъ ред. Лугинина.

[2]) Первое выраженіе политическія идеи Гумбольдта получили въ его письмѣ, помѣщенномъ въ 1792 г. въ „Berlinische Monatsschrift“ (Бистера) подъ заглавіемъ: „Ideen über die Staatsverfassung, durch die neue französische Konstitution veranlasst“.

[3]) По отзыву Лабуле, „ce livre vieux de soixante ans était une nouveauté“.

гивали какъ разъ то, что составляетъ собственное существо человѣка, его внутреннее бытіе; и потому всѣ древніе народы обнаруживаютъ односторонность, которая производилась и поддерживалась большей частью почти повсюду введеннымъ общимъ воспитаніемъ и намѣренно установленной общей жизнью гражданъ“ [1]). Гумбольдтъ находитъ, что въ древности воспитывалась, по крайней мѣрѣ, дѣятельная сила человѣка, чего нельзя сказать о новомъ времени. Въ противоположность древнимъ народамъ, „у насъ самъ человѣкъ непосредственно менѣе ограничивается, скорѣе окружающая его обстановка заключается въ болѣе узкую форму, и потому кажется возможнымъ начать борьбу противъ этихъ внѣшнихъ оковъ при помощи внутренней силы“. Ограниченія свободы въ нашихъ государствахъ „имѣютъ въ виду гораздо болѣе то, чѣмъ человѣкъ обладаетъ, чѣмъ то, что онъ есть“. Но они не приводятъ въ дѣйствіе, какъ у древнихъ, физическую, умственную и нравственную силу человѣка, хотя бы и въ одностороннемъ направленіи, а навязываютъ ей въ видѣ законовъ опредѣленныя идеи. Это подавляетъ энергію, которая представляетъ собою какъ бы источникъ дѣятельной добродѣтели и необходимое условіе къ высшему и болѣе многостороннему развитію [2]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гумбольдта, самъ человѣкъ, его внутреннее существо, „то, что онъ есть“, въ новое время не стѣсняется такъ, какъ въ древности, но внѣшнія условія не благопріятствуютъ его развитію, и это зависитъ отъ неправильнаго пониманія государствомъ своихъ задачъ. Подобно Бенжамену Констану онъ становится на сторону тѣхъ, которые прежде всего имѣютъ въ виду „заботу о свободѣ частной жизни“. Политическій идеалъ и для него опредѣляется въ зависимости отъ индивидуальной основы личности. Но еще яснѣе, чѣмъ французскій авторъ, Гум-

[1]) Wilhelm v. Humboldt, „Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen.“ I Einleitung (по изд. Реклама, S. 20).

[2]) Ibid. S. 21.

больдтъ понимаетъ эту основу, какъ *оригинальность*, какъ *своеобразіе силы и образованія*. „Цѣлью человѣка, которая предписывается ему не мѣняющимися склонностями, а вѣчнымъ и неизмѣннымъ разумомъ, является высшее и наиболѣе соразмѣрное развитіе его силъ въ одно цѣлое". Первое и самое необходимое условіе для этого есть свобода, но сверхъ того необходимо еще и другое условіе,— разнообразіе положеній. Только при этихъ условіяхъ можетъ получиться своеобразіе силы и образованія людей, а „въ этомъ въ концѣ концовъ состоитъ все величіе человѣка, и за это отдѣльный человѣкъ долженъ вѣчно бороться"... „Даже безжизненная природа, которая совершаетъ свой всегда равномѣрный ходъ по вѣчно неизмѣннымъ законамъ, самобытно развитому человѣку представляется болѣе своеобразной. Онъ какъ бы переноситъ въ нее самого себя, и такимъ образомъ въ высшемъ смыслѣ вѣрно то, что каждый всегда именно въ той степени видитъ полноту и красоту внѣ себя, въ какой самъ обладаетъ ими" [1]).

Такъ опредѣляетъ Гумбольдтъ существо и цѣль человѣческой жизни. Но какъ же достигнуть этой высокой цѣли? Въ отвѣтъ на это онъ подвергаетъ подробному разбору различныя проявленія государственной дѣятельности для того, чтобы начертать ей необходимыя границы. Отмежевавъ государству дѣятельность чисто внѣшнюю и отрицательную, устранивъ его вмѣшательство въ жизнь гражданъ, возможно, думаетъ онъ, создать свободу жизни и разнообразіе жизненныхъ положеній, два необходимыхъ условія для оригинальнаго развитія лицъ. Заключительный параграфъ книги, посвященный вопросу о примѣненіи изложенной теоріи на практикѣ, показываетъ, что Гумбольдтъ вполнѣ сознавалъ трудность практическаго осуществленія своихъ положеній. „Для прекраснѣйшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ плодовъ духа,—замѣчаетъ онъ,—дѣйствительность никогда, ни въ какое время не можетъ быть созрѣвшей; идеалъ дол-

[1]) Ibid. S. 26.

женъ всегда предноситься душѣ творца, какъ недосягаемый образецъ. Эти основанія указываютъ необходимость величайшей осторожности даже при осуществленіи теоріи наименѣе сомнительной и наиболѣе послѣдовательной". Въ концѣ концовъ успѣха реформъ слѣдуетъ ожидать отъ дѣйствія самой человѣческой природы, отъ дѣйствія внутренней силы человѣка. ,Кто хочетъ испытать тяжелый трудъ искусно связать новый порядокъ вещей съ существующимъ, тотъ никогда не долженъ терять изъ виду эту силу. Онъ долженъ прежде всего дождаться полнаго дѣйствія времени на умы. Если бы онъ захотѣлъ итти на проломъ, онъ можетъ быть и измѣнилъ бы внѣшнюю форму вещей, но никогда не преобразовалъ бы внутренняго настроенія людей, которое опять перешло бы во все то новое, что было насильно ему навязано" [1]).

Эти мысли Гумбольдта представляютъ любопытнѣйшій контрастъ къ тому, что говорили и во что вѣрили въ концѣ XVIII вѣка. Указаніе на внутреннюю силу человѣка, развитія которой законодатель долженъ выжидать, представляетъ задачу общественныхъ реформъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Современники Гумбольдта были убѣждены, что преобразованіе учрежденій преобразитъ и человѣка. Онъ придаетъ огромную роль дѣйствію учрежденій, но первичный факторъ усматриваетъ въ человѣческой природѣ. Вся исторія представляется ему, съ этой точки зрѣнія, какъ „естественное послѣдствіе революцій человѣческой силы".

Мы видимъ, какъ перенесеніе анализа съ государства на человѣка въ связи съ утратой вѣры въ ихъ естественную гармонію, сразу осложнило политическія перспективы. У Бенжамена Констана и еще болѣе у Токвиля и Вильгельма Гумбольдта новое пониманіе личности отразилось на всемъ ихъ представленіи о ходѣ исторіи, задачахъ государства и средствахъ къ ихъ осуществленію. Желанная гармонія общественныхъ отношеній скрывается для нихъ въ безко-

---

[1]) Ibid., XVI, S. 194.

нечную даль будущаго, что же касается настоящаго, то, не ожидая отъ него установленія естественной гармоніи, они хотятъ по крайней мѣрѣ установить твердыя границы для избѣжанія злоупотребленій.

Еще ярче этотъ—я сказалъ бы пессимистическій—колоритъ лежитъ на болѣе новомъ произведеніи этого рода,—я разумѣю появившійся въ 1859 году трактатъ Джона Стюарта Милля „О свободѣ". Этотъ трактатъ хорошо извѣстенъ своимъ краснорѣчивымъ прославленіемъ свободной личности, съ которой Милль хочетъ снять все, что только можетъ ее стѣснять. Но эта „пѣснь пѣсней" въ честь свободы [1]) скрываетъ въ себѣ тоны разочарованія и неувѣренности, можетъ быть неясные для самого автора въ ихъ подлинномъ значеніи, но тѣмъ болѣе для насъ любопытные.

Кто знаетъ руководящія идеи Токвиля и Вильгельма Гумбольдта, тотъ легко обнаружитъ слѣды ихъ вліянія въ трактатѣ Милля. Какъ и Гумбольдтъ, Милль ставитъ цѣлью и личнаго, и общественнаго совершенствованія самобытное и оригинальное развитіе лицъ. Подобно Токвилю онъ имѣлъ предъ собою опытъ дѣйствія демократическихъ учрежденій и подобно ему онъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ результатами этого опыта: процессъ развитія новаго государства оказывался стоящимъ въ противорѣчіи съ тѣмъ пониманіемъ личности, въ которомъ Милль былъ укрѣпленъ вліяніемъ родственныхъ ему по духу писателей. Приблизительно въ срединѣ трактата „О свободѣ", въ третьей главѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее интересное разсужденіе. Указавъ, что Европа до сихъ поръ прогрессировала благодаря проявленію въ ней „необычайнаго разнообразія въ характерахъ людей и ея культуры", Милль продолжаетъ: „но уже теперь она замѣтно утрачиваетъ это благодѣтельное преимущество. Она несомнѣнно приближается къ китайскому идеалу уподобленія людей другъ другу. Токвиль въ своемъ

[1]) Выраженіе Острогорскаго въ сочиненіи: La democratie et l'organisation des partis politiques. T. I p. 75. James Stephen называлъ книгу Милля „исповѣданіемъ религіи свободы".

послѣднемъ выдающемся сочиненіи замѣчаетъ, что французы нашихъ дней имѣютъ гораздо болѣе сходства между собою, чѣмъ французы предшествовавшаго поколѣнія. То же замѣчаніе можно было бы сдѣлать и по отношенію къ англичанамъ, но еще въ болѣе значительной степени. Вильгельмъ Гумбольдтъ указываетъ два условія человѣческаго развитія, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать людей непохожими другъ на друга, а именно свободу и разнообразіе положеній. Второе изъ этихъ двухъ условій въ Англіи постепенно исчезаетъ. Внѣшняя обстановка, въ которой живутъ какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлые классы общества, и которая способствуетъ образованію ихъ характеровъ, съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе однообразной. Въ прежнее время различные классы общества, различные округа, различные промыслы и ремесла находились такъ сказать въ своихъ различныхъ мірахъ; въ настоящее же время они пребываютъ въ значительной степени въ одномъ и томъ же мірѣ. Какъ бы ни были велики остающіяся донынѣ различія въ положеніи людей, они ничтожны по сравненію съ тѣми, которыя существовали ранѣе. И это уподобленіе людей другъ другу продолжаетъ усиливаться. Всѣ политическія перемѣны нашего вѣка способствуютъ этому, такъ какъ онѣ стремятся возвысить стоящихъ ниже и понизить стоящихъ выше. Но самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ условій, способствующихъ общему уравненію характеровъ, является твердо установившееся въ Англіи и другихъ свободныхъ странахъ вліяніе общественнаго мнѣнія". Перечисливъ всѣ эти условія, среди которыхъ мы находимъ, между прочимъ, и распространеніе просвѣщенія и улучшеніе средствъ сообщенія, Милль заключаетъ: „сочетаніе всѣхъ этихъ причинъ образуетъ собою такую массу вліяній, враждебныхъ индивидуальности, что нелегко предвидѣть, будетъ ли она въ состояніи отстоять для себя почву". И онъ приглашаетъ интеллигентный классъ проникнуться сознаніемъ великаго значенія индивидуальности и отстаивать ее, пока еще не поздно, пока „еще

многаго не достаетъ для окончательнаго торжества этого насильственнаго уравниванія всякой самобытности“ [1]).

Я привелъ эту длинную выдержку изъ Милля въ виду ея исключительнаго интереса и значенія. Прочтя ее, читатель невольно долженъ поставить вопросъ: куда же идетъ Европа и человѣчество. Если „человѣкъ становится началомъ всего благороднаго и прекраснаго не приведеніемъ къ однообразію всего, что въ немъ есть индивидуальнаго, а напротивъ развитіемъ своихъ индивидуальныхъ способностей“ [2]), и если въ настоящее время условія жизни становятся все болѣе враждебными индивидуальности, то не слѣдуетъ ли заключить, что человѣчество сбилось съ пути. Если Европа „несомнѣнно постепенно приближается къ китайскому идеалу“ и уклоняется отъ разнообразія жизни, которому она до сихъ поръ была обязана своимъ прогрессивнымъ развитіемъ, не грозитъ ли это упадкомъ культуры и пониженіемъ расы? Сомнѣнія и тревоги, которыя могутъ возникнуть въ данномъ случаѣ, не только не разсѣиваются въ дальнѣйшемъ изложеніи Милля, но скорѣе усиливаются, такъ какъ никакихъ средствъ къ исправленію постепенно ухудшающихся условій онъ не указываетъ. Послѣдняя глава, говорящая о примѣненіи изложенныхъ принциповъ, представляетъ лишь „немногія замѣчанія ....относительно нѣкоторыхъ подробностей“ [3]). Главный и основной вопросъ, поставленный съ такой тревожной остротой и рѣзкостью, такъ и остается не разрѣшеннымъ. Повидимому, самъ Милль не чувствовалъ всей силы поднимаемыхъ имъ сомнѣній.

Опасность пришла, очевидно, оттуда, откуда ея не ждали. Бенжаменъ Констанъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ имѣли въ виду стѣсненія, угрожающія свободѣ со стороны *государства*; Милль, поддержанный въ своей мысли американскими на-

---

[1]) Mill, On liberty The second edition. London 1859. Pp. 130—133.
[2]) Ibid., p. 113.
[3]) Ibid., p. 168.

блюденіями Токвиля, усматриваетъ возможность не меньшихъ стѣсненій со стороны *общества*. Вліяніе общественнаго мнѣнія онъ считалъ важнѣйшимъ изъ условій, препятствующихъ развитію индивидуальности. Въ 1859 году, когда Милль издалъ свой трактатъ, онъ могъ уже судить, въ какой мѣрѣ устраненіе правительственной опеки разрѣшаетъ вопросъ объ освобожденіи личности. Вмѣсто полнаго достиженія цѣли оказывалось, что изъ самого средства выросли новыя препятствія. Ученикъ Бентама и сторонникъ той партіи, которая проводила въ Англіи демократическія реформы, Милль не рѣшается назвать вещи своими именами, но для современнаго читателя ясно, что его трактатъ „О свободѣ“ есть скрытый протестъ противъ демократизаціи учрежденій и нравовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вчитываясь внимательно въ тѣ выдержки, которыя мы привели выше, мы должны заключить изъ разъясненій Милля, что общественное мнѣніе, уравнивающее человѣческіе характеры, дѣйствуетъ такъ только на почвѣ „политическихъ перемѣнъ нашего вѣка, которыя стремятся возвысить стоящихъ ниже и понизить выше стоящихъ“. Если всѣ люди въ настоящее время „живутъ почти одинаковою жизнью“ и все болѣе уподобляются другъ другу, то вѣдь это не болѣе, какъ результатъ демократическаго принципа. Понятно теперь, почему Милль, поставивъ вопросъ о приближеніи Европы къ китайскому идеалу, ничего на него не отвѣтилъ и даже скрылъ его остроту указаніемъ, что еще не поздно поправить дѣло, если интеллигентный классъ возьмется за это. За нѣсколько лѣтъ до того, встревоженный перспективами, нарисованными Токвилемъ, Милль ждалъ, что этотъ „Монтескье нашего времени“ укажетъ и выходъ изъ затрудненій демократіи. Не дождавшись „этого благодѣянія“,—чтобы употребить его собственное выраженіе,—отъ французскаго писателя, Милль ухватился, какъ за якорь спасенія, за пропорціональную систему Гера, увидѣвъ въ ней прибѣжище индивидуальныхъ правъ. Однако, его собственный анализъ

могъ привести къ заключенію, что опасности для индивидуальнаго развитія коренятся глубже, чѣмъ въ дѣйствіи какой бы то ни было избирательной системы: онѣ вытекаютъ изъ общаго процесса уравненія лицъ. Въ сущности, *во имя свободы Миллю приходилось протестовать противъ равенства.*

Мы видимъ здѣсь, какъ новое и углубленное пониманіе личности враждебно столкнуло въ ней тѣ два начала, которыя со времени французской революціи считались совпадающими и гармонирующими другъ съ другомъ. Какъ было разъяснено выше, это совпаденіе проистекало изъ того, что въ отдѣльныхъ лицахъ бралось только то, что было въ нихъ равнаго, и для этого общаго родового проявленія человѣческой воли требовалась свобода. Но это была свобода неполная, и какъ только ее опредѣлили въ полнотѣ ея значенія, тотчасъ же увидѣли, что она не совпадаетъ съ равенствомъ. Еще ранѣе Милля Токвиль пришелъ къ заключенію, что равенство и свобода могутъ противорѣчить другъ другу. У Милля этотъ выводъ являлся, какъ результатъ высокой оцѣнки, которую онъ дѣлалъ индивидуальному началу личности. Онъ считалъ развитіе индивидуальности высшей цѣлью человѣчества и главнымъ условіемъ прогресса. Между тѣмъ демократическія формы обнаруживали какъ разъ обратное стремленіе въ сторону уравненія и уподобленія людей другъ другу. Милль остановился въ недоумѣніи предъ этимъ духомъ вѣка. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что выходъ найдется, что дѣло еще какъ-нибудь уладится. Но дальнѣйшее развитіе жизни показывало, что уравнительныя стремленія не только продолжали расти, но и приносили съ собой новыя требованія соціалистическаго характера. Преемникъ Милля по духу и значенію для англійской философіи Спенсеръ увидѣлъ себя вынужденнымъ писать уже не „О свободѣ“, а о „грядущемъ рабствѣ“ и долженъ былъ снова противопоставить „человѣка государству“ [1]).

---

[1]) Spencer, The man *versus* the state (1884).

На англійской почвѣ столкновеніе идей этого рода приводило къ призывамъ, обращеннымъ къ интеллигентному классу,—крѣпко стоять за права индивидуальности. Твердая вѣра въ непрерывность прогресса спасала англійскихъ мыслителей отъ полнаго отчаянія тамъ, гдѣ казалось не было выхода На родинѣ своей Милль дождался только мелочной и старомодной критики Джемса Стифена, утверждавшаго, что „свобода и равенство большія слова для малыхъ вещей“ [1]), и дѣйствительно сведшаго эти великіе лозунги къ будничной прозѣ ихъ практическаго примѣненія. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ англійскія традиціи заставили и Милля, и Стифена остановиться и поставить точку, недисциплинированный умъ русскаго писателя сдѣлалъ выводы, для которыхъ онъ могъ бы найти нѣкоторое подкрѣпленіе въ трактатѣ Милля „О свободѣ“. „Самый крупный, единственный крупный мыслитель изъ консервативнаго лагеря“ [2]) Константинъ Леонтьевъ свое преклоненіе предъ индивидуальнымъ разнообразіемъ жизни и предъ „исключительнымъ, обособленнымъ, сильнымъ и выразительнымъ развитіемъ характеровъ“ претворилъ въ формулы безграничнаго эстетизма и „безумнаго реакціонерства“. При всемъ „безуміи“ этихъ крайнихъ формулъ ихъ легко связать, однако, съ мягкими тонами Миллевскаго скептицизма. Не даромъ же Леонтьевъ сочувственно ссылается на англійскаго мыслителя: „у Дж. Стюарта Милля,—пишетъ онъ,—цѣлая книга („Свобода“) посвящена той мысли, что *однообразіе людей убійственно для человѣческаго духа*. Въ этой книгѣ (какъ и вообще

[1]) James Fitzjames Stephen, Liberty, equality, fraternity. London 1873 P. 253. „Equality, like liberty, appears to me to be a big name for a small thing“ Въ частности по вопросу объ оригинальномъ развитіи лицъ см. pp. 42—48. Подъ заманчивымъ заглавіемъ книга Стифена скрываетъ въ себѣ лишь пространный разборъ сочиненія Милля „О свободѣ“ и его теоріи утилитаризма съ небольшими прибавленіями, стоящими въ связи съ темой. Англійскіе писатели склонны преувеличивать значеніе книги Стифена, см., напр., Dicey, Law and public opinion in England. London 1905. P. 425, note 1. Для иноземнаго читателя трудно раздѣлить эту мѣстную оцѣнку.

[2]) См. статью Бердяева: К. Леонтьевъ—философъ реакціонной романтики, въ сборникѣ „Sub specie aeternitatis. Спб. 1907.

у Милля) много неосновательнаго и непослѣдовательнаго; но тамъ, гдѣ онъ такъ зло смѣется надъ ничтожными нынѣшними людьми, „носящимися съ какой-нибудь гуманитарной бездѣлушкой, имѣющей цѣлью сдѣлать всѣхъ людей схожими“, онъ великолѣпенъ и правъ“ [1]). Ссылка на Милля, какъ можно судить изъ приведеннаго мѣста, не отличается большой точностью выраженій, но связь тутъ существуетъ прямая и несомнѣнная. Въ самомъ дѣлѣ, если прежнее разнообразіе жизни было такъ хорошо, и если, какъ говорилъ Милль, ущербъ индивидуальному развитію проистекаетъ отъ уравненія людей, а уравненіе людей зависитъ отъ уравнительныхъ реформъ, то не слѣдуетъ ли признать эти реформы противорѣчащими основной задачѣ человѣчества? Константинъ Леонтьевъ и дѣлаетъ этотъ выводъ: „эгалитарно-либеральный процессъ есть антитеза процессу развитія“ [2]). Разрушая неравенство и разнообразіе положеній, эгалитарно-либеральный процессъ создаетъ „смѣсительное упрощеніе, настоящіе характеры тутъ гибнутъ, въ „исполинской толчеѣ, всѣхъ и все толкущей въ одной ступѣ псевдо-гуманной пошлости и прозы“, вырабатывается „средній человѣкъ, буржуа, спокойный среди милліоновъ такихъ же среднихъ людей, тоже покойныхъ“. Это—„сложный алгебраическій пріемъ, стремящійся привести всѣхъ и все къ одному знаменателю“ [3]). Леонтьева не смущаетъ возможное возраженіе, что отвергаемый имъ процессъ уравненія уноситъ съ собой старыя несправедливости, сословныя различія, деспотизмъ. „*Для развитія великихъ и сильныхъ характеровъ*, смѣло заявляетъ онъ, *необходимы великія общественныя несправедливости*, т.-е. сословное давленіе, деспотизмъ, опасности, сильныя страсти, предразсудки, суе-

---

[1]) К. Леонтьевъ, „Востокъ, Россія и Славянство“. Москва 1885. Т. II, стр. 214. Ср. съ эт. т. I, стр. 220, гдѣ Леонтьевъ говоритъ о „расшаркивающихся предъ мнѣніемъ большинства (предъ тѣмъ, что Милль зоветъ „la médiocrité collective“).

[2]) Ibid, T. I, стр. 144.

[3]) Ibid. T. I, стр 164—165.

вѣрія. фанатизмъ и т д., однимъ словомъ все то, противъ чего борется XIX вѣкъ“ [1]). Но духъ времени силенъ, Леонтьевъ съ горечью это сознаетъ: „все изящное, глубокое, выдающееся чѣмъ-нибудь. и наивное, и утонченное, и первобытное, и капризно-развитое, и блестящее, и дикое одинаково отходитъ, отступаетъ передъ твердымъ напоромъ этихъ сѣрыхъ среднихъ людей“ [2]). Леонтьевъ страстно мечтаетъ „о поруганіи идеала всеобщаго равенства“, и если нельзя спасти Западъ, онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, сохранить Россію: „надо подморозить хоть немного Россію, чтобъ она не гнила“.

Милль не могъ прочесть выводовъ русскаго консерватора, чтобы придти въ ужасъ отъ того поворота мысли объ индивидуальномъ развитіи, который придалъ ей Леонтьевъ. Но и возможность такого поворота, и безпомощное недоумѣніе Милля предъ результатами уравнительнаго процесса заставляютъ провѣрить основныя посылки получившихся заключеній. Если дѣйствительно процессъ развитія правового государства приводитъ къ остановкѣ культуры и къ прекращенію индивидуальнаго развитія, то вѣдь это означаетъ полное банкротство эгалитарно-либеральнаго прогресса. Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься, тѣмъ болѣе что всѣ народы идутъ этимъ путемъ по нѣкоторому непреложному закону. Можно, конечно, подобно Леонтьеву, обращать взоръ назадъ, къ разнообразію средневѣковой жизни, или же мечтать о новомъ общественномъ строѣ въ духѣ Ницше или Ренана, съ просторомъ или властью для сверхчеловѣческихъ натуръ и преобладающихъ умовъ. Но то и другое предполагаетъ возможность уйти отъ того времени, въ которомъ мы живемъ, отъ той эволюціи, которая развертывается передъ нами. И если бы Милль былъ правъ, то, принимая его выводы и признавая неотвратимый ходъ событій, оставалось бы только вмѣстѣ съ нимъ безпомощно недоумѣвать, или же бѣжать отъ надвигающагося однообра-

[1]) Ibid. T II, стр 215.
[2]) Ibid T. II, стр. 219.

зія въ замкнутое уединеніе самобытнаго совершенствованія. Однако, правъ ли былъ Милль?

Первое соображеніе, которое невольно возникаетъ при обсужденіи этого вопроса, состоитъ въ слѣдующемъ: не поспѣшилъ ли Милль съ своими заключеніями относительно результатовъ уравнительнаго процесса? Вѣдь онъ наблюдалъ въ сущности лишь начало этого процесса, дальнѣйшія судьбы котораго были скрыты во тьмѣ будущаго. Теперь, полъ вѣка спустя послѣ того какъ писалъ Милль, мы можемъ сказать, что послѣдствія демократизаціи европейскихъ обществъ далеко не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ. Вмѣсто упадка индивидуализма, Европа пережила за это время новый его расцвѣтъ. Какъ разъ въ послѣднія десятилѣтія на ряду съ прогрессирующимъ уравненіемъ жизни всюду ярко обраруживались тенденціи къ индивидуализаціи и обособленію, принимавшія порою крайнія и рѣзкія формы. Еще недавно Рихардъ Гаманнъ въ своей замѣчательной книгѣ объ импрессіонизмѣ изобразилъ, какъ именно въ наше время импрессіонизмъ, это типическое выраженіе индивидуалистическихъ исканій, является господствующимъ стилемъ не только въ искусствѣ, но и въ жизни вообще, въ ея крупныхъ и мелкихъ проявленіяхъ [1]). Габріель Сеайль отмѣтилъ другую форму этихъ проявленій, которая представлялась ему, какъ одно изъ самыхъ серьезныхъ заблужденій нашего времени— „безпокойство не думать такъ, какъ всѣ, манію быть отличнымъ отъ другихъ (d'être différent), пустую аффектацію оригинальности“ [2]). Манія и аффектація, которыя бросаются въ глаза французскому писателю, представляютъ собою, однако, лишь обратную сторону того стремленія къ индивидуализаціи, которое

[1]) Richard Hamann, Der Impressionismus in Leben und Kunst. Koln 1907. См. особ главу V. (Die Philosophie des Impressionismus und das impressionistiche Denken), S. 111 и главу VI (Ethik und Formen des Lebens im Impressionismus). S. 149. Общее опредѣленіе связи импрессіонизма съ индивидуализмомъ см. S. 121.

[2]) Gabriel Séailles, Les affirmations de la conscience moderne. 3-me edition. Paris 1907. P. 183.

Гаманнъ такъ хорошо изобразилъ въ систематическомъ и обобщающемъ изложеніи. Тотъ изъ философовъ нашихъ дней, на которомъ по преимуществу лежитъ печать современности—я говорю о Зиммелѣ—со свойственнымъ ему тонкимъ пониманіемъ вѣяній времени показалъ, что именно во второй половинѣ XIX столѣтія и съ особенной яркостью у Ницше возрождается и живетъ то пониманіе личности, которое встрѣчается еще у Гете, Шлейермахера и романтиковъ, и которое можетъ служить философскимъ выраженіемъ яркихъ индивидуалистическимъ стремленій. Это пониманіе выражается въ требованіи, чтобы лица, освобожденныя отъ традиціонныхъ связей, развивали свою самостоятельность и далѣе, въ сторону отличія другъ отъ друга, такъ, чтобы каждый осуществлялъ свой собственный идеалъ, не равный никакому другому. Въ основѣ этого пониманія личности лежитъ представленіе о ея незамѣнимости и своеобразіи [1]). И слѣдуетъ ли удивляться тому, что въ свое время, въ эпоху общественныхъ различій и разграниченій Руссо и Кантъ подчеркнули въ понятіи личности моментъ равенства, тогда какъ Ницше въ противовѣсъ торжеству уравнительнаго принципа снова выдвигаетъ моментъ свободы, своеобразія, оригинальности? Милль не ожидалъ, что изъ самаго процесса уравненія возродится жажда индивидуальности, и что этотъ процессъ дастъ новые поводы къ ея высшему расцвѣту.

Но чѣмъ болѣе цѣнимъ мы индивидуальность и сознаемъ ея значеніе, тѣмъ болѣе мы должны признать невозможнымъ, что какія бы то ни было формы жизни, демократическія или иныя, ее обезцѣнятъ и сотрутъ. Вѣдь въ концѣ концовъ проблема индивидуальности коренится не въ куль-

---

[1]) Simmel, Kant. Leipzig 1904, Ss. 178—181. Я могъ бы сослаться здѣсь еще и на объективнаго критика основныхъ понятій современности Рудольфа Эйкена, также выдвигающаго понятіе творческой личности, какъ требованіе времени. См. его Die Grundbegriffe der Gegenwart. Leipzig 1893. S. 205. „eine energische Belebung und freie Bewegung der Individuen, eine Entwicklung ihrer zu geisterfüllten ursprünglich schaffenden Mikrokosmen (ist) unentbehrlich".

турномъ или общественномъ проявленіи личности, а въ глубинѣ ея собственнаго сознанія, въ ея моральныхъ и религіозныхъ потребностяхъ. „На вѣчность, на абсолютность на непреходящее значеніе“ притязаетъ не родовое существо человѣка, а „та единственная въ своемъ родѣ, незамѣнимая, абсолютно неповторяемая личность, которая только однажды на какой-нибудь моментъ промелькнула въ исторіи“ [1]). Заглушить этотъ неистребимый корень личности, погасить этотъ внутренній свѣтъ, который не только освѣщаетъ, но и живитъ человѣческую душу, не въ силахъ никакія формы общественности. Стремленіе быть самимъ собою, быть вѣрнымъ своему внутреннему идеалу, голосу своей души, своей совѣсти есть то, что составляетъ драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка; и это достояніе не можетъ быть ему замѣнено никакими удобствами и преимуществами внѣшняго положенія, уравнивающаго его съ другими [2]). Болѣе того: въ этомъ стремленіи къ индивидуализаціи, которое по существу есть и стремленіе къ обособленію, заключается извѣстное противорѣчіе съ духомъ равенства. И не только въ отношенія къ другимъ, но и въ предѣлахъ своего собственнаго существованія человѣку свойственно стремиться къ неравенству, стремиться къ тому, чтобы превзойти не только другихъ, но и себя, чтобы, поднимая выше свой идеалъ, стать неравнымъ, высшимъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ ранѣе. Въ отношеніи же къ другимъ одно стремленіе быть самимъ собою не означаетъ ли то же, что быть инымъ и неравнымъ съ другими? Неравенство этого рода, проявляющееся не въ искусственномъ возвышеніи однихъ лицъ надъ другими, а въ есте-

---

[1]) Слова С. Н. Булгакова въ его брошюрѣ о Марксѣ.

[2]) Новѣйшій поборникъ индивидуализма Палантъ приходитъ къ тому же заключенію на основаніи предположенія о психологической неистребимости индивидуалистическихъ стремленій. Въ этомъ именно смыслѣ онъ говоритъ: „l'individualisme restera une forme permanente et indestructible de la sensibilité humaine et il durera autant que les societés elles-mêmes“. (Revue philosophique. T. 63 (1907) P. 365, статья „Anarchisme et individualisme“. Etude de psychologie sociale)

ственномъ отличіи ихъ другъ отъ друга, не можетъ быть искоренено. Въ этомъ смыслѣ заговоръ равныхъ во время французской революціи, стремившихся, опираясь на ученіе Бабефа, „снести все до основанія, лишь бы остаться при одномъ равенствѣ“ [1]), былъ заговоромъ противъ человѣческой природы. Когда хотятъ путемъ принужденія подвести всѣхъ подъ одинъ уровень, тутъ замышляется борьба не только съ несправедливыми неравенствами, но и съ идеей индивидуальной свободы. Однако, въ условіяхъ современной политической жизни и въ основахъ демократическаго устройства нѣтъ подобнаго угрожающаго противорѣчія съ идеей индивидуальнаго развитія лицъ. Вообще говоря, борьба съ рѣзко выдѣляющимися мнѣніями и съ рѣзкими проявленіями индивидуальныхъ характеровъ болѣе относится къ первобытнымъ обществамъ и къ патріархальнымъ государствамъ, чѣмъ къ демократическимъ. Опасность для индивидуальности можетъ угрожать здѣсь скорѣе со стороны общественнаго мнѣнія, чѣмъ въ видѣ принудительнаго дѣйствія власти. Съ идеальной точки зрѣнія именно общества наиболѣе развитыя и свободныя должны вмѣщать въ себѣ наибольшее количество естественныхъ индивидуальныхъ различій. Съ идеей такихъ обществъ мы связываемъ представленіе о высшемъ разнообразіи, въ которомъ отдѣльные члены являются не количественнымъ повтореніемъ одного и того же типа, а качественнымъ сочетаніемъ многообразныхъ различій. Въ такомъ обществѣ всѣ необходимы для каждаго и каждый для всѣхъ, и своеобразное развитіе индивидуальныхъ особенностей только усиливаетъ нравственное единство цѣлаго, вмѣстѣ съ тѣмъ возвышая и его своеобразіе и оригинальность въ отношеніи къ другимъ союзамъ. „Равенство не есть тождество“—говоритъ современный сторонникъ эгалитарныхъ идей Бугле. „Формула логическихъ требованій уравнительнаго принципа есть про-

[1]) Слова изъ манифеста равныхъ, см. въ русск. изданіи: Бабефъ. Ученіе равныхъ. Редакція Альбера Тома. Переводъ Ю. Стеклова. Спб. (безъ обозначенія года) стр. 75.

порціональность, а не единообразіе". „Уваженіе къ человѣческому роду уничтожаетъ уваженіе къ кастѣ, а не къ личности. Въ этомъ смыслѣ индивидуализмъ есть господствующій элементъ эгалитаризма" [1]). Когда во имя равенства уничтожаются старыя различія, когда ломаются вѣковыя преграды между сословіями и происходитъ общее сближеніе и уравненіе всѣхъ на почвѣ права, это уничтожаетъ лишь искусственно закрѣпленное разнообразіе жизни, а не возможность естественной индивидуализаціи. Бердяевъ очень вѣрно замѣтилъ въ отвѣтъ Леонтьеву, скорбѣвшему объ утратѣ прежнихъ различій: „демократизмъ и соціализмъ—лишь способъ выявленія истинной, надъ-исторической мистической аристократіи, такъ какъ способомъ этимъ искореняется ложная, случайно-историческая, позитивная аристократія. Леонтьевъ романтически не понималъ, какъ можно предпочесть сапожника жрецу или воину, но вѣдь бѣда въ томъ и заключается, что историческій жрецъ или воинъ слишкомъ часто бывалъ сапожникомъ въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова, а у историческаго сапожника бывала душа рыцаря. Политическій и соціальный демократизмъ есть способъ устранить тѣ позитивныя, политическія и экономическія преграды, которыя закрѣпляютъ, и отнюдь не мистически закрѣпляютъ, за сапожниками положеніе воиновъ и жрецовъ, а за истинными воинами и жрецами—положеніе сапожниковъ" [2]).

Не слѣдуетъ однако упрощать отношенія между идеями равенства и свободы, впадая въ старыя ошибки теоріи XVIII вѣка. Было бы преувеличеніемъ думать, что индивидуальная свобода и расцвѣтаетъ именно въ демократіи, подобно пышному цвѣтку, привольно распускающемуся на родной почвѣ. Отношеніе тутъ гораздо болѣе сложное, и если мы отмѣтили, что между демократическимъ уравненіемъ и индивидуальнымъ развитіемъ нѣтъ взаимноисключающаго и коренного противорѣчія, это не значитъ, чтобы ме-

1) Bougle, Les idées égalitaires. Paris, 1899. Pp. 25—26.

2) Бердяевъ, Sub specie aeternitatis Стр. 332.

жду ними не было извѣстнаго контраста. Мы сказали, что уравненіе открываетъ возможность проявленія индивидуальныхъ различій, но эта возможность есть чисто отрицательная, состоящая въ устраненіи старыхъ гнетущихъ препятствій, а не въ созданіи новыхъ благопріятствующихъ условій. И если дѣйствительно, какъ мы замѣтили выше, индивидуализмъ и жажда индивидуальности являются основными чертами нашего времени, то не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ скорѣе проявленіе закона контрастовъ, чѣмъ результатъ положительнаго дѣйствія демократическихъ учрежденій.

Тотъ же Зиммель, который въ своемъ изслѣдованіи о соціальной дифференціаціи такъ удачно разъяснилъ, что ученіе о равенствѣ всѣхъ людей прекрасно уживается съ индивидуализмомъ [1]), въ другомъ мѣстѣ показалъ, что развитіе индивидуальныхъ качествъ въ болѣе развитой средѣ совершается не только въ силу представленной для каждаго равной возможности проявить свои особыя свойства, но и въ противовѣсъ процессу общаго уравненія. Согласно ученію Зиммеля, ходъ общественнаго развитія можно изобразить въ слѣдующемъ видѣ. Первоначальныя ступени общественной жизни представляютъ собою небольшіе круги, замкнутые въ себѣ и обособленные отъ другихъ, открывающіе своимъ членамъ только небольшое и узкое поле для развитія личныхъ качествъ. Самосохраненіе такихъ обществъ требуетъ строгаго отграниченія и единства, вслѣдствіе чего они не могутъ допускать свободнаго и своеобразнаго развитія отдѣльныхъ лицъ. Численный и пространственный ростъ общества, сопровождающійся повышеніемъ уровня его жизни, ослабляетъ ихъ внутреннее единство и уничтожаетъ прежнюю замкнутость при помощи установленія связей съ другими обществами; вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя лица получаютъ бо̀льшую свободу для проявленія индивидуальныхъ качествъ, что вызывается и прогрессирую-

[1]) Simmel, Ueber sociale Differenzierung. Cap. II.

щимъ раздѣленіемъ труда въ развивающемся обществѣ. Чѣмъ меньше общественный кругъ, тѣмъ тѣснѣе предѣлъ его отношенія къ другимъ, тѣмъ болѣе слѣдитъ онъ за поведеніемъ, жизнью, мыслями отдѣльнаго лица, тѣмъ скорѣе индивидуальная своеобразность способна разрушить рамки цѣлаго. Въ болѣе широкихъ и развитыхъ общественныхъ кругахъ не только ослабляется этотъ надзоръ, но создается возможность исканія новыхъ путей для личности. въ виду растущей дифференціаціи жизни. Человѣкъ становится болѣе свободнымъ, и повышающаяся сложность общественныхъ отношеній обѣщаетъ ему впереди возможность дальнѣйшей индивидуализаціи [1]). Такова основная схема Зиммеля, открывающая весьма оптимистическія перспективы въ будущемъ. Однако, онъ долженъ былъ дополнить ее однимъ весьма существеннымъ разъясненіемъ. По мѣрѣ роста культуры и повышенія духовнаго содержанія и богатства общественной жизни, личность находитъ передъ собою не только бо́льшую возможность для своего индивидуальнаго развитія, но также и значительныя затрудненія къ проявленію и утвержденію своихъ индивидуальныхъ качествъ [2]). Зиммель дѣлаетъ очень любопытное замѣчаніе относительно древнихъ Аѳинъ, что „чрезвычайная подвижность и безпокойность, которая только и придавала своеобразную красочность аѳинской жизни, объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что народъ, состоящій изъ необычайно развитыхъ въ индивидуальномъ направленіи личностей, боролся противъ постояннаго внѣшняго и внутренняго давленія со стороны обезличивающаго малаго города“ [3]). Но однохарактерное разъясненіе приходится сдѣлать и относительно современныхъ большихъ городовъ, этихъ центровъ новѣйшей культуры: и въ ихъ строѣ, втягивающемъ всѣхъ въ общее русло

[1]) Эти положенія развиваются въ той же статьѣ „Ueber sociale Differenzierung“.

[2]) См. статью: „Die Grossstadte und das geistige Leben“ въ сборникѣ: „Die Grossstadt“. Dresden. 1903. (Изданіе Gehe-Stiftung); русск. переводъ въ изданіи библіотеки „Просвѣщенія“. Спб. 1905.

[3]) Ibid., S. 198 (русск. пер., стр. 128).

жизни и подавляющемъ личность изобиліемъ своего внутренняго содержанія, есть свои элементы обезличенія. Какъ красиво выражается Зиммель, отдѣльное лицо „стало пылинкой передъ огромной организаціей предметовъ и силъ, которые постепенно выманиваютъ изъ его рукъ весь прогрессъ, всѣ духовныя блага и всѣ цѣнности, переводятъ ихъ изъ формы субъективной жизни въ чисто объективную". „Здѣсь въ зданіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, въ чудесахъ и комфортѣ превозмогающей пространство техники, въ формахъ общественной жизни и внѣшнихъ государственныхъ установленіяхъ сказывается такое подавляющее изобиліе кристаллизованнаго обезличеннаго духа, что передъ нимъ личность, можно сказать, совсѣмъ безсильна. Жизнь для нея становится съ одной стороны безконечно легкой, такъ какъ ей отовсюду напрашиваются возбужденія и интересы. Но съ другой стороны, ея жизнь слагается все болѣе и болѣе изъ безличнаго содержанія и матеріала, которые стремятся подавить специфически личную окраску и оригинальность, такъ что для спасенія этого личнаго необходимы величайшая своеобразность и особенность [1]).

Нельзя было лучше изобразить нивеллирующую роль высокой культуры съ свойственнымъ ей богатствомъ „кристаллизованнаго и обезличеннаго духа",—но вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ, что жажда индивидуальности должна отстаивать здѣсь себя противъ возрастающей сложности жизни. Становится яснымъ, почему проповѣдники крайняго индивидуализма и въ особенности Ницше, питавшій ненависть къ большимъ городамъ, такъ страстно любимы именно жителемъ большихъ городовъ, какъ „вѣстники и освободители его неудовлетворенной тоски" [2]).

Тонкій и блестящій анализъ, произведенный Зиммелемъ, даетъ намъ новыя основанія утверждать, что отношеніе между равенствомъ и свободой, между процессомъ общаго уравненія и процессомъ индивидуальнаго обособленія представляется чрезвычайно сложнымъ. Мы не скажемъ теперь,

[1]) Ibid. SS. 204—205 (русск. пер стр. 134).

[2]) Ibid. S. 204.

какъ говорилъ въ свое время Милль, что уподобленіе лицъ другъ другу грозитъ утратой индивидуальныхъ различій, и скорѣе согласимся съ Фулье, утверждавшимъ, что приближается время, когда „возрастающія сходства не будутъ препятствовать возрастающимъ различіямъ“ [1]). Несомнѣнно, какъ это доказываютъ современные соціологи [2]), что равенство и различіе въ извѣстномъ смыслѣ поддерживаютъ другъ друга, поскольку отдѣльныя лица, различныя по своимъ качествамъ и способностямъ, лишь тогда сплочиваются и объединяются тѣснѣе, когда они уравниваются въ своемъ общественномъ положеніи. Раздѣленіе труда дѣлаетъ всѣ различія одинаково необходимыми для жизни цѣлаго, а это приводитъ и къ ихъ соціальному уравненію. Но независимо отъ этой хорошо установленной соціологической истины, справедливымъ является и другое, не менѣе хорошо провѣренное наблюденіе, что освобожденіе личности, совершающееся параллельно съ ея уравненіемъ, въ условіяхъ прогрессирующей культуры встрѣчаетъ для себя не только облегченія, но и помѣхи. Вслѣдствіе этого, какъ мы сказали выше, развитіе индивидуальности совершается здѣсь не только въ результатѣ возрастающихъ культурныхъ вліяній, но и въ противовѣсъ имъ, въ противорѣчіи съ ихъ нивеллирующими тенденціями. Индивидуальность не заглушается и не можетъ быть заглушена уравнительными нормами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ найти себѣ и полнаго удовлетворенія въ благахъ уравнительной культуры и правового государства. Между личностью и окружающимъ ее культурнымъ цѣлымъ нѣтъ того совпаденія, той гармоніи, въ которыя такъ вѣрили въ XVIII вѣкѣ. И понятно, что личность ищетъ выхода своей „неудовлетворенной тоскѣ“ въ моральныхъ и религіозныхъ исканіяхъ, въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ и философскихъ созерцаніяхъ, въ утопическихъ мечтаніяхъ о новомъ строѣ жизни.

---

[1]) См. ссылку у Bougle, Les idees egalitaires. Paris, 1899. P. 166, note 2.

[2]) Кромѣ Зиммеля, мы можемъ сослаться здѣсь также на Тарда, Дюркгейма и Бугле. См. особ. Bugle, Les idées egalitaires Pp 144—149. О Тардѣ см. у Schatz, L individualisme économique et social. Pp. 465—466.

Что можетъ дать государство взамѣнъ этихъ стремленій? Какую декларацію правъ, какія гарантіи личности оно можетъ придумать, чтобы утолить этотъ внутренній огонь неудовлетворенныхъ надеждъ? Оно можетъ предложить личности легкость и свободу жизни, которыя даются хорошими учрежденіями; оно можетъ создать для ея пользованія тѣ богатства „кристаллизованнаго безличнаго духа“, о которыхъ говоритъ Зиммель. Но предохранить ее отъ нивелирующаго вліянія культуры и помочь ей безпрепятственно и свободно утверждать свою индивидуальность государство тѣмъ менѣе въ силахъ, что процессы индивидуализаціи и нивеллированія въ своихъ глубочайшихъ основахъ коренятся въ общихъ условіяхъ культуры: отъ государства зависитъ только снять съ пути этого процесса искусственныя преграды. Бороться съ культурой, которая въ одно и то же время и поднимаетъ личность, и уравниваетъ ее съ другими, и освобождаетъ ее, и прочнѣе связываетъ съ своимъ „объективнымъ безличнымъ духомъ“, государство не властно.

Было бы странно негодовать на правовое государство, если оно не совершаетъ сказочныхъ превращеній, создающихъ изъ человѣческой жизни блаженство рая. Однако, нельзя не замѣтить, что обѣщанія, съ которыми оно явилось въ свѣтъ, оказались неосуществимыми мечтами. Но когда мы ясно представляемъ себѣ причину этихъ неосуществившихся мечтаній, для насъ становится также ясной и безусловная ложность взглядовъ, ищущихъ спасенія въ прошломъ, и полная несбыточность надеждъ, предрекающихъ счастливую гармонію въ будущемъ. Тѣ и другія стоятъ на почвѣ утопій, чуждыхъ дѣйствительнаго анализа условій культурнаго развитія, и на правовое государство возлагаютъ грѣхъ культуры, если только можно назвать грѣхомъ противорѣчивую сложность путей человѣческаго развитія, которую философія болѣе мужественнаго поколѣнія обозначала, какъ развитіе чрезъ противорѣчія, какъ борение духа съ самимъ собою.

V. Развитіе въ индивидуализмѣ начала равенства. Новый англійскій либерализмъ.

Мы прослѣдили тотъ кризисъ, который суждено было пережить индивидуализму, когда онъ послѣдовательно развилъ требованія, вытекавшія *изъ понятія свободы*. Оказалось, что въ глубинѣ этого понятія лежатъ ожиданія и надежды, несоизмѣримыя съ возможностями, открываемыми для личности государствомъ, что между личностью и государствомъ нѣтъ полной гармоніи. Индивидуализму пришлось сузить съ этой стороны свои требованія, ограничивъ свои политическія притязанія предѣлами достижимаго и перенеся свои болѣе глубокія стремленія въ область личнаго совершенствованія.

Но не менѣе серьезный кризисъ ожидалъ индивидуализмъ и съ другой стороны—со стороны послѣдовательнаго проведенія *начала равенства*. И въ этомъ отношеніи индивидуализму пришлось видоизмѣнить свои требованія и придти къ совершенно новой политической программѣ Еще въ 1882 году въ книгѣ Б. Н. Чичерина „Собственность и государство“ понятіе равенства излагалось въ томъ видѣ, какъ оно понималось въ концѣ XVIII вѣка—въ смыслѣ равенства предъ закономъ, и всякое расширеніе этого понятія объявлялось безусловно ложнымъ и недопустимымъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка можно было еще, пожалуй, спорить о возможности такого расширенія, свободно состязаясь въ области отвлеченныхъ предположеній; но въ настоящее время мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченными теоріями, которыя подъ именемъ „праздныхъ фантазій“ такъ сурово критиковалъ нашъ знаменитый ученый, а съ совершившимися фактами. Какъ разъ въ тѣхъ странахъ, которыя явились для Европы очагами политическаго воспитанія и гражданской свободы — въ Англіи и Франціи—крушеніе стараго либерализма, непризнававшаго иного равенства, кромѣ формально-юридическаго, есть событіе, къ которому можно относиться такъ или иначе, но которое, какъ всякое событіе, имѣетъ то безспорное пре-

имущество, что въ качествѣ реальнаго и признаннаго жизнью явленія, оно не можетъ быть причислено къ „праздным фантазіямъ“. Я хочу изложить теперь то измѣненіе индивидуализма, которое вытекаетъ изъ новаго пониманія начала равенства. Но прежде чѣмъ перейти къ конкретнымъ фактамъ новѣйшаго времени, необходимо выяснить нѣкоторыя общія положенія и упомянуть о фактахъ болѣе раннихъ, явившихся предвѣстниками кризиса, совершившагося позднѣе.

Равенство, какъ и свобода, вытекаетъ изъ понятія личности. Оба эти начала одинаково предполагаются представленіемъ о личности, какъ абсолютной цѣнности, имѣющей безусловное нравственное значеніе. Во имя этого безусловнаго значенія мы требуемъ для человѣка *свободы*, и такъ какъ *въ каждомъ* человѣкѣ мы должны признать эту высшую нравственную сущность, мы требуемъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ *равенства*. Какъ справедливо замѣчаетъ Ренувье, съ точки зрѣнія чисто моральной между свободой и равенствомъ существуетъ необходимое соотношеніе: „люди не могли бы быть свободными, если бы они не были равны, какъ не могли бы также, если бы не были свободны, достигнуть равенства, которое предполагаетъ въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе къ достоинству другого“ [1]). Но если справедливо, что свобода и равенство—понятія соотносительныя, то ихъ никакъ нельзя признать совпадающими. Въ области чисто отвлеченныхъ опредѣленій родство этихъ понятій очевидно, но при ближайшемъ конкретномъ развитіи ихъ тотчасъ же обнаруживается ихъ расхожденіе. Личность, для которой мы тре-

[1]) Ch. Renouvier, Science de la morale. Nouvelle édition. Paris 1908. T. II. P. 145. Note.—Иного взгляда держится Emile Faguet въ своей остроумной, но односторонней книгѣ: Le libéralisme (Paris 1903), вѣрной традиціямъ стараго академическаго индивидуализма: l'égalité est l'ennemie intime de la liberté, parce que tous les exercices de la liberté gênent l'égalité. (P. 230). Это преувеличенный выводъ изъ односторонних наблюденій, заключающій въ себѣ лишь очень малую долю истины. Ренувье даетъ гораздо болѣе широкое опредѣленіе, когда говоритъ, что необходимое соотношеніе равенства и свободы можетъ сопровождаться антагонизмомъ въ ихъ практическихъ примѣненіяхъ.

буемъ свободы, не есть только отвлеченная, общечеловѣческая сущность, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ и особенность, индивидуальность, несходная съ другими. Въ цѣлостномъ пониманіи личности оба эти момента одинаково важны, ибо только въ совокупности своей они раскрываютъ представленіе о личности, какъ самобытномъ творческомъ центрѣ нравственныхъ опредѣленій. Именно такое представленіе о личности возвышаетъ и значеніе принциповъ равенства и свободы, какъ основныхъ условій моральнаго существованія личности. Безъ свободы развитіе нравственной самобытности немыслимо. Съ другой стороны и равенство потому особенно важно, что *каждый* человѣкъ представляетъ собою индивидуальность съ характерными особенностями, ни у кого другого не повторяющимися въ данномъ сочетаніи и соотношеніи [1]). Но тутъ же, въ этомъ конкретномъ пониманіи личности заключается и корень расхожденія принциповъ равенства и свободы. Какъ мы показали ранѣе, послѣдовательно проведенное понятіе индивидуальности сталкивается съ принципомъ всеобщаго уравненія, точно такъ же какъ послѣдовательное развитіе понятія равенства встрѣчаетъ преграду въ требованіи индивидуализаціи Безграничное развитіе свободы привело бы къ всеобщему неравенству; безусловное осуществленіе равенства имѣло бы своимъ послѣдствіемъ полное подавленіе свободы. Оба эти понятія должны быть, очевидно, сведены къ высшей нормѣ, въ которой они должны найти свое примиреніе. Въ этомъ заключается вся трудность вопроса.

Мы видѣли выше опытъ такого примиренія въ доктринѣ Руссо и слѣдовавшихъ за нимъ мыслителей. Свобода и равенство были сведены къ понятію политической свободы, которая была опредѣлена какъ равенство всѣхъ передъ закономъ. Свобода, какъ и равенство, понималась тутъ въ

---

[1]) См. Simmel, Ueber sociale Differenzierung. S. 56. Зиммель думаетъ даже, что представленіе о всеобщемъ равенствѣ психологически не можетъ иначе образоваться, какъ при помощи яснаго сознанія сущности и достоинства индивидуальности.

смыслѣ формально-юридическомъ и отрицательномъ; законъ предоставлялъ всѣмъ равенство въ проявленіи свободы, уравнивая ихъ въ признаніи этой свободы и уничтожая всѣ ограниченія, противорѣчащія равенству правъ. Эти начала были провозглашены въ Декларации правъ и закрѣплены въ конституціи 1791 года. Однако, еще въ XVIII вѣкѣ понятію о равенствѣ, какъ о равноправіи, было противопоставлено иное представленіе, вытекавшее изъ требованія равенства матеріальнаго. Наиболѣе яркое выраженіе это представленіе нашло себѣ въ ученіи Бабефа и его послѣдователей, составившихъ заговоръ для проведенія своихъ мыслей въ жизнь. Требуя безусловнаго матеріальнаго равенства, бабувисты считали необходимымъ, чтобы у всѣхъ были равны не только имущественныя условія, но и умственный уровень. Съ этой цѣлью признавалось необходимымъ свести къ наименьшей мѣрѣ всѣ потребности какъ матеріальныя, такъ и умственныя, и, установивъ одинаковый для всѣхъ уровень жизни, устранить все, что его превышаетъ. Какъ выражался Манифестъ равныхъ, они хотѣли „осуществить равенство подъ кровлей домовъ“ и „снести все до основанія, лишь бы остаться при одномъ равенствѣ“.„ Пусть погибнутъ, если это нужно,—говорилось въ Манифестѣ,—всѣ искусства, лишь бы у насъ осталось дѣйствительное равенство“ [1]).

Трудно представить себѣ болѣе полное проведеніе начала равенства; но здѣсь же становится яснымъ и совершенное противорѣчіе такого односторонняго пониманія этого начала съ требованіями личности. Какъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи Прудонъ, въ коммунистическомъ устройствѣ, принудительно осуществляющемъ начало равенства, „человѣкъ, откидывая свое я, свою самопроизвольность, свой геній, свои привязанности, долженъ почтительно уничтожиться предъ величіемъ и непреклонностью общины... Коммунизмъ есть притѣсненіе и рабство. Человѣкъ

[1]) См. цитированный выше Манифестъ равныхъ въ русскомъ переводѣ Ю. Стеклова. Болѣе подробно о заговорѣ Бабёфа у Чичерина, Собственность и государство Ч. I., стр. 249

согласенъ подчиниться закону долга, служить отечеству, оказывать услуги друзьямъ, но онъ хочетъ трудиться надъ тѣмъ, что ему нравится, когда ему нравится и сколько ему нравится, онъ хочетъ располагать своими часами, повиноваться только необходимости, выбирать своихъ друзей, свои досуги, свою дисциплину, оказывать услуги по собственному усмотрѣнію, а не по рабской обязанности. Общеніе имуществъ существенно противорѣчитъ свободному употребленію нашихъ способностей, самымъ благороднымъ нашимъ наклонностямъ, самымъ завѣтнымъ нашимъ чувствамъ... оно насилуетъ автономію совѣсти и начало равенства; первую—подавляя самопроизвольность ума и сердца, свободу въ дѣйствіи и въ мысли; второе—награждая равенствомъ благосостоянія трудъ и лѣнь, талантъ и глупость, наконецъ даже добродѣтель и порокъ“ [1]).

Эти замѣчательныя слова Прудона, представляющія едва ли не самое сильное, что было сказано въ литературѣ противъ принудительнаго матеріальнаго равенства, останутся навсегда классическимъ выраженіемъ истиннаго чувства индивидуальной свободы, возстающаго противъ принудительнаго подведенія всѣхъ подъ одну мѣрку. Мы не будемъ обсуждать здѣсь коммунистическую утопію бабувистовъ, и если мы коснулись ея, то только для того чтобы показать то пониманіе равенства, которое дѣйствительно подрываетъ самые корни индивидуализма и уничтожаетъ идею личности. Однако въ одностороннемъ и крайнемъ выраженіи у Бабефа и его сторонниковъ сказалось сознаніе, что одно формальное равенство недостаточно, что во имя справедливости необходимо дальнѣйшее расширеніе этого принципа. Но въ какомъ направленіи и въ какомъ смыслѣ? Если бы дѣйствительно всякое превышеніе формальнаго равноправія неизбѣжно влекло за собою крайности коммунизма и подавленіе свободы, тогда слѣдовало бы признать неотразимой критику сторонниковъ стараго ин-

[1]) Привожу слова Прудона въ переводѣ Чичерина, см. ibid. стр. 254. Это мѣсто взято изъ трактата Qu'est ce que la propriété, ch. V, Seconde Partie, § 2.

дивидуализма, примѣръ которой мы находимъ у Чичерина. Однако возможно утверждать, что именно съ точки зрѣнія индивидуализма, послѣдовательно проведеннаго, и не въ цѣляхъ отрицанія свободы, а во имя ея утвержденія, необходимо требовать дальнѣйшаго развитія принципа равенства. Говоря это, я высказываю не личные взгляды и не субъективныя мнѣнія: въ данномъ случаѣ я стою на почвѣ реальныхъ явленій жизни. Старый либерализмъ именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ получилъ свое классическое выраженіе, въ настоящее время отошелъ въ область преданій; онъ „умеръ и погребенъ“, какъ выразился о немъ Бугле [1]). А на мѣсто его вступилъ новый либерализмъ, который не только предлагаетъ, но и практически осуществляетъ тѣ самыя начала, которыя ранѣе считались праздными фантазіями. Мы перейдемъ теперь къ изложенію этого перелома въ либерализмѣ. Это послужитъ лучшимъ подтвержденіемъ высказанныхъ нами общихъ положеній.

Если мы поставимъ вопросъ, что сталось въ настоящее время въ Англіи съ тѣмъ индивидуализмомъ, основы котораго были заложены Адамомъ Смитомъ и Бентамомъ, мы можемъ получить на это совершенно точный отвѣтъ изъ очень компетентнаго источника, изъ устъ современнаго главы либеральной партіи и перваго министра Асквита: „Политическая партія съ великими традиціями и почтеннымъ прошлымъ несетъ на себѣ бремя блестящихъ, хотя иногда и досадныхъ воспоминаній, потому что ея прошлое всегда можетъ служить подходящимъ матеріаломъ для критиковъ съ недостаточно развитымъ чувствомъ исторической перспективы. Если у партіи дѣйствительно есть жизненныя начала, то она должна постоянно перевооружаться и мѣнять базу. Этотъ процессъ совершается вообще постепенно и иногда столь медленно, что остается долгое время незамѣтнымъ. Когда же перемѣна становится наконецъ очевидной и для самыхъ тупыхъ, нѣтъ ничего бо-

[1]) Bouglé, La crise du libéralisme. Статья въ Revue de Metaphysique et de Morale 1902. T. 10. p. 635.

лѣе естественнаго, какъ то, что нѣкоторые противники нападаютъ на новую позицію, обстрѣливая ее великими именами и старыми лозунгами. А что сказалъ бы Фоксъ? А какъ отнесся бы къ этому Кобденъ? А принципы 1832 и 1880 г.г.? и т. д.“ [1]).

Итакъ, мы узнаемъ отъ Асквита, что прошлое англійскаго либерализма въ наше время—приведенныя слова написаны въ 1902 году—составляетъ „бремя блестящихъ, хотя иногда досадныхъ воспоминаній.“—Но что же случилось? Измѣнили ли англійскіе либералы своему руководящему лозунгу? Уклонились ли они отъ пути свободы? Нѣтъ, разъясняетъ Асквитъ, „но сама свобода, подобно очень многимъ боевымъ кличамъ въ вѣковой борьбѣ партій, представляетъ собою понятіе, расширяющееся по мѣрѣ того, какъ въ него вкладывается новое содержаніе; каждое поколѣніе вкладываетъ въ него новое и болѣе обширное содержаніе. Такъ для болѣе раннихъ сторонниковъ реформы понятіе свободы было символомъ противоборства и почти отрицанія, подъ нею разумѣлось сверженіе цѣпей, освобожденіе личности и общества отъ юридической и политической неправоспособности. Реформы, произведенныя въ этомъ смыслѣ, были направлены къ мирному уничтоженію феодальныхъ и средневѣковыхъ привилегій, которыя въ другихъ мѣстахъ были насильственно потоплены набѣжавшею волною революціи, несокрушимою и часто опустошительною... Но по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтались и опытъ, и бо́льшая зрѣлость сужденія, пришли къ заключенію, что свобода *въ политическомъ смыслѣ—не только отрицательное, но и положительное понятіе*. Нельзя утверждать, что личность или общество въ самомъ дѣлѣ свободны потому

---

[1]) См. предисловіе Asquith'a къ книгѣ Herbert Samuel, Liberalism.—An attempt to state the principles and proposals of contemporary liberalism in England. London 1902 (русск. перев подъ редакціей М. Мамуровскаго М. 1905; переводъ сдѣланъ, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми сокращеніями). Я привожу цитаты изъ этой книги по русскому переводу съ небольшими исправленіями по подлиннику.

только. что они не находятся подъ игомъ ограниченій. санкціонированныхъ положительнымъ закономъ: *дѣйствительная свобода заключается въ возможности сопать наилучшее употребленіе изъ своихъ способностей, благопріятныхъ обстоятельствъ, своей энергіи, своей жизни*“ [1]).

Для тѣхъ, кто имѣетъ лишь общее представленіе о развитіи политическихъ идей, не сразу будетъ ясно, что въ этомъ измѣненіи программы англійскаго либерализма, въ переходѣ его отъ отрицательнаго къ положительному пониманію свободы заключается цѣлый переворотъ понятій. Старыя идеи Смита и Бентама о всеисцѣляющемъ дѣйствіи частнаго интереса, о невмѣшательствѣ государства здѣсь оставлены. Отъ государства требуется *не только устраненіе юридическихъ препятствій къ развитію свободы, но и доставленіе матеріальной возможности для наилучшаго проявленія свободы.* Положительная программа современнаго либерализма, бѣгло изложенная въ предисловіи Асквита, даетъ намъ представленіе о томъ, что имѣется здѣсь въ виду. „Въ болѣе широкомъ взглядѣ на истинное значеніе свободы,—говоритъ онъ—мы находимъ руководящій импульсъ для дальнѣйшаго развитія либерализма въ сферѣ народнаго образованія, въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, въ жилищномъ вопросѣ, въ вопросѣ объ улучшеніи условій соціальной и промышленной жизни“. Достаточно и этихъ общихъ указаній Асквита, чтобы утверждать, что въ настоящее время англійскій либерализмъ видитъ путь къ осуществленію свободы въ томъ, чтобы оказывать содѣйствіе нуждающимся, чтобы улучшить условія соціальной и промышленной жизни для тѣхъ, кто самъ не можетъ обезпечить для себя лучшія условія. Рѣчь идетъ здѣсь очевидно о томъ, чтобы обезпечить для каждаго возможность человѣческаго существованія и освободить отъ гнета такихъ условій жизни, кото-

---

[1]) Ibid IX—X (русск пер , стр. XXXVIII—XXXIX). Однохарактерныя идеи, но въ болѣе краткомъ выраженіи мы находимъ въ обращеніи Асквита къ своимъ избирателямъ предъ выборами 1892 г. См. Alderson, Mr. Asquith. London 1905. p. 48

рыя убиваютъ человѣка физически и нравственно. И такъ какъ подобная забота относится прежде всего къ тѣмъ, кто не можетъ стать на твердую почву въ жизненной борьбѣ, кто нуждается въ помощи и поддержкѣ, то обезпеченіе права на достойное человѣческое существованіе ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду лицъ, страдающихъ отъ экономической зависимости, отъ недостатка средствъ, отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ [1]).

Нетрудно убѣдиться, что это новое пониманіе свободы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и новое пониманіе идеи равенства, или—какъ еще точнѣе можно выразить эту мысль—это пониманіе свободы есть результатъ новаго расширенія идеи равенства. Если государство призывается на помощь тѣмъ, кто самъ не имѣетъ средствъ наилучшимъ образомъ устроить свою жизнь, это дѣлается во имя возможнаго уравненія условій жизненной борьбы. Но это уравненіе требуется и принципомъ свободы, ибо только при такой поддержкѣ свобода можетъ стать дѣйствительной.

Само собою разумѣется, что и сторонники стараго либерализма не отрицали, что есть люди, изнемогающіе въ жизненной борьбѣ и неспособные выбиться изъ тяжелыхъ условій. Но они не считали возможнымъ, чтобы государство вмѣшивалось въ жизнь, которая въ своемъ свободномъ развитіи сама находитъ средства исправлять общественныя бѣдствія. Такъ, напримѣръ, Бастіа смотрѣлъ на призывъ къ поддержкѣ нуждающихся, какъ на вредный сентимента-

---

[1]) Въ виду естественной связи мыслей я повторяю здѣсь и ниже положенія, высказанныя мною въ концѣ 1905 года въ журналѣ «Полярная звѣзда» (№ 3), въ статьѣ «Два этюда», см. II. «Право на достойное человѣческое существованіе» Въ то время я не зналъ, что этотъ терминъ—право на достойное человѣческое существованіе, который я вслѣдъ за Влад. Соловьевымъ хотѣлъ ввести въ философію права—можетъ найти подкрѣпленіе въ близко подходящей къ нему терминологіи англійскаго либерализма. Для сопоставленія можно привести выраженія Самюэля: «the state exists in order to help men *to live well*.. to enlarge the opportunities *for right living*». Въ философскихъ воззрѣніяхъ современнаго англійскаго либерализма прочно держится традиція Бентамовскаго утилитаризма. Это не значитъ однако, чтобы его политическія требованія не могли получить иного обоснованія.

лизмъ. Болѣе поздняя теченія либерализма не относились къ этому вопросу столь недоброжелательно, но они считали, что помощь нуждающимся есть дѣло филантропіи, а не права. Таковъ взглядъ, нашедшій свое выраженіе и энергичную защиту у Чичерина. „Тѣ, которые стоятъ ниже средняго уровня, могутъ нуждаться въ помощи,—читаемъ мы въ сочиненіи „Собственность и Государство“,—этому требованію можетъ удовлетворить уже не право, а иное начало—любовь. Тутъ приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостатокъ средствъ Это дѣлается прежде всего частною благотворительностью; тамъ же, гдѣ послѣдняя оказывается недостаточною, на помощь приходитъ государство съ своей администраціей. Но въ обоихъ случаяхъ человѣколюбіе является не нарушеніемъ, а восполненіемъ права. Право одно для всѣхъ; человѣколюбіе же имѣетъ въ виду только извѣстную часть общества, нуждающуюся въ помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала измѣнять самое право, т.-е. вмѣсто установленія одинаковой свободы для всѣхъ, обирать богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, какъ требуютъ соціалисты, то это было бы не только нарушеніемъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ извращеніемъ коренныхъ законовъ человѣческаго общежитія“ [1]).

Этотъ взглядъ, столь авторитетный въ свое время, весь

---

[1]) Чичеринъ, «Собственность и государство». Ч. I. стр. 267. Это—общій взглядъ стараго либерализма. Мы встрѣчаемъ его и въ сравнительно новыхъ сочиненіяхъ того же направленія; см. напр Bruce Smith, Liberty anb Liberalism. London 1887. P. 577 «..that assistance must flow from humanitarian springs, and not from the iron hand of an act of parliament». И здѣсь въ результатѣ нарушенія этого положенія предрекается—«disappointement and failure». Въ отвѣтъ на всѣ утвержденія этого рода можно привести слова Clemenceau: «depuis dix huit cents ans que la charité est experimentée par les particuliers et par l'Etat, les faits la jugent. Comme solution du problème social, elle est inefficace. Je rencontre un pauvre, je lui donne peu, beaucoup, ou même rien, suivant mon humeur. Ce n'est pas sur un pareil fondement qu'on peut bâtir un ordre stable» (La mêlée sociale. Paris. 1908 p 141) Ту же аргументацію находимъ у Асквита въ его рѣчи 30 окт. 1893: „Philanthropists may act here and there... but these are accidents, and to the chapter of accidents the developement of a great community ought not to be relegated“.—Alderson, Mr. Asquith. P. 203.

покоится на одной коренной ошибкѣ, раскрытой какъ нельзя ярче общественнымъ развитіемъ XIX вѣка: ставя цѣлью права охрану свободы и отдѣляя отъ этого потребность въ восполненіи средствъ, эта теорія забываетъ, что пользованіе свободой можетъ быть совершенно парализовано недостаткомъ средствъ. Задача и сущность права состоитъ дѣйствительно въ охранѣ личной свободы, но для достиженія этой цѣли необходима и забота о матеріальныхъ условіяхъ ея осуществленія: углубленное и расширенное понятіе свободы подкрѣпляетъ въ данномъ случаѣ тѣ требованія, которыя вытекаютъ изъ углубленнаго и расширеннаго пониманія принципа равенства. Юристу нашихъ дней тѣмъ менѣе возможно повторять старое понятіе объ охранѣ формальной свободы, что повсемѣстная практика жизни идетъ въ разрѣзъ съ этой теоріей. Что такое фабричное законодательство. какъ не забота „объ извѣстной части общества, нуждающейся въ помощи", забота, восполняющая „недостатокъ средствъ" въ неравномъ состязаніи труда съ капиталомъ? Не очевидно ли изъ одного этого примѣра, что право не ограничивается одной охраной свободы, а беретъ на себя также и регулированіе матеріальныхъ условій ея осуществленія? Съ точки зрѣнія Чичерина, фабричное законодательство также слѣдуетъ признать нарушеніемъ справедливости, между тѣмъ оно существуетъ повсюду и ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣній въ своей законности.

Сдѣланныя мною разъясненія, я думаю, въ достаточной мѣрѣ показываютъ всю важность того измѣненія программы англійскаго либерализма, которое мы могли подтвердить авторитетными словами Асквита. Изъ источника, столь же хорошо освѣдомленнаго, мы можемъ установить, когда приблизительно совершилось это измѣненіе. Въ 1889 году членъ палаты общинъ Этерлей-Джонсъ напечаталъ въ журналѣ „The Nineteenth Century" обратившую на себя вниманіе статью подъ заглавіемъ: „Новый либерализмъ". Упрекая въ этой статьѣ офиціальный либерализмъ въ томъ, что онъ

находится „внѣ соприкосновенія съ чаяніями и стремленіями новой либеральной мысли“, авторъ указывалъ на то, что наступила пора формулировать тѣ реформы, которыя могли бы обезпечить народу „болѣе широкое распространеніе физическаго комфорта и болѣе высокій уровень нравственнаго развитія“. Въ этомъ онъ видѣлъ задачу новаго либерализма. Онъ предвидѣлъ возможность возраженій, что это будетъ принято равнозначущимъ съ приглашеніемъ пуститься въ проекты соціалистическаго характера. Но отклоняя споръ о терминахъ, онъ находилъ, что соціальныя условія Англіи таковы, что впереди открывается широкое поле законодательной дѣятельности безъ нарушенія традицій англійской политики [1]).

Въ отвѣтъ на статью Этерлей-Джонса въ томъ же журналѣ и подъ тѣмъ же заглавіемъ помѣстилъ свою статью одинъ изъ видныхъ либеральныхъ дѣятелей и сотрудниковъ Гладстона Джорджъ Россель [2]). Какъ непосредственный участникъ и свидѣтель пережитыхъ его партіей событій, Россель разсказываетъ о моментѣ зарожденія интереса къ соціальнымъ реформамъ. Когда на выборахъ 1880 года либералы одержали блестящую побѣду надъ лордомъ Биконсфильдомъ, „поборникомъ турецкой тиранніи“, энтузіазмъ партіи, выступавшей въ то время на защиту „дѣла свободы и гуманности на Востокѣ Европы“, получилъ свое удовлетвореніе. Тогда пришла пора обратиться къ своимъ внутреннимъ дѣламъ, среди которыхъ уже въ то время для нѣкоторыхъ изъ вождей либерализма на первомъ планѣ стояла соціальная роформа. „Мы горячо желали,—говоритъ Россель,—сдѣлать жизнь нашихъ согражданъ болѣе здоровой, пріятной, широкой и человѣчной. Это было облагораживающее и бодрящее честолюбіе поднять политическую дѣятельность изъ вульгарной сутолоки должностного карье-

[1]) Atherley - Jones, The new liberalism. The Nineteenth Century. Aug. 1889. Pp. 186, 188, 192.

[2]) George W. E. Russel, The new liberalism: a response. The Nineteenth Century. Sept. 1889. Pp. 492, 496—498

ризма и избирательной борьбы въ болѣе чистую атмосферу безкорыстныхъ стремленій. Для нѣкоторыхъ изъ насъ это было еще нѣчто большее: это означало приложеніе Евангелія Христа къ практическимъ нуждамъ современной жизни. Но затрудненія были огромны. Либеральная партія еще крѣпко держалась тогда за свое жалкое старое брюзжанье—laissez faire и упорно отказывалась учиться новому и болѣе благородному языку общественнаго служенія. Единственный среди нашихъ руководящихъ людей Чемберленъ повидимому понималъ ту истину, что политическая реформа относится къ соціальной, какъ средство къ цѣли, и что политика, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, есть наука человѣческаго счастья". Въ 1883 году, разсказываетъ далѣе Россель, онъ выразилъ въ одной изъ своихъ статей [1]) мысли о задачахъ современнаго либерализма, противопоставивъ ихъ доктринѣ старыхъ виговъ. Онъ говорилъ здѣсь о призваніи государства къ „моральной, имущественной и соціальной реформѣ" и признавалъ спеціальной обязанностью его заботиться о положеніи рабочаго класса. Въ то время такое ученіе было встрѣчено „хоромъ негодованія", какъ „соціализмъ, коммунизмъ, низкій грабежъ". Въ отвѣтъ на свою статью Россель получилъ нѣсколько иронических писемъ. Гошенъ осмѣялъ его политику, а нѣсколько позднѣе высказалъ свое отрицательное сужденіе и Гладстонъ. Все, что было авторитетнаго, вліятельнаго и почтеннаго въ либеральной партіи, отвергло планъ соціальныхъ реформъ. Послѣ выборовъ 1885 года непосредственно выступилъ ирландскій вопросъ; два года длилась борьба за Home Rule, во время которой всѣ другіе вопросы были исключены. Но когда борьба улеглась, снова обратились къ мысли о соціальныхъ реформахъ. Стали говорить, что въ „концѣ концовъ Home Rule не есть главная цѣль человѣческаго существованія", что „послѣ того, какъ мы помогали борющимся народностямъ по всему свѣту, пришла пора подумать и о

[1]) Статья эта подъ заглавіемъ: «A Protest against Whiggery» была помѣщена въ томъ же журналѣ: «The Nineteenth Century», June 1883.

темномъ простомъ народѣ у себя дома". „Лордъ Биконсфильдъ писалъ въ „Сивиллѣ" [1]) о „двухъ націяхъ": нація богатыхъ культурныхъ и господствующихъ должна вспомнить свои обязанности по отношенію къ безконечно болѣе обширной націи бѣдныхъ, голодныхъ, угнетенныхъ и невѣжественныхъ" Эти чувства проникли въ прессу, начали привлекать общее вниманіе, и тогда-то и офиціальный либерализмъ призналъ, что „здѣсь есть нѣчто" [2]). Сторонники новаго теченія, какъ Россель и Этерлей Джонсъ, и въ 1889 г. находили, что оно дѣлаетъ лишь медленные успѣхи. Противники его, напротивъ, гораздо ранѣе этого и въ особенности съ избирательной кампаніи 1885 года подняли тревогу противъ надвигающейся опасности „соціализма". Въ 1887 г. одинъ изъ этихъ противниковъ Брюсъ Смитъ въ обширномъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ „Свобода и либерализмъ" [3]) уже могъ представить цѣлую картину угрожающихъ признаковъ перехода къ тому либерализму, который ему представлялся „поддѣльнымъ",—spurious liberalism. Возгорѣлся споръ о самыхъ названіяхъ партій, что было вѣрнымъ свидѣтельствомъ совершающейся ломки понятій [4]). Въ 1883 году Россель озаглавилъ свою статью противъ стараго либерализма: „A Protest against Whiggery", говоря съ оттѣнкомъ иронии о современномъ вигствѣ, пережившемъ самого себя. Въ слѣдующемъ году появились извѣстныя статьи Спенсера въ „The Contemporary Review" [5]), въ которыхъ съ неменьшей иронiей новое направленіе называлось „новымъ торизмомъ" и высмѣивалось въ качествѣ политики, берущейся „обезпечить людямъ счастье и до-

---

[1]) Россель упоминаетъ здѣсь о романѣ Биконсфильда Sybil, or the two nations, написанномъ въ 1845 году.

[2]) The Nineteenth Century. Sept, 1889. Pp. 497—498.

[3]) Bruce Smith, Liberty and Liberalism A protest against the growing tendency toward undue interference by the state, with individual liberty, private enterprise and the rights of property. London, 1887.

[4]) По поводу спора о названіяхъ партій см. Bruce Smith, o. c. pp. 11—22.

[5]) Статьи эти были изданы потомъ подъ общимъ заглавіемъ «The man *versus* the state».

ставить его къ ихъ дверямъ". Выборы 1885 года принесли съ собою новое оживленіе этихъ прекеканій. Уже тогда въ программу партіи были включены нѣкоторыя демократическія реформы, а представители радикальнаго теченія либерализма выступали съ рѣчами и предложеніями, явно обнаруживавшими проникновеніе въ партію новыхъ вѣяній. Въ этомъ отношеніи Чемберленъ выдѣлялся среди другихъ смѣлымъ провозглашеніемъ новыхъ взглядовъ [1]). Въ 1885 году онъ выступилъ съ своимъ предложеніемъ надѣленія землею нуждающихся изъ класса земледѣльцевъ. Это былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ такъ называемой „неавторизованной программы" Чемберлена, сводившійся къ избирательному лозунгу: „три акра и корова". Пунктъ этотъ вызвалъ противъ себя оживленную полемику. Вліятельнѣйшій органъ англійской печати „The Times" направилъ противъ него нѣсколько статей, предостерегая противъ опасныхъ экспериментовъ, которые могутъ лишить тѣхъ, кто съ ними выступаетъ, довѣрія „значительной части націи, самой здоровой части и можетъ быть все еще самой вліятельной" [2]) Около того же времени появился цѣлый рядъ изданій „Лиги защиты свободы и собственности". (Liberty and Property Defense Leage) [3]).

---

[1]) Его рѣчи, изданныя въ 1885 г. (Joseph Chamberlain, Speeches), содержатъ въ себѣ любопытныя заявленія въ новомъ духѣ. Тамъ, напр. въ рѣчи 28 апрѣля 1885 года содержится слѣдующее мѣсто: «It belongs to the authority and duty of the state.. to protect the weak, and to provide for the poor; to redress the inequalities of our social condition, to alleviate the harsh conditions of the struggle for existence, and to raise the average enjoyment, of the majority of the population». Ср. сопоставленіе отдѣльныхъ рѣчей у Bruce Smith, o. c., pp. 61—62; у него же по поводу аграрной программы и общихъ взглядовъ Чемберлена, pp. 380—395, 524—526 и въ другихъ мѣстахъ. Аналогичное съ приведенной выдержкой заявленіе Чемберлена можно найти въ предисловіи его къ радикальной программѣ, изданной въ 1885 г. The Radical programme London 1885, pp. V—VI.

[2]) См. у Bruce Smith выдержки изъ «The Times», pp. 385—386.

[3]) Само собою разумѣется, что не было недостатка и въ сочиненіяхъ иного рода. Такъ, напримѣръ, въ 1888 году появилась книга George Lacy, Liberty and Law. London 1888. Длинный подзаголовокъ книги, начинающійся словами: «an attempt at the refutation of the individualism of Mr. Herbert Spencer

Осенью 1888 года вопросъ объ отношеніи либерализма къ соціальнымъ реформамъ въ видѣ опыта былъ включенъ въ программу конференціи въ Бирмингамѣ и былъ могущественно поддержанъ лордомъ Комптономъ при общемъ одобреніи собравшихся со всей страны представителей либеральныхъ ассоціацій Но все же „новый либерализмъ“ и въ 1889 году, когда Этерлей Джонсъ и Россель писали о немъ на страницахъ „The Nineteenth Century“, оставался лишь неофиціальнымъ теченіемъ въ партіи англійскихъ либераловъ. Для него, казалось, не было даже лидера среди партійныхъ вождей. Гладстонъ всю свою жизнь исповѣдовалъ иную доктрину о функціяхъ государства, Джонъ Морлей былъ слишкомъ близокъ къ старому индивидуализму, Чемберленъ не имѣлъ достаточнаго авторитета [1]). Среди англійскаго общества новое теченіе продолжало встрѣчать разнорѣчивые отзывы, и въ то время, какъ Россель привѣтствовалъ мысль о соціальныхъ реформахъ, какъ исполненіе завѣтовъ Христа, одинъ изъ „либеральныхъ консерваторовъ“, какъ онъ подписалъ свою статью въ журналѣ „The New Review“, находилъ, что новое теченіе, которое онъ связывалъ, правда, по преимуществу съ демагогическими крайностями Лабушера, будетъ поощреніемъ принциповъ Робина Гуда, примѣнявшихся имъ въ Шервудскомъ лѣсу [2]). Неясно было наконецъ и отношеніе къ возможному преобразованію либеральной партіи со стороны среднихъ классовъ, которые въ прошломъ всегда оказывали могущественную поддержку либерализму. Однимъ казалось,

---

and the political economists».. показываетъ, что Лэси является антиподомъ Брюса Смита. Я упоминаю эту книгу, не имѣющую особаго значенія и принадлежащую автору-самоучкѣ, какъ интересный симптомъ времени, связывающаго соціальныя реформы съ *требованіями свободы*.

[1]) См. обсужденія вопроса о возможномъ лидерѣ новаго либерализма въ цитированной статьѣ Росселя въ The Nineteenth Century, и въ статьѣ анонимнаго автора, назвавшаго себя «соціалистомъ-радикаломъ», въ журналѣ «The New Review». Dec. 1889, Pp 604—611. (Mr. Morley and the new radicalism).

[2]) «The New Review». Dec. 1889. P 617, (статья подъ тѣмъ же заглавіемъ: Mr. Morley and the new radicalism).

что разрывъ либерализма съ средними классами неизбѣженъ и даже уже совершился; другіе полагали, что это вопросъ спорный и что среднимъ классамъ нечего бояться программы соціальныхъ реформъ [1]). Однако, несмотря на все это, новому теченію суждено было побѣдить всѣ препятствія. Джорджъ Россель былъ правъ, когда онъ выражалъ въ своей статьѣ надежду, что движеніе возьметъ свое: ça ira, malgré les mutins, tout reussira.

Прошло всего три года послѣ того, какъ на страницахъ англійскихъ журналовъ столь живо былъ поднятъ вопросъ о старомъ и новомъ либерализмѣ, и послѣ выборовъ 1892 г., давшихъ перевѣсъ либеральной партіи, программа соціальныхъ реформъ выдвинулась сама собою. Когда новая попытка провести проектъ ирландскаго самоуправленія потерпѣла неудачу въ палатѣ лордовъ, отпала главная забота послѣднихъ лѣтъ политической дѣятельности Гладстона, и вниманіе либеральной партіи могло обратиться къ стоявшимъ на очереди соціальнымъ реформамъ. Нашлись и лидеры для новаго направленія либерализма въ лицѣ лорда Розбери, который смѣнилъ Гладстона на посту перваго министра, и Асквита, который по своему положенію министра внутреннихъ дѣлъ (Home Secretary) имѣлъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ соціальнаго законодательства [2]). Джорджъ Россель, съ которымъ мы познакомились по

[1]) См. цитированныя статьи Этерлей-Джонса (p. 186), Росселя (p. 492) и спеціальную статью по этому вопросу: J. Guiness Rogers, The middle class and the new liberalism, въ журналѣ The Nineteenth Century, Oct. 1889. p. 710.

[2]) Какъ извѣстно, въ Англіи вопросы промышленнаго быта относятся къ вѣдомству внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ смыслѣ Асквитъ въ одной изъ рѣчей къ своимъ избирателямъ (въ октябрѣ 1893 г.), говоря о кругѣ своихъ обязанностей, указывалъ на то, что онъ является и министромъ промышленности. См. Alderson, Mr. Asquith. London 1905. P. 70. Асквитъ выдвинулъ вопросы соціальнаго устроенія трудящихся съ такой энергіей, что послѣ него могли говорить о новомъ вѣяніи, внесенномъ въ администрацію (ibid. p. 85). Оцѣнивая дѣятельность своихъ товарищей по кабинету, Розбери между прочимъ говорилъ объ Асквитѣ „there is not a workshop in all Great Britain that does not bless to-night the name of mr Asquith“, см. Thomas F. G. Coates, Lord Rosebery, his life and speeches. London 1900. Vol. II. P. 801.

статьѣ его о новомъ либерализмѣ, занималъ въ это время мѣсто парламентскаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ и въ этомъ званіи могъ поддерживать тѣ проекты соціальныхъ преобразованій, которымъ онъ выражалъ ранѣе столь горячее сочувствіе [1]). И Розбери, и Асквитъ были глубоко проникнуты сознаніемъ новыхъ обязанностей правительства. Еще за двадцать слишкомъ лѣтъ до того, въ 1871 г. въ рѣчи, произнесенной въ эдинбургскомъ философскомъ обществѣ, Розбери выражалъ идеи общей солидарности интересовъ и необходимости сочувствія и единенія между классами [2]). Теперь въ качествѣ перваго министра и руководителя парламентскаго большинства онъ могъ сказать, что сознаніе общей связи стало новымъ духомъ политики. „Я думаю,—говорилъ онъ на одномъ изъ митинговъ въ Лондонѣ въ 1894 г.,—что общество пробудилось къ сознанію своихъ связей и обязанностей по отношенію ко всѣмъ рангамъ и классамъ. Я думаю, что теперь не склонны болѣе считать политику игрой, въ которой пѣшки должны жертвоваться изъ-за коней и пушекъ: въ политикѣ видятъ возвышающее и облагораживающее искусство проводить въ практическую жизнь начала высшей морали“ [3]). Въ короткій срокъ либеральное министерство предложило рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочаго класса и мелкихъ земледѣльцевъ [4]), и хотя многія изъ этихъ мѣръ встрѣтили противодѣйствіе со стороны палаты лордовъ, но въ отношеніе правительства къ соціальному вопросу былъ несомнѣнно внесенъ новый духъ, и Розбери послѣ того, какъ либералы должны были удалиться отъ власти, съ гордостью

---

[1]) Имя Джорджа Росселя (George William Erskine Russel) мы находимъ въ спискѣ либеральнаго министерства съ званіемъ Parliamentary Secretary Home Office.

[2]) Thomas F. G. Coats, Lord Rosebery, his life and Speeches. Vol. I. pp. 143, 160.

[3]) Ibid., Vol. II. pp. 772—773.

[4]) Перечисленіе главнѣйшихъ мѣръ, предложенныхъ либеральнымъ министерствомъ, можно найти въ книгѣ Samuel, Liberalism, pp. 22—23. (рус. пер. стр. 28—30).

могъ утверждать, что его министерство много потрудилось на пользу народа [1]). Реформы, предложенныя имъ, несомнѣнно свидѣтельствовали о полномъ разрывѣ съ теоріей laissez-faire; онѣ обозначали ту поразительную перемѣну, которая произошла въ воззрѣніяхъ либеральной партіи и которая, по выраженію Асквита, стала замѣтной, наконецъ, и для самыхъ тупыхъ. Доктрина государственнаго невмѣшательства, обоснованная Адамомъ Смитомъ и Бентамомъ и въ теченіе почти цѣлаго столѣтія господствовавшая въ политикѣ, была сдана въ архивъ [2]).

Но послѣ того, какъ перемѣна въ политикѣ либерализма стала очевидной для всѣхъ, люди болѣе освѣдомленные могли удостовѣрить, что она подготовлялась очень давно. Дайси въ своемъ интересномъ очеркѣ по исторіи развитія англійскаго общественнаго мнѣнія изобразилъ постепенный ростъ духа коллективизма, проникшаго, наконецъ и въ самый индивидуализмъ [3]). Онъ указалъ на соціалистическій элементъ, который былъ присущъ нѣкоторымъ изъ старыхъ установленій Англіи и въ особенности законодательству о бѣдныхъ и который при измѣнившихся условіяхъ возродился и расширился [4]). Онъ отмѣтилъ также ту связь, которая существуетъ между коллективизмомъ и бентамизмомъ, при всемъ ихъ видимомъ различіи, и которая дается верховнымъ принципомъ бентамовскаго утилитаризма, —„принци-

---

[1]) См. Th. F. G. Coats, Lord Rosebery... Vol. II. p. 801.

[2]) Слѣдя въ своемъ изложеніи за эволюціей либеральныхъ идей, я оставляю безъ разсмотрѣнія вопросъ о судьбѣ англійской либеральной партіи какъ извѣстно расколовшейся на спорахъ о гомрулѣ. Интересно отмѣтить только, что, несмотря на отдѣленіе отъ либераловъ радикальной группы Чемберлена, соединившейся съ консерваторами, либеральное министерство 1892—1895 гг. вступило на путь соціальныхъ реформъ. Духъ времени сказался и на консервативной партіи, которая подъ вліяніемъ союза съ радикалами также пошла навстрѣчу демократическимъ преобразованіямъ, къ чему еще ранѣе того—конечно, лишь въ скромныхъ предѣлахъ—склоняли ее ея вожди, какъ Дизраэли и Рандольфъ Черчилль.

[3]) Dicey, Law and public opinion in England. London 1905. Lectures VII, VIII, IX. См. общій выводъ—p. 301.

[4]) Ibid., p 291

помъ наибольшаго счастья" [1]). Съ другой стороны Гобгаузъ и Беннъ показали, что и представители стараго индивидуализма не такъ безусловно понимали идею государственнаго невмѣшательства. У самого Кобдена нашли требованіе ограниченія работы дѣтей, у старыхъ бентамистовъ,—Ребака, Джорджа Грота, Вильяма Молесворта,—защиту государственной постановки образованія [2]). Всѣ эти сопоставленія приводятъ указанныхъ англійскихъ писателей къ заключенію, что противорѣчіе между старымъ и новымъ либерализмомъ не такъ велико и что на самомъ дѣлѣ между ними можно установить непрерывную цѣпь развитія [3]). Вполнѣ признавая возможность установить такую непрерывную цѣпь, мы не должны, однако, затушевывать очевиднаго различія между началомъ и концомъ этой цѣпи. Это различіе становится особенно яснымъ, когда отъ этихъ историческихъ справокъ и сопоставленій мы переходимъ къ конкретной характеристикѣ современныхъ воззрѣній. Выяснивъ болѣе глубокія теоретическія основанія новаго англійскаго либерализма, мы будемъ въ состояніи установить то разстояніе, которое отдѣляетъ современные взгляды отъ старыхъ.

Въ книгѣ Самюэля мы имѣемъ интересный „опытъ изложенія принциповъ и программы современнаго либерализма въ Англіи". По словамъ автора, онъ излагаетъ не личные взгляды, а „тѣ мнѣнія, которыя раздѣляются большинствомъ

---

[1]) Ibid., pp. 302—309. Ср. мнѣніе Бенна, вносящаго ограниченіе въ утвержденіе Дайси о связи коллективизма съ бентамизмомъ—A. W. Benn, Modern England.—A record of opinion and action from the time of the french revolution to the present day London 1908. Vol. I, p. VIII.

[2]) L. T. Hobhouse, Democracy and reaction. London 1904. Pp. 10—11, 212—213, 217—219, 226—229. Benn, o. c. Vol. I, pp. 173—174, Vol. II, p. 439, (о взглядахъ Ребака и друг.), ср. также Vol. I, p. 34.

[3]) На этомъ особенно настаиваетъ Гобгаузъ. Ср. также Benn, o. c. Vol I, p. 10. Основательное стремленіе отстоять старый либерализмъ въ его великихъ историческихъ заслугахъ и охранить его отъ слишкомъ ироническаго отношенія современниковъ, кромѣ Гобгауза, находимъ у David G. Ritchie, Studies in political and social science. London 1902, въ статьѣ: 1792.—Year I, особенно pp. 125—126.

либераловъ, какъ онъ въ томъ убѣдился, благодаря постоянному въ теченіе многихъ лѣтъ общенію съ членами всѣхъ фракцій либеральной партіи и дѣятельному участію въ работѣ почти всѣхъ ея центральныхъ организацій". Одобреніе книги Асквитомъ придаетъ ей тѣмъ большую цѣнность. Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ авторомъ, хорошо освѣдомленнымъ и вполнѣ компетентнымъ. Посмотримъ же, какъ онъ излагаетъ основныя разногласія стараго либерализма съ новымъ.

Главнымъ основаніемъ политики государственнаго невмѣшательства являлась вѣра въ спасительную силу личнаго почина. Согласно ученію стараго индивидуализма, достаточно было отмѣнить ограничительные законы, стѣснявшіе личность, чтобы положить этимъ прочное основаніе для улучшенія соціальныхъ условій. Позднѣйшая эволюціонная доктрина подкрѣпляла это ученіе о невмѣшательствѣ въ естественный ходъ вещей указаніемъ на „переживаніе болѣе приспособленныхъ. Какъ говорилъ Спенсеръ, благосостояніе человѣческаго рода и развитіе его... до высшаго совершенства обезпечиваются тѣмъ же самымъ благодѣтельнымъ, хотя и суровымъ закономъ, которому подчинено каждое живое существо... Бѣдность, въ которой находится неспособный; нищета, составляющая удѣлъ непредусмотрительнаго; голодное существованіе, на которое обреченъ лѣнивый, и затираніе слабаго сильнымъ, причиняющее столько страданія и несчастья,—таковы велѣнія этого великаго, дальновиднаго и всеблагого закона". По этой доктринѣ облегчать бремя бѣдности значитъ безразсудно противодѣйствовать великому процессу, которымъ природа, предоставленная самой себѣ, обезпечитъ человѣчеству прогресъ [1]). Самюэль указываетъ три предположенія, на которыхъ покоится этотъ аргументъ: во-первыхъ, что бѣдные обязательно не приспособлены къ жизни,—что они и

[1]) Samuel, o. c. p. 17 (русск. пер. стр 20—21). Цитата изъ Спенсера, приводимая Самюэлемъ, взята изъ Social Statics pp. 322 — 325 (по изд. 1851 г).

неспособны, и неблагоразумны, и лѣнивы, и слабы, во-вторыхъ, что суровыя соціальныя условія искореняютъ неприспособленныхъ, и въ-третьихъ, что только суровость борьбы за существованіе можетъ избавить человѣческое общество отъ всего, что неприспособлено къ жизни. Но бѣдные не обязательно неприспособлены къ жизни—отвѣчаетъ на это современный либерализмъ .Большей частью они родились въ бѣдности; для того же, чтобы вырваться изъ нея, нужны исключительныя условія. Они, можетъ быть, впали въ бѣдность не по собственной винѣ, а по болѣзни или благодаря кризису въ той области промышленности, въ которой они были заняты, или краху учрежденія, въ которое они вносили свои сбереженія, или благодаря разнымъ другимъ причинамъ въ этомъ родѣ. Относиться равнодушно къ суровымъ условіямъ существованія бѣдныхъ значитъ несправедливо обрекать на нужду несчастнаго на ряду съ порочнымъ членомъ общества". Что же касается дѣйствительно неприспособленныхъ, то они не погибаютъ отъ бездѣйствія общества, они выживаютъ такъ же, какъ и приспособленные. Отсутствіе заботъ о бѣдныхъ—вѣрнѣйшее средство для созданія новыхъ поколѣній слабыхъ и неприспособленныхъ [1]).

Эти общія соображенія подтверждаются продолжительнымъ опытомъ примѣненія политики государственнаго невмѣшательства. „Народъ горькимъ опытомъ убѣдился въ томъ, что „свободной игры правильно понятаго собственнаго интереса", на которую манчестерская школа возлагала всѣ свои надежды, недостаточно для достиженія прогресса; что „самодѣятельность и иниціатива" рабочаго класса .наталкиваются на столь большія препятствія, что они не могутъ быть преодолѣны безъ посторонняго содѣйствія, что безпомощность и нищета, дурныя условія наемнаго труда, низкій уровень жизненныхъ потребностей все еще встрѣчаются на каждомъ шагу. Народъ поэтому не

[1]) Ibid, pp 17—18, 20. (русск. пер. 20—21, 25).

пожелалъ болѣе поддаваться отдаленнымъ обѣщаніямъ теоретиковъ и пожертвовать еще и будущими поколѣніями для ихъ опытовъ выжидательнаго лѣченія этихъ недуговъ [1]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ утрачивалась вѣра въ исключительную силу личнаго почина, пріобрѣталось довѣріе къ пользѣ государственнаго вмѣшательства въ соціальныя отношенія. Путемъ опыта люди убѣдились, что государство сдѣлалось болѣе дѣятельнымъ, законодательство болѣе компетентнымъ, а государственное вмѣшательство не уменьшило благосостоянія страны и не ослабило личной энергіи народа [2]).

Наконецъ, явилось убѣжденіе, что законодательныя ограниченія, вызываемыя соціальной политикой, въ конечномъ результатѣ скорѣе увеличиваютъ свободу, чѣмъ ограничиваютъ ее, и часто уничтожаютъ болѣе стѣсненій, чѣмъ сами причиняютъ ихъ. Законъ, установившій на фабрикахъ десятичасовой рабочій день для женщинъ, былъ съ формальной стороны закономъ весьма ограничительнымъ, но на дѣлѣ освободительнымъ, потому что онъ избавилъ работницу отъ необходимости работать двѣнадцать или четырнадцать часовъ въ сутки [3]).

Не государственное вмѣшательство, а *государственное содѣйствіе* вотъ настоящее имя соціальному законодательству, заключаетъ Самюэль. Однако, призывая государство къ такому содѣйствію, современный либерализмъ думаетъ,что это только содѣйствіе: главный творческій факторъ и для него личный трудъ—„неослабная личная энергія людей, проявляемая ими въ трудѣ, въ собственномъ развитіи и въ томъ вліяніи, которое они оказываютъ на жизнь другихъ“ [4]).

Но гдѣ же границы государственнаго вмѣшательства? Мы видѣли, какое значеніе придавали этому вопросу тѣ болѣе

---

[1]) Ibid., pp 25—26 (русск. пер. стр. 34—35).

[2]) Ibid., p. 29 (рус. пер. стр. 39).

[3]) Ibid., pp. 26—28 (рус. пер. 35—37) —По вопросу объ отношеніи государственнаго вмѣшательства къ личной свободѣ въ томъ же духѣ даетъ интересныя разъясненія David G. Ritchie, Studies in political and social Ethics, London 1902. Pp. 55—58, 63—65.

[4]) Samuel, o. c., pp. 27, 30 (рус. пер стр. 37, 41).

ранніе писатели,—Бенжаменъ Констанъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Милль,—которые стояли за индивидуальную свободу и за своеобразное развитіе лицъ. У практическихъ представителей современнаго либерализма этотъ вопросъ теряетъ свою остроту, хотя и не утрачиваетъ своей важности. Они не пытаются найти какую-либо единую формулу, которая обнимала бы всѣ случаи незаконнаго вмѣшательства государства, считая это столь же невозможнымъ какъ опредѣлить границу примѣненія машиннаго производства и ручного труда. Тѣмъ не менѣе они сознаютъ, что есть извѣстные предѣлы, далѣе которыхъ государственное вмѣшательство не можетъ итти. „Законодательство, касающееся промышленности страны, можетъ дѣйствительно не посягать ни на свободу, ни на личную энергію ея населенія; но если законодательство двинуть далѣе извѣстныхъ границъ, то оно несомнѣнно будетъ посягать и на свободу, и на личную энергію гражданъ. Умѣренныя реформы могутъ споспѣшествовать промышленности страны и увеличить процвѣтаніе ея, крайнія же реформы могутъ подорвать торговый кредитъ, остановить приливъ капиталовъ и погубить это процвѣтаніе: есть границы, далѣе которыхъ вмѣшательство государства не можетъ итти“ [1]). Въ такихъ словахъ опредѣляетъ Самюэль отношеніе новаго либерализма къ вопросу о границахъ государственной дѣятельности. Въ подробностяхъ современные либералы считаютъ болѣе правильнымъ не связывать себя отвлеченными формулами, а итти путемъ опыта, извлекая указанія изъ практики жизни; но въ общемъ передъ ними стоитъ твердый принципъ,—*свобода и личная энергія гражданъ.*

Сохраняя неприкосновеннымъ этотъ основной принципъ своей программы, англійскій либерализмъ нашихъ дней не боится болѣе упрековъ въ близости къ соціализму [2]). Глав-

---

[1]) Ibid. p. 29; рус. пер стр 40.

[2]) Нельзя не вспомнить здѣсь фразы Бисмарка, которой онъ отвѣчалъ (въ засѣданіи рейхстага 2 апрѣля 1881 г.) на замѣчаніе о соціалистическомъ характерѣ предложеннаго имъ въ то время закона о страхованіи рабочихъ

ное, чѣмъ либералы отличаются отъ соціалистовъ, по опредѣленію Самюэля, это—осторожный, эмпирическій методъ умозаключеній. Соціализмъ сразу желаетъ націонализировать и муниципализировать всѣ отрасли хозяйства, какъ только нація выскажется за это. Но прежде чѣмъ принять этотъ планъ, либералы должны быть увѣрены въ томъ, что лучшее распредѣленіе богатства, которое онъ обѣщаетъ. не будетъ парализовано уменьшеніемъ производства: большой національный доходъ, хотя неравномѣрно и даже несправедливо распредѣленный, можетъ быть выгоднѣе для всѣхъ классовъ населенія, чѣмъ малый національный доходъ. распредѣленный между ними съ величайшей справедливостью [1]).

Изложенныя здѣсь основанія современнаго англійскаго либерализма даютъ возможность судить о томъ, какъ далеко ушелъ онъ отъ старой индивидуалистической доктрины laissez-faire. Ревнители старыхъ взглядовъ пришли бы въ ужасъ отъ словъ Самюэля, что „долгъ государства обезпечить всѣмъ своимъ членамъ и всѣмъ другимъ, на которыхъ распространяется его вліяніе, полнѣйшую возможность вести наилучшую жизнь“ [2]), или какъ значится въ другомъ мѣстѣ. „что государство существуетъ для того, чтобы облегчить людямъ возможность хорошо жить“ [3]). Но эти слова лишь передаютъ credo современнаго англійскаго либерализма. Отъ практическаго политика, какимъ по преимуществу является Самюэль, трудно ожидать глубины философскихъ опредѣленій. Мы не встрѣтимъ у него ни разсужденій о

отъ несчастныхъ случаевъ: «Nennen Sie das Socialismus oder nicht, es ist mir das ziemlich gleichgultig». Съ этимъ замѣчаніемъ можно сопоставить слова другого выдающагося политическаго дѣятеля Клемансо: «montrez au paysan tout ce que la République a fait pour l'affranchir... enseignez lui à ne pas s'effrayer des mots et à ne rien redouter de ce mot de socialisme dont on essaye absurdement de l'effrayer». (Le discours de la Roche—sur—Yon, prononcé le 30 septembre 1906. См. выдержки въ изданіи Les plus belles pages de Clemenceau recueillies et annotées par Pascal Bonetti. P. 263).

[1]) Samuel, o. c., pp. 149—150, рус. пер. стр. 190—192.

[2]) Ibid., p. 4; рус. пер., стр. 2.

[3]) Ibid, p 31, рус. пер., стр. 43.

соотношеніи равенства и свободы, ни болѣе точныхъ разъясненій объ отношеніи новой программы либерализма къ старому идеалу правового государства. Эти разъясненія приходится сдѣлать путемъ сопоставленія новыхъ идей съ воззрѣніями старой либеральной школы.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что новая программа либерализма является результатомъ того уравнительнаго демократическаго процесса, въ которомъ еще Милль видѣлъ отличительную черту своего вѣка. Новѣйшее произведеніе, посвященное характеристикѣ „Современной Англіи"—я говорю о вышедшей подъ этимъ заглавіемъ въ 1908 г. книгѣ Бенна — кончается утвержденіемъ, что всѣ стремленія нашего времени клонятся къ уподобленію и уравненію лицъ [1]), а эта основная черта эпохи ни въ чемъ не воплощается такъ ярко, какъ въ политикѣ соціальныхъ реформъ. Что эти реформы совершаются прежде всего подъ знаменемъ принципа равенства, это ясно съ перваго взгляда. Но ясно также и то, что принципъ равенства въ его современномъ пониманіи ставится въ противоположность тому идеалу свободы, который былъ созданъ старымъ индивидуализмомъ. Та свобода, въ которую вѣрили Смитъ и Бентамъ, не обезпечила людямъ равенства; это была свобода для немногихъ, а не для всѣхъ. Для того, чтобы обезпечить равенство, его надо провести далѣе; не равенство всѣхъ передъ закономъ, а равенство возможностей или равенство исходнаго пункта, вотъ то новое формулированіе стараго начала, которое встрѣчается въ настоящее время у англійскихъ писателей. Въ этомъ понятіи равенства исходнаго пункта или равенства возможностей, найдено, какъ мнѣ кажется, счастливое разрѣшеніе старой задачи—расширить понятіе равенства за предѣлы формальнаго равноправія и при этомъ сохранить его связь съ принципомъ свободы. Для теоретиковъ стараго индивидуализма представлялось неизбѣжнымъ, что подобное расширеніе

---

[1]) A W. Benn, Modern England. London. 1908. Vol. II, pp. 494—496.

приведетъ непремѣнно къ равенству матеріальному или, говоря опредѣленнѣе, къ принудительному уравненію, сопровождающемуся полнымъ подавленіемъ свободы. Между тѣмъ равенство исходнаго пункта не только не исключаетъ свободы, но напротивъ предполагаетъ ее: свободно развивающіяся лица уравниваются только въ начальныхъ условіяхъ своего развитія, *поскольку это зависитъ отъ общихъ и внѣшнихъ условій общественной жизни;* все дальнѣйшее предоставляется ихъ свободѣ. Равенство исходнаго пункта не предполагаетъ уравненія личныхъ средствъ, сохраненіе и увеличеніе которыхъ предоставляется свободной иниціативѣ каждаго [1]). Рѣчь идетъ только о томъ, чтобы усилить существующія и теперь *общественныя средства и установленія,* при помощи которыхъ каждый наравнѣ съ другими могъ бы расчитывать на поддержку къ улучшенію своего положенія, къ развитію своихъ способностей, къ обезпеченію своей жизни и свободы. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы довести до возможно большихъ размѣровъ тотъ общій фондъ, въ которомъ воплощаются вѣковыя усилія культуры, результаты народнаго труда и богатства, и который обращается затѣмъ на пользу общую. Учебныя заведенія, образовательныя учрежденія, музеи, больницы, пріюты, всѣ учрежденія и средства культурной жизни, сторицею пріумноженныя, должны стать открытыми и доступными для всѣхъ, не въ формѣ благодѣяній, а въ видѣ обязательныхъ государственныхъ установленій

Но очевидно, что въ такомъ истолкованіи равенство исходнаго пункта есть лишь болѣе общее и объемлющее понятіе и для того формальнаго равенства, которое ранѣе полагалось единственной цѣлью правового государства. Когда французское Національное Собраніе въ великомъ порывѣ уравнительной справедливости отмѣнило старыя

---

[1]) Какъ говоритъ Асквитъ, «уравнять имущества и положенія людей не болѣе возможно, чѣмъ уравнять ихъ ростъ и вѣсъ» (изъ рѣчи 13 окт. 1906 г., въ собраніи рѣчей· «Speeches by the Rt. Hon. H. H Asquith». Selected and reprinted from The Times London, 1908 P. 253.)

ограниченія и объявило равенство всѣхъ передъ закономъ, не имѣло ли оно въ виду создать также равенство исходнаго пункта или равенство возможностей для всѣхъ французскихъ гражданъ? Тогда именно и представлялось, что уничтоженіе общественныхъ различій создастъ равную возможность для каждаго развивать свои силы на ряду со всѣми другими. Опытъ XIX столѣтія обнаружилъ ошибочность этого ожиданія, и теперь естественно выдвигается то новое понятіе равенства, которое мы встрѣчаемъ въ современномъ либерализмѣ.

Нельзя не указать, что и сторонники старой доктрины иногда вполнѣ опредѣленно признавали значеніе исходнаго пункта для развитія лицъ, но признавая это, они обходили вопросъ, не видя возможности рѣшить его иначе, какъ съ полнымъ подавленіемъ свободы. Въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ представляютъ заключенія по этому поводу Б Н. Чичерина. Опредѣляя различныя условія неравенства, онъ между прочимъ говоритъ: „Человѣкъ въ своей дѣятельности не отправляется чисто отъ самого себя: онъ не начинаетъ съ ничего. Все человѣческое развитіе основано на томъ, что каждое поколѣніе продолжаетъ работу своихъ отцовъ. Точку отправленія для него составляетъ полученное отъ нихъ достояніе... Не для всѣхъ эта точка отправленія одинакова. Кто больше пріобрѣлъ, тотъ больше передаетъ своимъ дѣтямъ. Отсюда новый источникъ неравенства, который иногда увеличиваетъ, а иногда умѣряетъ естественное неравенство способностей“. „То, что человѣкъ получаетъ отъ рожденія, составляетъ для него только исходную точку; все дальнѣйшее движеніе зависитъ отъ собственной его дѣятельности... Въ этомъ отношеніи онъ самъ въ значительной степени является создателемъ своей судьбы. Но какъ бы онъ ни былъ свободенъ, *онъ все-таки въ значительной степени зависитъ и отъ своей исходной точки, и отъ обстоятельствъ, которыми онъ окруженъ,* а еще болѣе отъ вѣчныхъ законовъ, управляющихъ человѣческой жизнью и человѣческимъ развитіемъ“ [1]).

[1]) Собственность и Государство Ч I., стр 261 и 263.

Разграничивъ столь ясно съ одной стороны зависимость человѣка отъ своей исходной точки и отъ окружающихъ обстоятельствъ, а съ другой—отъ вѣчныхъ законовъ развитія, естественно было поставить вопросъ, справедливо ли признавать неизмѣнной и ту, и другую зависимость, и нельзя ли, не пытаясь колебать вѣчные законы природы, обсудить возможность измѣненія исходной точки человѣческаго развитія и окружающихъ человѣка обстоятельствъ. Не заключается ли смыслъ всей культуры въ томъ, чтобы улучшать эти обстоятельства и приспособлять ихъ къ человѣческимъ цѣлямъ? Страннымъ образомъ, ставя вопросъ о справедливости неравенства, зависящаго отъ исходной точки, Чичеринъ рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что оно должно быть причислено къ числу неравенствъ естественныхъ, не подлежащихъ человѣческой волѣ. Указавъ, что отправная точка не у всѣхъ одинакова, въ зависимости отъ размѣровъ унаслѣдованнаго достоянія, онъ спрашиваетъ: „совмѣстно ли такое неравное распредѣленіе жизненныхъ благъ съ требованіями справедливости?“ и отвѣчаетъ: „за что одинъ отъ рожденія получаетъ всѣ преимущества, а другой ничего? За то же, за что одинъ рождается подъ полюсомъ, а другой подъ экваторомъ, одинъ чернымъ, а другой бѣлымъ, одинъ умнымъ, а другой глупымъ, одинъ здоровымъ, а другой больнымъ. Религіозный человѣкъ видитъ въ этомъ волю Провидѣнія, которое каждому опредѣляетъ его мѣсто на землѣ, сообразно съ его назначеніемъ въ настоящемъ и будущемъ мірѣ. Эта вѣра служитъ человѣку поддержкою въ жизни и утѣшеніемъ въ постигающихъ его невзгодахъ“ [1]). Нельзя не сказать, что въ этомъ разсужденіи проявляется какой-то фатализмъ, напоминающій ученіе о предопредѣленіи. Съ точки зрѣнія предопредѣленія нельзя и разсуждать объ измѣненіи предначертанной каждому участи; но тотъ, кто, подобно Б. Н. Чичерину, вѣритъ въ способность человѣка являться „созда-

[1]) Собственность и государство, ч. I, стр. 261.

телемъ своей судьбы". долженъ спросить себя, что же въ судьбѣ людей дѣйствительно неизмѣннаго и что зависитъ отъ человѣческой воли. Утѣшая себя въ жизненныхъ невзгодахъ вѣрой въ Провидѣніе, человѣкъ не можетъ относиться одинаково къ тѣмъ невзгодамъ, которыя выпадаютъ ему на долю по вѣчнымъ законамъ природы, и къ тѣмъ, которыя зависятъ отъ несовершенства человѣческихъ учрежденій. Иначе пришлось бы примириться со всякимъ неравенствомъ на томъ основаніи, какъ читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ у Чичерина, что „природа повсюду установила неравенство силъ, свойствъ и положеній, ибо только этимъ путемъ проявляется все безконечное разнообразіе жизни" [1]). Современный либерализмъ, устанавливая требованіе равенства исходнаго пункта, идетъ въ этомъ отношеніи навстрѣчу потребности свободнаго человѣка измѣнять условія жизни въ соотвѣтствіи со своими идеалами справедливости и прогресса. Рѣчь идетъ здѣсь, какъ мы видѣли, не объ уравненіи имуществъ и не о надѣленіи всѣхъ одинаковыми личными средствами, а только о созданіи для всѣхъ общественныхъ условій, благопріятствующихъ развитію человѣка. Обезпеченіе для всѣхъ извѣстнаго образованія, условій здоровой жизни и нѣкотораго имущественнаго достатка, вотъ что прежде всего имѣется здѣсь въ виду. Только объ этомъ и говоритъ современный англійскій либерализмъ [2]). Понятіе о наилучшей человѣческой жизни открываетъ просторъ для безконечныхъ требованій и предположеній во всю мѣру безконечнаго человѣческаго идеала. Но въ примѣненіи къ задачамъ политики это понятіе берется, конечно, не въ своей безконечной широтѣ, а въ своемъ элементарномъ опредѣленіи, подразумѣвающемъ лишь совокупность необходимыхъ условій для достойнаго человѣческаго существованія.

Однако, совершенно ясно, что и въ этомъ видѣ понятія: „равнаго исходнаго пункта" и „возможности наилучшей

[1]) Ibid., стр. 260

[2]) См. Samuel, Liberalism. P. 8; рус. пер, стр. 9.

жизни", не могутъ получить точнаго матеріальнаго опредѣленія. Каждое изъ элементарныхъ благъ, указываемыхъ современной либеральной программой, предполагаетъ условія, которыя подлежатъ постоянному измѣненію и повышенію. Обстановка здоровой жизни, уровень необходимаго образованія и размѣръ матеріальнаго достатка, все это постоянно измѣняется въ соотвѣтствіи съ развитіемъ жизни: то, что можетъ считаться удовлетворительнымъ для одного быта, совершенно непригодно для другого Конечно, въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ положеніи есть свой уровень жизни—standart of life, по англійскому выраженію,—который считается нормой, и есть свой предѣлъ, за которымъ начинается недопустимая крайность. Но если это обстоятельство облегчаетъ задачу практической политики въ каждый данный моментъ развитія, то съ точки зрѣнія отвлеченной и теоретической оно не представляетъ ничего устойчиваго [1]). Противники новаго либерализма могутъ построить на этомъ критику его программы, указать на ея неопредѣленность, на безконечность открывающихся предъ нею перспективъ. Само собою разумѣется, что подобную критику легко отразить указаніемъ, что сложныя задачи практической жизни не разрѣшаются сразу, что важно уже одно признаніе этихъ задачъ, сводящее государство съ мертвой точки соціальнаго индифферентизма и призывающее его къ активному разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ Но, во всякомъ случаѣ, критика новаго либерализма, указывающая на безконечную сложность его программы, была

---

[1]) Въ виду крайней трудности найти какое-либо твердое опредѣленіе для новаго понятія равенства нѣкоторые писатели отказываются отъ болѣе точнаго формулированія этого понятія. Такъ Ритчи находитъ, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ удовольствоваться лишь общимъ опредѣленіемъ задачи государства, въ смыслѣ сочетанія началъ индивидуальнаго развитія и блага цѣлаго. Понятіе „equal start" онъ подвергаетъ критикѣ. Это не мѣшаетъ ему употреблять такія выраженія, какъ „the extension to all of the opportunities of true culture", что обозначаетъ лишь иными словами идею равенства возможностей. См. David Ritchie, Studies in political and social Ethics. London 1902. Главы: „Equality" и „Law and liberty", особенно pp 41, 57—62.

бы справедливой въ своемъ указаніи, что задачи тутъ открываются дѣйствительно сложныя и безконечныя. Мы приходимъ здѣсь снова къ тому моменту разсматриваемаго явленія, гдѣ съ яркостью обнаруживаются затрудненія, встрѣчаемыя индивидуализмомъ въ своемъ развитіи.

Мы замѣтили выше, что въ новой программѣ англійскаго либерализма, въ переходѣ отъ отрицательнаго пониманія свободы къ положительному, заключается цѣлый переворотъ понятій. Познакомившись съ существомъ этой программы, мы можемъ сказать болѣе поскольку изъ области предположеній она переходитъ въ жизненную практику, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи, она знаменуетъ *новую стадію въ развитіи правового государства.* Современный либерализмъ стремится продолжить принципъ равенства въ сторону уравненія соціальныхъ условій жизни, но это открываетъ для государства такую сферу дѣятельности, которая *по своимъ размѣрамъ и возможнымъ послѣдствіямъ рѣзко отличается отъ политической практики еще недавняго прошлаго.* Задача уравненія въ правахъ, которую ставила французская революція, будучи великой по своему принципіальному значенію, представляется необычайно легкой по своей простотѣ сравнительно съ программой соціальныхъ реформъ. Правовое государство, какъ представлялъ его себѣ старый индивидуализмъ, имѣло задачу ясную и простую: то равенство и та свобода, которыя ему представлялись основами справедливой жизни, были началами чисто формальными и отрицательными, и осуществить ихъ было нетрудно. Но когда государство призывается наполнить эти начала положительнымъ содержаніемъ, предъ нимъ ставится задача существенно различная и безконечно болѣе сложная. Возлагая на себя благородную миссію общественнаго служенія, оно встрѣчается съ необходимостью реформъ, которыя лишь частью осуществимы немедленно, а въ остальномъ или вовсе не осуществимы, или осуществимы лишь въ отдаленномъ будущемъ и, вообще говоря, необозримы въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и осложненіи. Не ясно ли,

что, вступивъ на этотъ путь, правовое государство перешло въ новую стадію развитія? Оно вступило въ эту стадію безъ торжественныхъ заявленій и новыхъ декларацій, безшумно и неслышно, въ порядкѣ исполненія очередныхъ дѣлъ. Для современниковъ, на глазахъ которыхъ совершилась эта знаменательная перемѣна, она прошла почти незамѣтно, такъ какъ коснулась лишь функцій, а не органовъ государства и не сопровождалась видимой ломкой политическаго механизма. Но это была настоящая ломка принциповъ, огромное значеніе которой вполнѣ, хотя и своеобразно, оцѣнили лишь противники новой политики, предрекавшіе впереди грядущее рабство и варварство. Сами сторонники происшедшей перемѣны не старались подчеркивать ея значенія обѣщаніемъ скорыхъ перемѣнъ и близкаго счастья. Напротивъ, они мужественно указывали на трудность и безконечность предстоящаго пути. Въ книгѣ Самюэля мы находимъ чрезвычайно характерное заявленіе этого рода. „Полагая, что государство можетъ многое сдѣлать, либералы однако очень далеки отъ того, чтобы думать, что государство можетъ все сдѣлать,—оно болѣе способно обезпечить прогрессъ, чѣмъ это прежде предполагали, но силы его не безграничны. Въ числѣ соціальныхъ проблемъ, предъ которыми мы стоимъ, однѣ—слишкомъ сложны для того, чтобы онѣ могли быть разрѣшены законодательнымъ путемъ, другія—слишкомъ тонки и неуловимы, а третьи слишкомъ много зависятъ отъ нравственныхъ причинъ“ [1]). Самюэль справедливо указываетъ, что помимо крайней сложности соціальныхъ реформъ въ нихъ есть и еще одна сторона, заставляющая практическихъ политиковъ быть осмотрительными въ ихъ осуществленіи—это опасность перейти границы, за которыми вмѣсто ожидаемой пользы получается вредъ. Нельзя забывать, что источниками національныхъ средствъ, съ помощью которыхъ только и можно осуществить соціальныя реформы,

---

[1]) Samuel, Liberalism p. 29; русск пер., стр. 40

являются личная энергія и капиталъ. Если парализуется то или другое, происходитъ уменьшеніе общаго народнаго дохода, а слѣдовательно и тѣхъ средствъ, которыя необходимы для созданія и поддержанія лучшихъ условій общественной жизни. Самая мысль о крупныхъ соціальныхъ реформахъ могла явиться только въ связи съ накопленіемъ народнаго богатства, и безъ его прогрессивнаго роста соціальныя улучшенія не могутъ развиваться успѣшно.

Невольно возникаетъ вопросъ, исполнитъ ли правовое государство свою новую миссію или сломится подъ тяжестью принятыхъ на себя задачъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только дальнѣйшимъ ходомъ исторіи; однако необходимо замѣтить, что современный англійскій либерализмъ относится къ открывающемуся передъ нимъ пути съ полнымъ сознаніемъ его величайшей трудности, и въ этомъ залогъ его успѣха. Онъ откровенно заявляетъ: тутъ слишкомъ много сложнаго, слишкомъ много тонкаго и неуловимаго, слишкомъ много зависящаго отъ нравственныхъ причинъ. Но не значитъ ли это сказать, что въ дѣлѣ соціальныхъ реформъ нельзя надѣяться на одно государство и законодательство, что необходимы и другія силы, содѣйствующія соціальному прогрессу. Обозрѣвая задачи будущаго, англійскіе политики нашихъ дней приходятъ къ убѣжденію, что правовое государство не въ силахъ осуществить эти задачи при наличности однихъ политическихъ средствъ, что оно должно призвать на помощь силы нравственныя. И здѣсь, въ качествѣ практическаго пути, подготовляющаго лучшее будущее, современные политическіе дѣятели указываютъ воспитаніе. Уже давно идея воспитанія народа являлась руководящей мыслью англійскаго либерализма. Какъ мы отмѣчали выше, она встрѣчается и у сторонниковъ стараго бентамовскаго индивидуализма. Утвержденіе демократическаго строя подчеркнуло и выдвинуло эту идею. Если ранѣе мысль о широкой государственной постановкѣ образованія встрѣчалась съ возраженіемъ, что повиновеніе законамъ лучше достигается при

невѣжествѣ народа [1]), теперь, напротивъ, распространеніе знанія считается основой государственнаго благосостоянія, а невѣжество—величайшей опасностью для страны [2]). Воспитаніе ставится во главу угла новой политической программы, и Гальденъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся умовъ современной либеральной партіи, хорошо выразилъ убѣжденіе новаго либерализма, когда онъ сказалъ, что въ настоящее время свобода понимается какъ освобожденіе „не только отъ матеріальныхъ, но и отъ моральныхъ узъ“ и что поэтому „политика либеральной партіи должна быть воспитательной въ широкомъ смыслѣ слова“ [3]).

Какъ мы увидимъ сейчасъ, къ тѣмъ же выводамъ приходитъ въ наши дни французская мысль. Но въ то время, какъ современные англійскіе либералы выражаютъ свои заключенія въ сложныхъ описательныхъ опредѣленіяхъ, французы, всегда отличавшіеся умѣньемъ находить краткія формулы и яркіе лозунги для новыхъ теченій, и въ этомъ случаѣ нашли лозунгъ, который является для нихъ указателемъ новой эволюціи мысли. Этотъ лозунгъ есть солидарность. Равенство и свобода, которыя лежали въ основѣ прежняго правового государства, должны быть восполнены этимъ новымъ принципомъ, который долженъ служить указаніемъ новыхъ и болѣе тѣсныхъ связей общественной жизни. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть эту новую

[1]) См. Benn, Modern England. Vol. I, p 85.

[2]) Мысль о томъ, что въ наше время государству приходится считаться съ невѣжествомъ народа, какъ съ величайшей опасностью, нерѣдко повторяется современными политическими дѣятелями. Асквитъ въ одной изъ своихъ рѣчей (8 мая 1902 г.) называлъ сознаніе этой опасности (the most formidable danger)—«растущимъ сознаніемъ людей всѣхъ вѣрованій и школъ». (Alderson. Mr Asquith London, 1905 p. 230, см. также p. 234 и собственныя замѣчанія Альдерсона—pp. 223 и 101). Однохарактерное признаніе у Розбери—«the greatest peril of all, the peril of ignorance»,—изъ рѣчи, произнесенной въ 1894 г. См. Th. F. G. Coates, Lord Rosebery, his life and speeches. London, 1900. Vol II, p. 774.

[3]) R. B. Haldane (въ настоящее время военный министръ) въ изданіи Andrew Reid. The New liberal programme. London, 1886. P. 119. Ср. также рѣчь Гальдена въ Кембриджѣ 12 мая 1904 г. въ брошюрѣ «Constructive Liberalism» въ изданіи The «Eighty» Club P. 15.

эволюцію французской мысли. И здѣсь мы должны будемъ отмѣтить однохарактерный кризисъ индивидуализма и то же искаше новыхъ путей, которое констатировали въ англійскомъ либерализмѣ. Но здѣсь линіи новыхъ теченій предстанутъ намъ въ болѣе яркомъ освѣщеніи [1]).

---

[1]) Я не имѣю здѣсь въ виду изложеніе соотвѣтствующихъ явленій въ нѣмецкомъ либерализмѣ, въ которомъ они обнаружились менѣе ярко, но не могу не указать, что еще съ восьмидесятыхъ годовъ и среди нѣмецкихъ либераловъ раздаются отдѣльные голоса, совершенно совпадающіе съ аналогичными англійскими и французскими заявленіями. Въ то время какъ выдающіеся либеральные дѣятели считали социальную политику «борьбой государственнаго социализма съ индивидуализмомъ» и утверждали, что «соціализмъ и либерализмъ—смертельные враги» (см. напримѣръ, интересную брошюру подъ заглавіемъ «Gegen den Staatssocialismus. Berlin 1884, съ тремя статьями Бамбергера, Барта и Брёмеля, SS 10, 44), уже намѣчались и иныя воззрѣнія. Такъ Ястровъ послѣ выборовъ въ прусскій ландтагъ 1888 г. и послѣ неудачи либераловъ въ избирательной борьбѣ, какъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германской имперіи (въ Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Баденѣ), такъ и въ самой Имперіи (на выборахъ въ рейхстагъ) поднялъ рѣчь о необходимости для либерализма пойти навстрѣчу социальнымъ реформамъ, которыя, какъ онъ говорилъ и подтверждалъ на конкретномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ сферъ управленія, «не только мирятся съ либерализмомъ, но и вытекаютъ изъ его собственнаго внутренняго жизненнаго существа». (См. Jastrow. «Socialliberal». Die Aufgaben des Liberalismus in Preussen. Zweite vermehrte Auflage Berlin 1894. SS. 6—7, 140) Въ 1900 г. появилась любопытная брошюра: «Heinrich Dietzel, Das neunzehnte Jahrhundert und das Programm des Liberalismus (Bonn), въ которой социальныя реформы Бисмарка назывались выраженіемъ «истиннаго либерализма», и совершенно въ духѣ англійскихъ взглядовъ проводилась мысль, что ограниченіе свободы, неизбѣжное при подобныхъ реформахъ, имѣетъ цѣлью возвышеніе «настоящей свободы» и «приближеніе къ идеалу равноправія» (S. 24). Послѣ новаго пораженія партіи свободомыслящихъ въ ея главнѣйшихъ группахъ, на выборахъ въ рейхстагъ 1903 г. опять стали слышны голоса о «ревизіи либерализма». Этому вопросу посвящена, напримѣръ, брошюра: Julianus, Die Revision des Liberalismus Berlin 1903: здѣсь говорится объ «истинномъ, настоящемъ либерализмѣ», о «новомъ идеалѣ», практическое осуществленіе котораго является условіемъ для возрожденія либерализма въ духѣ солидарности (SS. 20, 25, 56). Всего любопытнѣе, что органъ Барта «Die Nation», основанный въ началѣ 80-хъ гг. для борьбы съ социальной политикой и государственнымъ социализмомъ, началъ помѣщать такія статьи, какъ P. Arndt, Socialer Liberalismus съ утвержденіями вродѣ слѣдующихъ: «das Socialprincip, zu dem sich jeder deutsche Liberale bekennen sollte, führt so zu einer grundsatzlichen Unterstützung der modernen Socialpolitik» (№ 48, 29 August 1903, S 757.) Самъ Бартъ сталъ заявлять о перемѣнѣ воззрѣній (ibid. S. 775).

VI. Новый французскій либерализмъ. Столкновеніе началъ равенства и свободы.

Когда въ 1895 году Анри Мишель изображалъ состояніе современныхъ политическихъ и соціальныхъ идей во Франціи, оно представлялось ему уже имѣющимъ всѣ признаки несомнѣннаго кризиса. Онъ видѣлъ эти признаки въ длящейся и возрастающей неопредѣленности понятій, въ смѣшеніи принциповъ, въ отсутствіи общихъ началъ и философскихъ основъ. Въ то время не было уже во Франціи выдающихся представителей стараго либерализма, вродѣ Лабуле и Прево-Парадоля [1]), которые поддерживали его литературную славу въ эпоху второй Имперіи. Либерализмъ находился въ состояніи разложенія и отступалъ передъ растущими успѣхами государственнаго соціализма Изъ новѣйшихъ произведеній, одушевленныхъ идеями индивидуализма, Мишель могъ указать лишь двѣ книги, изъ которыхъ одна:—„Основанія права“ Боссира (1888 г.)—была слишкомъ поверхностна, а другая,—„Индивидуальное право и государство“ Бёдана (1891 г.)—„вся проникнута чувствомъ происходящаго кризиса и запечатлѣна грустью при видѣ нагромождающихся препятствій и угрозъ, обращенныхъ противъ дорогихъ автору принциповъ“. Полагая, что главная причина кризиса заключается въ разрывѣ либеральной школы съ философскимъ апріоризмомъ, Анри Мишель самъ искалъ выхода въ философскомъ синтезѣ, который могъ бы указать путь къ возрожденію великаго индивидуализма XVIII вѣка. Въ качествѣ такого синтеза Мишель считалъ

Духъ новой эры отразился и на теоретическихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ также начинаютъ появляться утвержденія о необходимости сочетанія либеральнаго и соціальнаго моментовъ, см напр. статью: Vorländer, въ Zeitschrift fur Philosophie und philosophische Kritik Bd. 108 (1896), S 95, въ статьѣ о соціологіи Спенсера и v. Schubert-Soldern, въ Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft.“ Bd. LXII (1906), въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Die Grundprincipien des Liberalismus in erkenntnistheoretischer Beleuchtung», SS 204—206

[1]) Позднѣйшее сочиненіе Лабуле—Questions constitutionnelles,—вышло въ 1872 г; главныя же его произведенія, какъ и Прево-Парадоля, относятся къ шестидесятымъ годамъ.

возможнымъ признать моральную философію Ренувье [1]). Однако, изъ разъясненій самого же Мишеля можно вывести, что задача настоящаго времени заключается не въ философскомъ обновленіи доктрины XVIII столѣтія, а въ ея продолженіи и развитіи соотвѣтственно съ духомъ новаго вѣка. И у Ренувье, и у него есть стремленіе расширить понятіе свободы нѣкоторыми элементами, взятыми отъ соціализма, дать извѣстный синтезъ индивидуализма и соціализма, идей либеральныхъ и демократическихъ. Очевидно, такой синтезъ, послѣдовательно проведенный, предполагаетъ не только возрожденіе философскаго апріоризма, но также и внутреннее развитіе основныхъ понятій индивидуализма—понятій равенства и свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отправного для нихъ принципа личности Допустимъ, что все это было въ зародышѣ въ доктринѣ XVIII вѣка; но именно оттого, что тамъ послѣдствія были скрыты въ своей основѣ, вся система воззрѣній отличалась духомъ гармоническаго единства, который характеризуетъ первоначальныя стадіи развитія. Дальнѣйшее движеніе мысли, выводя послѣдствія изъ ихъ основы, обнаружило не только ихъ принадлежность къ извѣстному единству, но также ихъ различіе и противорѣчіе. Мишель не представляетъ себѣ съ должной ясностью, что индивидуализмъ нашего вѣка, сравнительно съ индивидуализмомъ XVIII столѣтія, есть новая стадія въ развитіи прежнихъ понятій.

Между тѣмъ въ практической политикѣ Франціи въ концѣ XIX вѣка совершился тотъ же переворотъ, которымъ ознаменованъ конецъ этого вѣка для Англіи. Еще въ 1842 г. Лоренцъ Штейнъ [2]) на основаніи изученія французскаго общественнаго движенія высказывалъ мысль, что пришло время поставить проблему соціальнаго уравненія, послѣ того какъ великая революція предшествующаго вѣка разрѣшила проблему уравненія политическаго. Это указаніе

[1]) См. Henri Michel, L'idée de l'Etat. Paris, 1895. L. V. La crise actuelle des idées sociales et politiques. P. 527.

[2]) Lorenz Stein, Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs.

Штейна долго оставалось неосуществившимся пророчествомъ, и, несмотря на развитіе соціалистическихъ идей, рѣшительно заявившихъ о себѣ и въ 48-мъ и въ 70-мъ гг., въ началѣ девяностыхъ годовъ Клемансо могъ еще говорить: „послѣ двадцати лѣтъ свободы, не будучи въ состояніи сослаться въ извиненіе на какого-либо тирана-угнетателя, мы все еще, оказывается, находимся подъ господствомъ рокового буржуазнаго духа, по отношенію къ которому Людовикъ-Филиппъ и Наполеонъ III были только орудіями“ [1]). Съ восьмидесятыхъ годовъ дѣлаются лишь первые опыты въ сферѣ соціальнаго законодательства, и политика англійскихъ либераловъ, смѣло выступившихъ съ проектами реформъ въ эпоху либеральнаго министерства 92—95 гг., казалась во Франціи завиднымъ образцомъ [2]). Лишь медленно и постепенно политическія партіи, смѣнявшіяся въ это время у власти, отрѣшались отъ стараго принципа государственнаго невмѣшательства. Однако, и самая радикальная изъ нихъ, представленная нынѣшнимъ министерствомъ Клемансо, какъ увидимъ далѣе, исходила и исходитъ изъ идей индивидуализма. Подобно англійскому либерализму, и либерализмъ французскій, оставшись вѣрнымъ принципу личности, перешелъ въ новую стадію развитія. Поворотъ въ практической политикѣ, въ связи съ общимъ измѣненіемъ условій, характеризующихъ существованіе Третьей республики, не могъ не отразиться и на развитіи идей. Прошло всего семь лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Анри Мишеля, какъ во французской печати въ связи съ вопросомъ о мѣрахъ правительства противъ конгрегацій возгорѣлась оживленная полемика о границахъ свободы и основахъ либерализма. Со страницъ газетъ завязавшіеся

---

[1]) Clemenceau, La mêlée sociale. Huitième mille. Paris 1908 (первое изданіе появилось въ 1895 г.) P. 263. См. вообще главы: Pourquoi? и Parce-que.. Pp. 255—266.

[2]) См. Clemenceau, ibid. P. 255, «Mais Lord Rosebery est sans doute un réformateur bien hardi pour les «vieilles femmes», qui, d'apres M. Ernest Daudet, disposent de nos destinées».

споры были перенесены въ ученые и философскіе журналы, и мы обязаны этому случаю тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣемъ въ новѣйшей литературѣ цѣлый рядъ статей, освѣщающихъ положеніе современнаго французскаго либерализма [1]). Для характеристики его я воспользуюсь интересными статьями, помѣщенными въ 1902 и 1903 гг. въ журналѣ: „Revue de Métaphysique et de Morale“. Принадлежащія различнымъ авторамъ, не во всемъ согласнымъ между собою, эти статьи тѣмъ яснѣе подчеркиваютъ сходство ихъ въ главномъ и основномъ. Перечитывая одно за другимъ мнѣнія Бугле, Лансона, Лапи, Пароди и Жакоба, мы находимъ въ нихъ, при всемъ ихъ различіи, общую основу. Это—люди новаго поколѣнія, воспитавшіеся на новыхъ формахъ жизни и воспринявшіе изъ общей атмосферы новыя идеи. То, чего мы не нашли у Анри Мишеля,—сознаніе, что самое понятіе свободы испытало извѣстную эволюцію—съ ясностью выражается у этихъ авторовъ. Ихъ интересно взять въ совокупности высказанныхъ ими взглядовъ, чтобы сдѣлать общіе выводы о новомъ французскомъ либерализмѣ. Это не будетъ характеристика школы, такъ какъ перечисленные писатели принадлежатъ къ различнымъ направленіямъ; но это будетъ нѣчто большее,—характеристика новаго жизненнаго теченія, сказывающагося у различныхъ лицъ, подъ вліяніемъ общаго поворота мысли

Первое, что представляется интереснымъ здѣсь отмѣтить, это—общность исходнаго положенія, объединяющаго всѣхъ авторовъ: всѣ они согласны въ томъ, что либерализмъ переживаетъ кризисъ. Ихъ статьи и носятъ всѣ одинаковое заглавіе: „La crise du libéralisme“. Но всѣ авторы со-

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ оговориться, что во Франціи понятіе «либерализмъ» не покрываетъ собою, какъ въ Англіи, какой-либо партійной программы Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь идетъ о либерализмѣ, какъ объ общемъ политическомъ теченіи, исходящемъ изъ индивидуалистическихъ началъ и пріемлемомъ съ точки зрѣнія всѣхъ партій, раздѣляющихъ эти начала. Въ этомъ именно смыслѣ понимаютъ его авторы, на которыхъ я ссылаюсь ниже.

гласны также и въ томъ, что этотъ кризисъ не есть смерть либерализма вообще: это замѣна одного либерализма другимъ, стараго новымъ. Умираетъ тотъ либерализмъ, который они называютъ: le vieux libéralisme [1]), l'antique libéralisme [2]). Но на мѣсто его рождается новый, соотвѣтствующій демократическимъ требованіямъ времени. Въ происходящемъ конфликтѣ идей обнаруживаются „естественные симптомы демократической эволюціи и новыя завоеванія свободы". Современный кризисъ либерализма не есть только столкновеніе идеи свободы съ принципомъ власти: „онъ коренится болѣе глубоко—въ эволюціи самой идеи свободы, въ борьбѣ различныхъ опредѣленій, которыя могутъ быть сдѣланы относительно этой идеи" [3]). Поэтому крушеніе старой либеральной партіи не есть крушеніе либерализма; напротивъ, новыя требованія не оставляютъ, а укрѣпляютъ дѣло свободы [4]). „Провозглашая политическую и гражданскую свободу или равенство всѣхъ передъ закономъ, французская революція уничтожила несомнѣнно самыя ненавистныя и самыя очевидныя формы феодальной и монархической несправедливости и тиранніи. Старая либеральная партія заключила тогда, что этимъ самымъ обезпечена для всѣхъ цѣлостная и неприкосновенная свобода, которая, какъ безусловная метафизическая сущность, можетъ быть реализована сразу. Надо было отрѣшиться отъ этой грубой иллюзіи, и уже давно не воображаютъ болѣе, что ночь 4 августа возвратила людей въ химерическое естественное состояніе" [5]). Ошибка стараго либерализма заключалась въ томъ оптимизмѣ и фатализмѣ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на происходящую жизненную борьбу. Но теперь „несомнѣнно всѣ отдали себѣ отчетъ, болѣе или менѣе ясный,

---

[1]) Parodi, La crise du libéralisme. Rev. de Mét et. de Mor. T. 10. 1902. P 777.

[2]) Lanson, A propos de la crise du libéralisme, ibid p. 763

[3]) Parodi, l c. pp. 777, 773 Jacob, La crise du libéralisme, Rev. de Met. et de Mor. T. 11. 1903. P. 100.

[4]) Lanson, A propos de la crise du libéralisme, l. c pp 748—750.

[5]) Parodi. l. c. p. 777.

въ томъ, что конкуренція между равными индивидами, предположенная доктриной, всегда была не чѣмъ инымъ, какъ миѳомъ. Никогда не видѣли на экономической почвѣ индивидовъ, борющихся безоружными и предоставленныхъ собственнымъ силамъ; всегда одни входили въ состязаніе со щитомъ и копьемъ, тогда какъ другіе имѣли только свои руки" [1]). Индивидуализмъ въ старомъ смыслѣ слова это— „царство сильныхъ, блескъ свободы сильныхъ". „Подъ благожелательными взорами государства каждый беретъ свою часть, толкаетъ, давитъ, захватываетъ, что можетъ" [2]). Согласно требованіямъ новаго либерализма государство не должно оставаться нейтральнымъ: „оно должно вмѣшиваться въ общественныя отношенія и регламентировать извѣстныя категоріи дѣйствій, которыя ранѣе предоставлялись индивидуальному произволу". „Въ этой формѣ, ограничительной и сдерживающей, государственная дѣятельность остается, однако, либеральной по своей цѣли и своимъ результатамъ. Свободное государство не есть состояніе, въ которомъ сильные дѣлаютъ, что хотятъ въ мѣру своей силы; это— состояніе справедливости, въ которомъ общество сдерживаетъ свободу нѣкоторыхъ для того, чтобы охранить свободу всѣхъ" [3]).

Мы видимъ, что въ этомъ разграниченіи стараго и новаго либерализма французскіе писатели повторяютъ опредѣленія, которыя намъ знакомы уже изъ предшествующей характеристики современныхъ англійскихъ воззрѣній. Изъ дальнѣйшаго развитія ихъ взглядовъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, что и то новое понятіе свободы, которое они предлагаютъ, совпадаетъ съ опредѣленіемъ англійскихъ либераловъ. Они также берутъ свободу „въ смыслѣ болѣе широкомъ и такъ сказать менѣе историческомъ", внѣ связи съ традиціонными опредѣленіями либеральной партіи, и въ качествѣ основы каждой партіи, которая стремится реали-

[1]) Bouglé, La crise du libéralisme, p. 635. Ср. Parodi, l. c. p. 777.
[2]) Lanson, l. c, p. 760.
[3]) Parodi, l. c., p. 777, Lanson, l. c., p. 761.

зовать свободу какъ можно шире, которая хочетъ сдѣлать свободнымъ и человѣчнымъ каждаго члена человѣческаго рода. „Вслѣдствіе этого можетъ показаться, что этотъ новый либерализмъ принимаетъ иногда свободу скорѣе за цѣль, чѣмъ за средство, что онъ менѣе озабоченъ юридическимъ пониманіемъ свободы и ея формами, чѣмъ ея философскимъ пониманіемъ и ея общественнымъ осуществленіемъ, и, наконецъ, что онъ менѣе уважаетъ капризы и фантазіи отдѣльнаго лица, потому что онъ ставитъ выше ихъ права человѣческой личности.—Вся проблема, какъ и тайна двойственности въ идеѣ свободы, заключается въ слѣдующемъ: измѣряется ли степень свободы въ данномъ обществѣ максимумомъ правъ, теоретически предоставленныхъ отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы на дѣлѣ этими правами могло пользоваться меньшинство привилегированныхъ, или же эта степень измѣряется наибольшей суммой правъ и дѣйствительныхъ возможностей, въ равной мѣрѣ гарантированной для всѣхъ“ [1]). „Отъ чисто внѣшняго и фарисейскаго пониманія свободы и равенства... совершился переходъ къ пониманію болѣе полному и глубокому: а именно къ идеѣ цѣлостной реализаціи человѣческой личности въ каждомъ человѣческомъ существѣ“ [2]). Свобода равная для всѣхъ [3]) — вотъ требованіе новаго либерализма, который стремится подчеркнуть въ этомъ требованіи не формальное признаніе свободы, а ея дѣйствительное осуществленіе.

Такимъ образомъ и здѣсь снова воспроизводятся тѣ же опредѣленія, которыя мы встрѣчали у англійскихъ писателей. Какъ тамъ свобода получала свое расширеніе подъ вліяніемъ идеи равенства, такъ и здѣсь эволюція понятія свободы, о которой говорятъ французскіе авторы, есть результатъ уравнительнаго демократическаго процесса. Они не могутъ принять свободы, выражаясь словами од-

---

[1]) Parodi, l. c, pp. 774—775.

[2]) Parodi, l. c., p. 782.

[3]) Lapie, La crise du liberalisme. Rev de Met. et. de Mor. T. 10 1902. P. 765. Lanson, l. c, p. 760

ного изъ нихъ, — „безъ всеобщности, т. е. безъ равенства и справедливости“ [1]). Но не менѣе чѣмъ англійскіе либералы, сторонники новаго либерализма во Франціи стоятъ за понятіе свободы и принципъ личности, и въ уваженіи къ этому принципу видятъ и основу, и руководящую цѣль государственной дѣятельности.

Необходимо наконецъ указать и еще одно очень важное сходство между англійскими и французскими либералами нашего времени: у тѣхъ и у другихъ мы находимъ одинаковое сознаніе безконечной сложности новаго идеала свободы. Придя къ идеалу болѣе полному и глубокому, чѣмъ прежнее „внѣшнее и фарисейское“ пониманіе свободы, французскіе писатели спѣшатъ прибавить: „признаемъ впрочемъ, что свобода, понятая такимъ образомъ, есть не болѣе какъ идеалъ отдаленный и безъ сомнѣнія неосуществимый въ своей полнотѣ, — идеалъ, который сливается съ идеями самой справедливости и совершеннаго разума“ [2]). Интересно отмѣтить, что эти слова принадлежатъ Пароди, — тому изъ цитированныхъ мною авторовъ, который отличается наибольшей опредѣленностью и рѣшительностью въ развитіи новыхъ понятій. Еще болѣе скромности высказываетъ другой изъ сотрудниковъ философскаго журнала, писавшихъ по тому же вопросу, — Жакобъ. Онъ готовъ думать, что современный кризисъ либерализма существуетъ въ самомъ либеральномъ сознаніи (dans la conscience même du libéral“). „Почти въ каждомъ изъ насъ живетъ два человѣка,—теоретикъ, болѣе и болѣе смѣлый по мѣрѣ того, какъ онъ философствуетъ съ возрастающей свободой, и человѣкъ дѣйствія, болѣе и болѣе скромный въ своихъ ближайшихъ ожиданіяхъ, по мѣрѣ того, какъ онъ узнаетъ лучше осязаемый міръ, эту матерію, сопротивляющуюся идеѣ, какъ говорили Платонъ и Аристотель. Существуетъ огромное разстояніе между тѣмъ, что мы считаемъ жела-

---

[1]) Lanson, l. c., p. 763
[2]) Parodi, l. c., p. 782

тельнымъ, и тѣмъ, что намъ кажется осуществимымъ, и это касается одинаково какъ экономическихъ отношеній, такъ и духовныхъ. Въ экономическомъ строѣ, работая какъ можно лучше надъ тѣмъ, чтобы подготовить условія, которыя сдѣлаютъ возможнымъ лучшее общество, мы должны остерегаться грубо толкать существующее общество, потому что, какъ часто заявлялъ одинъ изъ самыхъ проницательныхъ умовъ нашего времени Жоресъ, „нѣтъ механизма совершенно налаженнаго и способнаго предложить народу готовый коммунизмъ“, и потому что, какъ онъ же говорилъ, „не средства дѣйствія не хватаютъ пролетаріату, а пролетаріатъ не хватаетъ средствамъ дѣйствія“. Точно также и въ мірѣ духовномъ, въ области образованія, употребляя лучшую энергію нашего разума и нашего сердца, чтобы образовать свободные и твердые умы, которые превосходствомъ ихъ нравственной жизни докажутъ безполезность духовнаго владычества церкви, мы не должны употреблять усилія для того, чтобы оторвать отъ вліянія этой церкви семьи, остающіяся преданными ей“ [1]).

Въ словахъ Жакоба нетрудно прочесть то самое опасеніе, которое, какъ мы видѣли ранѣе, высказываетъ и Самюэль: это—опасеніе *перейти границу*, за которой мѣры, направленныя къ утвержденію свободы, обратятся въ ея нарушеніе. Изъ самаго существа этихъ мѣръ, предназначенныхъ къ созданію условій для развитія свободы, при помощи извѣстнаго уравненія положеній, вытекаетъ опасность провести это уравненіе далѣе, чѣмъ это допускается и требуется идеей свободы. А между тѣмъ, если уравненіе положеній не должно переходить въ то матеріальное равенство, образъ котораго такъ устрашающе ярко нарисованъ Бабефомъ, оно не можетъ итти далѣе исходнаго пункта. Облегчая свободѣ ея осуществленіе, оно не должно убивать ея творческой энергіи и ея индивидуальныхъ проявленій. Представители современнаго либерализма чув-

[1]) Jacob, l. c., pp. 119—120.

ствуютъ тѣ огромныя затрудненія, которыя приноситъ съ собой новое пониманіе свободы, и въ этомъ, какъ вѣрно указываетъ Жакобъ, заключается неизбѣжный кризисъ, присущій самому либеральному сознанію.

Политика французскаго правительства въ его борьбѣ съ клерикализмомъ представила какъ разъ такой случай, гдѣ съ очевидностью обнаружилась указанная опасность новаго либерализма. Если старый либерализмъ, горячо стоявшій за свободу, отстаивалъ ее противъ государства, вмѣшательству котораго въ жизнь онъ не довѣрялъ, либерализмъ современный для осуществленія своего идеала свободы требуетъ государственнаго содѣйствія, которое онъ считаетъ благодѣтельнымъ. На этой почвѣ довѣрія государству создается настроеніе, выражающее мысль о безполезности самаго либеральнаго принципа, считающее его, какъ говоритъ Бугле, „запоздалымъ кокетствомъ“. Этотъ принципъ могъ быть полезенъ, чтобы помочь народу сломить узду традицій авторитета; но теперь, когда народъ самъ себѣ господинъ, когда его задача состоитъ въ томъ, чтобы „организоваться“, а не только въ томъ, чтобы эмансипироваться, свобода мыслить безъ сдержекъ и границъ была бы скорѣе стѣсненіемъ. Она сдѣлала бы невозможной жизнь новому обществу [1]). Само собою разумѣется, что либералы, защищавшіе закрытіе церковныхъ ассоціацій и школъ, не говорили такимъ языкомъ, но ихъ языкъ не менѣе интересенъ. Оставаясь на точкѣ зрѣнія либерализма, они хотѣли и эти правительственныя мѣры оправдать требованіями свободы; но здѣсь-то и обнаруживалась вся сложность того положенія, которое они заняли. „Либеральное общество,—говорили они,—не можетъ внушать своего credo; оно не можетъ ни подавлять, ни осуждать, ни приводить къ молчанію никакую доктрину; оно должно сдѣлать возможнымъ обнаруженіе каждаго вѣрованія, но оно должно также сдѣлать возможнымъ сравненіе между

[1]) Bouglé, l. c., p. 638.

вѣрованіями и выборъ между ними". Соглашаясь съ формулой, требующей предоставить людямъ свободно говорить, думать и просвѣщать другъ друга при помощи всеобщаго обмѣна мыслей, они прибавляли къ ней оговорку: „подъ условіемъ, чтобы люди предварительно сдѣлались способными мыслить и спорить, и видѣть, гдѣ находится свѣтъ" [1]). Предполагая, что воздѣйствіе церкви, влагающей свои ученія въ молодыя души, лишаетъ ихъ необходимой свободы мысли и препятствуетъ дѣлать сравненіе и выборъ между различными системами воззрѣній, либералы требовали вмѣшательства государства въ постановку образованія и послѣдовательно проведеннаго контроля надъ школой. Но стѣсняя преподаваніе церкви въ цѣляхъ всеобщаго освобожденія мысли, проводя и въ эту область требованіе свободы равной для всѣхъ, не считали ли они въ данномъ случаѣ рѣшеннымъ вопросъ о томъ, „гдѣ находится свѣтъ?" Не считали ли они себя обладателями истины, которая одна можетъ сдѣлать людей свободными? Странно сказать, но именно въ такомъ положеніи оказались французскіе либералы въ спорѣ съ клерикализмомъ. Тотъ самый Пародп, котораго мы назвали выше наиболѣе послѣдовательнымъ изъ участниковъ излагаемаго спора, оставилъ цѣнное свидѣтельство этой увѣренности либерализма въ собственной непогрѣшимости, доходящей до забвенія самаго принципа свободы. Отстаивая необходимость для каждаго отдѣльнаго лица признавать надъ собой извѣстныя интеллектуальныя и моральныя узы, Пародп замѣчаетъ: „въ каждый моментъ человѣческой эволюціи есть извѣстная совокупность идей, чувствованій и практическихъ правилъ, которыя представляются намъ какъ болѣе или менѣе опредѣленныя пріобрѣтенія прошлаго; нѣтъ никакой необходимости подвергать ихъ оспариванію передъ дѣтьми, потому что они не представляютъ болѣе острыхъ проблемъ ни для зрѣлаго человѣка, ни для эпохи, въ которой онъ призванъ жить

[1]) Parodi, l. c., pp. 780, 777

Это—какъ бы сокровище всеобшаго опыта, плодъ единодушнаго и согласнаго сотрудничества всѣхъ, которые жили и думали до насъ на земномъ шарѣ: мы должны доставить ребенку возможность пользоваться имъ, а не побуждать къ тому, чтобы растратить". Считая необходимымъ, чтобы образованіе было построено на этомъ культурномъ фундаментѣ, какимъ онъ считаетъ свободную свѣтскую мысль, Пароди предвидитъ однако возраженіе, что и эту мысль можно признавать спорной. „Быть можетъ скажутъ, что въ человѣчествѣ не существуетъ ни одной идеи, ни одного практическаго правила, которыя не были бы оспариваемы? Но это значило бы, можетъ быть, итти противъ фактовъ: съ точки зрѣнія спекулятивной наука есть не что иное, какъ сокровищница идей испытанныхъ и имѣющихъ вѣроятность, равносильную съ достовѣрностью: а съ точки зрѣнія дѣйствія, если основаніе и оправданіе долга и есть продуктъ вѣчныхъ споровъ, то великія формы его примѣненія, вопреки всему, являются предметомъ согласія, достаточнаго для того, чтобы въ каждую эпоху можно было безъ серьезнаго безпокойства обучать имъ и прививать ихъ каждому отдѣльному человѣку... Довольно того, чтобы свѣтское образованіе оставалось дисциплиной освобождающей, чтобы оно не внушало въ качествѣ истины и догмы никакого мнѣнія общественно-сомнительнаго (socialement douteuse), т.-е. такого, которое представляетъ предметъ обсужденія или изслѣдованія для настоящаго общества" [1]).

Рѣчь шла до сихъ поръ о дѣтяхъ, которымъ надо прививать свободную мысль. Но если съ этимъ не согласны отцы? Пароди, съ точки зрѣнія единой непогрѣшимой культуры свѣтскаго свободомыслія, отвѣчаетъ на это безъ особыхъ колебаній. „Если безспорно, что развитіе разума и эмансипація личности являются какъ бы условіемъ и первымъ средствомъ для каждаго усилія, направленнаго къ

---

1) Parodi, Encore la crise du libéralisme. T. II. 1903. Pp. 271—272.

осуществленію чаяній современнаго общества, развѣ этого не достаточно? Какой отецъ осмѣлится открыто признаться, хотя бы онъ и думалъ это въ глубинѣ сердца, что онъ не заботится для своего ребенка о культурѣ разума, о привычкѣ размышлять, прежде чѣмъ дѣйствовать, объ интеллектуальной искренности, о чувствѣ прямомъ и здравомъ? И затѣмъ, по какому праву отецъ семейства будетъ навязывать своимъ дѣтямъ, будетъ навязывать государству свое узкое и эгоистическое пониманіе счастья или индивидуальнаго благополучія? Если мы имѣемъ иной идеалъ для человѣчества, не будетъ ли это наше право мирнымъ распространеніемъ идей и открытой и лойяльной пропагандой безпокоить этотъ эгоизмъ, потрясать эту косность, смущать и даже скандализировать эти сознанія,—которыя ничего не боятся въ такой мѣрѣ, какъ пробудиться,—принудить, наконецъ, къ мысли, къ колебанію и къ выбору буржуазную трусость и индифферентность?“ [1]).

Прочтя это мѣсто, мы невольно вспоминаемъ знаменитую фразу Руссо: on le forcera d'être libre, его принудятъ быть свободнымъ. Употребивъ это слово—„принудить къ мысли“ (forcer à la pensée), Пароди и самъ чувствуетъ, что положеніе получилось сомнительное. Онъ спѣшитъ оговориться, что не имѣетъ въ виду „средствъ политическаго угнетенія, новой дрессировки, отрицательнаго деспотизма и клерикализма навыворотъ“; онъ хочетъ только мирной пропаганды. Мы видѣли однако, какимъ энергичнымъ языкомъ говоритъ эта „мирная“ пропаганда. Нельзя не видѣть, что за этимъ скрывается острая вражда и потребность борьбы съ католицизмомъ, „успѣхи и завоеванія котораго съ начала XIX столѣтія и по наши дни несомнѣнны, постоянны, угрожающи“. „Борьба открылась; надо показать себя очень разборчивымъ въ выборѣ средствъ; но было бы неблагоразумно и можетъ быть наивно разоружиться“ [2]).

---

[1]) Ibid., pp. 273—274.
[2]) Ibid., pp. 274—276.

Но если либерализмъ призывается къ тому, чтобы привести всѣхъ къ единой системѣ культуры, чтобы уравнять всѣхъ въ условіяхъ ихъ духовнаго развитія, что же станется съ своеобразіемъ лицъ, съ ихъ правомъ на оригинальное развитіе? У Пароди и на этотъ счетъ есть совершенно опредѣленный отвѣтъ: „быть самимъ собою,— говоритъ онъ,—и даже просто быть индивидуумомъ съ характеромъ свободно развитымъ, это никоимъ образомъ не значитъ уединяться отъ себѣ подобныхъ, отъ общности крови и разума, которые дѣлаютъ насъ причастными всѣмъ людямъ; это не значитъ отрѣзать всѣ наши связи съ обществомъ, въ которомъ мы живемъ, и съ обществомъ, которое насъ создало, съ собирательнымъ творчествомъ расы и рода, съ великой совокупностью всего человѣчества. Такая претензія не была бы только чрезмѣрной или химерической; собственно говоря, она не имѣла бы никакого смысла, она была бы нелѣпой". Этой претензіи индивидуализма „анархическаго и противорѣчиваго" Пароди противопоставляетъ систему воспитанія на основѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ связей, которыя, „пріобщая индивидуума къ усиліямъ прошлыхъ вѣковъ, дѣлаютъ его ихъ наслѣдникомъ, дѣлаютъ человѣкомъ". „Иными словами, дѣло цивилизаціи не должно начинаться все сызнова, съ основанія къ вершинѣ, для каждаго поколѣнія и для каждаго новаго пришельца на нашей планетѣ": всегда, въ каждую эпоху можно найти совокупность опредѣленныхъ пріобрѣтеній прошлаго, которыя не подлежатъ спору [1]).

Мы указали выше [2]), какъ требованіе свободы, послѣдовательно проведенное, приводитъ къ протесту противъ равенства, противъ уравнивающей демократической культуры. Теперь мы пришли къ другому концу этой сложной діалектической цѣпи и видимъ, какъ требованіе равенства, послѣдовательно проведенное и нашедшее свое завершеніе

---

[1]) Parodi, l. c., pp. 270—271.

[2]) См. стр. 295.

въ идеѣ единой и равной для всѣхъ культуры, является основаніемъ къ протесту противъ свободы, въ смыслѣ своеобразнаго и оригинальнаго развитія индивидуальности. Быть самимъ собою, быть человѣкомъ съ свободно развившимся характеромъ, по мнѣнію французскаго писателя, возможно только на почвѣ той совокупности безспорныхъ пріобрѣтеній прошлаго, которыя объединяются въ системѣ господствующей культуры. Но вѣдь здѣсь забыто нравственное право личности отрываться отъ существующаго порядка, отъ духа прошлаго, отъ господствующей культуры, подвергать ихъ критикѣ и суду, предъявлять къ нимъ новыя требованія, раскрывающіяся личному сознанію въ его стремленіи къ высшей правдѣ. Въ опредѣленіяхъ Пароди, столь закругленныхъ и законченныхъ, столь свободно развертывающихся подъ его легкимъ перомъ, забыты противорѣчія, раздѣляющія культуру, и проистекающая отсюда невозможность построить систему свободы на почвѣ объединяющей всѣхъ культурной традиціи И странно сказать, они забыты именно потому, что онъ видѣлъ ихъ предъ собою; они устранены въ теоретическомъ построеніи, для того чтобы быть устраненными въ жизненной практикѣ. Пароди видитъ двѣ враждующихъ Франціи, deux Frances hostiles, раздѣленіе между которыми дѣлается все болѣе глубокимъ и угрожающимъ. Съ одной стороны, какъ онъ утверждаетъ, народные классы постепенно отрѣшаются отъ религіозныхъ вѣрованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ традиціонной морали и дисциплины; а съ другой, „по основаніямъ чисто практическимъ, вслѣдствіе классовыхъ предразсудковъ и эгоизма“, буржуазія снова приходитъ къ церкви, обращая все болѣе свои симпатіи и сожалѣнія къ прошлому. Наблюдая это раздѣленіе, Пароди, какъ многіе люди его направленія, тѣмъ болѣе горячо желаетъ объединить всю Францію на единой и равной для всѣхъ культурѣ. Онъ требуетъ „упорнаго усилія, чтобы дать нашей реакціонной и индифферентной буржуазіи общую душу и общія заботы съ народомъ, чувство однихъ и тѣхъ же затрудненій и про-

блемъ, одного и того же идеала истины и справедливости" [1]).

Это требованіе „общей души" для всѣхъ французовъ въ высшей степени характерно. Трудно было найти болѣе послѣдовательное выраженіе для инстинктивныхъ стремленій уравнительной демократической культуры Я долженъ здѣсь подчеркнуть то обстоятельство, что устами Пароди говоритъ не упрямый сторонникъ правительственной политики, а пылкій защитникъ свѣтской культуры и демократическаго строя. Въ своихъ горячихъ словахъ онъ выражаетъ лишь съ большей опредѣленностью то, что носится въ воздухѣ, что повторяютъ многіе. Бугле, сжато и мастерски противопоставившій въ своей статьѣ о кризисѣ либерализма всѣ доводы за и противъ системы единаго свѣтскаго образованія, передаетъ между прочимъ интересные доводы сторонниковъ этой системы [2]). Указывая на то, что для существованія каждаго общества необходимо единство, и развивая мысль объ условіяхъ этого единства, они говорятъ: „для того, чтобы организовать свое движеніе, обществу нуженъ единый центръ. Если бы отдѣльныя лица, которыя его составляютъ, координировались около различныхъ центровъ, если бы они признавали власти, находящіяся въ антагонизмѣ, если бы, однимъ словомъ, образовалось государство въ государствѣ, общество рисковало бы быть разорваннымъ, разсѣяннымъ и расколотымъ. Вотъ почему для совершеннаго осуществленія общественнаго единства къ сходству и подчиненію его членовъ должна присоединиться еще и концентрація..." „Если бы былъ осуществленъ либеральный идеалъ, согласно которому каждое отдѣльное лицо думало бы само по себѣ и имѣло бы свои собственныя идеи, не было ли бы это разруше-

---

[1]) Parodi, l. c., pp. 277—278.

[2]) Какъ говоритъ Бугле, подготовляя свою статью, онъ прочелъ «анкеты и документы, относящіеся къ свободѣ мысли, и рѣчи, произнесенныя въ палатѣ депутатовъ за и противъ закона объ ассоціаціяхъ, за и противъ свободы преподаванія», см. его статью, l c, p. 635. Note.

ніемъ единодушія, которое только и позволяетъ отдѣльнымъ членамъ понимать другъ друга и помогать другъ другу. Каждый думающій самъ по себѣ это то же, что каждый живущій самъ по себѣ. Всякое общее дѣйствіе становится невозможнымъ тамъ, гдѣ торжествуетъ этотъ интеллектуальный индивидуализмъ: начинается вавилонское столпотвореніе“ [1]).

Въ этомъ разсужденіи, основанномъ на идеѣ объединяющей и уравнивающей всѣхъ концентраціи, отрицаются самыя основы индивидуализма. Борьба за единство культуры, осложнившая во Франціи развитіе идей новаго либерализма, приводила нѣкоторыхъ *къ отрицанію свободы во имя равенства и единства*. Снова припоминаются здѣсь знаменитые лозунги Руссо. Когда современные французскіе дѣятели говорятъ о необходимости концентраціи и нравственнаго единства, они повторяютъ, сами того не подозрѣвая, основныя мысли „Общественнаго договора“. Еще разъ вдохновенныя прозрѣнія Руссо бросаютъ яркій свѣтъ на явленія политической жизни, и сами освѣщаются ими. Мечты Руссо о томъ, чтобы общество оставалось единымъ, мирнымъ и гармоническимъ—„pour que la société fut paisible et que l'harmonie se maintint“—достигала своего кульминаціоннаго пункта въ его требованіи, чтобы въ обществѣ все было сведено къ единому центру. Это не было противорѣчіе конца съ началомъ, какъ утверждаютъ обыкновенно, когда Руссо, начавъ свой трактатъ во имя свободы, кончалъ восхваленіемъ Гоббса, какъ „единственнаго изъ христіанскихъ авторовъ, который видѣлъ и зло, и средство къ его исцѣленію“ (L. IV, ch. VIII). Для Руссо—съ точки зрѣнія его пониманія личности и свободы,—было вполнѣ послѣдовательно настаивать вмѣстѣ съ Гоббсомъ, „чтобы все было сведено къ политическому единству, безъ котораго ни государство, ни правительство никогда не будутъ хорошо устроены“. Ибо, какъ читаемъ далѣе, — „все, что

---

[1]) Bougle, l. c., pp. 639–640.

нарушаетъ общественное единство, никуда не годится; всѣ установленія, которыя приводятъ человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собою, никуда не годятся". Привести же общество и человѣка къ единству возможно лишь при помощи подчиненія всѣхъ единой общей волѣ, въ которой каждый членъ общества находитъ самое чистое выраженіе своей личной воли, какъ единой и равной для всѣхъ общечеловѣческой сущности [1]). Отсюда рѣзкіе протесты противъ христіанской религіи, отвлекающей человѣка отъ земли, противъ самостоятельной организаціи духовенства, создающей повсюду, гдѣ она есть, двѣ суверенныхъ власти. Отсюда и требованіе, чтобы политическое единство было также единствомъ нравственнымъ, закрѣпленнымъ общей для всѣхъ гражданской религіей. Руссо сознавалъ, что безъ такого нравственнаго объединенія желанная гармонія не будетъ достигнута, что безъ него общественная жизнь, какъ и теперь, будетъ полна противорѣчій. Но въ этомъ требованіи, какъ и въ современномъ стремленіи къ нравственной концентраціи, сказывается отраженіе многовѣковой борьбы свѣтской власти съ духовной. Поборники свѣтскаго государства, для того, чтобы довести до конца дѣло побѣды, часто не видѣли иного исхода, какъ надѣлить государство такой же нравственной властью, водворяющей гармонію въ отношеніяхъ при помощи созданія гармоніи душъ. Это было своеобразное воспроизведеніе средневѣковаго теократическаго идеала въ новомъ образѣ свѣтскаго государства. Тутъ повторяется та же заманчивая мечта успокоить и общество, и человѣка, приведя ихъ къ высшему единству духа, уничтоживъ то, что ставитъ ихъ въ противорѣчіе съ самими собою. Когда въ современной Франціи снова носятся въ воздухѣ эти идеи:

---

[1]) Я думаю, что высказанный мною выше взглядъ на идею общей воли у Руссо находитъ свое окончательное подтвержденіе въ главѣ «о гражданской религіи» (L. IV, ch. VIII). Вмѣстѣ съ тѣмъ съ помощью этого взгляда легко объясняется и эта загадочная глава, которая, согласно традиціонному толкованію считается противорѣчащей исходнымъ началамъ трактата.

„l'unité morale du pays", „la laïcité intégrale", мы видимъ, какъ мысли Руссо о гражданской религіи оживаютъ на нашихъ глазахъ, проникаютъ въ парламентскіе документы, стремятся перейти въ дѣйствительность [1]). И не знаменательно ли, что новѣйшій комментаторъ „Общественнаго договора" Болавонъ весь проникнутъ его идеями и высказываетъ убѣжденіе, что эти идеи — наканунѣ своего возрожденія [2]). Очень вѣрно характеризуя синтезъ Руссо, какъ „примиреніе индивидуальной свободы съ политической при помощи идеи равенства", Болавонъ рекомендуетъ изученіе „Contrat social" всѣмъ, кто „одушевленъ демократическимъ духомъ". Увлеченный идеями Руссо, онъ недостаточно проникся опытомъ XIX столѣтія, обнаружившимъ всю недостаточность этого синтеза, онъ не видитъ, что идея равенства не столько примиряетъ индивидуальную свободу съ политической, сколько сливаетъ ихъ воедино. Но тамъ, гдѣ слышатся призывы къ возрожденію Руссо, должны послѣдовать и предостерегающія указанія въ духѣ Бенжамена Констана и Токвиля. И дѣйствительно, въ отвѣтъ на требованія концентраціи и моральнаго единства раздался и голосъ истиннаго либерализма, возставшій на защиту правъ личности. Несомнѣнно, говорили нѣкоторые, что образованіе государства въ государствѣ есть смертельная опасность, противъ которой надо бороться. Но надо ли для этого уничтожать частныя общества? „Наши величайшіе политическіе теоретики отъ Бенжамена Констана и до Токвиля намъ напоминали: тамъ, гдѣ предъ лицомъ центральной власти не встрѣчается ничего болѣе кромѣ людской пыли, свободенъ путь къ деспотизму" [3]). „Не является ли это химерой ожидать отъ государства,

---

[1]) См. въ особенности докладъ Тезара, одно изъ предвѣстій законовъ Комба Journal officiel, docum. parlem., Senat, sess. ordin. 1903

[2]) См. J. J. Rousseau, Du Contrat social. Nouvelle édition par Georges Beaulavon. Paris, 1903. Pp. 95—96 По поводу догматовъ гражданской религіи Болавонъ выражаетъ робкое сомнѣніе (p 330, note 1), но тѣ идеи, которыя онъ отстаиваетъ, приводятъ только къ иной формѣ той же религіи.

[3]) Bouglé, l c., p. 649.

т.-е. отъ правительства, т.-е. отъ партіи, находящейся у власти, возстановленія нашего моральнаго единства. Поскольку единство самопроизвольное, единеніе черезъ свободу является плодотворнымъ, постольку единство вынужденное, единеніе черезъ власть, является безплоднымъ и какъ бы преданнымъ проклятію. Требовать отъ государства возстановить единство душъ,—силою, если нужно,— это значитъ передать государству митру и жезлъ, это значитъ преобразовать его въ церковь. Это означаетъ несомнѣнно содѣйствовать реставраціи новаго клерикализма, который будетъ говорить во имя разума, науки и свободы, но который не будетъ, можетъ быть, ни менѣе догматичнымъ, ни менѣе нетерпимымъ, чѣмъ прежній“ [1]).

Къ этимъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ словамъ не многое можно прибавить. Несомнѣнно, что объединеніе лицъ въ обществѣ требуется не только принципомъ государственнаго единства, но и условіями культурнаго развитія. Всякая система культуры предполагаетъ процессъ совмѣстной работы, общаго сотрудничества и собирательнаго творчества, и въ этомъ смыслѣ всякая система культуры есть включеніе отдѣльныхъ лицъ въ общую цѣпь,

---

[1]) Ibid, p. 651. Однохарактерныя идеи были высказаны во французской литературѣ и другими писателями. Такъ, напримѣръ, остроумную критику современнаго стремленія къ „моральному единству страны“ можно найти въ книгѣ Emile Faguet, Le Libéralisme. Paris, 1903. Pp. 128—169. Почтенный академикъ, конечно, слишкомъ обостряетъ свою полемику противъ французскаго строя, утверждая, что во Франціи вовсе нѣтъ свободы („La France est un pays républicain, qui n'a aucune liberté“, p. 306, ср. p. 307) и что у французовъ нѣтъ въ крови стремленія къ либерализму (p. 332); но его критика, направленная противъ стѣсненій свободы преподаванія, вполнѣ основательна Нельзя не упомянуть здѣсь также ряда статей, помѣщенныхъ въ журналѣ: „Revue politique et parlementaire“, за 1903 и 1904 гг. Тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ послѣднемъ томѣ журнала за 1903 годъ, подъ заглавіемъ La crise de l'„Anticléricalisme“, начинаются съ прямой ссылки на изложенныя нами статьи изъ „Revue de Métaphysique et de Morale“. Въ этомъ обмѣнѣ мнѣній приняли участіе такіе видные дѣятели, какъ Dupuy, Goblet, Buisson, Denys Cochin. Эти статьи не прибавляютъ однако ничего новаго къ формулированію тѣхъ принципіальныхъ разногласій, которыя намъ извѣстны по разъясненіямъ сотрудниковъ философскаго журнала.

подчиненіе частныхъ усилій высшему единству общихъ цѣлей. Но слѣдуетъ ли отсюда, что въ этомъ движеніи впередъ участники культурной работы должны итти въ ногу, подобно солдатамъ въ строю, повинуясь общей командѣ? Единство культурной работы проистекаетъ не изъ единообразія сходныхъ усилій, а изъ многосложныхъ и разнообразныхъ теченій, иногда противорѣчивыхъ и противодѣйствующихъ другъ другу, но въ общемъ находящихъ свое объединеніе въ послѣдовательномъ развитіи исторіи. Создать „общую душу“ націи, какъ объ этомъ говоритъ Пароди, вѣдь это значитъ предполагать, что коллективное цѣлое можетъ ее имѣть, или по крайней мѣрѣ что всѣ могутъ признать за свою ту душу, которую захотятъ вдохнуть въ нихъ руководители. Но,—скажемъ мы вмѣстѣ съ русскими авторами, недавно столь хорошо писавшими на тему объ отношеніи личности и культуры,—„если личности могутъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ объединиться, согласовать свои желанія, дѣйствія и идеалы, то онѣ не могутъ никому делегировать всю свою душу, не могутъ никому отчуждать безъ остатка все свое право на культурное творчество и всѣ силы для него.. Мудрѣйшее правительство не сосредоточиваетъ въ себѣ всей культуры своего времени и не исчерпываетъ всего культурнаго богатства, содержащагося и рождающагося въ душахъ личностей. Собирательная культура народа и человѣчества всегда выше, полнѣе и богаче культуры руководителей, и эта общая культура по самому существу дѣла можетъ зрѣть и развиваться только путемъ неорганизованнаго броженія, путемъ столкновенія духовныхъ силъ и стремленій. Дисциплина, организуя и упорядочивая подвластную ей часть культурнаго творчества, вмѣстѣ съ тѣмъ отбрасываетъ въ послѣднемъ все, несоотвѣтствующее ея задачѣ, т.-е. сужаетъ его и дѣлаетъ болѣе скуднымъ. Для того, чтобы оно не умерло и не заглохло, ему необходимы просторъ и свобода, необходимо, чтобы этимъ свободнымъ развитіемъ оно питало и обновляло

также ту свою часть, которая подчинена порядку и организаціи“ [1]).

Мы говорили выше объ антагонизмѣ между потребностями индивидуальнаго развитія лицъ и общимъ ходомъ культурнаго развитія. Теперь мы снова встрѣчаемся съ этимъ антагонизмомъ. Сотрудники французскаго журнала, которыхъ мнѣнія мы излагали, поддерживаютъ не мѣры своего правительства, а прежде всего уравнительныя тенденціи культуры, стремящейся у всѣхъ создать общую душу. Передъ нами обнаруживается здѣсь не только опасная сторона новаго либерализма, развивающагося на почвѣ всеохватывающей демократизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое жизненное противорѣчіе, коренящееся въ общихъ условіяхъ человѣческаго прогресса, въ общихъ законахъ культуры. Въ томъ стремленіи къ моральному единству и къ концентраціи, о которыхъ мы говорили выше, государство играетъ отраженную, хотя и могущественную роль: тутъ происходитъ борьба двухъ культуръ, вызывающая у новой правящей демократіи жажду побѣды, потребность преодолѣнія и господства. Такъ создается утопія всепроникающаго моральнаго единства націи, въ которой въ концѣ концовъ личность приносится въ жертву отвлеченному идеалу. Мы снова слышимъ возгласъ Руссо: on le forcera d'être libre, и для встревоженныхъ умовъ этотъ возгласъ можетъ показаться угрожающимъ будущности человѣческаго развитія. Однако, здѣсь мы должны повторить то, что уже сказали ранѣе. Какъ страхи Милля передъ надвигающимся на Европу китайскимъ однообразіемъ оказались ложными, такъ и эти угрозы привести всѣхъ къ единству общеобязательнаго пониманія истины и справедливости несомнѣнно окажутся пустыми. Пылкіе теоретики могутъ создавать въ своемъ воображеніи химеру всеобщаго единодушія подъ властью новаго демократическаго государства, но этотъ клерикализмъ навыворотъ еще менѣе

[1]) Статья П. Струве и С. Франка: „Очерки философіи культуры“ въ журн. „Полярная Звѣзда“ № 3. 1905 г.

будетъ въ состояніи утвердить въ мірѣ безпрекословное повиновеніе, чѣмъ тотъ настоящій клерикализмъ, который былъ безконечно болѣе могущественнымъ и имѣлъ дѣйствительную власть надъ душами. Государство не властно уничтожить законовъ культурнаго развитія, отъ которыхъ страдаетъ личность въ своемъ стремленіи къ обособленію, но оно не властно также искоренить этого стремленія личности къ индивидуальному развитію, ибо это стремленіе, какъ мы говорили объ этомъ ранѣе, есть не только неистребимая потребность человѣческой души, но и неизбѣжное послѣдствіе культуры.

VII. Идея общественнаго воспитанія. Доктрина солидарности.

Въ развитіи идей новаго французскаго индивидуализма мы до сихъ поръ оставили неотмѣченной еще одну существенную особенность его, которую теперь необходимо выдвинуть и подчеркнуть, при переходѣ къ дальнѣйшему изложенію. Въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ французскихъ писателей о сложности новыхъ политическихъ проблемъ сказывается убѣжденіе, что средства политики встрѣчаются въ жизни съ величайшими затрудненіями: въ привычныхъ взглядахъ и сложившихся убѣжденіяхъ, въ совокупности тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ духовный обликъ человѣка въ данную эпоху развитія, государство находитъ непреодолимую преграду къ осуществленію новыхъ задачъ. Отсюда естественно было заключить, что для осуществленія этихъ задачъ недостаточно изданія новыхъ законовъ и преобразованія существующаго права: необходимо перевоспитаніе человѣка въ духѣ новыхъ общественныхъ идей. И дѣйствительно, изучая политическія идеи современной Франціи, мы приходимъ къ убѣжденію, что мысль о необходимости подготовить людей воспитаніемъ къ новымъ формамъ жизни становится въ настоящее время руководящей для самыхъ различныхъ политическихъ партій. Въ

1906 году во время знаменитаго спора съ Жоресомъ въ палатѣ депутатовъ Клемансо произнесъ слова, которыя составляютъ, можно сказать, credo современной французской политики. Возражая противъ идеи мгновеннаго пересозданія общества путемъ новыхъ учрежденій, онъ говорилъ: „ваши концепціи фатально грѣшатъ въ одномъ пунктѣ: человѣкъ, который понадобится вамъ для реализаціи вашего общества, еще не существуетъ, даже если бы ваши теоріи осуществились. А когда этотъ новый человѣкъ явится, если ему суждено вообще существовать, онъ воспользуется собственнымъ разумомъ и устроится по своему благоусмотрѣнію, не сообразуясь съ путемъ, который вы ему предначертали. Вы беретесь прямо за созиданіе будущаго; мы же создаемъ человѣка, который создастъ будущее; наше чудо гораздо величественнѣе вашего. Мы не фабрикуемъ человѣка спеціально для нашего общественнаго строя; мы беремъ его, какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ первобытной пещеры, съ его жестокостью, съ его добротой, съ эгоизмомъ и съ альтруизмомъ, съ его личными страданіями и съ тѣми страданіями, которыя онъ причиняетъ себѣ подобнымъ Мы беремъ его со всѣми его слабостями, противорѣчіями, ощупью бредущаго къ неизвѣстному лучшему, и мы просвѣщаемъ его, выращиваемъ, искореняемъ въ немъ зло и укрѣпляемъ его въ добрѣ, мы его освобождаемъ и ведемъ по пути высшей справедливости“.—„Безъ воспитанія демократіи соціальное освобожденіе ея остается пустымъ звукомъ. Она могла бы на одинъ день добиться власти и скоро увидѣла бы себя низвергнутой въ бездну; всѣ наши реформы были бы недолговѣчны, если бы намъ не удалось усовершенствовать, улучшить человѣка, внѣдрить въ него демократическія чувства“ [1]). Высказывая эти идеи, Клемансо ставилъ ихъ въ связь съ принципами индивидуализма, провозглашенными французской революціей. Какъ тогда про-

[1]) Journal officiel du 20 juin 1906. Chambre des députes. Session ordinaire. P. 2008 См. переводъ въ журн. „Русск. Мысль“. Декабрь 1907 г Стр. 159—160

возгласили права человѣка, свободу и господство личности, такъ и теперь „идеаломъ является красота личности, пышный расцвѣтъ ея въ общественной средѣ, которая управляетъ личностью единственно въ цѣляхъ ея развитія". „Нашъ идеалъ — говорилъ онъ Жоресу, — возвеличить человѣка, дѣйствительность, а не мечту, тогда какъ вы замыкаетесь, увлекая за собой и человѣка, въ узкой области анонимнаго коллективнаго абсолютизма" [1]).

Это убѣжденіе, что *прежде всего нужно усовершенствовать человѣка,* въ наши дни встрѣчается въ разныхъ выраженіяхъ у самыхъ различныхъ писателей. Анатоль Леруа-Болье хорошо выразилъ эту общую вѣру въ слѣдующихъ словахъ: „чтобы улучшить политическое положеніе народа, надо реформировать и усовершенствовать не только его учрежденія, но прежде всего людей, гражданъ, самъ народъ" [2]). Этотъ лозунгъ: „avant tout les hommes, les citoyens, le peuple lui-même" — повторяется одинаково и практическими политиками, и отвлеченными мыслителями. У Клемансо мы видѣли этотъ лозунгъ въ качествѣ основной идеи правительственной политики, у Сеайля, философа современнаго свободомыслія, мы находимъ его въ видѣ руководящей истины нравственнаго сознанія. Когда онъ говоритъ о необходимости утвердить дѣло свободы внутри себя, создать самого себя, возвысившись къ достоинству человѣческой личности, [3]) онъ лишь повторяетъ ту самую мысль, которую въ своемъ трудѣ: „Éducation ou révolution" онъ выразилъ словами, что демократія прежде всего должна быть воспитаніемъ.

---

[1]) Ср. съ этимъ его основное опредѣленіе въ публицистическихъ очеркахъ „La mêlée sociale". Paris 1908. P. 277: „Je prétends que toute l'organisation sociale doit aboutir à cette fin unique: l'homme dans son complet épanouissement. Je prétends que l'Etat social est fait pour l'individu, non l'individu pour l'Etat social".

[2]) Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1898. T. XLIX P. 450.

[3]) Gabriel Séailles, Les affirmations de la conscience moderne 3-me éd Paris 1906. Pp. 132—135.

Мысль о значеніи общественнаго воспитанія не является новою во французской политической литературѣ. Со времени Токвиля она не разъ повторялась писателями, предвидѣвшими неизбѣжность демократіи и желавшими дать ей наилучшее направленіе. Задолго до Сеайля извѣстный въ свое время либеральный писатель Вашро говорилъ о воспитаніи, какъ о лозунгѣ, къ которому сводятся всѣ нравственныя условія демократическаго общества [1]). Но въ наши дни эта мысль о необходимости воспитанія для созданія болѣе совершенныхъ общественныхъ формъ получила особенное значеніе въ связи съ послѣдовавшимъ расширеніемъ политической программы Съ тѣхъ поръ какъ соціальныя реформы изъ сферы теоретическихъ мечтаній перешли въ область практическаго осуществленія и по мѣрѣ того, какъ постепенно открывающіеся горизонты будущаго обнаруживали впереди не одни блестящіе успѣхи, но и величайшія затрудненія, для сторонниковъ соціальнаго прогресса становилось все болѣе яснымъ, что одними средствами политики и права не преодолѣть этихъ затрудненій. Становилось яснымъ, что эти новыя задачи правового государства болѣе, чѣмъ какія-либо иныя требуютъ подкрѣпленія и поддержки со стороны факторовъ нравственныхъ, средствъ воспитанія и всякихъ способовъ общественнаго воздѣйствія на умы и характеры людей, долженствующихъ свободными усиліями воли создать болѣе совершенное общество. Положеніе—„avant tout les hommes, les citoyens, le peuple lui-même“ получало тутъ особенную силу.

Но быть можетъ ни въ какомъ другомъ изъ современныхъ французскихъ ученій эта идея о необходимости воспитанія людей въ духѣ общественнаго долга не нашла столь яркаго выраженія, какъ въ ученіи о солидарности. Это слово стало краткимъ символомъ той эволюціи, которую французская политическая мысль прошла за послѣднее столѣтіе, результатомъ опыта, сдѣланнаго за это время, и

---

[1]) См. Schatz., L'individualisme économique et social. P. 301.

основаніемъ программы, которую необходимо выполнить впереди. Самый терминъ „солидарность“ давно уже употреблялся во французской литературѣ: его можно встрѣтить у Сэя и Бастіа, Прудона и Леру. Бодрильяръ примѣнилъ этотъ терминъ къ экономическимъ явленіямъ и говорилъ объ „экономической солидарности“, Контъ ввелъ его въ соціологію. Въ болѣе близкое къ намъ время Маріонъ, Жидъ и Дюркгеймъ подвергли понятіе солидарности болѣе точному анализу въ области моральной философіи, политической экономіи и соціологіи [1]). Но только съ 1897 года, съ тѣхъ поръ какъ появилась небольшая книжка Буржуа „Солидарность“, связавшая научный смыслъ этого понятія съ настоятельными потребностями жизни, прежній отвлеченный терминъ сталъ жизненнымъ лозунгомъ и получилъ самое широкое распространеніе. Во время выставки 1900 года въ Парижѣ состоялся первый конгрессъ соціальнаго воспитанія, собравшійся подъ знаменемъ идеи солидарности [2]). Въ 1901 г. были впервые организованы спеціальныя лекціи по „философіи солидарности“ при высшей школѣ соціальныхъ наукъ [3]). Въ настоящее время существуетъ уже обширная литература по этому предмету, а самый лозунгъ проникъ широко въ общій оборотъ понятій; какъ свидѣтельствуетъ Дюги, его повторяетъ въ наши дни каждый деревенскій политикъ [4]).

Однако, читая французскіе трактаты и статьи, посвященные разъясненію понятія солидарности, не сразу воз-

---

[1]) Болѣе подробныя указанія по исторіи термина „солидарность“ даются въ статьяхъ: D'Eichtal, Solidarité sociale et solidarisme въ Rev. politique et parlem. 1903 T. XXXVII, pp 98—99 и Bouglé, L'évolution du solidarisme въ томъ же журн. 1903 T. XXXV, pp. 480—482.

[2]) Труды этого конгресса составили обширный томъ: Congres international de l'Education sociale 26—30 Septembre 1900. Paris 1901.

[3]) Эти лекціи были напечатаны подъ заглавіемъ: Essai d'une philosophie de la solidarite (École des Hautes Etudes Sociales, 1901 — 1902). Я имѣлъ подъ руками второе изданіе—Paris 1908. P 8.

[4]) Въ своемъ новомъ трудѣ. Le droit Social, le droit individuel et les transformations de l'Etat. Paris 1908. P. 8.

можно составить точное представленіе о философскомъ и практическомъ значеніи этого понятія [1]). Получается впечатлѣніе, что тутъ дѣйствительно предлагается нѣчто новое и важное, чего не было въ старой индивидуалистической доктринѣ, но что именно, это приходится вывести и установить путемъ сопоставленія идеи солидарности съ общими теченіями времени. Опредѣленія этой идеи у ея главнѣйшихъ представителей, какъ, напримѣръ, у Буржуа и Дюги, остаются столь же запутанными и противорѣчивыми, какими они были во время Конта. Въ самомъ дѣлѣ, что можно понять, когда съ одной стороны намъ говорятъ, что солидарность есть *фактъ* и что вытекающее отсюда правило поведенія внушается человѣку *силою вещей* (par la force même des choses), а съ другой—что солидарность есть долгъ, еще не проведенный ни въ доктринахъ, ни въ учрежденіяхъ [2]). Или что можно вывести изъ утвержденій,

---

[1]) Для ознакомленія съ практической стороной доктрины солидарности наибольшее значеніе имѣютъ доклады и протоколы конгресса 1900 г., собранные въ упомянутомъ выше изданіи Congres international de l'Education Sociale". Краткое изложеніе работъ конгресса въ официальномъ изданіи: Congres international de l'Education Sociale. — Procès-verbal sommaire. Par M-me Anna—M. Yon-Lamperière. Paris 1902. Извлеченія изъ преній конгресса, касающіяся доклада Буржуа, какъ и самый докладъ напечатаны въ приложеніяхъ къ послѣднимъ изданіямъ трактата: Solidarité (въ настоящее время появилось уже 6-е изданіе 1907 г.). Изъ критической литературы о солидаризмѣ болѣе цѣнными представляются этюды Бугле: упомянутая статья его въ Rev. polit et parlem. (1903), глава III въ сочиненіи: La Démocratie devant la science (1904): Libre concurrence et solidarisme, сборникъ статей: Solidarisme et libéralisme и особенно позднѣйшій трудъ: Le Solidarisme (Paris 1907). Сборникъ: Essai d'une philosophie de le Solidarité.—Conférences et discussions presidées par Léon Bourgeois, Alfred Croiset—не представляетъ ничего цѣльнаго, хотя и имѣетъ извѣстный интересъ для выясненія сущности доктрины. Появившіяся въ 1907 г. сочиненія: Duprat, La solidarité sociale, ses causes, son évolution, ses conséquences и Fleurant, Sur la solidarité—носятъ характеръ скорѣе элементарныхъ руководствъ, чѣмъ научныхъ изслѣдованій.— Протоколовъ послѣдняго конгресса дѣятелей по соціальному воспитанію, имѣвшаго мѣсто въ Бордо осенью 1908 г., я не могъ получить своевременно.

[2]) См. опредѣленія Duguit, Le droit constitutionnel. Paris 1907. §§ 5, 6, 7. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ (Le droit social, le droit individuel...) Дюги отказывается отъ термина солидарность, въ виду того что онъ сталъ слишкомъ избитымъ („il n'y a pas de politicien de village qui ne parle de la solida-

что солидарность есть въ одно и тоже время и объективное *основаніе* идеи братства и равенства, и новый членъ, долженствующій быть вставленнымъ въ старую французскую формулу *наряду* съ идеями свободы, равенства и братства [1]). Мы не будемъ спорить съ тѣмъ, что солидарность есть фактъ Несомнѣнно, она представляетъ собою повелительный законъ жизни, связывающій людей одинаково и въ силу ихъ сходства, и въ виду ихъ различій и осуществляющійся ходомъ вещей, независимо отъ ихъ добрыхъ желаній и нравственныхъ обязанностей. Возрастающая солидарность человѣчества, соединяющая неразрывными узами отдаленнѣйшіе народы, есть явленіе, утверждающее себя, такъ сказать, само собою, въ силу необходимости и безъ всякихъ къ тому призывовъ. Но если солидарность есть также и долгъ, къ которому еще надо подготовить людей при помощи особой воспитательной системы и путемъ организаціи особыхъ обществъ, то очевидно, это есть *нѣчто иное и новое*, чѣмъ тотъ фактъ солидарности, къ которому никого не надо готовить и который осуществляется силою вещей. Съ другой стороны, мы вполнѣ допускаемъ, что по сравненію съ старымъ пониманіемъ идей свободы, равенства и братства принципъ солидарности содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя требованія; но если въ то же время солидарность является основаніемъ равенства и братства, она имѣетъ, слѣдовательно, и *нѣчто общее* съ ними. Говоря иначе солидарность есть понятіе сложное и многостороннее, и

---

nité sociale, sans comprendre au reste la portée de ces mots—p. 81). Онъ предпочитаетъ употреблять новое выраженіе: l'interdépendance sociale. Едва ли можно признать удачнымъ это нововведеніе, такъ какъ слово interdépendance оттѣняетъ болѣе объективную зависимость членовъ общества другъ отъ друга, чѣмъ ту моральную связь, которая гораздо рельефнѣе подчеркивается терминомъ солидарность.

[1]) См. у Буржуа, въ его книгѣ Solidarité. Appendices. (Sixième édition). p. 192 (объ отношеніи солидарности и братства), 200 (выведеніе требованія равенства изъ идеи солидарности), 211. Въ русскомъ переводѣ, появившемся въ 1899 г. и сдѣланномъ г Никитинымъ съ перваго изданія книги Буржуа 1897 г, нѣтъ приложеній, которыя представляютъ однако еще болѣе интереса, чѣмъ самый трактатъ.

для того чтобы уяснить себѣ, что новаго оно въ себѣ заключаетъ, какъ доктрина практическая и современная, необходимо произвесть анализъ и извлечь изъ опредѣленій французскихъ писателей то, что сами они не всегда выражаютъ съ должной ясностью. Мы будемъ итти путемъ выдѣленія изъ ученія о солидарности тѣхъ элементовъ, которые представляются намъ или не новыми, или не самостоятельными, которые присущи другимъ ученіямъ и встрѣчаются въ связи съ иными понятіями.

Произведя этотъ анализъ, мы прежде всего должны откинуть изъ разбираемаго ученія представленіе о той естественной солидарности, которая осуществляется между людьми силою вещей, въ виду того простого факта, что человѣкъ есть „животное общественное“. Это элементарное представленіе, извѣстное общественной философіи со временъ Аристотеля, не нуждалось, конечно, въ новой доктринѣ для своего обоснованія. Если же оно само должно служить обоснованіемъ новой доктрины и съ этой цѣлью воспроизводится въ ней, то надо сказать, что въ этомъ качествѣ оно является недостаточнымъ: изъ факта солидарности нельзя вывести соціальнаго долга, о которомъ говоритъ доктрина. Напротивъ, одно то обстоятельство, что этотъ долгъ надо внушать при помощи воспитанія и разъяснять путемъ доктрины, показываетъ, что фактъ естественной солидарности, осуществляющійся силою вещей, самъ по себѣ не способенъ произвести того результата, который представляется желательнымъ съ нравственной точки зрѣнія. И дѣйствительно, соціальный долгъ не есть продуктъ естественныхъ соотношеній, вытекающій изъ нихъ, какъ слѣдствіе изъ своей причины; это требованіе нравственнаго сознанія, ставящаго предъ собой задачи, еще не осуществленныя и не осуществляющіяся простой силою вещей. Утверждать, что этотъ долгъ вытекаетъ для каждаго изъ естественной связи его съ остальными, значило бы повторять старую ошибку утилитаризма, предполагавшаго постоянное и естественное совпаденіе

личнаго интереса съ общимъ. Энергическій языкъ нѣкоторыхъ сторонниковъ солидаризма, требующихъ, напримѣръ, искоренить въ людяхъ эгоизмъ, какъ проявленіе „моральнаго кретинизма“ [1]), показываетъ, что рѣчь идетъ здѣсь не объ однихъ естественныхъ фактахъ и свойствахъ людей. Тутъ замѣчается очевидное недоразумѣніе со стороны главныхъ представителей доктрины, и на это недоразумѣніе не разъ было указано во французской литературѣ. Сеайль, Бугле, Круазе, Малаперъ, Флеранъ, Эргардтъ и другіе отмѣтили недостаточность ученія, выводящаго общественный идеалъ изъ фактическихъ отношеній [2]). Самъ Буржуа въ позднѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ призналъ различіе между солидарностью-фактомъ и солидарностью-долгомъ [3]). Неясность, свойственная въ этомъ отношеніи французской доктринѣ, объясняется ея происхожденіемъ изъ основъ позитивизма, смѣшивающаго біологическія и соціологическія данныя съ требованіями морали. Для приверженцевъ позитивизма представлялось крайне заманчивымъ дать идеѣ нравственной солидарности точное научное выраженіе, утвердить ее на фактахъ опыта. Но это стремленіе, не осуществимое по свойству задачи, приводитъ только къ путаницѣ понятій.

Переходя теперь къ другому элементу, который необходимо устранить изъ разсматриваемой доктрины, мы должны коснуться ея отношенія къ старой формулѣ свободы, равенства и братства. Въ преніяхъ на конгрессѣ соціальнаго

---

[1]) Congres intern. de l'Éducation Sociale. Paris 1901. P. 113—изъ доклада Jules Payot.

[2]) Séailles, Les affirmations de la conscience moderne. Paris 1906. Pp. 180—181. Bougle, Le Solidarisme, pp. 44—48—Croiset въ предисловіи къ Essai d'une philosophie de la solidarité, pp. VI—VII.—Malapert въ очень удачныхъ возраженіяхъ по поводу доктрины Буржуа съ указаніемъ его отступленій отъ почвы естественной солидарности—Essai d'une phil. de la solidarite, pp. 19—23, ср. pp. 9—10.—Fleurant, Sur la solidarité, pp. 173—176, ср. p. 243.—Ehrhardt, La crise actuelle de la philosophie du droit. Paris 1908. Pp. 162—163.

[3]) Essai d'une phil. de la solidarite, p. 13. Нельзя не сказать, однако, что полной ясности въ этомъ пунктѣ Буржуа не достигнулъ, какъ это видно изъ его отвѣта своему оппоненту.

воспитанія въ 1900 г. по поводу доклада Буржуа на этотъ счетъ возникли недоразумѣнія. Докладчикъ нѣсколько разъ возвращался къ этому вопросу, но въ результатѣ онъ не столько разъяснилъ его, сколько запуталъ. Не будемъ требовать точности научныхъ опредѣленій отъ бѣглыхъ преній конгресса; но если бы мы захотѣли найти эту точность въ самомъ трактатѣ Буржуа или въ какомъ-либо иномъ сочиненіи, касающемся этой темы, мы все равно остались бы неудовлетворенными. Получается впечатлѣніе, что вопросъ этотъ не выясненъ во французской доктринѣ. Я объясняю этимъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что у нѣкоторыхъ сторонниковъ солидаризма замѣчается стремленіе противопоставить его индивидуализму, какъ будто бы между ними не было возможно сочетаніе. Такова точка зрѣнія Дюги. Однако, изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ у французскихъ авторовъ можно вывести заключеніе, что предположеніе Буржуа, будто бы понятіе солидарности должно быть прибавлено къ трехчленной формулѣ столь же несостоятельно, какъ и другое его толкованіе, что оно должно замѣнить собою понятіе братства. Совокупность тѣхъ послѣдствій, которыя самъ Буржуа связываетъ съ новымъ лозунгомъ, относится не къ какому-либо одному изъ членовъ старой формулы, а ко всѣмъ имъ одинаково; а потому и самый этотъ лозунгъ не можетъ быть поставленъ ни рядомъ съ ними, ни взамѣнъ одного изъ нихъ: въ извѣстномъ смыслѣ онъ всѣ ихъ покрываетъ [1]). Намъ кажется поэтому болѣе правильной мысль Буржуа, хотя и высказанная имъ въ видѣ вопроса въ предисловіи, что слово солидарность служитъ указаніемъ эволюціи всеобщей мысли. Оно обозначаетъ то расширеніе, которое всѣ прежнія политическія понятія получили въ наше время. Необходимо устранить такимъ образомъ изъ доктрины солидаризма представленіе, будто бы понятіе солидарности представляетъ собою новый членъ старой формулы, который можно прибавить къ ней меха-

[1]) Ср. однохарактерное истолкованіе идеи братства у Fleurant, Sur la solidarité. Appendice. De la fraternité. P 249.

нически, путемъ простой приписки слова. Дѣло въ томъ, что и прежніе члены не остались неизмѣнными: ихъ измѣненіе совершилось подъ вліяніемъ той эволюціи, которая кратко обозначается лозунгомъ солидарность. Тѣ послѣдствія, которыя выводятся изъ этого лозунга, если и могутъ быть сведены къ нему, какъ къ символу общей эволюціи мысли, то вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть пріурочены и къ основнымъ терминамъ равенства и свободы. Англійскій либерализмъ, какъ мы видѣли, произвелъ расширеніе своихъ понятій, не прибѣгая къ термину солидарность. Точно также и новый французскій либерализмъ, съ которымъ мы ознакомились изъ статей сотрудниковъ „Révue de Métaphysique et de Morale“, вноситъ всѣ новыя требованія въ старые термины индивидуализма. Нельзя поэтому утверждать, что солидаризмъ является на мѣсто индивидуализма; напротивъ, новый индивидуализмъ проникнутъ идеей солидарности и не менѣе солидаризма противоположенъ старому индивидуалистическому ученію.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы попытаемся выяснить, какія именно практическія послѣдствія выводятся сторонниками солидаризма изъ своей доктрины, то мы убѣдимся, что эти послѣдствія, поскольку они касаются политической области, всецѣло сводятся къ индивидуалистическимъ началамъ равенства и свободы. Дюги, напримѣръ, считаетъ основнымъ преимуществомъ солидаризма то, что изъ него можно вывести не только отрицательныя требованія въ отношеніи къ государству, но также и положительныя: индивидуализмъ можетъ утверждать только *моральную обязанность* государства оказывать помощь, доставлять образованіе, обезпечивать трудъ, тогда какъ солидаризмъ даетъ для этихъ обязательствъ *юридическое основаніе* [1]). Ошибка Дюги заклю-

[1]) См. Duguit, Droit constitutionnel, pp. 8, 649. Доказывая невозможность выведенія положительныхъ обязательствъ изъ индивидуализма, Дюги ссылается на нео-индивидуализмъ Анри Мишеля (p. 649). Мы видѣли, что Мишель дѣйствительно не даетъ необходимаго расширенія индивидуализма, но именно потому ссылка на него и не является убѣдительной.

чается въ томъ, что онъ беретъ индивидуализмъ въ его старомъ видѣ, не предполагая возможности расширенія его основныхъ началъ, между тѣмъ какъ это расширеніе, какъ мы видѣли, признано необходимымъ и англійскими и французскими индивидуалистами. Новыя опредѣленія равенства и свободы даютъ возможность вывести изъ нихъ положительныя юридическія обязательства съ такой же логической послѣдовательностью, какъ и отрицательныя, и во всякомъ случаѣ не съ меньшей, чѣмъ они выводятся изъ принципа солидарности.

Если отъ Дюги мы обратимся къ Буржуа, мы еще болѣе укрѣпимся въ нашемъ взглядѣ. На конгрессѣ соціальнаго воспитанія въ 1900 году Буржуа изложилъ свою доктрину въ видѣ краткихъ и хорошо продуманныхъ положеній, которыя съ небольшими поправками были одобрены и участниками собранія. Разсматривая эти положенія, мы видимъ, что новыя требованія, которыя докладчикъ признаетъ вытекающими изъ „Факта солидарности“, относятся къ расширенію понятій справедливости или равенства, — что, по словамъ Буржуа, одно и то же—и къ соотвѣтственному расширенію понятія свободы [1]). Изъ доклада и преній мы узнаемъ, что практическимъ послѣдствіемъ этого расширенія является программа соціальныхъ реформъ [2]). Когда Буржуа говоритъ о необходимости увеличенія совокупности соціальныхъ средствъ, съ помощью которыхъ можно было бы полнѣе осуществить справедливость, онъ не имѣетъ въ виду ничего иного, кромѣ соціальной политики, обезпечивающей гражданамъ право на достойное существованіе и равенство исходнаго пункта. Все это можетъ быть выведено изъ началъ индивидуализма.

Выдѣляя изъ доктрины солидарности и этотъ элементъ, не представляющій ея самостоятельной принадлежности, мы получаемъ, наконецъ, то, что составляетъ ея сущность,

---

[1]) Bourgeois, o c. pp. 216—219, 192 (о равенствѣ).

[2]) Ibid., pp 200—203, 208.—Ср. также сборникъ Les applications sociales de la Solidarité. Paris 1904.

ея руководящій принципъ и что даетъ намъ возможность раскрыть современный характеръ этой доктрины, ея внутренній смыслъ и ея широкое распространеніе. Я нахожу искомую разгадку въ трехъ послѣднихъ положеніяхъ доклада Буржуа, которыя гласятъ:

Никакое законодательное распоряженіе не было бы достаточно для того, чтобы... обезпечить точную уплату соціальнаго долга; во всѣхъ актахъ жизни необходимо согласіе каждаго изъ насъ.

Быть готовымъ соглашаться на всѣ акты уплаты соціальнаго обязательства это значитъ поистинѣ быть членомъ человѣческаго общества и существомъ общественнымъ.

Предметъ воспитанія заключается въ томъ, чтобы создать въ насъ существо общественное—„de créer en nous l'être social“ [1]).

---

[1]) Ibid, p. 219 Въ трудахъ конгресса эти положенія находятся на стр. 357 и пренія по докладу Буржуа изложены болѣе полно (pp. 327—357)—Анализируя понятіе солидарности, я оставилъ безъ разсмотрѣнія явно неудачную мысль Буржуа свести вытекающія изъ этого понятія обязанности къ категоріи юридическаго долга и квази-договорныхъ отношеній. На конгрессѣ соціальнаго воспитанія эта мысль была встрѣчена недоумѣніемъ. Бюиссонъ, возражая Буржуа, хорошо разъяснилъ, что странно говорить о долгѣ въ юридическомъ смыслѣ, если его нельзя точно вычислить, и если отдѣльныя лица, на которыхъ онъ возлагается, не уплачиваютъ его сами, такъ какъ уплата производится обществомъ (въ книгѣ Буржуа—Appendices, pp. 192—194, 206—207, 209, 217) Буржуа не могъ отвѣтить ни на эти неопровержимыя возраженія Бюиссона, ни на недоумѣвающій вопросъ одного изъ членовъ собранія: „кто же обяжетъ отдѣльныхъ лицъ платить этотъ долгъ“ (p. 196). Какъ было ясно для многихъ, рѣчь шла не о юридическомъ долгѣ (dette), а о нравственной обязанности (devoir)—содѣйствовать соціальному прогрессу. По поводу неудачной мысли Буржуа Шатцъ остроумно замѣчаетъ: „Il n'est pas aisé de définir le contenu précis des obligations que nous avons contractées à notre insu, ni d'en obtenir l'exécution Il y faudrait une juridiction compétente et désintéressée jusqu'ici inconnue“. (L'individualisme économique et social, p. 422). Ср также замѣчанія д'Эйхталя, въ связи съ разборомъ статей 1370—1371 Code civil—Rev polit et parl. 1903. T. XXXVII, pp. 104—105; аналогичныя замѣчанія у Ehrhardt, La crise actuelle de la philosophie du droit, pp. 162—163. Отрицательное отношеніе къ идеѣ Буржуа находимъ также у Duguit, Le droit social, le droit individuel .., p. 8.—Въ защиту Буржуа выступаетъ Brunot въ докладѣ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ—Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques 1903. T. LX, pp. 321

Намѣчая для конгресса общественнаго воспитанія эту спеціальную задачу, которую могли бы взять на себя его участники, эти положенія раскрываютъ и сущность того движенія, которое подъ знаменемъ солидарности совершается въ наши дни. Объясненіе заключается въ томъ, что одинъ фактъ солидарности самъ по себѣ не порождаетъ у всѣхъ готовности къ соціальнымъ реформамъ. Нужна пропаганда и проповѣдь, нужны конгрессы и общества соціальнаго воспитанія, чтобы подготовить людей къ высшей справедливости, чтобы сдѣлать изъ нихъ существа общественныя. Нужно, чтобы чувство солидарности проникло въ сердце человѣка, чтобы счастливые міра пришли къ этому чувству, и тогда соціальный вопросъ будетъ ближе къ своему разрѣшенію [1]). Въ этомъ смыслѣ Буржуа говоритъ, что къ декларации правъ необходимо прибавить декларацію обязанностей, что необходимо каждому проникнуться сознаніемъ своего долга по отношенію къ обществу [2]). Современное государство для того, чтобы предохранить себя отъ революціонныхъ потрясеній, должно осуществить справедливость; тогда замолкнетъ ненависть и воцарится миръ: „faisons la justice et la haine se taira; faisons la justice et la paix régnera“ [3]). Но утвержденіе справедливости не должно быть насильственнымъ: оно „предполагаетъ прежде всего согласіе всѣхъ на правильныя условія общественной жизни“. Въ этомъ корень проблемы, и потому „соціальная проблема есть въ концѣ концовъ проблема воспитанія“ [4]). Осуществленіе совершеннаго общества есть проблема вѣчная, потому что цѣль совершенствованія лежитъ въ без-

---

et suiv. Здѣсь же компетентныя возраженія Глассона, pp. 426—430. Однохарактерный обмѣнъ мнѣній между Дарлю и Андлеромъ въ Revue de Métaph et de Morale. T. V 1897.—Интересное освѣщеніе мотивовъ, которые заставляютъ сторонниковъ солидаризма стремиться къ юридическимъ опредѣленіямъ см. у Bouglé, Le solidarisme, ch. III.

[1]) Clemenceau, La mêlée sociale, pp. 342—343, 98—99, 325, 357.

[2]) Bourgeois, Solidarité, Appendices, p. 210.

[3]) Ibid., p. 251.

[4]) Ibid., pp. 181—182

конечности [1]), но приблизиться къ ея разрѣшенію возможно лишь путемъ утвержденія среди людей чувства общей связи и взаимной зависимости. Понятно, что на конгрессѣ соціальнаго воспитанія центральное значеніе принадлежало сужденіямъ о „средствахъ распространенія идеи солидарности при помощи обученія и при посредствѣ изящныхъ искусствъ“ и о „практическихъ примѣненіяхъ идеи солидарности“. Понятно, что выдвинуты были всѣ воспитательныя средства до музыки и скульптуры включительно, для того чтобы создать планъ идеальнаго общественнаго воспитанія въ духѣ солидарности [2]).

На конгрессѣ 1901 года Буржуа назвалъ эту мысль о воспитаніи „первой мыслью конгресса и его заключеніемъ“. Мы можемъ сказать также, что это—первая и заключительная мысль всей доктрины солидарности: здѣсь именно можно видѣть ея глубочайшую связь съ современной эпохой. Начертавъ планъ широкихъ соціальныхъ преобразованій, увидѣли, что люди готовы къ нимъ еще менѣе, чѣмъ учрежденія, что чувства, привитыя человѣку культурой, нуждаются въ новомъ расширеніи и подъемѣ. И здѣсь-то вспомнили третій членъ революціонной формулы—забытую въ свое время идею братства [3]), для того чтобы новой

---

[1]) Ibid., p. 204

[2]) См чрезвычайно интересные доклады и преніи на конгрессѣ 1900 г. въ изданіи Congres international de l'Education Sociale.

[3]) Буржуа справедливо указываетъ, что революція, установивъ организацію, соотвѣтствующую началамъ свободы и равенства, разсматривала братство, какъ высшее чувство, ускользающее отъ вмѣшательства положительнаго закона (Ibid., p. 234). Изъ изслѣдованія Олара мы знаемъ, что общества, основывавшіяся въ эпоху революціи подъ именемъ братствъ (societés fraternelles), имѣли цѣлью только пропаганду демократическихъ началъ и главнымъ образомъ начала всеобщаго голосованія. См. Aulard, Histoire politique de la révolution française, p. 95 et suiv.—Что касается конституціонныхъ актовъ этой эпохи, то терминъ „братство“, сколько мнѣ извѣстно, встрѣчается лишь въ I титулѣ (Titre I) конституціи 1791 года и въ аналогичной статьѣ конституціи III года (art. 301) въ связи съ упоминаніемъ о предполагаемомъ установленіи національныхъ празднествъ: „qu'il sera établi des fêtes nationales pour conserver le souvenir de la revolution française, entretenir la fraternité entre les citoyens“. . Duguit et Monnier, pp. 5,111. О томъ,

пропагандой связующихъ людей началъ подготовить ихъ къ лучшему будущему. Но возрождая эту идею, ей хотятъ придать новый характеръ, болѣе широкій и, такъ сказать, болѣе положительный и практическій. Идея братства имѣла оттѣнокъ субъективный и интимный, указывающій на близость, подобную семейной, на чувство какъ бы родственное; тогда какъ принципъ солидарности стремится внушить людямъ сознаніе ихъ объективной связи, вытекающей изъ фактовъ соціальной жизни и велѣній нравственнаго закона, а слѣдовательно и поддающейся, хотя въ извѣстной мѣрѣ, объективнымъ опредѣленіямъ въ нормахъ права [1]). Никогда, быть можетъ, такъ, какъ теперь,—когда предъ европейскимъ обществомъ развертывается практическій планъ соціальныхъ преобразованій,—не чувствовалась недостаточность чисто правовыхъ началъ и необходимость подкрѣпить ихъ воздѣйствіемъ нравственныхъ факторовъ. Въ ту эпоху, когда выдвигались на первый планъ отрицательныя задачи политики,—задачи внѣшняго охраненія государства и гражданъ, казалось, что общество можетъ отлично устроить свои внѣшнія отношенія на одномъ правовомъ началѣ. Тогда легко могла создаться утопія Фихте, считавшаго возможнымъ установить столь твердый правовой строй, что онъ могъ бы сохраняться непоколебимымъ, даже если бы въ обществѣ „вовсе не было доброй воли". Можно сказать, что наше время выдвигаетъ взглядъ діаметрально противоположный этому: безъ болѣе прочныхъ нравственныхъ скрѣпъ общество обречено на потрясенія, можетъ быть на гибель. Это представленіе о современномъ соотношеніи правового и нравственнаго элементовъ очень удачно выражено словами русскаго писателя: „какъ всемогущество народнаго суверенитета требуетъ противовѣса въ созданіи неотчуждаемой области личныхъ правъ, такъ

какъ лозунгъ fraternité встрѣтилъ позднѣе, по мѣрѣ развитія революціи, препятствія къ своему распространенію, см. недавнюю статью Aulard, La devise „liberté, égalité, fraternité". „Revue polit. et littéraire" 5 septembre 1908. p. 299.

[1]) См. Bourgeois, Solidarité, pp, 155—156.

эти послѣднія должны свободно ограничиваться чувствомъ солидарности: область этого чувства всегда шире, чѣмъ область права, и при самомъ широкомъ пониманіи соціально-правовыхъ задачъ государства нельзя ожидать и даже желать исчезновенія этой разности; только незащищенныя внѣшней властью моральныя нормы могутъ служить коррективомъ къ защищаемымъ этой властью нормамъ права, а безъ такого корректива само право рано или поздно подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ конъюнктуръ осуждено на разрушеніе. Индивидуализмъ, отвергнувшій всякое обязывающее начало къ совмѣстной жизни членовъ общества, расчищаетъ путь къ полному отрицанію правъ индивидуума со стороны общества“ [1]). Изучая современныя общественныя настроенія, мы особенно ясно чувствуемъ и причины крушенія стараго индивидуализма, и успѣхъ новыхъ теорій, въ той или иной формѣ предлагающихъ его расширеніе и восполненіе. Въ особенности, изучая французскую политическую мысль, проникаешься сознаніемъ, что новый лозунгъ „солидарность“ не представляетъ для нея только „новаго слова или каприза языка“. Достаточно прочесть хотя бы извѣстные очерки Клемансо: „La mêlée sociale“, чтобы видѣть, какъ глубоко и сильно руководящіе умы современной Франціи чувствуютъ несовершенства ея соціальнаго строя, лишь болѣе рѣзко выступающія подъ внѣшнимъ парадомъ республиканскихъ формъ. У практиковъ и у теоретиковъ одинаково ярко сказывается убѣжденіе, что лишь путемъ укрѣпленія нравственныхъ основъ общества возможно предотвратить осложненія общественной жизни, которыя могутъ оказаться тѣмъ болѣе опасными, чѣмъ болѣе они будутъ неожиданными. „Режимъ деспотическій и разлагающійся, или режимъ анархическій и обреченный на революцію“ [2]),—вотъ что предрекаетъ впереди

---

[1]) С. А. Котляревскій въ чрезвычайно интересной статьѣ „Предпосылки демократіи“, „Вопр. Фил. и Псих.“, кн 77, стр. 122—123.

[2]) Deslandres, La crise de la science politique. Rev. du droit publ. Paris. 1900. p. 461. Для того, чтобы оцѣнить глубокое недовольство, проникающее

представитель науки государственнаго права и трезвый теоретикъ Деландръ,—если общество не будетъ спаяно болѣе крѣпкими узами нравственнаго общенія. Отсюда проповѣдь солидарности и требованіе общественнаго воспитанія гражданъ. Отсюда новое въ устахъ политическихъ писателей указаніе, что государство должно слѣдовать въ отношеніяхъ къ нуждающимся не только предписаніямъ закона, но также чувству доброты и состраданія [1]).

сужденія современныхъ французовъ о своихъ политическихъ учрежденіяхъ, слѣдуетъ обратиться къ произведенной въ 1908 г. анкетѣ о „кризисѣ парламентаризма", напечатанной на страницахъ журнала „La Revue hebdomadaire" (статьи Aynard, Thiébaud, Baudin, Denys Cochin, Fourniere, Paul Bourget), а также къ однохарактерной анкетѣ на страницахъ „La Revue" 15 Avril 1908, подъ заглавіемъ L'impuissance parlementaire (краткіе отзывы цѣлаго ряда политиковъ, философовъ, соціологовъ и выдающихся писателей современной Франціи). Въ этихъ анкетахъ очень много говорится о недостаткахъ политическихъ учрежденій, но въ этихъ сужденіяхъ о „парламентскомъ безсиліи" нерѣдко чувствуется безсиліе политической мысли найти выходъ изъ современнаго кризиса. Эйнаръ, кажется мнѣ, очень хорошо указалъ главное, что можно прочесть за всѣми этими многочисленными и разнообразными сужденіями: „notre politique est le miroir de notre état individuel et social. La solution des questions qui nous tiennent dans l'angoisse et avant tout *d'ordre moral*". La Revue hebdomadaire 25 Avril 1908. p. 424

[1]) См. напр Duguit, Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État. Paris 1908. P. 67, (по поводу соціальнаго законодательства). „Mais on doit l'avouer franchement, la loi d'interdépendance à elle seule est ici impuissante. Il faut quelque chose de plus, il faut de la pitié pour la souffrance humaine. Sentiment acquis ou sentiment inné, peu importe... il doit trouver place dans notre regime politique positif, qui doit saisir le tout de l'homme".— Ср. Clemenceau, La mêlée sociale.—Huitieme mille Paris 1908 P. 325 „La solution scientifique d' un probleme social est une belle chose, mais elle ne supprime pas la lutte: elle l'atténue, elle la réglemente, elle l'organise. La bonté va plus loin elle touche les coeurs. Qui sait quels sentiments ferait jaillir au coeur de la masse la bonte sociale, la bonté active d' un gouvernement, allant a eux sans gendarmes ni fusils, avec de la bonne volonté et le désir vrai, profond d'employer toute la force dont il dispose pour mettre un peu plus de justice dans ce monde".—Не ту же ли мысль выражалъ другой политическій дѣятель Розбери въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ то время, какъ онъ былъ первымъ министромъ (въ 1894 г.): I for one shall not despair some day to see a Minister, Prime or otherwise, who shall not scruple from time to time to come down from the platform of party and speak straight to the hearts of his fellow—countrymen... Th. F. G. Coates. Lord Rosebery, his life and speeches. Vol. II, p. 774.

Едва ли здѣсь надо разъяснять, что эти новыя требованія не только не колеблютъ индивидуализма, но лишь даютъ ему новое расширеніе и завершеніе. Вѣдь въ концѣ концовъ эти требованія и обращаются прежде всего къ личности, къ ея нравственному чувству и цѣлью своей ставятъ личность, ея возвышеніе и нравственное преуспѣяніе. Буржуа считаетъ правило Канта, согласно которому человѣкъ всегда долженъ разсматриваться какъ цѣль, а не какъ средство,—„основной максимой всякаго солидарнаго общенія". Понятіе человѣческой личности является для него „фундаментомъ всякаго истиннаго общества" [1]). Однохарактерное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе послѣдовательное сочетаніе солидаризма съ индивидуализмомъ даетъ Сеайль [2]). Съ этой точки зрѣнія новый терминъ: солидарность, подчеркивая, что у личности, кромѣ правъ, есть и обязанности, повторяетъ, конечно, очень старую истину, которой онъ однако хочетъ придать новое, доселѣ неясно сознававшееся значеніе: быть лозунгомъ общественныхъ преобразованій. Въ этомъ смыслѣ Буржуа считаетъ необходимымъ прибавить къ декларации правъ декларацію обязанностей. Но это открываетъ только другой аспектъ той же основной идеи личности, поскольку она обращается къ общенію съ себѣ подобными. Съ одной стороны она выступаетъ съ сознаніемъ своихъ правъ, съ требованіями свободы и равенства; но въ обществѣ эти права закрѣпляются ихъ взаимнымъ признаніемъ, здѣсь выступаетъ моментъ обязанности, который растетъ и расширяется вмѣстѣ съ расширеніемъ области права. Доктрина солидарности, утверждая отношенія лицъ на ихъ обязанностяхъ другъ къ другу, не только ясно обнаруживаетъ свое индивидуалистическое происхо-

[1]) Bourgeois, La solidarité, p. 243.

[2]) G. Séailles, Les affirmations de la conscience moderne, статья L'individualisme et la solidarité p. 168 et suiv. Можно указать здѣсь также на своеобразное „индивидуалистическое истолкованіе солидарности", которое мы находимъ у Шатца (L'individualisme économique et social, pp. 461, 426—427. Наконецъ, и Бугле видитъ въ солидаризмѣ только новую стадію индивидуализма—Rev. pol et parl. 1903. T. XXXV, p. 505.

жденіе, но въ качествѣ конструктивнаго пріема при обоснованіи права и государства тѣмъ послѣдовательнѣе даетъ возможность провести точку зрѣнія индивидуализма, что она позволяетъ вывести общественныя обязательства не изъ правъ, предъявляемыхъ намъ какимъ-то высшимъ, чѣмъ мы, существомъ,—обществомъ или государствомъ, а просто изъ обязанностей лицъ въ отношеніи другъ къ другу [1]). Въ этомъ смыслѣ принципъ солидарности легко и логически выводится изъ принципа личности, и въ присущемъ личности нравственномъ сознаніи находитъ то необходимое обоснованіе, которое напрасно было бы искать въ фактахъ общественной жизни.

Но такъ или иначе, въ философскомъ ли сочетаніи съ индивидуализмомъ или внѣ этого сочетанія, идея солидарности, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ, подчеркиваетъ и довершаетъ общую картину тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ политической мысли новѣйшаго времени. Обозрѣвая эти измѣненія въ ихъ совокупности, мы видимъ, насколько удалилась современная мысль отъ гармоническихъ схемъ XVIII столѣтія. Старый индивидуализмъ, обѣщавшій въ близкомъ будущемъ свѣтлыя и радостныя перспективы, потерпѣлъ крушеніе; а новыя воззрѣнія, пришедшія ему на смѣну, открываютъ впереди не гармонію земного блаженства, а длинный путь сложныхъ усилій и постепеннаго совершенствованія, предѣльная цѣль котораго лежитъ въ безконечности. Основной индивидуалистическій принципъ — понятіе личности — остался непоколебимымъ: мы могли открыть его и въ такихъ доктринахъ, которыя, повидимому, хотятъ итти новыми путями, разрывая съ традиціями индивидуализма. Но тѣ конкретныя требованія, которыя въ наше время выводятся изъ понятія личности, усложнились до чрезвычайности: послѣдовательное развитіе началъ, заложенныхъ въ этомъ понятіи, обнаружило не только ихъ

[1]) У Буржуа встрѣчаются иногда соотвѣтствующія опредѣленія, какъ, напр., p. 207: „la réciprocité des dettes de chacun envers tous que naît précisément la solidarité“...

безпредѣльность, но и ихъ противорѣчивость. Государство оказалось безсильнымъ удовлетворить эти требованія не только немедленно, но и въ предвидимомъ будущемъ. XVIII вѣкъ возложилъ всѣ надежды на исправленіе государства и его учрежденій, а теперь, какъ бы въ отвѣтъ на эти надежды, оказавшіяся тщетными, слышатся голоса: надо, чтобы прежде исправились сами люди,—avant tout les hommes, les citoyens, le peuple lui-même.

Мы какъ будто опять возвратились къ старой дилеммѣ, выражавшейся въ вопросѣ: что важнѣе, люди или учрежденія? Было бы однако ошибочно видѣть въ современномъ указаніи на значеніе общественнаго воспитанія простое повтореніе банальной истины, извѣстной еще предкамъ нашихъ предковъ. Здѣсь сказывается не простой результатъ обычныхъ наблюденій, ежедневно убѣждающихъ въ зависимости учрежденій отъ людей. Въ новомъ повтореніи извѣстной и ранѣе аксіомы чувствуется опытъ небывалаго по сложности вѣка,—признаніе, что лучшія учрежденія и лучшіе люди не приведутъ къ ожидаемому совершенству, если основной факторъ исторіи, составляющій душу и тѣло соціальнаго организма,—народъ въ его совокупности,—не возвысится къ новымъ нравственнымъ навыкамъ и чувствамъ.

Значитъ ли это, что у тѣхъ, кто высказываетъ подобные взгляды, послѣдовало разочарованіе въ учрежденіяхъ, въ правѣ, въ государствѣ? Я думаю, что предшествующее изложеніе позволяетъ отвѣтить на это отрицательно. Среди политическихъ дѣятелей и писателей, отрѣшившихся отъ вѣры въ волшебную силу учрежденій, попрежнему остается крѣпкой мысль, что учрежденія растутъ вмѣстѣ съ людьми, а люди совершенствуются вмѣстѣ съ учрежденіями. Но къ этой мысли присоединилось новое сознаніе, что правовыя учрежденія сами по себѣ не въ силахъ осуществить дѣйствительное преобразованіе общества и что они должны войти въ сочетаніе съ силами нравственными, для того чтобы достигнуть своей цѣли. Въ моментъ высша-

го торжества идеи права государство было провозглашено „земнымъ богомъ"; за нимъ признана была исключительная и всемогущая роль въ дѣлѣ нравственнаго прогресса. Опытъ XIX вѣка заставилъ отступить отъ этого взгляда къ болѣе скромному воззрѣнію. Для осуществленія поставленныхъ задачъ государство должно было призвать на помощь нравственные факторы. Однако, сведенное съ прежней высоты, утративъ свое божественное значеніе, оно сохранило практическую цѣнность необходимой и цѣлесообразной организаціи, оказывающей человѣчеству элементарныя, но незамѣнимыя услуги.

Въ самомъ началѣ настоящаго труда я сопоставилъ исканія современной политической мысли съ заключеніями древнегреческой философіи. Теперь мы имѣемъ новый поводъ вернуться къ этому сопоставленію и продолжить его. Подобно тому, какъ во времена Платона и Аристотеля выдвигалась идея общественнаго воспитанія, долженствующаго приготовить лучшихъ гражданъ, живущихъ въ согласіи съ государствомъ, такъ силою вещей эта идея возрождается и въ наши дни. Идея великая и плодотворная! Но принимая ее, мы должны помнить ея подлинное значеніе и практическіе предѣлы. Было бы самообольщеніемъ видѣть въ ней магическій ключъ, отпирающій всѣ двери, или разрѣшительное слово, указующее выходъ изъ всѣхъ затрудненій. При ближайшемъ анализѣ въ этомъ новомъ средствѣ можно обнаружить тѣ же противорѣчія, которыя присущи положенію, долженствующему быть исправленнымъ при его помощи. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ эта задача, которая опредѣляется ходячимъ французскимъ выраженіемъ — „сдѣлать изъ человѣка существо общественное", „faire l'être social"? Хотятъ ли этимъ сказать, что пришло время исполнить завѣтъ Руссо—„измѣнить человѣческую природу, превратить каждое лицо, составляющее само по себѣ совершенное и самобытное цѣлое, въ часть болѣе обширнаго цѣлаго"? Полагаютъ ли возможнымъ окончательно раціонализировать жизнь и водворить свѣтъ разума надъ темными и противо-

рѣчивыми стихіями общественнаго бытія? Если бы это было такъ, то слѣдовало бы сказать, что найденное разрѣшеніе задачи само по себѣ представляетъ задачу еще болѣе трудную. Но устраняя этотъ очевидно преувеличенный взглядъ, все же необходимо замѣтить, что поскольку воспитаніе должно обозначать не только естественное повышеніе культурнаго уровня лицъ, которое достигается медленнымъ процессомъ общаго развитія, а также и планомѣрную систему утвержденія въ сознаніи каждаго новыхъ навыковъ, мыслей и чувствъ, оно встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ непреодолимыхъ затрудненій. Самая лучшая воспитательная система достигаетъ своихъ цѣлей лишь медленно и отчасти, и притомъ лишь тамъ, гдѣ она проводится настойчиво и послѣдовательно и гдѣ она встрѣчаетъ подходящій воспитательный матеріалъ. Что же сказать о системѣ воспитанія общественнаго, которая подлежитъ неизбѣжнымъ колебаніямъ вслѣдствіе мѣняющихся взглядовъ руководителей, которая требуетъ сплоченныхъ кадровъ умѣлыхъ воспитателей и которая должна распространиться на весь народъ. Не придется ли здѣсь ограничиться тѣмъ, что вообще достижимо на этомъ пути,—возможнымъ распространеніемъ новыхъ идей и правилъ, поскольку оно поддерживается общимъ развитіемъ культуры и могущественнымъ вліяніемъ среды? Ожидать, что общественное воспитаніе исторгнетъ изъ человѣческой природы ея эгоистическія чувства и своекорыстныя стремленія, совершитъ чудо перерожденія человѣка, значило бы повторять старую иллюзію XVIII столѣтія. Если многовѣковое дѣйствіе христіанской проповѣди, неустанно обращающейся къ людямъ, не уничтожило среди нихъ раздоровъ и противорѣчій, какая иная проповѣдь этого достигнетъ. Внѣдряя въ людскія сердца добрыя сѣмена и нерѣдко порождая чудеса нравственной доблести, каждая нравственная проповѣдь будетъ встрѣчать предъ собою и почву каменистую и безплодную, воздѣлать которую, быть можетъ, выше человѣческихъ силъ.

Но идея общественнаго воспитанія имѣетъ еще и другую

весьма важную сторону. Возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ задача сдѣлать изъ человѣка „существо общественное“ съ потребностью самобытнаго развитія лицъ. Если бы новая система воспитанія поставила своей цѣлью дать гражданамъ нѣкоторый общій обликъ, запечатлѣть въ нихъ черты общаго типа, долженствующаго привести ихъ въ согласіе съ цѣлымъ, это была бы задача не только недостижимая, но и неправильная. Уже и теперь въ литературѣ слышатся рѣшительные протесты противъ попытокъ „соціализировать“ ребенка путемъ воспитанія, противъ стремленія создать неизмѣнный „коллективный характеръ“ въ ущербъ индивидуальному развитію. Среди современныхъ французскихъ писателей раздаются рѣшительные голоса противъ этихъ тенденцій. Гастонъ Ришаръ, Палантъ, Шатцъ энергически отстаиваютъ принципъ индивидуализаціи, указывая на его значеніе и съ точки зрѣнія общественной [1]). Палантъ, устрашенный возможной гипертрофіей общественнаго воспитанія, требуетъ даже для человѣка новаго права—„быть дурно воспитаннымъ“. Эти протесты, иногда впадающіе въ крайность, свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о томъ, что въ современномъ обществѣ, напоенномъ духомъ индивидуалистическихъ исканій, невозможно провести систему общественнаго воспитанія въ одностороннемъ направленіи. И въ самой этой системѣ должна повториться та же борьба началъ индивидуалистическаго и уравнительнаго, которая присуща всему ходу культуры; прививая будущимъ гражданамъ правила общественной жизни, эта система должна будетъ считаться съ ихъ индивидуальностью и поддерживать эту индивидуальность. А отсюда слѣдуетъ, что центръ тяжести она должна будетъ возложить не столько на механически-однообразное дѣйствіе внушенныхъ правилъ, сколько на свободныя усилія развитой личности. Послѣднее

[1]) G Richard, Sur les lois de la solidarité morale (въ журналѣ: Revue philosophique de la France et de l'Étranger. Paris, 1905 (LX). Pp. 459—465, 470—471).—G Palante, Combat pour l'Individu. Paris, 1904 Pp 156—171. Schatz, L'Individualisme économique et social, pp. 460—461.

слово все-таки должно остаться за свободой, а это опять поднимаетъ весь вопросъ о наилучшемъ устроеніи общества свободной дѣятельностью человѣка.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что новые просвѣты, открывающіеся предъ современнымъ обществомъ, не столько устраняютъ существующія затрудненія, сколько смягчаютъ ихъ. Лишній разъ мы убѣждаемся въ томъ, сколь глубоко коренятся эти затрудненія и сколь тщетно было бы стараться замѣнить ихъ безмятежной гармоніей всеобщаго согласія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и для достиженія тѣхъ возможныхъ перемѣнъ, которыя предстоятъ впереди, потребуется содѣйствіе лучшихъ сторонъ человѣческой природы и напряженіе всѣхъ нравственныхъ силъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ теперь въ полной мѣрѣ оцѣнить справедливость высказаннаго ранѣе положенія о предѣлахъ вліянія политическихъ организацій и ихъ вождей. Говоря о значеніи партій, о руководящей роли выдающихся партійныхъ дѣятелей, мы должны были сдѣлать оговорку, что руководить общественнымъ мнѣніемъ можно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это согласуется съ его болѣе глубокими потребностями и инстинктами. Все новѣйшее развитіе политической мысли убѣждаетъ въ томъ, съ какими глубокими затрудненіями, съ какими неуловимыми силами приходится считаться политическимъ дѣятелямъ. Это убѣжденіе хорошо выражено словами одного изъ нихъ: „политическое дѣйствіе является чаще искусствомъ слѣдовать, чѣмъ искусствомъ направлять“ [1]).

VIII. Заключеніе. Сущность кризиса современнаго правосознанія.

Длинный путь изслѣдованія, пройденный нами, даетъ возможность отвѣтить на вопросъ, поставленный въ началѣ этого труда. Что представляетъ собою кризисъ современ-

[1]) Clemenceau, „La mêlée sociale. P. 398.

наго правосознанія: полное крушеніе старыхъ началъ или ихъ необходимое видоизмѣненіе? Мы могли убѣдиться, что основныя начала,—тѣ, во имя которыхъ ранѣе совершалось движеніе впередъ, понятіе личности, принципы равенства и свободы,—остались въ силѣ. Но являясь попрежнему началами движущими и руководящими, они получили новое опредѣленіе и расширились въ содержаніи. Въ связи съ этимъ потерпѣли крушеніе тѣ простыя и гармоническія схемы, въ которыхъ пламенное воображеніе оптимистическаго вѣка хотѣло видѣть разрѣшеніе общественныхъ противорѣчій. Въ началѣ XX столѣтія не думаютъ болѣе, какъ въ концѣ XVIII, что государство обладаетъ силой совершать чудеса. Les miracles de la république,—какъ говорили въ то время,—слова чуждыя и непонятныя для современнаго слуха. Однако, политическая жизнь нашей эпохи стоитъ не предъ грудой развалинъ и бездной сомнѣній, а только предъ необозримой сложностью проблемъ и необходимостью чрезвычайныхъ усилій къ ихъ разрѣшенію. Предѣльные результаты этихъ усилій уходятъ въ безконечность, но, какъ мы видѣли, современная политическая мысль не видитъ въ этомъ причинъ къ отчаянію или бездѣйствію.

Политическая эволюція XIX вѣка, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, совершалась въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны постепенно падала вѣра въ возможность совершенной и безошибочно дѣйствующей государственной *организаціи*, съ другой стороны, *функціи* государства безконечно расширялись. Въ то время какъ отъ государства стали требовать несравненно болѣе, въ него стали вѣрить гораздо менѣе. На него возложили огромное бремя, открывшее передъ нимъ новую стадію развитія, и при этомъ съ него сняли ореолъ прежняго величія, возвѣщавшій ему впереди свѣтлыя перспективы всеобщаго удовлетворенія. Для людей практическаго дѣла это означаетъ только переходъ отъ мечтаній къ дѣйствительности, и вотъ почему, при всей трудности положенія, у нихъ не видно стремленія сложить руки и отступить предъ неизвѣстностью будущаго. Они

склонны скорѣе утверждать, что если въ государство вообще теперь вѣрятъ менѣе, чѣмъ прежде, въ томъ смыслѣ. что не ждутъ отъ него всеобщаго счастья, зато современному государству, ставшему ближе къ народу, болѣе довѣряютъ, чѣмъ государству прошлаго времени, и вслѣдствіе этого менѣе опасаются расширенія его задачъ. Худо ли, хорошо ли, но въ предѣлахъ для нихъ доступныхъ, политическіе дѣятели нашихъ дней энергично работаютъ надъ разрѣшеніемъ поставленныхъ вопросовъ съ увѣренностью, что они идутъ по вѣрному, хотя и медленному пути.

Однако, совершенно естественно, что слышатся и иные голоса. Если теоретики и сторонники правового государства признаютъ его безсиліе немедленно и до конца разрѣшить общественныя противорѣчія, удивительно ли, что его критики и противники говорятъ о его полной непригодности для идеальныхъ цѣлей. Если историческое развитіе государства въ его отношеніи къ запросамъ личности обнаруживаетъ его неспособность удовлетворить всѣ эти запросы, надо ли удивляться тому, что мысль ищетъ этого удовлетворенія въ представленіяхъ объ иныхъ формахъ жизни, что пылкіе человѣколюбцы снова хотятъ увлечь людей блаженствомъ соціалистическаго рая, свободой анархическаго быта, независимостью профессіональнаго федерализма, подвигомъ свободной теократіи. Но чего же ждать намъ отъ этихъ разнообразныхъ обѣщаній и стремленій? Въ какомъ отношеніи стоятъ они къ историческимъ путямъ государственной жизни? Проникнуты ли сами они прежней пылкостью надеждъ или и ихъ коснулось разлагающее дѣйствіе современнаго критицизма? Отвѣтить на эти вопросы возможно лишь при помощи подробнаго разсмотрѣнія упомянутыхъ представленій, въ связи съ изслѣдованіемъ общаго вопроса объ основаніяхъ и условіяхъ осуществленія общественнаго идеала. Это послужитъ задачей слѣдующей части настоящаго труда.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано	*Слѣдуетъ.*	*Стр.*	*Строка*
(L. II, ch. III)	(L. II, ch. IV)	23	10 сверху.
ольное	Невольное	53	3 снизу.
„Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 84, стр. 432.	Стр. 19	63	1 снизу.
„Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 84, стр 443.	Стр. 39	77	4 снизу.
партіи	партій	132	9 сверху.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Историческая школа юристовъ. М. 1896.

Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. М. 1901.